

фантастика
80

Фантастика-
80

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981



фантастика
80

84(2)7
Ф22

Составители:

А. Кузнецов,
В. Шкирятов

70302—011 239—80. 4700000000
Ф 078(02)—81



Повести и рассказы

Рассвет на Непрядве

Повесть *

1

В ту осень меня приняли на первый курс института в Москве. Приемные экзамены закончились, до начала занятий оставалось три дня, и мне вдруг нестерпимо захотелось домой — в деревню, в псковские леса, к родителям, к друзьям, к одной необыкновенной девушке.

Лес встретил шумом, шорохом сухой иглицы. За десять дней в городе я истосковался по родине, шел, шатаюсь, будто пьяный. Вот и деревня, вот и наш дом под тесовой крышей, отец возится с ружьем, мать идет с ведрами за водой... Увидела меня, бросила гремучие ведра.

От матери я узнал, что моя девушка выходит замуж в соседнюю деревню...

Не помня себя, добрел до поля, лег на копну, уткнулся лицом в горячее. Стало вдруг страшно. Так страшно, как было в войну, когда по мне и матери стрелял немецкий пулеметчик...

Смутно, словно издалека, долетел до меня чей-то голос. Пересилив себя, я привстал, а увидев, кто меня ищет, встал около копны...

Рядом со мной стояла хмурая женщина в темной юбке и черном платке, в мужском пиджаке, в яловых сапогах. Женщина, прихрамывая, подошла поближе. Левую руку держала неловко, будто птица подбитое крыло, в правой был холщовый узелок. Звали женщину Валентина-партизанка. В войну она жила в деревне за озером. Каратели сожгли деревню, а людей убили. Спаслась каким-то чудом одна Валентина. На ее глазах фашисты застрелили мать, сестру, брата и двоих детей Валентины — сына и дочку. Муж ее погиб в армии еще в сорок первом... У Валентины не осталось даже дальних родственников.

«Полная, круглая сирота...» — говорила о себе Валентина.

После страшного того дня она стала партизанкой. В дерев-

* За историко-фантастическую повесть «Рассвет на Непрядве» автор удостоен диплома Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского.

не говорили, что она искала смерти, но и сама смерть ее боялась. От матери я слышал, что Валентина часто ходит на то место, где была ее деревня, садится около двух молодых елочек, называет их именами сына и дочери. Даже когда она улыбалась, глаза ее оставались пасмурными.

— В Москву, говорят, едешь? — хмуро спросила меня Валентина. — Попросить хочу тебя очень...

Торопливо, зубами развязала она холщовый узелок.

— Вот, погляди!

В холстине лежали награды: орден Отечественной войны

II степени, медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Валентина отвернула уголок, и мне показалось, что рядом с наградами — раскаленный уголь, только что выхваченный из костра или печи.

На холстине лежал красный камень с медной цепочкой. Мой отец был учителем в деревне, он рассказывал, что такие камни-обереги были в древности у многих псковских воинов.

Валентина бережно взяла оберег, протянула мне.

— Говорят, он в двух страшных битвах побывал — на Чудском озере и на Куликовом поле... Далеко от Москвы Куликово поле?

— Не знаю... — пожал я плечами. — Наверное, не очень..

— В нашем роду оберег этот от отца к сыну передавали. Будто он от смерти спасает... Тот, что на Куликовом поле бился, так и не приехал на родину, раненый был, остался, а оберег с товарищем обратно послал. Мне это дедушка рассказывал, а он от своего деда слышал... Узнать бы, может, кто-то уцелел из нашего рода? Ну хоть одна живая душа?

Протыгивая оберег, Валентина смотрела с надеждой и болью. Я не мог не взять бесценную древнюю вещь.

— Не потеряй... — дрогнувшим голосом попросила Валентина.

В войну давнее время словно бы приблизилось; прошлые войны и битвы, показалось, были совсем недавно, встали в один ряд с Великой Отечественной. Оберег будил память...

Со мной была моя беда, я не мог забыть о ней ни на минуту, но огромное чужое горе заслонило эту беду, и она как-то вдруг потускнела. Острая боль ушла, осталась глухая, ровная...

2

Моим соседом по общежитию оказался кудрявый увалень с карими веселыми глазами. Звали его Антоном. Знакомясь, он так пожал мне руку, что я чуть не вскрикнул от боли. Появился Антон с огромным плетеным сундуком, который он нес без особых усилий, словно тот был пустым. Шел шестой послевоенный год, и одет мой новый знакомый был в армейские брюки и сшитую из трофейной шинели грубую куртку...

— Что это? Покажи, — заволновался Антон, случайно увидев оберег,

Я пересказал слышанное от Валентины.

— С Куликова поля? — Антон глянул на меня недоверчиво. — А разве псковичи были на Куликовом?

— Были. В Четвертой Новгородской летописи сказано: «Да еще к тому же подоспели в ту пору военную издалека великие князья Ольгердовичи, чтобы поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами и брат его князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами».

— Наизусть помнишь? — удивился Антон. — А много воинов послала Псковская земля?

— Наверное, много. Есть документы, что были воины из Пскова, Холма, Гдова и Острова.

Антон осторожно взял оберег, посмотрел его на просвет.

— Здорово. Видно облака, зарю, дым, какие-то холмы. погоди, я сейчас тоже чудо покажу.

Антон открыл плетеный сундук и что-то оттуда вытащил. Сначала мне показалось, что в руке у Антона ничего нет, но там оказался шар величиной с крупное яблоко неправдоподобной чистоты и прозрачности. Сбоку часть шара была сколота.

— А-а, «видящий» шар... — послышался голос с дальней кровати.

Свесив ноги, на койке сидел с книгой в руках лохматый четверокурсник в роговых очках.

— Где достали-то? — весело спросил очкастый. — Оберег — сердолик, а это вещь ценная — горный хрусталь.

— Это шар моего дяди, — сказал Антон. — Нашли школьники в овраге, а дядя Сергей был учителем, ему принесли. Посмотришь в шар, задумаешь что-то, задуманное и увидишь. Когда я был мальчишкой — все зайцев во сне видел, только они почему-то были голубые...

— А дядя что, любил минералогию? — Старшекурсник встал, бросил на кровать книгу.

— Нет, историю любил. Собирал древние вещи, материалы про Куликовскую битву. Наша деревня совсем рядом с Куликовом...

— Великолепный шар. В древности такие шары были у волхвов... — Четверокурсник бережно взял хрустальное чудо в руки. — Это же линза. Можно разжечь костер, прижечь рану. Волхвы смотрели в шар, видели прошлое и будущее.

— Я битву видел... во сне, — глухо сказал Антон. — Только сразу проснулся от ужаса.

— Игра воображения, — усмехнулся старшекурсник. — Впрочем, научно доказано, что возможна передача информации по наследству. Гены памяти. Потом это будет целой наукой. Жаль, вещь попорчена.

Очкастый вернул Антону шар, спросил весело:

— А съестного в корзине, кстати, не найдется?

Тронутый вниманием, Антон вывалил на стол целую гору провизии: полкаравая деревенского хлеба, кусок ветчины, кулек с ягодами, яблоки, полдюжины головок лука.

— Ну, спасибо, славяне, запируем!

В несколько минут бывалый студент расправился с провизией, нагрел на электроплитке огромный гвоздь, завил кок и, почистив одеялом ботинки, ушел в парк на танцы.

Мы с Антоном остались в комнате вдвоем.

— Антон, — спросил я, — а какое оно — Куликово поле?

— Обыкновенное. Только чувствуешь что-то такое. Жаркий день, а вдруг станет морозно. Понимаешь?

Я вспомнил, как отец взял меня на Чудское озеро и показал место великой битвы. Сидя в лодке, я долго смотрел в воду, словно на дне можно было увидеть древние щиты и мечи.

— Слушай, — оживился Антон, — айда в нашу деревню. В субботу махнем, к понедельнику вернемся. Может, и до вторника отпустят — только попроситься надо. Едешь, а?

— О чем разговор, это же здорово!

— Вот-вот... А оберег старикам покажем...

* * *

Общежитие размещалось в старинном доме с узкими окнами и низкими сводами. Вечером я читал книгу о Куликовской битве, и порой мне казалось, что вот-вот окажусь в неведомом давнем времени...

Но жизнь шла своим чередом.

На курсе и в общежитии мы с Антоном оказались моложе всех, оба выросли в деревне, оба писали стихи, и это нас крепко сдружило.

С виду Антон казался неловким и слишком уж добродушным, но, когда в воскресенье затеяли на спортплощадке футбольную игру, я не узнал товарища: Антон шел напролом, крушил, падал, вставал, рвался вперед, не чувствуя боли и усталости.

Все, кто приехал из деревни, робко держали себя на переходах, но Антона не пугали машины, он даже успел спасти расторопную женщину, которую чуть не сбил грузовик.

Кое-кто из студентов, поверив в свою взрослость, уже пил пиво, курил, Антон же все свободные деньги тратил на мороженое.

— И конфеты люблю, — признался Антон. — Понимаешь, у меня пять сестер и ни одного брата. Раньше даже говорил: «Я пошла. Я подумала...»

Антон первым понял мою боль и обиду. Но он позавидовал мне:

— А я даже не целовал ни одну. Пусть бы бросила, разлюбила.

Вздохнув, добавил:

— Это я, наверное, из-за сестер так к девушкам отношусь — нерешительно.

3

«Видящий» шар лежал на подоконнике. Вечерело. От зари шар стал розоватым, а когда она погасла, туманно заголубел. Случайно я положил рядом магнит, обычный магнит-подкову. И вдруг я увидел родные места. По холму шли воины в кольчугах, на воде покачивались белые точеные струги. Словно наяву я увидел лица воинов, тяжелые мечи и брусничные щиты...

Рядом со мной был мой товарищ, удивительно похожий на Антона. На нас были надеты кольчуги и шлемы, на бедре товарища висел меч, у меня оттягивал пояс тяжелый боевой топор.

— На Мамая идем! — товарищ улыбнулся, показав белые, как озерная пена, зубы.

Меня мучило горе: девушку, которую я любил, просватали купцу-немчину, и купец увез ее в неведомый заморский город.

Мать пела по вечерам о белоколых пленниках, которых увозили в полон вражеские струги. А сколько русских девушек увели в полон ненавистные татаро-монголы, сколько лет стонала от их разбоя полоненная земля! Лишь каменные крепости Пскова и Новгорода не решилось взять дикое войско степи.

Все, что я видел, происходило там, где я родился и вырос.

Я узнал реку, узнал желтую песчаную косу, валуны на берегу, темную тучу бора. В разрыве леса, на покатом берегу стояла деревянная крепость. Стены крепости были невысоки, за стенами теснились тесовые крыши, белой елкой поднималась каменная церквушка.

Под берегом стояла толпа народа. Лица людей казались знакомыми, но говорили люди так, как говорят на Псковщине древние старики, и одеты все вокруг были по-старинному. Женские и мужские одежды из беленого полотна, лишь священник весь в черном, вороном среди белых курпатовк...

Громко зазвонил колокол, и по реке покатались серебряные шары чистого звона.

Меня обнимала мать, в глазах у нее были слезы. Плакали и причитали женщины, сурово молчали мужчины.

Старая женщина протянула товарищу оберег — тот самый, я узнал сразу.

— Возьми... В битве, не в храме освящен. Помог ратнику на льду, поможет и тебе в чистом поле!

Воины медленно двинулись к стругу. Женщины хватали их за полы, становились на колени, ничком падали на песок.

В струге я оказался рядом с товарищем. Воины молчали, гудел льяной парус. Ослепила вода, поплыл мимо зеленый берег...

— Пойдем по рекам, — сказал товарищ. — Рыбьим путем...

Открыв глаза, я увидел, что ночь на исходе. Тускло, словно луна, на подоконнике светился «видящий» шар.

Я задумался, все еще переживая сон. Видимо, все так и было. Псковичи горячо откликнулись на призыв московского князя Дмитрия, вызвались помочь ему в битве с татарами. Без сомнения, псковичи приплыли, а не пришли к месту битвы. Могли они двигаться и путем птиц — пешком и на лошадях. Но путь этот был тяжел: мешали чащобы, болота, реки. Коням и всадникам нужен отдых, а под парусами можно идти днем и ночью. Осадка же древних стругов была такова, что они могли пройти даже по ручью, а на волоках струги легко передвигались по кладинам.

Видение древней Псковской земли так ошеломило меня, что ни о чем другом я уже не мог думать.

И снова увидел я узкую незнакомую реку. Ветра не было, плыли, отталкиваясь копьями. Мой товарищ с рогатиной шел вброд впереди головного, струга, мерил глубину, показывая, где плыть.

Река петляла, справа и слева теснились холмы, но еловых грив на холмах не было — лишь березовые рощи и дубравы. Незнакомые травы шумели по берегам, не по-северному щедро светило солнце.

Вдруг товарищ что-то заметил в кустах, бросился к берегу, вскинул рогатину, ударил в густую листву. На берег выскочил татарский лазутчик, пронзительно засвистел, подзывая коня. Со стругов начали прыгать воины, кто-то вырвал лук, пустил стрелу, но конь уже мчался к лазутчику. Правая рука татарина была ранена, болталась словно плетью-камча. Не останавливая коня, лазутчик на скаку прыгнул ему на спину, повис и так и умчался за рошчу.

Лицо друга стало темным от ярости. Вместе со мной он ходил на медведя, без промаха сажал зверя на рогатину. Медведь силен, страшен, но порой он медлит, а в татарском же разведчике было что-то рысье. В деревнях чудского поозерья медведей не боялись, но рысей береглись и самые отчаянные охотники.

— Рысь, оборотень, — только и сказал товарищ.

С трудом я открыл глаза. Хрусталь «видящего» шара, казался раскаленным, по комнате разливалось сияние... «Может быть, шар сконцентрировал биополе предков, — подумал я, — и теперь его действие передалось мне?»

На родину Антона мы приехали поздней ночью. Поезд пришел на станцию засветло, но на большак долго не было попутной машины, мы продрогли на ветру, истомились.

Антон гулко забарабанил по кабине водителя, грузовик остановился, и мы оказались на огромной всхолмленной равнине.

Первым моим ощущением было то, что я вернулся в родные места. Светила круглая, словно щит, луна: в дымчатом ее сиянии лежали передо мной три покатых холма, долина, две реки — узкая и широкая, нивы, овраги и деревенские дома. Не было только леса.

— Айда напрямик, полем, — весело предложил Антон.

Перебрав нас с Антоном, вылетел из-за кочки заяц, заматаясь, пропал в темноте. Пролетела невидимая стая диких уток, пряно пахло привядшей травой.

— Звезд-то, звезд! — выдохнул Антон.

Волнуясь, я подумал, что в ночь перед великой битвой вот так же сияли луна и звезды, проносились утиные стаи, дурманило запахом травы...

Мы шли среди скирд и стогов. Может быть, некогда здесь стояли стога и ометы, ратники сидели под ними, с тревогой смотрели на звездные россыпи. Вокруг горели костры, и было их не меньше, чем звезд.

— А вот и наша хата. — Антон показал на приземистое строение.

Было уже совсем поздно, и, чтобы не будить мать, Антон с улицы открыл одно из окон, и мы один за другим забрались в тесную боковушку.

Мать все-таки проснулась, засветила лампу, принесла хлеб, кринку молока и кружки.

Взглянув на женщину, я невольно вздрогнул: она была удивительно похожа на Валентину-партизанку, даже глаза такие же пасмурные, суровые.

— Отец и дядя Сергей погибли, — негромко сказал Антон. — Отца убили в сорок вторам, дядю — в сорок первом...

В молчании мы выпили по кружке холодного молока; Антон открыл сундук, достал толстенную тетрадь в черном кожаном переплете. На обложке золотой вязью было написано: «Страховое общество «Россиянин».

— Дядины записи. — Антон осторожно положил тяжеленую тетрадь на стол.

Забыв обо всем на свете, я придвинул лампу, открыл рукописную книгу.

Записи были сделаны черными чернилами, строгим учительским почерком.

Я невольно вспомнил записные книжки и тетради моего отца. Отец записывал все, что ему казалось важным. На подоконнике у нас лежала стопка тетрадей. На обложках самых старых был тенистый дуб, поэт в черном плаще, кот, какие-то птицы и воины в мокрой броне.

В горнице царили чистота и порядок.

— Дядино богатство, — сказал Антон, показав на «Фото-кор», подзорную трубу, треногу и фотопринадлежности.

Над столом висела фотография: похожий на Антона плечистый парень стоял около щелястой стены сарая, улыбался, уронив на лоб волосы. На другой фотографии текла река, горбился покатым холм.

— Куликово поле? — спросил я у Антона, и товарищ молча кивнул.

Присев к столу, я бережно открыл черную тетрадь «Россиянина».

«Князь Дмитрий знал, что в войске Мамая несколько тысяч генуэзских пехотинцев-наемников, это его не удивило: пехота в четырнадцатом веке приобрела новую роль...»

«Пехотинцу было трудно бороться против всадника в чистом поле, зато у ворот крепости, за «твердью», в лесу, в горах он чувствовал себя увереннее. Значение пехоты поднималось в период военных потрясений и катастроф.

Так случилось и в годину монгольского нашествия. Нехватка профессиональных войск привела к тому, что смерды-«пещцы» стали большой силой».

Я задумался. Конечно же, псковичи прислали пехотинцев. Конников вообще у Пскова было мало. Ни в одном краю не было такого количества каменных крепостей, а ведь крепость — твердыня пехоты.

«Важнейшим оружием «пещца» был топор. Хотя пехота и превышала по численности конницу, снарядить ее на войну не требовало особых затрат. В пешем бою употреблялись тяжелые копья, дубины, сулицы и длинные щиты. Пехотинцы разделялись на тяжеловооруженных пехотинцев — копейщиков и легковооруженных пехотинцев — лучников».

«Русские в бою дрались сомкнутыми группами на небольшом пространстве, в виду один у другого. Плотности боевого порядка придавалось особое значение: «Егда же исполчатся вое, полк яко едино тело будет!»

«Воины никогда не передвигались в кольчугах, панцирях и шлемах. Это тяжелое вооружение везли особо и надевали только перед лицом опасности...»

«В летописях упоминается самострел...»

С волнением я перевернул страницу...

«В эти бедственные годы на первое место выдвигается не полевая, а крепостная война. Сильно повысилась роль массового применения метательной и осадной техники, луков и стрел,

арбалетов... На Руси впервые появился крюк для натягивания арбалетов.

Русские дружинники были вооружены не хуже, а лучше, чем татаро-монголы, у которых не хватало железа и мастеров».

«Пушки на Руси появились, видимо, в 70-х годах XIV века. В 1382 году при защите от нашествия Тахтомыша на Москву защитники города уже применяли пушки...»

Чуть ниже резкая приписка карандашом: «Пушки могли быть и на Куликовом поле».

В конце страницы было размашисто написано красным карандашом: «И все-таки — пехота! Князь Дмитрий оказался прав».

Я закрыл тетрадь, погасил карбидную лампу, долго лежал с открытыми глазами. «Видящий» шар Антон положил на Подоконник; пронизанный лунным светом, шар неярко светился.

Вдруг я увидел заросли можжевельника, обрыв, глинистую, Дорогу, повозку, карателей в голубоватых шинелях и касках. Я лежал между кочек, рвал кольцо рубчатой гранаты. Я узнал повозку, узнал карателей. Накануне они арестовали и увели моего отца. Кольцо не слушалось, я вцепился в него зубами. И вдруг кто-то навалился на меня, отвел руку с гранатой. Я повернулся, и на щеку мне упали волосы матери.

Очнулся, долго не мог прийти в себя. Видение войны было таким ярким, что я оцепенел, не мог шевельнуть рукой. Все было как наяву. Даже хвоинки на шинелях виделись с какой-то небывалой, резкой ясностью.

Я вновь посмотрел на мерцающий шар, стараясь представить совсем иную войну и себя не мальчуганом, а взрослым. И вдруг понял: ведь и мое собственное биополе, то самое биополе, о котором писали Кажинский и Чижевский, могло воздействовать на шар!..

...Псковичи жили на порубежье в постоянной опасности, и это отразилось на их характере. Быстрота решений и действий, порывистость, взрывчатость впитывались с молоком матери. На Куликово поле, конечно же, послали самых отважных воинов...

Лес, холмы, поле открылись резко и неожиданно.

Товарищ, пригибаясь, перебежал луговину, я поспешил следом.

С холма мы увидели татарский стан. Будто снежные сугробы, белели юрты, вился над кострами дым, поблескивали на солнце котлы-казаны. Живым омутом кипел огромный табун, истошно ревели верблюды. Рядом с кострами, между повозок кружили всадники в малахаях.

Стан был так близко, что в нос ударил запах острой мясной пищи.

По полю проносились конные дозоры — сталкивались, но

чаще резко разъезжались. Монгольские коки легко уклонялись от стрел, уходили от погони.

Пора было возвращаться, мы быстро отползли, сбежали по скату холма и вскоре были возле своего стана.

Товарищ тревожно оглядывался, видя какую-то опасность. Оглянулся и я: по полю мчались пятеро всадников.

— О-о-о-о! — дико закричали враги.

Товарищ вырвал меч, я вскинул топор.

Но на помощь уже мчались свои — рослые воины в черной одежде.

Нас спасли черноризцы. Поверх черных халатов у них были кольчуги, вместо колпаков — кованые шлемы, каждый подпоясан мечом. Белые, как мох белоус, лики черноризцев резко выделялись среди загорелых и темных лиц конных дружинников.

Я не удивился: на Псковской земле монахов порой брали даже в набег, а во время обороны крепостей ставили под оружие всех до одного. Псковитяне всячески старались подчинить веру целям обороны: псковские храмы были на деле крепостными башнями, звонницы — дозорными вышками.

Один из монахов выделялся ростом и шириной плеч. На бедре чернеца покачивался двуручный меч, левой рукой великан поддерживал щит, в правой держал копье.

— Брат Пересвет, — негромко сказал кто-то рядом. — Десница Сергия Радонежского, надежда князя Дмитрия.

— Чай, псковские, — весело посмотрел на нас с товарищем Пересвет. — Болотом бредоша, поршни потеряша...

Я снова не удивился: псковитян легко узнавали по одежде, обуви и оружию. Монахи даже коней придержали, чтобы рассмотреть наши арбалеты.

— Ливонские, свейские? — спросил молодой монах.

На боку Пересвета была огромная фляга, от бороды пахло медовухой. Псковские монахи тоже были любителями этого напитка.

— Зело грозна штука, — похвалил Пересвет наше оружие. — А я, братья, сосед ваш, из брянских лесов, с Десны-реки родом. Не боязно? Татарове люты...

— Русь надо спасти! — товарищ резко повел плечом.

— Аки стемнеет, гостьми ждем к костру нашему. — И Пересвет натянул поводья.

Конь у монаха был под стать хозяину: огромный, сильный, порывистый. За голенищем короткого сапога засапожный нож, на сгибе руки черная змея плети.

Возле самой Непрядвы, отражаясь в воде, пылал одинокий костер. Рядом сидели псковичи, негромко переговаривались.

— Беда быть велика. Пришед немец под Остров, стреляша, огненные копыя пускаша, а псковские воеводы смотреша и ничего не делаша...

— Мать начаши меня увещати: не ходи биться супротив поганых, татарове злы аки демоны...

— И воеваша псковичи пять дней и пять ночей, не слезя с конь.

— Бысть у нас чудо преславно: явися на небеси три месяца и стояху близ друг друга в ночи...

Река шелестела осокой, гнула камыши, билась о камни. В воде отражались звезды и костры. Река усиливала звуки, и я услышал сотни голосов сразу.

Где-то совсем рядом были новгородцы, я узнал их по строгой речи и оканью. Совсем близко говорили двое:

— Меха продаша, взяша три московски. Лиса с надцветом, а не бура...

— Зрело, отче... Торговаша славно...

Я не любил новгородцев. Псков был городом-воином, Новгород — городом-торговцем. Псков считался младшим братом Новгорода, но издревле тянулся к Москве. Новгород богател, не ведая войн и нашествий, а Москва и Псков истекали кровью; Псков заслонил Новгородскую землю с запада, Москва — с востока и юга.

Вдруг я увидел Пересвета. Монах присел рядом с моим товарищем, протянул ему открытую флягу. Отхлебнув несколько глотков зелья, мой товарищ закашлялся, и лицо его посветлело. Улыбаясь, Пересвет сказал, что хорошо знает псковичей, они богу молятся, а мечу веруют...

— Воистину! — улыбнулся товарищ.

Монах попросил еще раз показать арбалет. Хмуро обронил слово о том, что латинская церковь это оружие осуждает...

— А православная? — без улыбки спросил мой товарищ.

— Благослови тебя бог! — И чернец резко перекрестил моего друга.

Я наконец проснулся. Тикали ходики, в печи стреляли дрова: Антон сидел за столом, что-то писал. Кудрявые его волосы, чтобы не падали на лоб, не мешали работать, были схвачены ремешком, так когда-то делали на Руси мастеровые.

Не желая мешать товарищу, я долго лежал с открытыми глазами.

Задумался: были ли стычки перед Куликовской битвой? Конечно, были. Поблизости встали два враждебных стана, велась торопливая разведка...

Еще во время похода князь Дмитрий послал в Придонскую степь сторожу — большой разведывательный отряд. Главной задачей сторожи было добыть «языка». Но связь с отрядом потеряли, пришлось послать вторую сторожу, а при подходе к Дону — третью, под командованием воеводы Семена Мелика. Этот отряд захватил пленного из свиты самого Мамаю и до самой битвы продолжал давать сведения о силах и движении войска Мамаю. Хан был так уверен в успехе, что пренебрег

глубокой разведкой. Для татар было полной неожиданностью появление русских полков у ската Красного холма. Татары вначале подумали даже, что это войско Ягайлы...

— А, проснулся! — Антон бросил писать, позвал меня завтракать.

Горница оказалась тесной, но уютной и чистой. Между белой как лебедь печью и широкой кроватью стоял стол, покрытый льняной скатертью. Во главе стола сидела мать Антона, рядом с нею — четыре девочки, каждая на голову ниже другой. Четыре пары любопытных глаз, не мигая, смотрели на меня.

— Старшей не хватает, — сказал Антон, усаживаясь поудобнее. — В городе, вечером придет...

И уже совсем весело добавил:

— Пять невест сразу. Самый богатый дом в деревне!

«Невесты» засмутились, мать улыбнулась, зарумянилась, но лицо Антона было вполне серьезным. И вправду: не домами и садами богата деревня, главное ее богатство — люди, а девочки и девушки — будущие матери, основа семей...

Разоряя русскую землю, татаро-монголы не зря уводили девушек, они знали, что это обескровит народ, без того измученный и обескровленный...

— Кушайте, кушайте... — Мать Антона пододвинула поближе ко мне тарелку борща и ломоть мягкого хлеба.

Неожиданно я увидел еще одну пару глаз — пронзительно зеленых и внимательных. Рядом с младшей из девочек сидел толстый серый кот. Мягкая его лапа бесшумно скользнула по скатерти, уволокла хлебную корку...

— Ух ты, а про подарки-то я и забыл! — Антон метнулся из-за стола, нырнул в боковушку, вернулся с пакетом конфет и кульком крупной брусники. Все это мы купили вместе в магазине и на колхозном рынке.

Ни жестом, ни словом девочки не выдали восторга, но глаза их так и засверкали. Кот опередил хозяек, поймал выкатившуюся брусничину, торопливо раскусил, сморщился. Потом вдруг пушистая лапа уцепилась за конфету, и вместе с добычей огромный кот метнулся в подпечье.

— Ну, Васька, смотри! — рассмеялась хозяйка.

6

И вновь я склонился над записями. Порой дядя Антона, видимо, торопился, я с трудом разбирал его почерк.

Неожиданно пошли рисунки. Рисовал деревенский учитель цветными карандашами, неумело, по-мальчишески, но в рисунках были яркость и движение.

На скате холма стояли воины: плечо к плечу, щит к щиту. У всех русые бороды, голубые глаза. Трава чуть ли не по пояс, зеленая, с россыпью белой каши.

На следующей странице конный дозор. Пятеро всадников замерли на береговой круче, по воде плывут дикие утки. Камыш будто летящие стрелы, вода слепит блеском кольчуги.

А вот аккуратно наклеена вырезка со стихами, видимо из районной газеты.

По бокам акатники
Да трава шелкова.
Говорят, тут ратники
Шли на Куликово.
С вилами и косами
Шли, как на работу,
Золотого осенью
После обмолота...

Назывались стихи просто и коротко: «Дорога». Внизу стояли имя и фамилия автора — Анатолий Брагин.

— Ты его знаешь? — спросил я у Антона.

— Знаю, в школу ходили вместе. Невысокий такой, веселый, кудрявый.

Что-то в стихах насторожило меня. Поэт, конечно, написал правду, представив своих предков-землепашцев, идущих на помощь княжескому войску, но само-то войско было иным.

Князь Дмитрий собрал на Куликово всех лучших воинов русской земли. Пехотинцы и конники были в новых кольчугах и шлемах. По всей русской земле долго недосыпали кузнецы, чтобы одеть в броню и вооружить воинов.

Антон согласился со мной, на мгновение лицо его стало хмурым, но потом вдруг словно солнцем осветилось:

— Ты понимаешь, про кого написал Брагин? Эти вот люди стали проводниками и разведчиками в войске князя... Подвиг всего народа — во что произошло на нашем поле!

Теперь я согласился с Антоном. Не мог же поэт увидеть русское войско, вооруженное в основном вилами да косами. Хотя иные «историки» утверждали это... Утверждали они и другое: что Золотая Орда к тому времени ослабела. Но это внутренние дела Орды, а на скатах Красного холма стояло до зубов вооруженное войско, состоящее из татарской конницы и генуэзской пехоты и втрое превышающее по числу русское войско.

7

В полдень мы с Антоном вышли на улицу. С интересом смотрел я на большую незнакомую деревню. В сельце, где я вырос, дома были крыты тесом, за изгородями из окоренных жердей стояли столетние елки. Здешняя деревня тонула в садах, дома были крыты железом, рядом с деревянными домами теснились мазанки под огромными шапками соломы.

Я легко представил деревню и той давней поры.

Видимо, все дома были глинобитными, под соломенными и

камышовыми крышами. Когда деревню выжигали татары, глиняные стены и печи оставались целыми. Стоило вновь настелить из тесин потолок, поставить стропила, сплести сени, покрыть крышу — и жилище готово.

Антон тронул меня за плечо:

— Куликово посмотреть, хотел? Пошли!

За околицей свернули на летник, наискось пересекающий скошенную ниву. Летник был узок, зарос травой-некосью.

— По этим местам воины проходили, — сказал Антон. — Однажды я тут пахал. Маленький был еще, на голову выше плуга. Чуть не перепахал летник. Старик прибежал, забранил... Полтыщи лет люди пахали — заповедные места не трогали.

Я заторопил Антона, думая, что до Куликова поля еще далеко.

— Да вот оно! Церковь видишь?

— Вижу...

— Куликово... — негромко сказал Антон.

Дон оказался нешироким и неглубоким, берега заросли раkitником. Непрядва не шире ручья, а Дубяка вовсе не стало — темнел заросший осокою ров. И поле было обычным полем, но сердце вдруг сдвоило, вернулся позабытый военный страх. Я замер на месте, не решаясь сделать и шагу.

Память страшной и жестокой битвы жила на этом обычном с виду клочке русской земли.

Антон достал из-за пазухи и бережно открыл черную тетрадь с записями. На одной из ее страниц была карта, перерисованная, видимо, из древней книги. Голубыми лентами кружили Дон и Непрядва. По берегу Дона зеленел лес. Куликово поле лежало между Непрядвой, Доном, оврагом, дубравой, болотинной и Красным холмом.

Татаро-монголы были страшны фланговыми ударами конницы, на Куликовом же поле князь Дмитрий навязал войску Мамая фронтальное сражение.

Красными прямоугольниками на карте были обозначены русские полки: Сторожевой, Передовой, Большой, полк Левой руки, полк Правой руки и Засадный...

— Многовато прошло времени, — вздохнул Антон. — Тогда ведь здесь все по-иному было. Вот тут дубовый лес стоял, тут было огромное болото. Дон и Непрядва — поглубже, пошире. Даже трава другая... Старики говорили, в сенокос только шапки косарей было видно. Место глухое, дремучее...

Глядя на покаты́й холм и поле, я с трудом представил дубраву и заросли разнотравья. Воображение дорисовало глубокий овраг, заросшую камышом болотину...

Князь Дмитрий знал, что татаро-монголы любят биться на равнине и не любят озер, рек и болот. Страх перед водой останавливал их на пути в Новгород и Псков, широкая Ока казалась трудноодолимой преградой.

— Посидим, — предложил Антон.

Мы присели на береговой откос, задумались каждый о своем.

— Айда на Непрядву, — сказал Антон.

Я спросил, почему река называется Непрядвой.

— Ну, очень просто догадаться. Прянуть — значит, рвануться, прыгнуть... Выходит, речку нельзя было перемахнуть, вброд переходили или по лаве.

— Выходит, и Мамай не перемахнул.

— Выходит! — рассмеялся Антон. — Смотри, граната...

В оскоке лежала ржавая немецкая граната величиной с гусиное яйцо. Антон осторожно поднял ее, зашвырнул в омут...

Из куста Антон вытащил удочки и в первом же омуте выудил огромного голавля.

В полдень купались — хохотали, брызгали водой друг в друга...

Все это было чудом: ловить рыбу и купаться там, где когда-то русские воины переезжали на лошадях быстрый поток — купали коней, поджимали ноги, чтобы не замочить сапоги.

Со свистом пронесся над излучкой кулик, опустился на береговой откос.

— Хозяин прилетел, — улыбнулся Антон. Его поле, куликово...

Я вдруг представил себе небо над полем битвы: вверху кружили коршуны и вороны, пронеслись перепуганные кулики...

8

«И притекоша серые волцы от усть Дону и Непра, ставши на реци на мечи, хотяг наступати на русскую земли. То было не серые волцы, но приидоша поганые татарове...»

«Говорит Пересвят чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Луче бы потятыми бытъ, нежели полоняными бытъ от поганых. Добро бы брате, в то время стару помолодиться, а молодому чести добыта...»

«И нукнув князь Владимир Андреевич с правья руки на поганого Мамайя с своим князем Волыньским 70-ю тысящами...»

«Татарская баше сила видети мрачна потемнела, а Русская сила видети в светлых доспехах, аки некая великая река лиющиися или море колеблющеися, и солнцу светло сияюще на них и лучи испушающе, и аки светлиницы издалече зряхуся...»

* * *

Русское воинство подступило вплотную к Красному холму, замерло, готовое к сече. В татарском стане гасли костры, ревели верблюды, ржали кони. Прошло несколько минут, и по скату лавиной двинулась живая сила врага. Впервые в жизни я видел столько конных и пеших воинов. Страшной лавине не было кон-

ца, все новые ряды воинов появлялись из-за гребня холма, сползая угрюмой тучей к ее подножию.

...Татарские стрелы не летят, казалось, а льются сумасшедшим ливнем. Яростно ударили из тяжелых луков русские лучники.

Первый страх прешел: вырвав из тулы болт, я торопливо зарядил арбалет, резко оттянул крюк, прицелился с колена.

Всадники были уже совсем рядом. Низкорослые монгольские кони, по которым, когда они еще были стригунками, нарочно били тупыми деревянными стрелами, легко увертывались от боевых. Всадники прижимались к гривам коней, кричали, в упор били из луков.

Один из воинов пролетел совсем рядом. На сто шагов арбалет бил без промаха, я на бегу убивал кабана, сбивал дикого гуся. Вот он, татарин, лицо перекошено от злобы. Болт вошел в бок, вышел в другой, и всадник мешком рухнул в траву.

Псковские арбалетчики оказались сноровистее генуэзских, которые в ужасе начали пятиться. Но отступать им было уже некуда. Я стрелял, почти не целясь, как стреляют в налетевшую стаю диких гусей.

— Смотри: князь! — толкнул меня мой товарищ.

Князь брел по траве, сапоги его были мокрыми от росы. За князем вели его коня, рядом с князем, стараясь не отстать, не шел — бежал младший его брат, что-то говорил, но было видно, что Дмитрий его не слушает, думает о своем.

Князь был в легкой кольчуге, без шлема, густые волосы стянуты сыромятным ремешком.

В битве князю полагалось быть в златоверхом шлеме. Часто сошедшиеся на бой рати были одинаково одеты и вооружены, и шлем князя служил в сече маяком: где князь — там и свои.

Но время междоусобных стычек прошло, рядом был враг, который и вооружен, и одет был иначе, чем русские, ошибок быть не могло. Враг был смел, и блеск княжьего шлема не испугал бы его, а привлек бы внимание. Русские воины знали, как метко мечут стрелы поганые...

Князь оказался в строю пехотинцев — с двуручным мечом, короткой кольчуге. Многие воины были без шлемов, князь хотел ободрить их и тронуть сердца тех, кого защищала крепкая броня: боясь за князя, они готовы были биться, не ведая страха.

Ветер колыхал осенний ковыль, колыхал русые волосы воинов. За холмами глухо гудело татарское воинство, но строй русских был молчалив.

Псковичи стояли на откосе. Это был давний обычай: ждать врага на высоте — на крепостной стене, на угоре. От реки до оврага встало молчаливое пешее воинство. Князь Дмитрий построил пехоту не в ровную линию, а похожей на изогнутый лук дугой. Легко сломать толстую, но ровную дубину, но попробуй сломай гибкий лук. Не было видно лишь стрелы, но русичи

знали — стрела наготове: в дубаве, в густой тени затаился Засадный полк воеводы Боброка...

В третий раз я увидел Пересвета. Его конь стоял рядом с конем князя Дмитрия, монах и князь о чем-то говорили.

Чуть в стороне были пешие монахи с огромными щитами и тяжелыми копьями, похожими на рогатины. Видно, Сергей Радонежский наказал своим воинам быть рядом с князем, заслонить его, спасти, когда он окажется в самой гуще боя.

Русское и татарское войско разделяла лишь узкая полоса ковыльного поля. На середину его вылетел огромный богатырь в русской кольчуге и русском шлеме. Не русскими были только одежда и щит, обшитый воловьей кожей. Полудикий степной конь, выбиваясь из сил, нес на себе грозного, разъяренного всадника.

— Ну и голова! — выдохнул мой товарищ.

Князь резко взмахнул рукой. Пересвет ожег плетью коня, прилег к его холке, полетел прямо на кипящего яростью врага.

Тот словно ждал этого — направил коня навстречу.

Стало вдруг тихо-тихо, только дыхание коней, яростный стук копыт...

Вдруг затрещало. Копье Пересвета легко расшибло татарский щит, вошло в грудь всадника и сломалось посередине. Копейщики делали древко копья сухим, ломким: если копье не ломалось, у всадника могло вырвать руку...

Татарин ударил мимо щита, копье его было не таким, как копье Пересвета, после удара не сломалось, выскользнуло из рук ударившего и осталось в груди Пересвета. Монах с копьем в груди и его враг с обломком копья оказались рядом друг с другом. Обливаясь кровью, татарин рвал из чехла нож, но Пересвет опередил его, с левой руки в бешенстве бросил щит, попал в огромное лицо вражеского воина. Щит раскололся на части, татарин выронил нож, наклонился, и степной конь, одурев от ужаса, метнулся в сторону Дона с мертвым всадником на спине.

У Пересвета хватило сил вырвать из груди копье, хлынула кровь, и огромный вороной конь понес в сторону погибшего всадника...

Дико, волчьими голосами закричали татары...

— Прощай, брате. — Товарищ сорвал с головы шлем, в глазах его светились слезы...

Вдруг все пришло в движение, заржали кони, вздрогнула от дикого крика степь, бешеный стук копыт слился в глухой грохот.

Видение исчезло. Я увидел, что сижу над открытыми записями. Лиловато отсвечивал «видящий» шар, в открытое окно дул теплый ночной ветер.

Антон спал на соседней кровати, с фотографии задумчиво смотрел его дядя.

И в который раз я склонился над его торопливыми записями.

В бурю на Чудском озере я видел, как стеной надвигается страшный черный вал. Там, на озере, не было защиты, но каким-то чудом я остался живым.

Копейщики из всех сил держали рогатины и копыя, крепко упирая в землю их древки. Словно в страшном сне, увидел оскаленные морды коней, лица в малахях, будто лес в бурю, затрещали копыя. Сшибка была бешеной и короткой, и сразу началась сеча — злая, долгая. Первых убили или спешили копейщики, но за первыми были вторые и третьи — на боевых конях, с кривыми тяжелыми саблями — давили конями, бешено рубили...

Тяжелая моя рогатина раскололась, как сухая ветка, прямо перед собой увидел коня без всадника. Если бы у меня был меч, а не топор, конь просто подмял бы меня. Коротким ударом лесоруба хлестнул в лоб коня, сшиб и увидел морду второго. Всадник, визжа от ярости, ехал прямо на меня. Отец и братья всегда учили меня беречься сабли: полоса сабли крива, крив и непонытен ее удар. Нужно было открыться, чтобы враг, поверив в удачу, раскрылся сам, не ожидая подвоха.

Рука с боевым топором длиннее руки с саблей, и татарин рухнул с перерубленным правым плечом. Он еще рвал из-за пояса левой рукой кинжал, когда его смяли конем...

От страшного удара потемнело в глазах... Очнулся в трясине, рядом с другими ранеными. Щита и шлема на мне не было, голову ломило как от утара...

Топор остался со мной, опираясь на него, как на клюку, я встал и увидел небывалую сечу. Бой шел на всем огромном поле, на мочажинах и болотинах.

Что-то случилось со мной: я видел, как летят стрелы, как рвут кольчугу мечи; все как-то замедлилось, взгляд мой стал быстр и далек, как взгляд боровой птицы.

Татары старались поглубже вклиниться в русское войско, ко ратники бились плечом к плечу. Кружился страшный водоворот битвы, мечи и сабли метались, как в бурю мечется озерный камыш. Низкорослые степные лошади в страхе задирали головы, дико ржали. От ударов мечей, сабель и топоров о броню стоял глухой звон...

В дикой тесноте, в толчее трудно стало действовать длинным оружием, в ход пошли кинжалы и засапожные ножи...

Отбиваясь топором, рядом с собой увидел я товарища. Он врукопашную бился с огромным татаринном, татарин намертво вцепился в него, кусал, словно сумасшедший волк. Я успел увидеть, как друг высвободил руку, дотянулся до голенища, коротко ударил великана в бок тонким ножом. Татарин оскалился от ужаса и ярости, мешком рухнул в траву. Но следом надвигал-

ся конный враг, торопился достать русского кривой саблей. Товарищ приподнял на смерть раненного великана, бросил на встречу...

Передо мной бешено рубился незнакомый псковитянин. У него был двуручный немецкий меч. Отчаянный воин разваливал всадников, будто еловые плахи...

Вражеские конники накатывались волна за волной, их сбивали с седел и убивали, но ряд за рядом таяли и ряды русского войска. Все больше становилось убитых: чтобы продвинуться вперед, приходилось перебираться через лошадиные туши и погибших людей...

Прямо передо мной конник зарубил молоденького ратника. Увидев меня, татарин вновь яростно вскинул окровавленную саблю, но я опередил его: ударил топором.

От деда я слышал, что и в старину на Чудском озере псковитяне рубили врагов топорами. Меч страшен, остер, но удар топора проламывает лучшую броню, от тяжелого топора не спасет и кольчуга.

Воины бились по-разному: кто с холодным отчаянием, кто горячо, с яростью; в глазах бьющихся были боль, страх, храбрость, отчаяние, иной дурел, потерянно шел навстречу гибели, другой цеплялся за жизнь, раненый, истекая кровью, продолжал размахивать мечом...

В самой гуще сечи увидел я князя Дмитрия. Светлые волосы его развевались, меч взлетал, как острое серебристое крыло. Князь умел воевать, знал трудную науку рубки мечом. Воины, что бились рядом с князем, были под стать ему. Будто молодую траву, косили татары ратников, а княжеские воины все еще продолжали биться, словно им не было смерти.

Я хорошо видел князя, потому что пробивался к нему, бил топором в спину спешившихся татар. Я знал древний способ усиливать удар топора: отец научил меня ему, когда валили деревья.

Мелькнуло окровавленное лицо моего товарища, он тоже пробивался на помощь князю...

Рядом с Дмитрием рубил врагов огромный монах — тот, что сидел ночью у костра вместе с Пересветом. Монах был левшой, рубил с левой руки. Ударив, коротко крестился правой.

Воины уже начали уставать, чуть медлили, задыхались, иной уже шатался как пьяный. Раненые молча ложились в траву, на них наступали, их топтали конями. Обезумев, метался среди людей конь без всадника. Кто-то ударил его мечом, ноги коня подломились, и он тоненько, будто жеребеночек, заржал...

Сеча шла и в воде: на поле воинам уже не хватало места. Летописец потом написал правду: вода кровью текла в Дону и Непрядве.

Вдруг я увидел всадника. Он был рядом, летел на моего то-

варища. Болото обманчиво, и воин пустыни не видел опасности. Конь оступился, осел, по брюхо ушел в мшистую топь. От ярости смуглое лицо всадника посерело. На мгновение я увидел лук, изогнувшийся, как огромная змея, острую оперенную стрелу. Враг целился в грудь товарища, зная, что не промахнется. Щита не было, спас крест под рубахой, мой друг покачнулся от тяжелого удара, но устоял. Крича, татарин бросил лук, вырвал из чехла нож. Но опоздал — тяжело, словно в огромный пен, в голову его вошел мой топор.

Вторым ударом я хотел прикончить коня, но вдруг покрестьянски стало жалко скотину. Я вырос у реки, на болотах, знал, как спасать тонущего в трясине коня. Топором снес березу, подтащил, помог коню выбраться. Выбившийся из сил конь сбросил мертвого всадника.

Истекая кровью, упал товарищ. Я не смог выбраться из болотины, лег между кочек... Татары одолевали, пешее русское войско было уже почти разбито...

Творилось что-то страшное: крича, татары добивали раненых, окружали тех, кто еще отбивался. Татарские лучники спокойно расстреливали увязших в болоте. Я опустил голову, уткнулся лицом в волглый мох...

И вдруг тяжело вздохнула земля... Не понимая, что случилось, я с трудом поднял голову. Грохнуло снова, и над полем повисло белое облачко.

— Пушка! — обрадовался я. — Пушка!

Снова дрогнула земля, хотя пушка и молчала — гремя, сорвалась с места березовая роща. Нет, это были конные дружинники, из рощи вырвался Засадный полк...

Нет ничего в бою страшнее, чем быть рядом со своими, видеть, как они гибнут, и не иметь возможности им помочь... Что пережили дружинники в роще, знали только они сами. Теперь они были самой яростью, их нельзя было победить — можно было только убить... Отступить они бы не смогли.

Нагиск был таким неожиданным и страшным, что несколько рядов татар было смято, а остальные начали пятиться, а потом и отступать.

Хрипло кричали татарские воины, но их крики уже никого не пугали. Закинув за спины щиты, прижимаясь к гривам коней, многие бросились наутек...

10

«Тогда князь полки поганых вспять поворотил и начал их бить гораздо... Князи их подаша с коней. Трупы татарскими поля насыяша, а кровию потекли реки... И отскочи поганый Мамый серым волком от своея дружины...»

«И стал великий князь Дмитрий Иванович с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и со остальными своими

воеводами на костях на поле Куликовом на речке Непрядве: «Грозно бо и жалостно, брате, в то время посмотри, иже лежат трупы крестьянские аки сенные стоги, а Дон река три дня кровино текла...»

Выписки эти были из «Задонщины», автор явно подражал неизвестному воину-поэту, создателю «Слова о полку Игореве». Видимо, и в войске Дмитрия был могучий поэт, но погиб, защищая отчужденную землю.

Почему же битва была такой жестокой, такой кровопролитной?

Князь Дмитрий хотел не просто победить войско Мамаю — бой шел на уничтожение. И в Азии, и в Европе битвы часто кончались бегством побежденных, которым победители давали «золотой мост». Здесь было все по-другому: полк Боброка гнал остатки татарского войска тридцать верст — до реки Красная Меча. Через реку сумели переправиться лишь немногие татары и Мамай с остатками свиты. Остальные все были перебиты. Лишь тех, кто сдавался в плен, и раненых русские воины не убивали.

Ярко сказано в одной из летописей:

«Гнаша их до реки до Мечи, и тако множество их избиша, а друзии погрязоша в воде и потонуша...»

От отца я слыхивал, что новгородцы и псковичи стояли на правом фланге, почти целиком составили полк Правой руки. Полк этот не дрогнул.

В самом низу карты голубым шнурком вилась Красная Меча, было приписано: «От Куликового поля до Мечи — около пятидесяти километров».

Карта говорила о том, что князь Дмитрий был великолепным полководцем. Из книг я знал, что сам Дмитрий, передав свои богатые доспехи боярину Михаилу Бренку, занял место в Передовом полку...

В тетради красным карандашом была записана древняя песня:

Коковать буду, горюша, по околенье,
Как несчастная кокоша в сыром бору.
На подсушной сижу на деревиночке,
Я на горькой сижу на осиночке...

Про арбалеты сказано было кратко, но я не сомневался, что псковичи и новгородцы пришли на Дон и Непрядву с тяжелыми арбалетами. А у татар были только луки.

Князь Дмитрий был мудрым воином и уже в битве на Воже поставил свое войско за рекой. Причем не на самом берегу, а шагах в сорока от него. При стрельбе из луков тем выше успех, чем ближе противник, стрелять татаро-монголам пришлось издали, а когда войско перешло реку, началась сшибка и луки оказались бесполезными...

— Мама, — попросил вечером Антон, — Расскажи про старое, про нашу деревню, про Поле...

— Что же я тебе расскажу? — Усталая женщина присела к столу, ласково посмотрела на сына. — В гражданскую войну девочкой была. Помню, как по Куликову шла конница... Тогда я еще ничего и не понимала-то... Это потом народ как будто проснулся.

От волнения лицо женщины помолодело, вспыхнуло румянцем.

— Ударницей я была, в Москву на слет посылали. Брат уехал в Воронеж, долго учился — не погибни на войне, был бы ученым. А ведь в глухой деревне родился...

— Мам, — смущенно проговорил Антон, — я про давнее спрашиваю. Может, ты что от стариков слыхала, песню какую-нибудь?

— Может, про эту войну рассказать? Как фашисты золотой крест хотели снять с нашей церкви? Так ты сам хорошо помнишь...

Гостю расскажи, а я запишу...

— Слышим, самолет летает немецкий. Небольшой такой, наверно, разведывательный. К брюху петля проволочная привязана. Ходит кругами, норовит крест петлей зацепить. Раз промахнулся, другой раз промахнулся, потом зацепил, а провод, на тебе — лопнул! Видно, и в самолетике что-то повредилося, сразу пошел на снижение. Сел прямо в поле.

Женщина с охотой вспоминала прошлое:

— Недолго они тут хозяйничали. Помню, вечер, спать надо ложиться, а я всем своим одеться потеплей велела, на пол легли... Все люди знали, что наши наступать будут. Как ударят вдруг пулеметы, как задрожит земля — конница наша мчится... Летят, шашками блещут!.. — В деревне знали, что будет бой. Немцы не знали, а люди знали. Один старик в поле за соломой пошел к зароду, а за зародом — конные, четверо или пятеро. Лейтенант в бинокль на немецкие позиции смотрит. «Иди, — говорит, — дедуся, в деревню, скажи всем, чтобы не спали, ждали гостей желанных...»

Мать продолжала:

— Жутко перед боем. Мы в сарае жили — в доме-то фашисты хозяйничали. Легли, лежим, я ухо к земле приложила. И голоса слышу, топот глухой, подняла голову — ничего не слышу, будто вода в уши попала. Понимаешь, даже птицы не пели... Будто и они ждали... Ветер, и тот стих, лист не шелохнется, трава не прошелестит. Только осины и шумели, будто им всех страшнее...

— Мам, — сказал Антон, — а какой-нибудь древний рассказ помнишь?

— Слыхивала многое. Старики любят рассказывать, —петь любят...

— Про Куликовскую битву что-нибудь?

— Говорили. Да ведь поди разбери, что было, а что небыль. Говорили, что татары ночью деревни жгли, утром в Дону вода была черной от сажи... Говорили, что после битвы много раненых коней в округе осталось... Слыхивала, один татарин от страха в лисью нору залез — заступами откапывали. Много чего слышала. Воронов столько налетело — будто туча над холмом встала.

— А про ветер говорили? — Антон торопливо записывал все, что рассказывала мать.

— Говорили и про ветер. Сначала он дул в лицо нашим, а после полудня подул в лицо татарам...

— Мама, а песни?

— И песни про битву разные пелись. Одну даже помню.

Мать Антона сняла с головы темную шаль, распустила снежно-седые волосы. Тихо полилась песня:

Белый камень, белый камень,
Белый камень на горе.
Будто в воду милый канул,
А уехал в сентябре.
Может, он нашел другую
И в другой заходит дом?
На сережку дорожую,
Все поведай, быстрый Дон..
С битвы ехали герои,
Не сказали ничего..
Может, взят землей сырою,
Может, ранило его?
Вот еще одна сережка
Тихо канула на дно.
По воде бежит дорожка,
А в воде темным-темно.
Белый камень, белый камень,
Белый камень на горе..
Будто в воду милый канул,
Не вернулся в сентябре...

Допев песню, женщина посмотрела на меня:

— И в старину так было, и в наше время от горя слезы рекою текли. Двое у меня не вернулись — муж и братишка. Отец и дядя товарища твоего... Вот и пригодилась старая песня.

Антон зашелестел карандашом, по памяти записывал слова песни.

— От прабабки чудное слыхивала. Будто был один воин ранен тяжело, лечили его в здешней деревне. Сам он был с севера, тосковал по дому, все к реке ходил, смотрел на воду, а потом ему девушка полюбилась. Так и не вернулся на родину, только оберег на родину отослал, матери, чтобы знала, что не

погиб. Прабабка говорила, что наш род от того воина и от той девушки, в которую он влюбился...

Достав из-за пазухи оберег, я положил его на стол...

— Такой, как этот?

«— Может, и такой, кто знает... За веками — как за холмами.

— Это вещь Валентины, женщины из нашей деревни...

Я рассказал все, что знал, и мать Антона задумалась, низко опустив голову.

— Выходит, она вроде как родственница нам с сыном...

— Очень уж дальняя, — вздохнул Антон.

— Нет! — вскинула голову его мать. — Близкая, самая близкая. У нас тоже почти никого не осталось. И у нас весь род вороги погубили, война ведь за войной!

Женщина обернулась ко мне:

— Адрес, пожалуйста, скажи. Напишу Валентине, как могу — так и напишу. В гости позову, она одинокая, я одинокая, вдвоем веселее...

Антон весь ушел в себя, слова матери, видно, глубоко легли в душу.

Белый камень, белый камень...

Мать Антона вновь запела...

12

Совсем еще маленьким мальчиком я услышал рассказ о том, что рядом с нашей деревней, в кургане-могильнике, похоронены древние воины. Страшно было идти на могильник, но я пошел и, поднимаясь по скату холма, увидел вдруг убитых. Рядом со мной лежали оброненные щиты, поблескивали кольчуги павших воинов, ветер развеивал их волосы, рядом на кочках сидели черные вороны.

Страх прошел, и я увидел, что на могильнике расстелен лен, в стороне лежат еще не развязанные снопы, а черные вороны оказались обыкновенными головнями.

Трудно было даже представить Куликово поле после битвы.

На Куликово поле вышли лучшие сыны русской земли, и многие из них легли в битве... Нужно было сберечь старых и малых — сберечь любой ценой. Если бы к Мамаю подоспела подмога — полегли бы все. Но воины князя Дмитрия были готовы и к этому.

Никто не думал о собственной жизни.

Псковичи, новгородцы — люди свободной земли — не убоялись плена, не убоялись рабства. Нужно было спасти русского человека, его тихую, добрую душу... Спасать любой ценой.

Битва ушла за холмы, и на Куликовом поле утвердилась страшная тишина, которую нарушали лишь стоны раненых.

Пленные и раненые татары бросали оружие, со страхом

смотрели на русских, но тех, кто уцелел, воины князя Дмитрия не трогали и словно не замечали.

Убитых было в несколько раз больше, чем живых; мертвые лежали, сжимая оружие, в броне, в шлемах; живые стаскивали кольчуги, снимали тяжелые шлемы. По старым боевым законам доспехи надевались перед битвой и снимались сразу после нее...

Перепуганные лошади жались к лесу, к воде. Их ловили коноводы, навязывали в засеке.

Будто во сне, смотрел я на порванные кольчуги, на окровавленные повязки, брошенные мечи и разбитые щиты.

Убитые лежали на каждом шагу, но поле битвы не было мертвым, оно оставалось живым, и битва, казалось, еще не окончена. В позах погибших были отвага, решительность, ярость. Даже мертвый воин оставался верен своему характеру.

Среди груды тел боком, как-то неловко лежал чернец Пересвет. Кольчуга его была помята копытами, шлем сплюснен; битва не тронула лишь лицо великого воина; оно было таким же бледным, как и перед битвой. Смерть не успела его обезобразить, лицо монаха дышало спокойной смелостью и отчужденностью.

Придавив врага, застыл воин в иссеченном шлеме, в кольчуге, похожей на изорванную выдрой частую сеть. Мертвое лицо было грозным и угрюмым, рука мертвой хваткой сжимала рукоять кованого топора. Пять убитых врагов лежало перед жестоким воином.

Огромный татарин лежал, разметав тяжелые руки, лицом вниз, крепко прижимаясь к земле, словно хотел отнять ее у кого-то...

Рослый чернец, товарищ Пересвета, увяз в груди убитых, окровавленный меч был воткнут в погнию почти по рукоять. Волосы убитого смешались с травой, тускло поблескивал медный кованый крест. В лице погибшего можно было прочесть лишь жажду мести...

Послышались радостные голоса: из дубравы, держа под руки, незнакомые воины вели князя. Дмитрий был без шлема, без меча, голова замотана полотняной повязкой. Князь прихрамывал, неловко держа левую руку. Перед битвой лицо князя было совсем юным, теперь же оно стало лицом взрослого мужчины.

Убитые лежали валами — убитый на убитом. Всюду валялись щиты — русские, татарские, оброненные, пробитые, разбитые. Рядом с погибшими людьми застыли погибшие лошади. На самом Куликовом поле было много убитых русских, но рядом, в степи, лежали одни татары, перебитые воинами Засадного полка. Чтобы победить, врагу не хватило воинов. Татары были уверены в успехе: не щадя своих жизней, шли на-

пролом. Даже на лицах мертвых татар были написаны злость и ярость. Но татары не думали, что русичи будут стоять так стойко, что они не бросят в битву все свои силы сразу...

Дико, отчаянно ржали раненные кони, бились в ужасе, калеча раненых людей. Отступая, татары бросались в воду, и теперь по течению плыли косматые малахай. Вода в реке стала мутной, темной от крови. В крови были мечи и топоры, от крови потускнели кольчуги...

Войско татар было огромным, в сече они не щадили ни себя, ни врага. Ради того чтобы победить, Мамай готов был пролить реки крови. Хитрость послов и щедрые дары не могли его обмануть. Его дипломатия была проста: он повелевал, а русские должны были его слушать. Мамай видел себя властелином, русских князей — рабами, а остальных русичей — рабами рабов.

Дмитрий не знал, выиграет ли битву, не знал, что будет потом, но знал, что надо убить страшную мысль о рабстве, показать татарам и миру русскую храбрость, и не только храбрость — братское единение.

Поле битвы было похоже на лес после буревала. Погибли тысячи людей. Такой битвы не бывало и быть не могло, но она случилась.

13

Вновь пришли мы с Антоном на Куликово поле. Кулики проносились над Доном, слышались голоса диких уток.

— Слушай, — толкнул я под бок товарища, — а лебеди есть?

— Нет, и старики не помнят, чтобы жили.

— Значит, не гнездятся... А у Блока несколько раз в «Куликовом поле» про лебедей сказано... Блок был осенью, когда стояли стога. Помнишь:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

— Тогда, видно, гнездились.... Старики говорят, перед гражданской войной болотина была огромной, а совсем старые помнят, что в разлив вода как в озере стояла. И леса были — с волками, с медведями. Большие леса.

Я спросил у Антона, кем был его отец.

— Колхозником, землю пахал. Бегу к нему, а на тракторе флажок красный — будто огонь горит... А дядя в школе учителем работал. Во-он в той деревне...

Я вспомнил о своем отце, который тоже был деревенским учителем. Отец мечтал поехать на Куликово, говорил мне об

этом. Знаменитое поле представлялось мне огромным, с холмами-горами, с широкими реками, с темным лесом — такими были мои родные места...

Куликово поле оказалось иным. Я опустил плечи, словно на них вдруг лег тяжелейший груз.

Антон горячился:

— Ученые спорят, а место битвы — вот оно. В летописи сказано, что войско Дмитрия подступило к самому Красному холму. Бились вот здесь, а справа и слева были лес, засеки.

Мне больше всего хотелось найти место, где стоял полк Правой руки. Земляки стояли насмерть. И татарам не удалось их даже потеснить.

Странное чувство не покидало меня ни на минуту: будто я ходил здесь когда-то, перебирался вброд через Дон и Непрядву...

Нужно было возвращаться в Москву, но Антон медлил, водил меня по осенним полям около стогов.

— Пора, — сказал он наконец решительно.

Дома быстро пообедали, мать Антона вынесла на крыльцо рюкзак с картошкой и корзину яблок; Антон закинул за плечи рюкзак, я взял корзину, и мы по тропе зашагали к большаку.

Вышли на широкую луговину.

— Лебеди! — закричал вдруг Антон. — Вон, вон, над Непрядвой!

И тут я увидел вереницу больших белых птиц. Устало махая крылами, лебеди тянули в сторону Куликова поля. Я видел темные клювы летящих птиц, вытянутые шеи и снежные подкрылья...

Больно замерло сердце: лебеди, показалось, вернулись из того далекого-далекого времени.

14

Поздно ночью мы вернулись в Москву. Товарищи уже спали, и мы с Антоном, чтобы не разбудить их, сняли возле порога обувь, тихонько прошли каждый к своей кровати.

Я не заметил, когда Антон поставил на подоконник «видящий» шар, но едва голова коснулась подушки, увидел его на обычном месте, словно Антон и не брал его с собою.

Стихи пришли неожиданно. Мне даже поначалу показалось, что их мне нашептывает Антон:

Вороны летали семо и овамо,
Воины убиты в некоей лежали.
Горлица залетная глухо ворковала,
И трава поникла от туги и жали.

Я еще раз увидел поле древнего боя, раненых, прихрамывающих лошадей, убитых воинов, утонувших в траве.

На смоленном струте плыл я издадека,
Из лесного края, с озера Чудского.
Смерть на поле брани оказалась легкой...
Покачнулось поле — поле Куликово...
И душа, как птица, улетела в дымку,
И темно вдруг стало, как в закрытой скрыне.
С верным арбалетом я лежал в обнимку
На болотных кочах, будто на перине...

Две последних строки, как это часто бывает, опередили первую и вторую.

Будет вечно сниться мне одно и то же:
Что бежит Непрядва к озеру Чудскому.

На ощупь я нашел бумагу и карандаш, почти не различая буквы, переписал стихи, вписал недостающие две строки:

Слышен топот, кони мечутся на пожне.
Захлестнула сердце вдруг тоска до дому...

Это были точные строки: умирая, воин уже ничего не видел, а только слышал ржание коней; перепуганные, потерявшие хозяев кони носились по полю — храпели, стучали подковами. Лишь вечером сумели их, наверное, сбить в табун коноводы. Раненых лошадей, по преданию, воины оставили местным жителям.

Пленных и раненых татар победители пощадили, дали им землю, разрешили поселиться и жить...

Антон неожиданно проснулся, встал, присел на краешек кровати рядом со мной.

— Долго добираться до ваших мест? За половину суток успеем? Успеем... Вот и хорошо. Знаешь, пока все спят, расскажи про Чудское озеро, про вашу деревню... про Валентину... Да, а как ее отчество?

— Ивановна, — ответил я, улыбаясь.

Стрела и колос

Это произошло на траверзе Эпсилон Эридана — захолустной звездочки, известной ныне разве что составителям каталогов да еще, пожалуй, курсантам штурманского городка, зубрящим эти каталоги.

У «Валенты» начали барахлить кинжальные дюзы, и капитан велел лечь в дрейф.

В качестве материнского тела выбрали оказавшуюся ближе всего небольшую красноватую планету, лишенную атмосферы, и вскоре пульсолет вышел на замкнутую орбиту. Вряд ли пустые небеса планеты видели когда-либо подобную рыбину, словно выхваченную из венерианских глубин, которая старательно вырисовывала вытянутый эллипс.

Первое время все, кто был свободен от вахты и от ремонтных работ, собирались перед капитанским экраном, наблюдая за всхолмленной поверхностью неведомой планеты.

Орбита «Валенты» была сильно сжата, и, когда корабль удалялся от планеты, приходилось включать инфразор. В глубине экрана сонно проплывали круглые кратеры, редкие зубцы пиков, отбрасывавшие черные тени, и холмы, холмы, холмы...

— Марсианские прерии, — заметил Вен, посасывая неизменную трубку.

Постепенно движение на экране ускорялось. Все быстрее наплывали кратеры, теснились холмы, обгоняли друг друга пики. Затем в страшной близости, перед самым носом «Валенты», пронесился кусок красной планеты. Иногда это был видимый до мельчайших деталей вздыбленный обломок базальта, а однажды промелькнула ощеренная пасть расщелины, на краю которой зацепился крохотный не то кустик, не то моток мертвых металлоидных образований...

Корабль проходил перигелий — и все начиналось сызнова: бесконечная тянучка, нудное наплывание однообразных пейзажей, осточертевшая замедленная съемка.

Первым это заметил Вен.

Случилось так, что подле экрана был он один. Часть людей

была занята, другим попросту приелось однообразное зрелище.

Вен задумчиво подкручивал настройку. Он думал о Земле, голубой планете, отделенной от него одиннадцатью световыми годами плоского пространства. Когда еще «Валенту» примут в надежные объятия крепкие руки земных станций наведения? Дюзы корабля оказались поврежденными гораздо больше, чем думали сначала. Их изъязвил кратковременный ливень из античастиц, в который «Валента» недавно попала.

Хорошо, что капитан не посадил корабль. Пока они оставались на орбите, у Вена еще теплилась надежда, что по возвращении на Землю его встретит то самое поколение, которое провожало «Валенту», а не преуспевающие потомки, которые будут рассматривать Вена как воскресшего неандертальца. Если же они сядут здесь, то при старте неизбежна свертка пространства-времени, и в результате пульсации люди «Валенты» по крайней мере на полвека отстанут от землян.

Из мерцающей глубины на Вена неторопливо надвигался зияющий кратер, заштрихованный косыми тенями окаймляющих его пиков.

Внезапно Вену почудилось, что по дну кратера что-то движется. Он поставил выборочное увеличение. Скачок — и весь экран превратился в циклопическую впадину с крутыми склонами и дном, испещренным извилистыми морщинами. Но внимание Вена привлекли не красноватые складки почвы. Из черной тени, распростертой на дне кратера, медленно выполз шар. Он излучал слабое серебристое сияние. Шар двигался слабыми толчками.

На глаз трудно было определить истинные размеры шара, а подойти к измерительному пульту Вен не мог — он не желал и на миг оторваться от экрана.

Еще десять секунд — и чудесное видение исчезло. Шар пропал, растаял, хотя дно кратера было видно достаточно отчетливо. Сколько Вен ни теребил настройку, загадочный предмет не появлялся. Может быть, он спрятался в тени одной из скал? Вен включил инфразор. Тщетно. Неужели шар впрямь растаял? Может быть, он обладает способностью растворяться? А потом конденсируется, возрождается из распыленных частиц, как Феникс из пепла?

Если так, то немудрено, что до сих пор никто из экипажа его не обнаружил.

Вен потерял глаза. Может, почудилось?..

Кратер потихоньку уплывал вбок. Искромсанная мертвая материя, застывшая в вечном сне. Почва, которой от века не касалось дыхание жизни.

«Оптический обман, — решил Вен, включая инфразор. — Идиотская шутка, которую сыграло неправильное преломление».

Своим открытием — действительным или мнимым — Вен

ни с кем не поделился. Но через 44 минуты, составляющих период обращения «Валенты» вокруг безжизненной, как об этом в один голос твердили все индикаторы, планеты, Вен снова был в обзорной рубке.

Как назло, перед экраном торчал долгоязыый Горт, второй штурман. Он развалился в кресле, выставив острые коленки. Весь вид второго штурмана выражал безразличие, смешанное с легким презрением к тому, что мог предложить обзорный экран.

Вен с замиранием сердца ожидал появления кратера. Кажется, он так не волновался и тогда, когда «Валента» попала в ливень античастиц.

Вот оно, неровное дно первозданной ямы.

Как бы случайно Вен повернул верньер... И чудо повторилось. Полупрозрачный, на этот раз почти незаметный в лучах светила, которое почти достигло зенита, шар плыл над почвой, лениво воспроизводя в полете ее неровности.

Вихрь мыслей оглушил Вена. Живое существо наперекор всем индикаторам? Единственный комок жизни на мертвой планете? Но почему он в кратере? Свалился и не может выбраться? А может, если хорошенько поискать, то там, внизу, найдутся и другие шары? Может, этот, в кратере, один из аборигенов планеты?

Жизнь не обязательно разум. Возможно, шары — разумные существа. Но с тем же успехом можно предположить, что это полурастения-полуживотные наподобие медуз, лишенные малейших признаков разума.

Вен искоса посмотрел на Горта: заметил или нет? Но по виду Горта трудно было что-нибудь определить. Когда кратер ушел с экрана, Горт зевнул, затем потянулся так, что хрустнули кости. «Не заметил», — подумал Вен.

Ход мыслей Вена нетрудно было понять. Капитан «Валенты» был помешан на контактах землян с разумными формами, населяющими чужие миры. Послушать его, так чуть не на каждой планете, где имеются мало-мальски сносные физические условия, неизбежно должна возникнуть жизнь. Правда, для подобного оптимизма немного пищи. Сколько таких планет занесено в каталоги, сколько их добавляется туда каждый год, а вот о разумных существах, населяющих эти миры, он, Вен, что-то не слышал. Недаром же кто-то сказал, что в общем процессе мироздания жизнь есть явление аномальное, нечто вроде опечатки, которой, в общем-то, быть не должно и которая появилась случайно, по недосмотру. Как это остроумно писал автор, Вен забыл его имя? Да, что-то вроде того, что если бы на каждой планете была жизнь, то вселенная уподобилась бы книге, состоящей из одних опечаток.

Да и бог с ними, разумными существами. Без них спокойнее. В глубине души Вен не верил в возможность контактов

двух цивилизаций. Недаром в детстве на него наиболее сильное впечатление произвела война с марсианами, красочно, хотя и со многими непонятными словами описанная Уэллсом. Его книгу к тому времени археологи только обнаружили при раскопках в древнем книгохранилище.

Достаточно сказать о таинственном шаре капитану, и пиши пропало. Он как пить дать посадит «Валенту», велит заглушить двигатели и приступит к осуществлению тех самых возжеленных контактов, которыми он в продолжение полета все уши прожужжал.

И сидеть им на этой дохлой планетке до скончания века.

А какие там контакты! Может, этот шар и яйца выеденного не стоит. Мало ли знает история космоплавания случаев, когда целые экипажи становились жертвами миражей?

Горт подмигнул Вену с видом заговорщика. «Он видел», — понял Вен.

— Забавная штучка, — процедил сквозь зубы Горт.

— Что ты об этом думаешь? — быстро спросил Вен.

— Кто его ведает... Во всяком случае, спешить не надо, — сказал Горт.

— Верно, — обрадованно подтвердил Вен.

— С нашим экпом только прилипни... Срастемся с планеткой...

— И не видать нам Земли как своих ушей, — закончил Вен и хлопнул по плечу новоиспеченного собеседника.

Вен и Горт решили потихоньку продолжать свои наблюдения. Их обуревали противоречивые чувства. Конечно, прилипнуть на долгие годы к захудалой планете — радости мало. Во с другой стороны... А вдруг именно здесь, на затерянном островке, им суждено обнаружить то, что человечество тщетно ищет в открытом космосе в течение стольких столетий?

Ремонт кинжальных дюз «Валенты» продвигался своим чередом. Корабль исправно наращивал свои витки вокруг случайной планеты. Вен и Горт, пользуясь свободным временем, проводили долгие часы у обзорного экрана. По этому поводу над ними даже начали подтрунивать. Впрочем, тайна с шаром продолжала оставаться их достоянием. Экран с его однообразной информацией всем надоел, и охотников изучать повторяющиеся пейзажи не находилось.

Несмотря на все усилия, Вен и Горт обнаружили на поверхности планеты еще только один шар, правда, совсем непохожий на первый. Если первый шар был серебрист, то второй бледно-розово светился. Первый заметить было легче — он выделялся. Второй шар был в масть красноватой почве планеты. Плавал он в том же кратере, что и первый.

Как жалели потом Вен и Горт, что не догадались снять микрофильм, самый паршивый, любительский, узкоплечный!

Это заткнуло бы рты всем умникам и положило конец насмешкам.

Но что упущено — того не воротить, и поздние сожаления не самое полезное занятие...

Каждого приближения «Валенты» к кратеру Вен и Горт ожидали теперь с радостным нетерпением, словно дети, тайком проникшие на взрослый фильм и ждущие начала сеанса.

И шары не обманывали их ожидания. Всякий раз они вели себя по-разному. Шары то сходились, то расходились, но чаще всего они крутились один возле другого — «флиртующие дворняги», по определению Горты.

Однажды, когда Вен включил предельное увеличение, ему показалось, что на Серебристом шаре блеснула эмблема — стрела, а на красном шаре эмблема — колос. К сожалению, Вен был один — Горт был занят в кинжальном отсеке.

Второй штурман поднял Вена на смех.

— А еще астробиолог! — сказал он, — Уж не спугал ли ты увеличитель с пепельницей?

— Прибереги свои шуточки, — посоветовал Вен.

— Рассуди сам, — сказал Горт. — Откуда здесь могут вдруг появиться символы Земли?

Вен пожал плечами. Ему и самому теперь казалось, что он стал жертвой галлюцинации.

— Я понимаю: мысли твои на Земле, — продолжал Горт, — ты думаешь о ней все время... Мудрено ли, что тебе померещились стрела и колос?

Вен отвел глаза от длинной фигуры Горты, облокотившегося на пульт. Кажется, он в самом деле свалил дурака.

— Представь себе, что ты наблюдаешь извержение вулкана, — сказал Горт. — И вдруг дымовой султан начинает выписывать в небе слова. Ну, скажем: «Вен — славный малый». Существует вероятность такого события? Существует. Но она примерно такая же, как вероятность обнаружить эмблему Земли на подозрительном шарике, обитающем на планете, принадлежащей системе Эпсилон Эридана. И потом, заметим в скобках: самый факт существования двух шаров все еще находится под сомнением. Может быть, это не больше, чем оптический обман, — закончил Горт.

Спорить с Гортом Вен не стал — он не любил пререкаться, даже когда был уверен в своей правоте. А тут... увеличитель на «Валенте» старый, оптика неважная. Давно бы пора заняться ею, да руки не доходят: капитан говорит, что есть дела поважнее.

Мудрено ли ошибиться при таких обстоятельствах?

Но если это и был оптический обман, то обман довольно стойкий. Они продолжали наблюдать фантастический танец шаров. И любой, кому не лень, мог бы к ним присоединиться, но этого не случилось.

Старый ученый повернул последний микроблок и выпрямился.

— Все, — сказал он и отошел от стенда, любуясь делом своих рук.

Окруженный хитросплетением монтажных нитей, на нейтральной подставке красовался Серебристый шар двухметрового диаметра. В ячейках его памяти хранилась практически вся информация, накопленная человечеством за долгие тысячелетия эволюции. Все — от культуры и быта до новейших побед в завоевании космоса — хранил шар в бездонных ячейках своей памяти.

Это был полпред человечества. Идея заключалась в том, чтобы забросить шар в ту область пространства, где наиболее вероятно наличие разумной жизни. Обнаружив разумные существа, шар должен был, по замыслу конструктора, вступить с ними в контакт и обменяться информацией. В обмен на земные сведения серебристый посланец должен был собрать данные о том, как живут далекие существа, не просто собрать сведения, а осмыслить их с единой точки зрения. Именно поэтому шар имел одного лишь конструктора — старый ученый посвятил своему детищу всю жизнь.

Старый ученый... Не всегда он был старым. Дерзкая мечта воспламенила его воображение.

Совет Земли пошел ему навстречу. Тысячи ученых и инженеров в разных уголках Солнечной системы работали на Серебристый шар. К тому времени квалификационная комиссия дала ему высшую аттестацию. Он один координировал усилия тысяч, направляя их в общее русло.

И вот долгие годы, бессонные ночи — все позади.

Нечего и говорить, во что обошелся землянам блистающий посланец, замерший на монтажном стенде.

Старому ученому почудилось, что шар в нетерпении ждет, когда наконец можно будет приступить к выполнению предначертанной программы. Но ученый понимал, что это было не более чем игра воображения: атомное сердце шара было еще отключено.

Ученый нажал клавишу, и экран, стоявший особняком, зажегся. Из глубины его выплыло лицо, знакомое всем землянам. Улыбка заставила морщинки бежать к уголкам глаз.

— Добрый вечер, — сказал старый ученый.

— Добрый вечер, — ответил председатель. — Точнее, добрая ночь. Опять не ладится? Нужна помощь?

Ночь была для кого угодно, только не для председателя Совета Солнечной — он бодрствовал, окруженный сонмом мерцающих экранов связи, не в кабинете, а в кабине звездного корабля, экипаж которого — все человечество...

— Я закончил, председатель, — сказал старый ученый. — Шар готов выполнить программу.

— Поздравляю, — сказал председатель. — Вчера на совете ученых обсуждали, куда запустить шар.

— Совет уже выбрал звезду?

— Да.

— Какую? — спросил ученый, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Эпсилон Эридана.

С Серебристым шаром от ученого уходило навсегда что-то близкое, то, с чем он сроднился за долгие годы научного продвижения, улетала прочь частица его собственного «я». До этой минуты возможность полета шара в открытый космос казалась далекой и нереальной. Но вот уже намечен район финиша ракеты-носителя — Эпсилон Эридана. До недавнего времени малопримечательная звездочка, от которой световой луч идет до Земли без малого одиннадцать световых лет. В последнее время отсюда стали поступать упорядоченные радиосигналы, и тысячи объективов нацелились на далекую звезду. Естественно, что именно ее выбрал совет ученых в качестве возможного очага разумной жизни. Уже, наверное, и дату запуска наметили...

— Старт через четыре дня, — сказал председатель, будто отвечая на взволнованные мысли старого ученого.

Председатель быстро нагнулся и сделал какую-то пометку.

— К сожалению, мы не научились еще свертывать пространство, — сказал председатель. — Полет вашего питомца будет долгим...

— Я знаю.

— Но, быть может, наши внуки получат от него победные сигналы, знаменующие великое завоевание нашей цивилизации — установление контактов с разумной жизнью иных миров. — Председатель на миг прикрыл глаза. — Мы, земляне, верим, что рано или поздно встретим во вселенной братьев по разуму. Так пусть честь первого знакомства выпадет на долю нашего общего питомца!

Оба, не замечая этого, говорили о шаре, словно о живом существе.

— Я включу сердце перед стартом, — сказал ученый. — Энергия понадобится шару в полете.

Председатель кивнул.

— А вы не забыли снабдить шар эмблемой? — спросил он.

— Какой эмблемой? — не понял ученый.

— Эмблемой землян.

— Стрела?

— Конечно. Пусть шар понесет нашим братьям по разуму символ Солнечной системы.

— Хорошо, я сейчас высвечу эмблему, — сказал ученый.

— Чем?

— Лазерным лучом.

— И пожалуйста, сделайте ее покрупнее, — сказал предсе-

датель. — Совет слушает! — Последнее относилось уже к вызову Сатурна, экран которого нетерпеливо мигал.

Ученый уронил лицо в ладони. Он старался мысленным взором пробить неподатливую толщу времени и угадать то, что ожидает посланца Земли там, на далекой Эпсилон Эридана. Шар будет еще где-то на полпути, а он умрет, повинаясь неумолимому бегу времени. Неумолимому... Это пока что. Еще несколько десятков лет — и люди построят наконец кристалл инверсии, с помощью которого можно будет искривлять пространство-время. Какие блага принесет людям кристалл инверсии, сейчас сказать трудно. Об этом можно только гадать.

Быть может, корабль, вооруженный кристаллом инверсии, мог бы достичь Эпсилон Эридана за считанные часы? Быть может, с помощью этого аппарата люди взнуздают наконец строптивое время? Быть может... Но к чему пустые мечтания?

Через четыре дня Серебристый шар стартует к Эпсилон Эридана. Потомкам, возможно, эта звезда будет представляться на расстоянии вытянутой руки, но если лететь на обычной фотонной ракете, то она далеко, очень далеко...

Хочется верить, что выбор сделан правильно. И шар, наладив первый контакт с Иным Разумом, обессмертит имя ученого.

Давно ушли в прошлое времена, когда человек наивно ожидал встречи с разумными существами чуть не на каждой открываемой планете. Когда-то он ожидал, что встретит их на Марсе... Венере... Но не нашел там ничего, кроме самых примитивных форм жизни.

Техника астроплавания совершенствовалась, звезды становились ближе, но предполагаемая встреча с Разумом отодвигалась все дальше в космос.

В свое время много надежд связывалось с созвездием Центавра. Но космопланы землян, в конце прошлого века достигшие Центавра, обнаружили там лишь две планеты, поверхность которых была начисто выжжена радиацией.

Шли годы, но братья по разуму что-то не находились, и тоска человечества по родным существам оставалась неутоленной.

И когда ученые оповестили мир, что радиотелескопы обнаружили правильные радиосигналы, обладающие периодичностью, сердца забились сильнее. Источник сигналов находился в системе Эпсилон Эридана. Люди на все лады повторяли друг другу подробности: сигналы ритмичны. В них легко уловить определенный порядок. Лингвистические центры работают круглосуточно. Сигналы скоро расшифруют... Всюду: в соляриях, на бегущих лентах улиц, в салонах пассажирских бустеров — только и разговоров было, что о чудесных сигналах.

Общий смысл разговоров можно было выразить одним словом: наконец-то!

План был прост. Сначала к Эпсилон полетит автоматиче-

ский разведчик. Он сообщит на Землю результаты первого контакта. После этого на первое свидание полетят отважные капитаны... Сегодня на осуществление этого плана нужны долгие десятилетия. Но кто может знать, что произойдет завтра? Какие открытия сделают физики? Какие конструкции изобретут кибернетики? Какую новую власть над временем и пространством даст людям кристалл инверсии?

Старый ученый хлебнул остывшего чая. Он стар, он вряд ли доживет до того блаженного дня, когда Серебристый шар возвестит с далекой звезды о долгожданном контакте. Но разве дело в том, доживет он или нет?

От долбленных плоскодонок и до гравитационных пульсоловов, которые появятся завтра, путь неблизок. Трудна спираль познания. Непрост эстафетный бег поколений, сменяющих друг друга. Пылающий факел разума передается бегунами из рук в руки. Ветры колеблют пламя, дожди гасят — и люди вновь и вновь возжигают его. И опять вперед, вперед! Придет время — теперь уже старый ученый не сомневался в этом, — и факел подхватят уверенные руки далеких братьев по разуму.

— Эпсилон Эридана, — произнес он вполголоса, упиваясь звучанием этих двух слов.

Мог ли знать старый ученый, что сигналы с Эпсилон Эридана будут расшифрованы землянами лишь через десяток лет? При этом выяснится, что источником их, по всей вероятности, являются глубинные процессы в звезде. Периодичность? Но в этом нет ничего необычного. Мало ли периодических процессов известно на Земле. Достаточно вспомнить хотя бы камчатские гейзеры, иные из которых извергаются через настолько равные промежутки времени, что по ним можно выверять часы.

К тому времени, когда была выяснена истинная природа ритмичных радиосигналов с далекой Эпсилон, прервалась связь с ракетой, на которой стартовал серебристый посланец Солнечной системы. Вероятнее всего, он погиб. Как известно, опасностей в дальнем космосе больше чем достаточно...

После этого неудачная попытка с шаром была забыта — слишком много других событий и забот у человечества, штурмующего звезды.

Но старому ученому не суждено было дожить до разочарования. Он умер, когда ракета с шаром на борту миновала границы Солнечной системы.

Жители Лимены, благословенной планеты Семи Солнц, также уловили странные сигналы, испускаемые звездой, расположенной в чужой галактике. Для того чтобы уловить сигналы, им не понадобились искусственные сооружения в виде циклопических радиотелескопов, необходимые землянам. Лименяне могли сами как заблагорассудится перестраивать собственное

тело, и радиоуши их давно были открыты таинственным зовам вселенной...

Стоит ли удивляться тому, что киберпосланец, сооруженный ими для путешествия в дальнюю галактику, также имел форму шара, как и полпред Земли?

Шар — наиболее совершенная геометрическая форма, а законы математики неизменны, где бы ни находился и каким бы ни был мозг, познающий эти законы.

Это был не первый шар, посланный лимениями в пространство. Но до сих пор ни один из разведчиков не сообщил о срабгах по разуму.

Но лименияне не отчаивались. Следующий шар они собирались послать на окраину небольшой галактики, имеющей плоскую форму. Звезда, царящая в этой части вселенной, была относительно холодной, температура ее поверхности не превышала семи тысяч градусов. Нейтринные щупы, смонтированные лимениями, обнаружили несколько планет, обращающихся вокруг этой звезды. Особое внимание лимениян привлекла голубая планета. Цвет ее, по-видимому, объяснялся богатой атмосферой, а где атмосфера — там наиболее вероятна жизнь...

Однако поначалу необходимо было дожидаться, что, сообщит шар, транспонированный к Эпсилон Эридана. Лименияне во всем любили методичность.

* * *

Вен и Горт зажили напряженной жизнью. В урочные часы они трудились вместе с другими в кинжальном отсеке «Валенты», занимаясь кропотливой, почти ювелирной работой, а каждую свободную минуту проводили у экрана, которым, кроме них, решительно никто не интересовался.

Каждый раз, когда «Валента» пролетала над заветным местом, Вен и Горт наблюдали одну и ту же картину: два шара, то сближаясь, то удаляясь друг от друга, продолжали свой таинственный бесконечный танец.

— Не могут разумные существа предаваться такому бессмысленному занятию, — сказал Горт.

— Если нам что-то кажется, это еще не значит, что так и есть на самом деле, — глубокомысленно заметил Вен.

— Так что, расскажем нашим?..

— Погодим еще один виток.

Этим обычно заканчивались все их разговоры о двух шарах, совершающих свой эволюции на дне кратера.

...Серебристый шар не мог просто записывать информацию, получаемую от Розового. Прежде он должен был осмыслить ее, расшифровать хотя бы в общих чертах. Так человек не может глотать куски пищи, не разжевав их.

Логические блоки Серебристого вибрировали от крайнего напряжения. Омывая все системы, в бесчисленных капиллярах

все живее циркулировала кровь — сверхтекучий жидкий гелий, охлажденный почти до абсолютного нуля. Лишь благодаря сверхнизкой температуре блоки его могли вместить колоссальную информацию, обобщающую многотысячелетний опыт землян, от первобытных пещер и кровавых войн до фотонных кораблей и разумного, справедливого строя, утвердившегося в пределах Солнечной системы.

В общем, Серебристый успешно долетел до Эпсилон Эридана, если не считать того, что шальной микрометеорит сжег радиоблок, предварительно протаранив защитную оболочку. На полете к цели шар отдал несколько точных команд, корректирующих полет, и катапульта выбросила его на круговую орбиту вокруг единственного спутника звезды — красноватой планеты, которая оказалась безжизненной. Полтора десятка витков, опоясавших планету в разных направлениях, — и поверхность небесного тела была как на ладони — так, наверное, сказал бы Учитель, окажись он здесь. Жив ли он? Вряд ли. Но что с того, если все его знания, вкусы, черты характера, привычки — все сохранилось в памяти Серебристого. Он мог бы воспроизвести на сферозкране Учителя, задумавшегося над формулой, или монтирующего замысловатую схему, или гуляющего с внучкой по осеннему саду...

В течение нескольких часов детальная карта планеты была готова. Ненужный труд! Ритмичные сигналы испускает светило, о жизни на котором, конечно, не может быть и речи. Что же касается этой планеты, с которой земляне связывали когда-то столько надежд...

Внутренний луч Серебристого медленно обошел модель рыжей планеты.

Одинокие голые скалы, потрескавшиеся от резких перепадов температуры.

Красный песок, от века не знающий ветра — планета не имела атмосферы.

Мир без полутонов, мертвый мир, в котором день соседствует с ночью.

Вот эта площадка залита палящими лучами звезды. Но шаг в сторону — и ты попадаешь в тень, отбрасываемую скалой, а тень — это непроглядная темень. Непроглядная, разумеется, с точки зрения человеческого восприятия. Но именно с этой точки зрения Серебристый трансформировал сигналы, поступающие от нейтриноглаза и прочих датчиков.

Участки, озаренные солнцем, раскалены — не дотронешься. Теневые места словно лужицы пролитой туши.

И ничего живого! Ничего того, о чем говорил Учитель, напутствуя его перед дальней дорогой. Где братья по разуму, о которых мечтал он? Уверенность Учителя основывалась на ритмичных радиосигналах, поступающих на Землю именно отсюда.

Что же. Вот он — источник этих сигналов. Ритмичные из-

вержения на звезде Эпсилон Эридана. Серебристый проверил — хронометр природы работал безукоризненно. Словно кто-то через разные промежутки времени бросал камешки в покойный пруд. Бросок — и круги бегут по воде... Основной рисунок ритмичных электромагнитных сигналов и нащупали земные радиотелескопы. Прихоть горячей материи. При чем здесь разум?

Электронный мозг пришел к умозаключению, что программа исследований выполнена. Звезда Эпсилон Эридана не имела больше планет, и эта, единственная, оказалась — увы! — мертва. Но Серебристый помнил улыбку, напутственную улыбку надежды, осветившую старое, словно вырезанное из потемневшего дуба лицо Учителя. Помнил его последние слова, обращенные к Серебристому, которому только что, перед самым стартом, включили сердце. Он вообще помнил все: забывать — свойство человеческой памяти, но не гелиевой.

И Серебристый, описывая круги вокруг розовой планеты, снова и снова прощупывал каждую пядь горячей почвы.

Безымянная планета шла своим извечным путем вокруг материнского светила, и не было ей никакого дела до новообращенного спутника, неутомимо вившегося вокруг нее.

Но что это? Из-под скалы выплыл странный предмет. Сомнений не было — он перемещался! Серебристый мигом сконцентрировал на движущемся предмете все внимание, погасил скорость и пошел на снижение. Это произошло интуитивно — недаром он столько лет общался с учителем, которого люди называли величайшим ученым.

В центральный мозг отовсюду стекалась информация о неизвестном предмете. Предмет такого же цвета, как окружающая почва. Может быть, поэтому Серебристый не различил его сразу? Чем объяснить цвет этого пылающего шара? Мимикрия?

Стремительно снижаясь, Серебристый решил, что шар — живое существо. Но затем пришел к выводу, что шар вряд ли мог появиться в результате эволюции. Вскоре Серебристый понял, что Розовый шар, по всей вероятности, дело рук, управляемых высоким разумом!

...И вот посланец далекой Земли каждой из своих бесчисленных клеточек ловит и пытается расшифровать сигналы, излучаемые Розовым шаром. И с каждым часом температура ледяной крови — охлажденного практически до абсолютного нуля жидкого гелия — медленно, но верно повышается. Таково было неизбежное следствие перенапряжения, испытываемого Серебристым.

Общий язык! Алгол-система! Универсальный язык разума! Тысячи людей на Земле (говоря «на Земле», имеется в виду вся Солнечная) трудились над этой проблемой, целые институты — от Зеленого городка до венерианского Лингацентра — усердно начинали блоки Серебристого разнообразной информацией на этот счет, но вот он встретил представителя иного разума, и все

предыдущие труды, связанные с общим языком двух цивилизаций, оказались бесполезными.

Конечно, несколько десятков общих понятий у них нашлось. Учитель оказался прав — существуют вещи, непреложные для любого разума, в каком бы уголке вселенной он ни возник и как бы ни отличался от человеческого: простые числа, законы сложения скоростей, формула, связывающая массу с энергией... Но это были ничтожные островки в море неведомого.

Весь человеческий опыт, собранный в серебристый сгусток, оказался недостаточным, чтобы понять то, что неустанно пытался сообщить Розовый шар.

Серебристый с трудом удерживался на предельном режиме. Это было балансирование на краю пропасти. Каждый час термopара посылала в центральный мозг импульс о Том, что температура крови, омывающей логические ячейки — температура сжиженного гелия, поднялась еще на тысячную долю градуса. Но мозг оставался глухим к этим тревожным сигналам. Все ячейки продолжали титаническую работу по дешифровке сигналов, испускаемых Розовым шаром.

Вот когда сказался характер того, кто по праву считался создателем серебристого посланца! За долгие годы воля ученого, его фанатичность, штурмом берущая преграды на пути к цели, не могли не отложить отпечаток на чуткие системы Серебристого.

Розовый шар проделывал динамические эволюции.

Но может быть, такое поведение было, для Розового нормой? Этого электронный мозг Серебристого не знал, поскольку они так и не сумели выработать общий язык.

Они медленно двигались по выжженной всхолмленной равнине — одинаковые по внешнему виду, но такие бесконечно разные, руки двух разумных миров, протянутые для первого рукопожатия. Последует ли за первой попыткой контакта другая, более решительная? Кто мог сейчас ответить на этот вопрос?

Когда на пути двух шаров встретился широкий кратер, оба, не сговариваясь, нырнули в черную пропасть, зубцы которой были озарены рассветными лучами сурового здешнего солнца — звезды Эпсилон Эридана. Идея была ясна: для того чтобы сосредоточиться на взаимном общении, нужно было по возможности свести к нулю все внешние раздражители: любая картина меняющегося пейзажа отвлекала мозг от главного...

— Гляди-ка. Крутятся, как раньше. И не надоест!

— По-моему, они сблизились.

— Да куда уж ближе. Чуть не склеились!

Когда кратер скрылся из виду, на экран вновь напоззли бесконечные холмы. Вен отвернулся от мерцающего прямоугольника и посмотрел на Горту. Под глазами Вена явственно обозначились мешки — свидетельство бессонной ночи.

— Я все время думаю, — тихо сказал Вен. — Не совершаем ли мы трагическую ошибку?

— Потиху, — сказал Горт, оглянувшись.

— Вдруг это все серьезно? — продолжал Вен. — Что, если это не мираж и не случайные вихревые образования, как кажется тебе и мне, а нечто важное? Может быть, тогда необходимо немедленно...

— Посадить «Валенту»? — подсказал Горт.

— Да.

— А ты представляешь, что это будет означать? Для всех. И для тебя, в частности.

— Мы не имеем права хранить все это в тайне.

— Если мы сядем, то тем самым добровольно похороним себя, — негромко сказал Горт. — Похороним в прошлом. Это, надеюсь, ты понимаешь?

Вен вплотную подошел к Горту.

— И все-таки... несмотря ни на что... мы должны рассказать остальным, — сказал Вен. — Мы не имеем права. Понимаешь? Не имеем права скрывать.

— Наверно, ты прав, — вздохнул Горт. — Я тоже это понял. — Оба одновременно посмотрели на хронометр, поблескивающий в центре пульта.

— Кратер появится через двенадцать минут, — сказал Вен и потянулся к видеофону.

— погоди, — остановил его Горт. — Охота тебе оказаться посмешищем? Я предлагаю вот что: давай понаблюдаем за шарами еще раз. Единственный раз. Если они на этот раз не исчезнут — тогда можно оповещать экипаж, а там уже как капитан решит.

— Хорошо, — сказал Вен. — Еще один раз.

Если бы второй штурман и астробиолог корабля знали, что потеряет человечество из-за их медлительности! Возможно, если бы экипаж «Валенты» принял срочные меры, беду можно было бы предотвратить. Возможно... Впрочем, рассуждения на тему «что было бы, если бы», вряд ли обладают большой ценностью.

Когда центральный мозг Серебристого шара спохватился, было уже слишком поздно. Регулятор температуры вышел из строя, и наладить его было невозможно. Каждая из миллиардов клеток, составляющих организм Серебристого шара, взбунтовалась, и гибель каждой из них была равносильна гибели целого мира — настолько огромную информацию несла каждая клетка.

С повышением температуры жидкий гелий начал превращаться в газ. Газ не находил себе выхода, и давление внутри Серебристого шара катастрофически повышалось.

— Вот они. Оба!.. — Как ни странно, Горт уловил в голосе Вена радость.

— Клянусь космосом, Серебристый вырос раз в десять, — сказал Горт. В душе он смирился уже с тем, что вместе с «Валентой» нырнет в глубокое прошлое. И когда корабль — усталая рыба — вынырнет у благословенной Земли, Горт уже не встретит на ней ту, которая дороже всего на свете...

— Стрела и колос! — крикнул Вен.

Но Горт видел и без него. Сияющие эмблемы отчетливо красовались и на Розовом и на Серебристом шарах.

Стрела — символ вечной устремленности вперед, к звездам, к неизведанным тайнам, к новым мирам, где человека встретят — непременно встретят! — братья по разуму...

Колос — символ расцвета Солнечной, в которой утвердилось справедливое и свободное общество землян...

Гибель неизбежна — это Серебристый понял в неуловимые доли секунды. Надо сообщить Розовому шару — пусть отлетит подальше. Но как ему сообщить? Не поймет. А времени больше нет. Выход один — самому напасть как можно быстрее, пока еще двигательная система подчиняется центральному мозгу.

— Ну вот, теперь они в пятнашки решили поиграть! — невесело усмехнулся Горт.

Серебристый шар, раздувшийся до невероятных размеров, вылетел из кратера и теперь несясь над красной равниной, похожей на застывшее море, он агрессивно мчался на Розовый шар. Серебристый сиял, как маленькое солнце, так что смотреть было больно.

Еще несколько секунд — и они столкнутся.

— Давай, — сказал Горт.

Вен протянул руку к авральной кнопке.

В тот же миг ослепительная вспышка захлестнула обзорный экран. Безымянную планету потряс взрыв. Он был беззвучен, как все, что происходит в вакууме, и тем зловещее выглядел.

Просторная рубка быстро стала тесной. Люди столпились у экрана, наблюдая за белым султаном, протянувшимся высоко в зенит.

Видимость прояснилась. Потревоженная пыль быстро оседала. Еще какое-то время на экране можно было наблюдать полную впадину, образовавшуюся на месте взрыва.

Станный рассказ Вена и Горга никто не принял всерьез, тем более что в долгом полете «Валенты» уже бывали случаи галлюцинации. Короче говоря, медицинский отсек не пустовал в последние дни пребывания корабля на замкнутой орбите...

«Дюзы» починили. Пользуясь вынужденной задержкой, иссле-

довали с орбиты единственную планету звезды Эпсилон Эрида-на. Признаков жизни нет».

Капитан задумался. Встретит ли когда-нибудь человечество братьев по разуму? Или людям суждено долгие тысячелетия жить в одиночестве?

Капитан поправил на висках клеммы и дополнил биозапись еще одной фразой:

«На упомянутой планете отмечаю остаточную вулканическую деятельность».

Затем капитан пригнулся к мембране и сказал:

— Всем, всем! Приготовить корабль к орбитальному старту!

* * *

Обладая мгновенной реакцией, Розовый шар в момент гибели Серебристого шара сумел передать на планету Семи Солнц несколько отрывочных радиogramм, сам он остался кружиться возле Эпсилон Эрида, которая вскоре покрылась изумрудной краской — расцвела. Лучшие умы Лимены не сумели доискаться в этом смысла. Председатель совета ученых догадывался, что, возможно, обрывки фраз, полученных от Розового шара, если их расшифровать, могли бы пролить свет на историю цивилизации, одно было ясно: многое в космосе развивается по неведомым законам.

Не один лименянский ученый пытался истолковать тексты:

«Город — скопление большого числа индивидуумов на малом участке поверхности планеты при одновременном наличии огромных свободных пространств».

«Музыка — набор акустических колебаний различных частот, влияющих на психику индивидуума».

«Война — взаимное уничтожение организованных особей с целью доказательства своей правоты».

«Пища — энергия звезды, однако потребляемая не в виде излучения, а через посредство злаков, корнеплодов, животных, в основном же синтетическая».

«Танцы — ритмичные движения особей, чаще всего группирующихся парно».

Было и еще несколько обрывков, столь же непонятных.

Поскольку все усилия расшифровать странные тексты ни к чему не привели, лименяне пришли к выводу, что, по всей вероятности, логическая система розового посланца нарушилась вследствие больших перегрузок.

Поэтому было решено приступить к созданию нового, более совершенного посланца, но направить его не к Эпсилон Эрида, а в район Голубой планеты, обращающейся вокруг большого желтого светила. Но вероятность удачи и здесь была чрезвычайно мала.

Эта звезда была расположена на самой окраине далекой галактики, имевшей сплюснутую форму...

Инспектор полиции

У Джона Кребса, инспектора полиции центрального района города, очень болела голова. Он ходил по маленькому, неуютному, пропахшему мастикой, для натирки полов кабинету, слегка постанывая, потирая средним и безымянным пальцами нощи виски.

События последних дней начисто выбили его из привычной, как хорошо наезженная проселочная дорога, колеи. За двадцать пять лет государственной службы он никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Время от времени он останавливался у низенького, на круглых растопыренных ножках журнального столика, на котором в беспорядке валялись пухлые, растрепанные пачки газет.

Вчера у инспектора состоялся далеко нелицеприятный и весьма определенный разговор с большим начальством. Нет, на него никто не кричал. Но без обиняков дали понять, что сейчас, когда до выборов всего месяц, его, Кребса, судьба висит на волоске. Оппозиция использует события для захвата голосов обывателей. И если он, инспектор, в округе которого творятся такие неслыханные доньше преступления, через две недели не обнаружит и не передаст суду виновников, его принесут в жертву политике.

Кребс подошел к письменному столу, снял телефонную трубку и срывающимся с диска пальцем набрал номер.

— Контора Грега? — Он переложил трубку, ставшую влажной от потной ладони, в другую руку. — Это инспектор Кребс, здравствуйте. Мне нужен Том. В отпуске? Он мне необходим. Да, да, именно необходим. Найдите его, пожалуйста, и сообщите — он нужен мне, Кребсу, как воздух. Спасибо.

* *

Здание аэровокзала напоминало огромный голубоватый брусок льда, поставленный на длинные круглые и тонкие колонны-подпорки. Тучи сплошь закрывали небо. Еле-еле моросил дождь.

Том Грег благодарно улыбнулся молоденькой стюардессе,

поднял короткий воротник плаща, легко сбегал по пологому трапу и по выложенной разноцветной плиткой мокрой дорожке направился к широкой стеклянной двери с яркой неоновой надписью: «Добро пожаловать в наш прекрасный город». Миновав турникет, он пересек холл и, нащупав в кармане десять центов, сунул голову в похожую на приклеенную к стене прозрачную плексигласовую раковину — кабину телефона-автомата. Грег набрал номер и несколько секунд спустя услышал знакомый глуховатый и родной голос:

— Кребс.

— Здравствуйте, это Том. Что тут у вас стряслось? Надеюсь, ничего страшного с семьей? Я звоню с аэродрома. Где мы встретимся?

— Добрый вечер. Том. Очень рад, что ты приехал. Извини, пришлось побеспокоить, дело серьезное, а времени нет.

— Чепуха. Мне уже начинал надоедать отдых, и я, наверное, и так прикатил бы через недельку, а то и раньше. Где и когда мы встретимся? Как дела дома?

Кребс молчал.

— Может быть, у тебя? — неуверенно произнес Кребс.

— Отлично. Я еду домой, буду там минут через тридцать — тридцать пять, вы тоже выезжайте. До свидания. — Грег повесил трубку. Да, случилось действительно что-то из рук вон выходящее, если старик даже не поинтересовался его здоровьем.

Он подхватил мягкий полосатый чемоданчик с «молнией» и втиснулся в говорливый поток выходящих на квадратную, обсаженную серебристыми елями, блестящую влажным асфальтом Площадь.

Он свернул налево и быстрым шагом припустил к стоянке такси.

Машина тронулась, сделала большой круг, выскочила на широкую автостраду и понеслась к сияющему вдали огнями городу.

Через десять минут машина остановилась у небольшого четырехэтажного дома, окрашенного поштукатурке коричневой краской.

Том вылез из такси, расправил помявшийся плащ, расплатился, подхватил чемодан и Побежал к подъезду. Он был рад, что сейчас увидит своего названного отца. Том ворвался в квартиру и с восторженным возгласом бросился к сидящему на диване человеку. Тот поднялся навстречу и протянул руки. Грег на миг замер. До чего же изменился Кребс! Голова стала совершенно белой. Он похудел. На лбу резче обозначились складки. Глаза потускнели, он выглядел больным или смертельно усталым.

— Да что с вами? — воскликнул Грег.

— Плохо, мальчик, плохо. — Кребс положил свои большие руки ему на плечи. — Очень плохо. Давай присядем.

— Хорошо. Присаживайтесь. Я приготовлю кофе. Принесу шлепанцы.

Кребс снял мундир, сунул ноги в подставленные Томом тапочки, слегка постукивая горлышком бутылки о край рюмки, налил себе коньяк, выпил, облизнув губы и, отхлебнув из чашки горячий кофе, поставил ее на столик.

— Разговор, как я уже тебе говорил, предстоит долгий. Постарайся не перебивать меня, иначе я собоюсь. Мне понадобилась твоя помощь. Помощь криминалиста, сыщика, детектива и человека, которому я полностью во всем могу доверять. Да, да, не удивляйся, пожалуйста. И если уж я, бывший комиссар, один из лучших когда-то комиссаров, пришел за помощью, значит, действительно дело дрянь. Мне известно — ты с отпуска не читаешь газет, а тем более находясь далеко за океаном. Поэтому слушай.

Все началось дней десять назад, в субботу. Если мне не изменяет память — сейчас это бы было неудивительно, — ты как раз только что улетел на Гавайи.

— Совершенно точно, — подтвердил Том. — Я проводил Джин и днем уже порхал в воздухе.

— Так вот. Я сидел, как обычно, дома, когда позвонил дежурный и передал приказ немедленно прибыть к собору Благодарения, ибо там, как он сказал, творится что-то неописуемое.

Приближаясь к собору, я увидел огромную возбужденную толпу. Нет, это не была демонстрация, сборище хулиганов или что-либо подобное. Никаких флагов, плакатов, камней и пустых бутылок. Толпа зевает — лучше не назовешь. У подъезда вприпрыжку стояли полицейские и санитарные машины. Повсюду масса наших ребят — в форме и штатском. Как только я выскочил из автомобиля, ко мне подбежал младший инспектор Брайс. Если бы ты его видел! Этот безусловно храбрый человек был бел как молоко, трясся и заикался. Да, да, заикался. Ты только представь — заикающийся гигант Брайс. Он, сбиваясь, доложил мне следующее: в церкви состоялось бракосочетание известного мультимиллионера, короля химической промышленности, знаменитого Дика Робинсона и Кристины Хупер. Все было подготовлено по самому высшему классу. Среди друзей и знакомых, почтивших своим присутствием столь важную церемонию, находилось много весьма влиятельных особ нашего города, десятки журналистов, фото-, кино-, радио- и телерепортеров. И вот, когда наступил самый торжественный момент, в храме погас свет. Правда, он почти тотчас вспыхнул снова. Но по мне лучше бы он и не загорелся вовсе. — Кребс взял бутылку и налил коньяк, опять горлышко, предательски выдавая дрожь пальцев, стучало по рюмке. — Как только стало светло, ты даже не можешь вообразить, что там творилось. Боже мой!

— И что же там было? — спросил Том.

— Ни-че-го, — отчеканил Кребс и прикрыл на миг веки.

— То есть как ничего?

— Представь себе: на них ничего не было. На женихе, невесте, гостях и прочих. Они стояли, вернее метались, голые, в чем мать родила. Кто-то раздел их за те мгновения, покада было темно.

В церкви началась паника, некоторых в суматохе изрядно помяли, а иных и совсем задавили. Это был настоящий бедлам. Орали люди, орали полицейские, орали журналисты. Кто-то истерично хохотал, кто-то выл, кто-то исступленно чихал. Занимались своим делом фотографы и операторы телевидения, уж они-то погребли на этом руки. С огромным трудом удалось навести относительный порядок.

На следующий день газеты пестрели броскими заголовками и пикантными, если можно так сказать, снимками. Разразился скандал, какого еще не видывал город. Оппозиция захлебнулась от восторга — уж такой шанс перед баллотировкой упустить нельзя.

Они несколько минут сидели молча. Затем Кребс опять потянулся к бутылке и тихо, почти шепотом произнес:

— Но на этом не кончилось. Как бы не так. Спустя два дня то же повторилось на выставке декоративных цветов, организованной этой самой Хупер, теперь уже миссис Робинсон. В павильоне экзотических растений одиннадцать человек — среди них восемь женщин — снова расстались со своей одеждой.

Пресса визжала от восторга, заполняя прилавки киоскеров специальными выпусками и фотоприложениями. Оппозиция, наконец, ставила сотни свечей этим гангстерам, столь удачно и своевременно пришедшим им на помощь.

— Подождите, а не могли они это подстроить сами, кто-то из их рядов? Из тех, кто претендует на посты в новом правительстве?

— Я тоже сначала подумал так, — ответил Кребс. — Это было бы вполне закономерно. Но одно обстоятельство смешал? мне все карты. Если о двух предыдущих происшествиях я ин~формирован через других лиц, то третьему был свидетелем сам.

Да, да, настоящим свидетелем с начала и до конца. — Он осушил одним махом рюмку и, вытерев губы ладонью, сказал: — Позавчера. В театре-варьете «Голубые тени». Излишне напоминать — всю полицию после этих событий поставили на ноги, шпики, филеров. Даже вызвали несколько воинских подразделений. Всех инспекторов разослали в наиболее оживленные места, где обычно коротают досуг сливки общества и богатеи. Я очутился в варьете. Был в штатском, сидел в ложе осветителей, справа от сцены. Представление шло как обычно — все было нормально. На сцене три десятка девчонок исполняли бойкий танец. Опять погас свет. Правда, это никого не встревожило и не насторожило — все так и должно было следовать по ходу действия.

Вспыхнул свет.

— Я смотрел на сцену — ты знаешь, я не одобряю подобных зрелищ, но по долгу службы наблюдаю. Музыка гремела, а девахи не плясали. Да, мой милый. Они подошли к самой рампе и захлебывались от смеха. Гоготали во всю глотку, буквально ломались пополам и тыкали пальчиками в зал. Я взглянул туда и **тоже** захохотал, хотя, поверь, уж мне-то было никак не до смеха. Все смахивало на то, что зрители и актеры поменялись ролями. Первые два ряда — самые дорогие места — были сплошь заполнены голыми людьми. Они дергались, визжали; лезли под кресла, пытались чем возможно прикрыться. Это, я тебе скажу, была небывалая картина. Джаз наигрывал что-то очень быстрое, на сцене ржали артистки, а в партере мельтешили, не зная куда податься, обнаженные люди.

— Но почему же именно этот случай смешал все ваши карты и отвел обвинение от оппозиции? — спросил Том. — Мне думается, он их только укрепил,

— Да потому, что среди пострадавших находилась половина тех самых оппозиционеров и даже их лидер. Извини меня, конечно, в политике для достижения цели и все средства сойдут, однако выставять себя на всеобщее обозрение в таком непотребном виде, тем более на смех, вряд ли решится даже самый оголтелый карьерист.

Вот такие дела. — Он потер ладони и взглянул на Тома. — Что ты мне ответишь?

— Станный вопрос, отец. Я сейчас же начну расследование. Дело необычайное, но то, что творят одни, разоблачают другие. В различного рода дьявольщину я не верю. Не мог бы ты мне подробнее сообщить о всем происшедшем?

— В этом нет необходимости. Завтра утром я пришлю тебе с надежным человеком копии всех материалов по этому проклятому делу. Абсолютно все. — Он встал. — Сейчас мне надо идти домой.

Как сквозь вату в ушах, до Грега донеслись звуки шагов по лестнице, хлопок входной двери. Он медленно повернулся и побрел в комнату, на душе было пусто и тоскливо, как на похоронах или после посещения лечебницы, в которой находится близкий тебе неизлечимо больной человек.

Оставшись один, Том долго, в глубоком раздумье сидел в кресле. Что же это за банда, избравшая себе столь оригинальное амплуа массового раздевания, орудующая с таким блеском и такая неуловимая?

Том встал, подошел к письменному столу, открыл крайний ящик и из самого дальнего угла вынул маленькую картонную коробочку, в которых обычно обывательницы хранят недорогие безделушки. В ней лежал серебряный доллар. Монета почти

кичем не отличалась от миллионов себе подобных, если бы не одна небольшая деталь: в том месте, где стояла цифра, обозначающая номинал, виднелись три глубокие, длинной в два-четыре миллиметра, бороздки. Грег достал монету и подбросил ее на ладони. Он вспомнил тот злополучный день, когда она попала к нему.

Это случилось весной, после суда над бандой Майка Черепа. Суд этот, как палка о двух концах, с одной стороны, обернулся для Грега моральным триумфом, а с другой — крахом всех надежд и успехов на поприще государственной службы. После оглашения приговора, по которому знаменитый Майк, к своему несказанному удивлению, вместо ада, а ему, несомненно, предназначалась дорога именно туда, направился благодаря Грегу в тюрьму, и на весьма незначительный срок, к Тому протиснулся ничем не примечательный человек. Чернявый, худосочный, с серым, болезненным лицом, скромно одетый. Тому даже показалось, что он его где-то видел или кого-то тот ему напоминал. Но незнакомец представился сам — брат Майка. И протянул, улыбаясь, ему, тогда еще полицейскому, серебряный доллар, сказав при этом: мы ваши вечные должники, будет худо, поможем — монета пропущу всюду, где известно наше имя.

Грег еще раз подбросил доллар на ладони. Как он уцелел? Ведь тогда, в трагическую ночь в казино, он мог его истратить, так как твердо решил никогда не прибегать к услугам уголовников. А вот поди ж ты, теперь он пригодился.

Том спрятал монету в карман пиджака, прошел в спальню, вынул из тумбочки пистолет, осмотрел его, сунул в задний карман брюк, надел плащ, захлопнул за собой дверь и сбежал по лестнице вниз.

Автомобиль понесся по поблескивающему шоссе, словно финишные ленточки, разрезая желтые полосы света от фонарей на асфальте. Миновав центр, развернулся и осторожно въехал в узкий переулочек между двумя стенами высоких темных домов. По мере того как машина продвигалась вперед, становилось все темнее и малолюднее. Наконец перед небольшой аркой Том сделал знак притормозить. Он расплатился и вышел, автомобиль тотчас, рыкнув двигателем, тронулся с места и исчез за углом.

Кругом полная тишь и темень. Пересилив себя, он неторопливым шагом направился к темной, глубокой, как огромная труба, арке. Пройдя ее, он очутился в квадратном каменном дворе-колодце. Том опять осмотрелся по сторонам. Ни души. Он пересек двор по диагонали и остановился против ниши в стене, в конце ее была небольшая, но массивная дверь, на ней висел плоский синий почтовый ящик. Отодвинув его в сторону, он нажал на маленькую кнопку, утопленную в круглом, размером с банку из-под гуталина, вырезе. Том подождал ровно минуту и нажал еще три раза подряд. За дверью послышалась возня. Прошелестел отодвигаемый засов, в замке щелкнул ключ,

и дверь приоткрылась. В образовавшейся щели показалась голова человека. Том молча протянул монету. Открывший пристально окинул цепким взглядом Грега и посторонился, пропуская его внутрь.

Том вошел. Дверь тотчас закрылась, человек задвинул засов, и сейчас же в узком коридорчике вспыхнул свет. За своей спиной, почти вплотную, Грег чувствовал дыхание стоящего сзади. А прямо перед ним, загораживая проход и уставившись в глаза Тому, возвышалась фигура второго. Никто не говорил ни слова. Грег опять показал доллар. Верзила взял его в руки, повертел и поднес к самому лицу, точно нюхал. Затем шагнул к Тому и немного хрипловатым, но сравнительно приятным, совершенно не гармонирующим с его внешностью, голосом произнес:

— Поднимите, пожалуйста, руки, мистер.

Том поднял руки. Незнакомец обшарил его сверху вниз.

— Следуйте за мной. — Он, немного сутулясь, чуть не задевая широкими плечами стены, пошел по узкому коридору.

Кабинет был просторным, почти квадратной формы, без окон. По стенам стояли мягкие темно-зеленого цвета кресла. В углу телевизор и небольшой бар с холодильником. Справа полированный коричневый столик, на нем телефон, а в кресле тщедушный брюнет с бледным до синевы лицом, с резко выпирающими скулами и провалившимися щеками, рядом с ним на низеньком диванчике сидели еще двое в строгих черных костюмах и белых рубашках с галстуками. Чернявый поднялся навстречу Грегу и протянул вперед обе руки.

— Вот это сюрприз. — Он как-то тихо-тихо захихикал, словно прошелестели страницы книги. — Откровенно говоря, я не ожидал, что вы когда-нибудь придете, мистер Грег, уж очень вы были щепетильны.

Это и был знаменитый Майк Череп. Том отметил, что он почти не изменился, разве стал чуть-чуть полнее — раньше вообще был худ как скелет.

— Здравствуйте, Майк. — Грег пожал протянутую руку.

— Садитесь. На остальных не обращайте внимания, считайте — их нет.

Но Том обратил внимание. Второй, тот, что сидел слева, был не кто иной, как Дылда. Он обрюзг, под глазами нависли отечные мешки, оттопырилась нижняя губа, вылезли еще больше и без того редкие волосы. Его было трудно узнать, но Грег запомнил негодяя на всю жизнь.

Как наяву перед Грегом промелькнул бросившийся на бандита Косой и девочка, зажавшая ручонкой выколотый глаз. Он даже услышал ее жалобный вскрик и иступленный вопль Косого.

— Не предлагаю вам sprysнуть встречу. Вы же не пьете, — зашелестел смехом Майк. — Что привело вас ко мне?

— Самые недавние события. Вы читали газеты? Происшеств-

вия последних дней заинтересовали меня. Уж вам-то, должно быть, известно, что происходит, — это же ваши владения. Мне необходимо, жизненно необходимо выяснить, кто так виртуозно ухищряется освобождать людей от их одеяний?

— Пять минут назад мы беседовали на эту тему. — Майк сделал жест в сторону застывших как манекены людей. — Мы бы сами щедро заплатили тому, кто объяснил бы нам, властелинам округа, что творится в нашей же вотчине. — Глаза Майка стали злыми, оскalisiлись крупные желтые зубы, он уже не улыбался. — Если мы найдем этих каналов, не сомневайтесь — им не поздоровится. Это не наши. Единственно, чем они поживилась, — драгоценностями, разными колье, брошками, кулончиками, но они не раздевали и не взяли ни одной шмотки, даже носового платка. Скажу больше, я уже связывался с коллегами из других районов, они в полном неведении. Скажу еще больше (я помню, что вы сделали для меня), наши трюкачи в этой области заявляют: то, что происходит, сделать простому смертному нельзя.

— Вы можете идти, — он кивнул партнерам. — Через полчаса ты, Дылда, — Том отметил, что бывшее прозвище главаря так и прилипло к нему, — пойдешь куда мы условились. Я встречу с тобой позже.

Двое поднялись и покинули кабинет,

Майк подождал, когда за его друзьями закрылась дверь, встал и приблизился к Грегу.

— Я брошу вам небольшую, совсем небольшую зацепочку. Постарайтесь покопаться в делишках Дика Робинсона. Нюхом чую — именно в его алхимию ведут все дороги. Понятно?

— Спасибо, Майк, — сказал, вставая, Грег. — Можете на меня надеяться, я не проболтаюсь и в то же время последую вашему совету. Спасибо.

— Не за что. Дайте монету.

Том протянул доллар, Майк вынул изящный перочинный ножик с перламутровой инкрустацией на рукоятке и зачеркнул крестиком одну зарубку.

— У нас как в детской сказке о трех желаниях, — засмеялся он. — Монету с тремя надрезами мы даем как высшую награду. У вас осталось еще два. Будет плохо — приходите, всегда рад помочь. — Он похлопал Грега по плечу и подтолкнул к двери. — Ступайте, Грег. До свидания.

— Прощайте, Майк. — Том пожал протянутую бандитом руку и покинул кабинет.

Девушка провела его до выхода, ему вернули оружие и выпустили на улицу.

Проход, соединяющий двор с переулком, напоминал длинный, темный и узкий туннель.

Грег помнил: Майк приказал Дылде куда-то отправиться спустя полчаса, но он не знал, будет тот один или еще с кем,

пойдет этой дорогой или другим путем, а может, разговор касался вообще встречи в помещении — ему это не было известно, но он решил подождать и встал за мусорным баком.

Ждать пришлось недолго. В глубине двора хлопнула дверь, кто-то выругался, очевидно, споткнувшись, затем раздались уверенные и твердые шаги, несомненно мужские.

Том осторожно, затаив дыхание, выглянул из своего укрытия.

На сером фоне проема он увидел четкий силуэт долговязой фигуры. Это был Дылда.

Дылда проскочил от него в каких-нибудь двух-трех метрах, Тому даже почудился запах крепкого мужского одеколона и табака. Он перешагнул через бак, выхватил пистолет и навскидку выстрелил в затылок бандита.

Грохнуло очень громко, Грег, вздрогнув, присел и пожалел, что забыл навинтить на ствол глушитель. Звук заметался в каменном туннеле, слегка заложило уши, от запаха пороха запершило в горле.

Дылда, даже не вскрикнув, рухнул лицом вниз, на землю.

Грег огляделся и, не выпуская оружия из рук, опрометью бросился из-под арки. На улице было тихо.

Домой Том возвратился поздно. Настроение было препротивное, но совет, данный Майком, вселил в него надежду — среди мрака, окутавшего это загадочное дело, засветился, словно светлячок в дремучем лесу, крошечный огонек.

Он намеревался завтра побывать на местах происшествий: в церкви, в помещении, где происходила выставка цветов, и в театре.

Дома Том появился, не чувствуя ног от усталости, после полудня. Как он и ожидал, поездка, осмотр и беседа с несколькими на редкость бестолковыми и болтливыми свидетелями, дали очень мало, но все же кое-что удалось разузнать. Большинство очевидцев — а это были самые разные люди не только по характеру, но и общественному положению — в результате сводили весь разговор к присутствию каких-то сверхъестественных явлений.

На кухне, вытащив из холодильника расфасованные припасы, он быстренько приготовил еду. Из пакета с замороженным овощным супом, двух готовых нежно-розовых бифштексов и банки пива получились неплохой обед.

Когда он закладывал грязную посуду в мойку, в передней раздался звонок. Том, положив тарелки на кухонный столик, вытер руки полотенцем и побежал открывать.

На пороге стоял полицейский с большим серым, перетянутым шпагатом и опечатанным сургучными печатями пакетом. Увидев Грега, он, почтительно откашлявшись, спросил:

— Мистер Грег?

— Да, это я, — ответил Том.

— Простите, пожалуйста, удостоверение, если не затруднит.

Том вернулся в комнату, вынул из кармана висевшего на спинке стула пиджака визитную карточку и отнес ее полицейскому.

— Все правильно. — Полисмен протянул ему пакет. — От инспектора Кребса. Извините еще раз. Всего вам доброго.

Длинные гудки в трубке нудно навевали сон. Он начал уже терять терпение, когда там, где-то далеко, низкий, чуть заспанный мужской голос недовольно произнес:

— Я слушаю.

— Извините, Кинг, я, наверное, разбудил вас, это Грег.

— Разбудили, ну да ладно, все равно пора вставать. Слушаю вас, шеф. — Голос постепенно зазвучал бодрее.

— Мне необходимо немедленно досье на Дика Робинсона.

— Химика?

— Да.

* * *

Наступил вечер. Хватит. Том отложил шариковую ручку, провел ладонями по лицу и потянулся в кресле, выгнув спину так, что затрещали позвонки. Теперь он мог привести все свои и чужие наблюдения в какую-то более-менее стройную систему и, хотя бы эскизно, в первом приближении, определить направление своих дальнейших поисков.

* * *

Дональд Робинсон, родные и особенно близкие друзья звали его Дик, родился на юге в очень богатой семье. Единственный сын владельца нескольких заводов по производству химических удобрений. Рос, как и все дети его круга, не зная ни в чем отказа.

В восемнадцать лет поступил в университет, где занимался на химико-физическом факультете. Успехами похвастаться не мог. Здесь сблизился, а впоследствии и подружился с сыном одного из профессоров медицины Робертом Смайлом, которого все звали Роем, — одногодком Дика, серьезным, вдумчивым и способным студентом, единственным, кто получал особую стипендию. В этом месте Том сделал пометку в блокноте — уточнить, не тот ли это Р. Смайлс, статью которого о генной инженерии, о работе над «запрограммированными людьми» цитировал ему когда-то Бартлет.

Трудно сказать, кто на кого больше влиял, скорее всего это было обоюдно, так как в дальнейшем и у того и у другого произошло постепенно «сглаживание углов»: Дик начал отходить

от обычных студенческих проделок и «шалостей», а Рой общался к ним. Скоро молодые люди стали почти неразлучны, появилось что-то похожее на дружбу, несмотря на явное, даже бросающееся в глаза различие характеров. В конце концов в оригинальных студенческих работах Смайлса все чаще и чаще стало появляться имя Робинсона, сначала в роли помощника или ассистента, а затем и соавтора. Отмечалось: Смайлс параллельно с основным посещал и биологический факультет, где тоже проявил отменные успехи и способности. Произошел резкий поворот в поведении: к пятому году обучения оба друга стали завсегдатаями уже не баров, кафе и ресторанов, а университетской и городской библиотек. В одной из них они и познакомились с первокурсницей Кристиной Хупер, шведкой по национальности, дочерью средней руки судовладельца, вице-президента Скандинавской морской компании.

С этого момента они начали появляться втроем, однако юная Кристи отдавала предпочтение Рою, а к моменту окончания им учебы — он защитил сразу два диплома — их официально считали женихом и невестой.

Грег отодвинул в сторону папку и из небольшого фиолетового с синими разводами водяных знаков конверта выпрыхнул на стол три фотографии.

Снимки были сделаны, когда мужчинам едва исполнилось по двадцать два — двадцать три года, то есть перед их выпуском.

Грег вложил фото в конверт и снова приступил к досье.

За несколько дней до защиты диплома Робинсон-старший утонул на отдыхе в Майами, где ему принадлежала не только собственная вилла, но и личный пляж. Мать Дика умерла, когда ребенку не исполнилось и года, от рака желудка.

Робинсон-младший, узнав о несчастье с родителем, прервал учебу и вылетел на похороны. Защиту диплома он так и не завершил — пришлось возглавить огромное дело.

Само собой разумеется, после окончания университета Дик пригласил Роя работать к себе — он реконструировал производство, и теперь удобрения занимали в нем самое незначительное место, основной продукцией стали пластики, пластмассы и оборудование для химической промышленности. Для Смайлса была создана специальная лаборатория.

С первых шагов самостоятельной деятельности оба товарища значительно преуспели: один на административно-коммерческом поприще, другой на научном. Однако тут в сведениях чувствовался пробел — не было ясно, над какими же научными проблемами работал Смайлс.

Дела и карьера шли в гору.

Вскоре кончилась учеба и молодой шведки. Опять же само собой разумеется — она приехала к ним и поселилась в квартире своего жениха.

Спустя неделю после ее прибытия стены предприятия по-

трясли весьма неприятные события, сразу выплеснувшиеся не только за высокую ограду концерна, но и на страницы местной и центральной прессы. При монтаже уникальной лазерной установки, конструктором которой являлся Рой, обнаружили хищение крупных алмазов; кто-то ловко заменил их обыкновенным хрусталем. События неожиданно приняли такой оборот, что Смайлс предстал перед лицом правосудия с обвинением в краже драгоценных камней.

Дик развел бурную деятельность по реабилитации своего приятеля. Он нанял самых дорогих и модных адвокатов. Снял иск предприятия к Смайлсу. Внес огромный залог, взяв его на поруки. В конце концов дело прикрыли, а вернее замяли, но работать здесь Рой уже не мог.

Через месяц, оставив квартиру невесте, он уехал в Египет в археологическую экспедицию знаменитого знатока древностей, профессора Эдвина.

Не прошло и года, как из Александрии прибыло скорбное сообщение: во время обвала свода одной из гробниц Рой Смайле погиб, и указывалось место захоронения.

Минуло около двух лет.

Дик и Кристина объявили о своей помолвке в разделе светской хроники городской газеты — пожелтевшая вырезка прилагалась, — а ровно через год состоялось окончившееся таким невероятным конфузом бракосочетание.

Вот и все.

Материала было вроде бы и много, но никаких подходов или связей, зацепок или ниточек, ведущих к интересующему Грег делу, он пока не видел. Правда, оставался еще профессор Эдвин.

Том позвонил в бюро транспортного сервиса, заказал билет на ближайший самолет, заодно дал заявку забронировать одноместный номер с ванной в гостинице в Александрии и начал собираться в дорогу.

Грегу приходилось летать часто — в фирме неизбежно соблюдался девиз: самый большой капитал — время.

Реактивный лайнер плыл — или лучше висел — на высоте восьми тысяч метров.

Следовало торопиться, сегодня истекал уже пятый день расследования, а он прекрасно помнил: в активе осталось всего двое суток, поэтому, не заезжая в гостиницу, Грег направился к профессору домой. Ему было известно — ну как не вспомнить с благодарностью сервис-бюро! — Эдвин сейчас здесь и перед следующей экспедицией отдыхает.

— ...Что же привело вас в такую даль? Уж не любовь ли к фараонам и археологии? Позволю также заметить: я не консультанту сыщиков, мое амплуа Греция, Рим и Египет.

Извините, профессор, но года три назад у вас в экспедиции работал некто по имени Роберт Смайлс.

— Никогда у меня не числилось такого сотрудника, — отрезал Эдвин.

— Этого не может быть — он погиб во время обвала при одной из раскопок. Припомните, пожалуйста.

— Если у меня не было такого субъекта, то, естественно, он не мог погибнуть.

— Одну минуточку. — Грег открыл портфель и вынул из конверта фотографию. — Вам никогда не приходилось видеть раньше это лицо?

— Дайте взглянуть. — Эдвин взял снимок, пристально, посмотрел на него и небрежно бросил на стол. — Не морочьте мне голову своим Робертом Смайлсом или как там его. Здесь изображен Чарльз Смит. Человек, которого к археологии нельзя подпускать на пушечный выстрел. Мы раскопали свод усыпальницы Рамзеса II, как предполагали, не разграбленной кочевниками. Его приставили на сортировку находок. Нашли тогда много интересного, представляющего исключительную научную ценность. И тут случилось: кто-то выломал алмазы из глаз статуэтки жены фараона.

— Вы говорите, у вас тоже пропали алмазы? — восторженно воскликнул Грег.

— Почему «тоже»? Древние в глаза скульптур вставляли драгоценные камни. И мы обнаружили несколько таких изваяний. Правда, никто с точностью не мог сказать, украли алмазы или они вывалились сами. Но у четырех глаз не хватало, образно говоря — зрачков. Если вы намерены заподозрить в этом покойника, то зря. Его, насколько я знаю, интересовали в основном одежда и химия.

— Одежда? — Том даже подскочил.

— Да, именно она: одеяние мумий, материал пеленаний, покрывала и тому подобное. Над ними-то, мне думается, он и колдовал своими ядовитыми реактивами и склянками.

— А как же произошел обвал? — спросил профессор Грег. — Вы не можете рассказать поподробнее?

— Отчего же? Я это прекрасно помню. Меня разбудили под утро — всю ночь хлестал ливень — и сообщили: рухнул свод, ведущий в усыпальницу. Когда я пришел к месту обвала, там уже собрались все члены экспедиции, кроме Смита. Так мы впервые обнаружили, что его нет. Когда же убрали завал, нашли изуродованный труп человека, по одежде и цвету волос опознали в нем Чарльза. В его сумке лежало несколько писем с адресом какой-то женщины, ей-то мы и отправили извещение о его гибели.

— Вы не помните имя этой женщины?

— Нет.

— Не Кристина Хупер?

— Не берусь утверждать. У меня хорошая память только на лица.

— Вы не замечали за Смитом каких-нибудь отклонений от нормального поведения в людском, обывательском, что ли, понимании?

— Нет. К тому, что я уже сказал, добавить нечего. Всего доброго. — Эдвин пожал ему руку и проводил Тома до двери.

— Вы знаете, сейчас я припоминаю. — Он остановился на пороге и, прищурившись, покосился на Грегa. — Год назад я приезжал в ваш город, и на 33-й улице мне показалось: в толпе мелькнул человек, исключительно похожий на Чарльза Смита. С уверенностью не скажу, был ли это сам покойник или его двойник, а может быть, и родственник.

* * *

В ушах все еще стоял надсадный гул турбин. Вероятно, от резкой перемены климата покалывало в висках, во рту сушило и горчило, словно он лизал пыльные полынные метелки.

Когда Том заявился в свою квартиру, он едва держался на ногах.

Том еле-еле добрел до кровати, непослушными, вялыми руками стянул одежду, не разбирая постели, свалился на покрытие и тотчас словно провалился в беспокойную глубину.

Однако когда он открыл глаза, то чувствовал себя почти бодрым. Было желание понежиться еще, но тотчас как током ударила мысль — время. Точно распрямившаяся пружина, он соскочил с кровати и побежал в ванную.

Грег прыгал под душем, когда услышал, как жалобно и тянуче заскрипела входная дверь. «Кто бы это мог быть? В такую рань. Хотя что я — уже полдень». Он быстро натянул трусы и, шлепая мокрыми ногами по полу, выскочил в коридор.

На пороге стояла улыбающаяся Джин. Увидев его, мокрого, с взлохмаченными волосами, небритого, с припухшими после сна глазами, она всплеснула руками.

— Да-а, — протянула она, вертя головой, — оставлять тебя одного нельзя — ты сразу дичаешь. Значит, ты так и не приступал к делам фирмы?

— Нет.

— А ведь еще до нашего отъезда накопилось много папок с цифрой 1. Ты не подумал, что клиенты могут поднять шум, а то и расторгнуть контракты?

— Нет, не подумал. Ты же понимаешь, дело идет о судьбе моего приемного отца.

— Понимаю. Но не следует забывать и о главном — о репутации конторы.

— Джин, дорогая, ну как ты не поймешь, мы можем потерять только часть доходов, а отец и его семья окажутся на грани нищеты, в безвыходном положении, они же и теперь по горло в долгах.

— Это, конечно, печально, ты сможешь им, но не забывай и о фирме, вот что я хотела сказать. Впрочем, хватит, завтра утром на свежую голову все обсудим.

* * *

Сквозь неплотно задернутые шторы, отбрасывая колеблющиеся тени через всю спальню, пробивалось солнце. Грег лежал, заложив руки за голову, и смотрел в потолок на люстру-фонарь.

В ванной комнате слышалось журчание воды и голос Джин, веселая и фальшиво напевающей какой-то модный шлягер.

Закутанная в полосатую простыню, впорхнула Джин.

— Ты проснулся? Извини, родной, ты так хорошо спал, что я не хотела тебя будить. — Она присела на край кровати и, нагнувшись, поцеловала его в щеку.

Хлопнула дверь — Джин ушла. Грег поднялся и взглянул на телефон.

Том бросился к аппарату, сунул вилку в розетку и торопливо набрал номер квартиры Кребса. Ему ответил низкий мужской голос — он узнал комиссара Фокса.

— Мистер Фокс? — удивился Том.

В трубке помолчали, потом комиссар, чеканя слова, произнес:

— Сегодня ночью, мистер Грег, точнее в пять часов утра, инспектор Кребс покончил с собой...

В глазах Тома потемнело, горло перехватила спазма, трубка вывалилась из рук, ноги стали ватными, и он опустился на пол...

Грег сидел в машине, опустив голову на руль, и плакал, плакал горькими, безысходными слезами.

Затем поднял голову, достал из кармана платок и вытер глаза. Вместе с платком что-то, звякнув, упало на резиновый коврик. Том нагнулся и поднял серебряный доллар с тремя зарубками.

Он сразу стал совершенно другим.

«Так, — подумал он. — Дело почти закончено, необходимо разыскать Роя Смайlsa, а уж он приведет меня к исполнителям. Будем искать бывшего покойника». Грег включил зажигание и, дернув рычаг скоростей, рывком тронулся с места. Он ехал к Майку Черепу. Да, преследующий преступников, он обращался вновь за содействием к уголовникам.

* * *

Разговор с Майком получился неожиданно коротким. Когда Грег показал ему фотографию Роя и попросил, ничего не предпринимая, сообщить только о его местонахождении, гангстер долго вертел ее в руках, то приближая к глазам, то отда-

ляя, зачем-то перевернув, осмотрел обратную сторону. Затем швырнул на стол и, открыв ящик, вынул точно такую же.

— Видите? — Он протянул снимок Грегу. — Не один вы, оказывается, заинтересовались этим молодым человеком, нашлись люди, которым он тоже необходим.

— Кто же они, если это не секрет? — спросил Том.

— Конечно, секрет, но не для вас. Это молодчики Дика Робинсона.

— И как же вы теперь поступите? — Грег с напряжением, слегка приподнявшись со стула, ждал ответа.

— Разумеется, поджентльменски, — усмехнулся Майк, скривив губы, — выполню взятые на себя обязательства, ведь денежки уже уплачены. Дик Робинсон получит этого Роя, я очень щепетилен в исполнении дел, за которые можно выручить пару тысяч монет.

— У меня нет денег, Майк, и я, конечно, не могу соперничать с миллионером, — начал Грег.

— Вам этого и не потребуется, — перебил его гангстер, — я обещал парням Дика адрес — они его получают, но, — он поднял вверх указательный палец, украшенный крупным перстнем, затем опустил его и ткнул в грудь Тома, — после вас. Правда, они мне тоже обещали кое в чем помочь — кто-то пришел моего помощника Дылду, — мне думается, эти парни в курсе дела, вот и получится баш на баш, но после вас. У нас не было договоренности с ними о сроках и о том, чтобы не давать его кому бы то ни было другому. Они хитрые бестии, но не оговорили этих условий. Отсюда вывод — я могу действовать со спокойной совестью.

— Спасибо, Майк. Я этого не забуду.

— Да ладно уж. К чему счеты!.. — Он опять полез в ящик стола и, достав длинную узенькую бумажку, сказал Тому: — Запишите: Семнадцатая улица, дом 9, квартира 19. Хозяйка мисс Клаузен. Живет он под именем Луиса Корда. И не забудьте, ровно через двадцать четыре часа, ни минутой раньше, ни минутой позже, аналогичный адрес получит Робинсон. Советую поторопиться и избежать встречи с этими пройдохами — с них взятки гладки.

— Еще раз благодарю, Майк. — Грег встал.

— Подождите. — Майк зачеркнул ножичком вторую бороздку на долларе и вернул его Тому. — Нате. Напоминаю, я человек деловой, у вас еще один шанс, не продешевите, не разменяйте на мелочь — как какой-то олух в популярной детской сказке. Впрочем, — гангстер захохотал, — после истечения всех трех у вас останется доллар — мы не отберем его, — на который вы сможете купить рюмочку. До свидания, мистер Грег, и не забудьте о времени, оно движется, сейчас четырнадцать десятых. Завтра в эти же часы Дик станет обладателем адреса Роя.

Перескакивая через ступеньки, запыхавшийся Грег вбежал к себе в контору. Взглянув на него, Джин с удивлением встала со стула.

— Что случилось, Томми? — Она бросилась ему навстречу. — На тебе лица нет. Что с тобой, милый?

Грег остановился, посмотрел ей в глаза и жестко сказал:

— Кребс пустил себе пулю в висок.

Джин стояла и с мольбой смотрела на Тома.

— Я поехал, — сказал он, стараясь избегать ее взгляда;

* * *

Узкий проулок упирался в высокую грязновато-коричневую кирпичную стену, заляпанную засохшим цементом. Справа небольшой проход вел в мощный булыжником темноватый двор, образованный четырьмя мрачными, как тюремные постройки, пятиэтажными домами. На галереях, идущих вдоль окон, хлопало развешанное на веревке белье. В углу у сваленных в беспорядке чугунных, с отколотыми краями труб с криком носились друг за другом несколько мальчишек. На расчерченном мелом асфальте прыгали голенастые девочки. Пахло сыростью и помойкой.

Он остановился перед коричневой дверью с черной цифрой 19 на белой эмалированной треснутой табличке и позвонил. Никакого эффекта — звонок не работал. Тогда он постучал. За дверью раздались шаги, кто-то подошел и, вероятно, рассматривал его в глазок. Потом, очевидно, убедившись, что пришелец достоин доверия, лязгнул запором, и дверь приоткрылась. Перед Томом стояла пожилая, полная, растрепанная, неряшливо одетая женщина в очках, в какой-то неопределенного цвета то ли шали, то ли накидке-пончо и шлепанцах на босу ногу, из дыр на носках высывались большие пальцы.

— Это вы, доктор? — Она приподняла очки на лоб и близоруко прищурилась.

— Да, — не задумываясь соврал Том. — Здесь живет мистер Луис Корд?

— Здесь. Ведь это он вас вызвал? Входите, пожалуйста.

Том потянул дверь на себя и очутился в маленькой сумрачной комнате, в которой стоял спертый запах лекарства, пота и чего-то еще резковатого и кислого. Разделенное на мелкие квадраты рамой окно выходило во двор, упираясь в глухую стену соседнего дома. Обои кое-где отстали от сырости, а местами висели клочьями. В углах громоздились покрытые слоем пыли стопки книг, свернутые в трубки чертежи, пачки перетянутых шпагатом рукописей. Кроме маленького столика и двух табуреток, не было никакой мебели; У стены, на постеленном прямо на полу матрасе лежал человек. Под спину он подложил две подушки в грязных синих наволочках. Грег сразу узнал его — это

был Смайлс. Вернее, то, что от него осталось. Его худые, почерневшие, ввалившиеся щеки покрывала седоватая щетина, редкие волосы всклокочены, на лбу выступила испарина. Он тяжело дышал, наполовину прикрытые веками глаза затянула болезненная муть, тонкие губы потрескались.

— Здравствуйте, — сказал Грег, — это вы больной, мистер Корд? Что вас беспокоит?

— Добрый день, — еле пошевелил запекшимися губами Смайлс. — Вы ошиблись, я хоть и неважно себя чувствую, но не вызывал врача, платить мне нечем.

— А я и не доктор, не волнуйтесь. — Том закрыл дверь и присел на табурет. — С вашего разрешения, я сяду.

— Кто же вы тогда? — тихо произнес Смайлс. — И что вам уютно?

— Я детектив Грег из частной конторы «Гуппи».

— А-а, — безразлично протянул Рой и опустил веки, — и зачем же я вам понадобился?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, мистер Смайлс.

— Что? — Он вздрогнул и открыл глаза. — Какой Смайлс? Вы меня с кем-то путаете.

— Да, да. Я нуждаюсь в вашей помощи, мистер Роберт Смайлс. Как видите, мне известно ваше настоящее имя, да и еще многое другое. Я далее знаю: прежде чем стать Луисом Кордом, вы успели побывать Чарли Смитом и уже однажды умерли, а потом воскресли. Я не собираюсь вас шантажировать, а прошу оказать мне содействие в одном деле.

— Кто прислал вас?

— Никто. Я пришел сам. Если хотите, по зову совести и долга.

— Даже так. Интересно. — Смайлс невесело усмехнулся. В чем же состоит ваш долг, объясните, пожалуйста, хотя я абсолютно не вижу, как могу быть вам полезен.

— Можете. Правда, у нас мало времени. — Том отодвинул рукав и взглянул на циферблат. — Через двадцать часов с небольшим сюда явятся молодцы Дика Робинсона, их очень заинтересовала ваша персона.

— Ах вот что, — глаза Смайлса сверкнули, лицо исказила презрительная гримаса. — Почему же они не пожаловали вместе с вами?

— Они получают адрес только через сутки, а ко мне эти субъекты не имеют никакого отношения, но, думается, их интересует то же, что и меня, во всяком случае, я так полагаю.

— А именно?

— Последние события с грабежом и раздеванием людей. Мне думается; вам известны какие-то обстоятельства, способные пролить свет на эти происшествия, наконец, исполнители столь невероятных деяний и соучастники. Я буду предельно откровенен: из-за этих событий погиб очень близкий мне человек.

я поклялся отыскать виновника его гибели. Погиб мой отец, полицейский инспектор, его из-за этих преступлений вышвырнули со службы, а у него была семья, маленький ребенок и куча долгов. Он застрелился.

— Негодяи, — хрипло протянул Рой. — Да, негодяи, но не те, кто раздевал, а те, кто расправился с вашим отцом.

Смайлс долго лежал молча, прикрыв глаза худой, почти прозрачной ладонью. Потом он протянул руку и, пошарив под подушкой, достал небольшой стеклянный пузырек.

— Я приму лекарство, если вы не возражаете, у меня ужасная слабость. — Он ссыпал в дрожащую ладонь несколько красных таблеток и, бросив в рот, проглотил.

— Лекарство надо запивать. — Том окинул взглядом комнату: — Где у вас вода?

— Сойдет и так. — Смайлс сглотнул слюну и спросил: — Так сколько сейчас времени?

— Половина четвертого, — ответил Грег.

— Успео. Тридцать минут мне хватит. Вы, надеюсь, не торопитесь?

— Нет, у меня в запасе столько же, сколько и у вас, — почти сутки. Если эти бродяги застанут меня здесь, мне точно не поздоровится.

— Ну, у меня, положим, меньше времени. — Он хрипло засмеялся. — Вы, я вижу, хорошо информированы о моей жизни?

— Да. Я знаю почти все с самого вашего рождения и до настоящего момента.

Верю вам. Но вы знаете, как обычно говорят, — со слов летописца, то есть человека, составляющего жизнеописание, или, по-вашему, досье. А ведь он пишет не всегда объективно, чаще так, как оценивает события сам. Некоторые нюансы ускользают, а порой и вообще выглядят совершенно иначе, чем было в действительности.

— Отчасти вы правы, — подтвердил Грег. — Но общая канва, главная линия остается верной.

— К сожалению, иногда роковыми бывают мелочи и детали, а не ваша пресловутая линия. Вы бегло изложите все, что вам известно, а я буду поправлять при искажении истины. Так лучше, ибо самому рассказывать мне тяжело. Я болен. И положите, пожалуйста, ваши часы на табурет, чтобы я видел циферблат. Согласны? Только покороче, времени у нас гораздо меньше, чем вы предполагаете.

— Хорошо, — ответил Том, расстегнул браслет часов, положил их на табурет, незаметно включил магнитофон и начал излагать содержание черной папки, принесенной Кингом.

Смайлс, опустив веки, время от времени согласно кивал головой.

Когда Грег коснулся отношений между Роем и Кристиной, Смайлс поднял вялую руку:

— Стоп. Крис никогда меня не любила. Я ей был необходим, чтобы сблизиться с Диком. Она на редкость взбалмошная и честолюбивая женщина. Мне она нравилась, очень нравилась. Сначала, может быть, и ее влекло ко мне, но едва на горизонте замаячил Дик — фортуна повернулась ко мне спиной.

Минуточку, — прервал его Смайлс, едва Том коснулся исчезновения алмазов из лаборатории и судебного процесса. — Никакой кражи не было. Робинсон инсценировал ее, чтобы подвести меня под монастырь. Вместе с Крис, с ее ведома, чтобы дать ей моральное право порвать со мной, — мы же помолвлены и надо было помочь развязать ей руки. Заодно и дискредитировать меня как ученого, а потом шантажировать. А привлечением лучших адвокатов обелить себя в глазах общественности. Кроме того, я категорически заявил ему — работу в области генной инженерии откладывать до поры до времени.

Подождите, — опять остановил его Смайлс, едва разговор зашел о пропаже драгоценностей из гробницы. — Вот это моя работа. Признаюсь.

— Вы взяли алмазы? — удивился Грег. — Но зачем?

— Я взял, я. Они мне были необходимы как воздух для опытов, я и выковырял их из очей фараонши.

Когда Грег упомянул о мнимой гибели Чарли Смита, Смайлс снова прервал его.

— Видите ли, Дик Робинсон человек дела. Он все всегда доводил до логического завершения. Он не мог спокойно спать, зная, что где-то, пусть за тридевять земель, это безразлично, живет человек талантливый, у которого можно чем-то пожить.

Как люди без совести и чести, он подозревал всех остальных в тех качествах, которыми в избытке обладал сам. Он думал: рано или поздно, но я опять окажусь на его пути. И подослал соглядатая. Этот проходимец явился ко мне ночью во время проливного дождя, я собирался идти за оставленными в штольне образцами ткани — на ней я проводил эксперименты. Он сказал, что его прислал профессор мне в помощники. Я дал ему свой сухой костюм, и мы отправились в гробницу. Работы в ней уже были закончены, и я основал в одной из ниш свой научный уголок. Там он набросился на меня с кинжалом и хотел убить, сопротивляясь, я выбил ногой опорную стойку, свод рухнул на бедолагу и засыпал. Я понял — его подослал Дик, а мне надо исчезать. Второго такого случая не представится. Так испарился Смит и появился Луис Корд. Мой костюм, и одного цвета волосы облегчили задачу.

— Но в извещении стояло имя Роберта Смайлса, я же сам читал бумагу.

— Правильно. Сделать это было трудновато. Я знал, что профессор Эдвин отправит сообщение. Почта с раскопок уходи-

ла раз в неделю. Скрываясь в барханах, я ждал трое суток, спасаясь от змей и скорпионов, изнывая от зноя, жажды и голода. Когда проежжал почтальон, он не знал меня в лицо, я выполз на дорогу, сказал, что заблудился и попросил меня подвезти. В городе я помог донести ему сумку. Разумеется, извещение оказалось у меня в руках, снять химреактивом фамилию и поставить другую было парой пустяков. Вот почему, получив эту бумагу, Дик и Крис облегченно вздохнули.

— Что же дальше? — спросил Грег.

— Я приехал в Италию, жил там. Врачи обнаружили у меня неизлечимый недуг, связанный с тяжкими нервными потрясениями. Там же я пристратился к наркотикам. Часть украденных алмазов продал: денег, полученных за них, хватило. Потом, когда понял — жить осталось не так много, прибыл сюда. Выходил только по ночам, тщательно гримируюсь. Правдой, один раз, второпях выскочив за героином, я наткнулся на профессора, однако, кажется, он не обратил внимания на какого-то расхристанного, полоумного человека.

Он бросил взгляд на часы.

— Те таблетки, которые я проглотил при вас, смертельный, но безболезненный яд — его действие тридцать минут. Через десять я умру.

— Вы с ума сошли? — Грег вскочил и заметался по комнате. — Я сейчас вызову «Скорую помощь». — Он бросился к двери.

— Остановитесь! — собрав последние силы крикнул Смайлс. — Это бесполезно, тем более людей раздевал я. Да, да, я один.

— Выгы? — протянул Том. Глаза его загорелись, а рука потянулась к карману. — Вы? Значит, это вы стали причиной гибели Кребса. Вы — его убийца. Я пристрелю вас, как бешеную собаку. — Его рука судорожно дергала пистолет, зацепившийся за подтяжки глушителем.

— И поступите нелогично. Во-первых, я и сам скоро последую в мир иной, что уже само по себе освобождает вашу совесть от лишнего греха, а во-вторых, не я убил вашего отца, а те люди, которым нужен был козел отпущения. Я всегда был противником насилия и никого и никогда не убивал. Бедняга в склепе умер не по моей вине. Я мстил за загубленный талант, за поруганную чистую любовь, за исковерканную жизнь и оплеванные высокие идеалы. Без лишней скромности скажу — я стал большим ученым в области химии и физики. Еще в лаборатории Дика, прекратив исследования в области генной инженерии, я начал работу с лучами типа лазеров. Правда, взял от последних только принцип и добился, что они, выходя из линзы, рассыпались узким веером, сохраняя свои качества, самые разнообразные. Кроме того, я открыл принцип сверхмощного и в то же время миниатюрного аккумулятора энергии.

Сфабрикованное Робинсоном дело остановило эксперименты, но все формулы уже прочно запечатлелись у меня в мозгу.

Толчком для создания «лазера» и для всех моих размышлений на эту тему послужили факты столь древние, что на них никто не обращал внимания. В экспедиции мне довелось увидеть мумии трехтысячелетней давности, и я подумал: неужели эти египетские кудесники не могли достичь простого и желаемого результата — сохранить ткани, покрывавшие мумии и рассыпавшиеся в прах, сделать их неподвластными времени. Ведь к этому они стремились, казалось бы. На это они рассчитывали.

Потом понял: материал рассыпался вопреки желаниям и расчетам.

Сначала мелькнула мысль: так и должно было быть. Много позже родилась гипотеза: пирамиды фокусировали неизвестное поле.

От меня совсем не требовалось найти источник этого поля. Как не требовалось объяснить его природу. Достаточно было научиться применять его практически. Я назвал это гипотетическое поле «Т-поле». Буква Т расшифровывалась так: трение. Поле уничтожало трение, во всяком случае ослабляло его. Оно раскачивало диполи и молекулы, разъединяло нити любого материала. Действовало даже на полимеры. Тем самым я объяснил странный термин «старение материалов». Это поле как бы расщатывало вещество, стремилось сделать его жидкостью, текучей как вода. Но у естественного поля не хватало мощности, силы. Значит, надо было создать искусственный источник этого поля. Ночи я просиживал над чертежами пирамид, размышляя, как они могут конденсировать эту энергию, приходящую неведомо откуда.

Помог случай. В патентном бюро, разбирая одну из самых курьезных моделей «вечного двигателя», я вдруг понял: если он и работал, как уверяли эксперты, то только потому, что подпитывался именно этим полем.

Дальше было легче.

Я понял, что у природы только один источник этого поля — солнце, тот источник, который несет нам тепло и свет, который рассеивает в пространство пусть совсем слабое, но непрерывно струящееся от него излучение «Т-поля». Его не мог поймать пока ни один прибор.

Через два месяца модель моего прибора была готова. Достаточно импульса, равного долям секунды, чтобы вещество малой твердости рассыпалось в пыль. Гораздо дольше надо облучать сталь и другие металлы. Так я открыл бескровное орудие справедливого возмездия. Я хотел, чтобы ненавистные мне люди были выставлены на публичное осмеяние перед обществом, ибо у кого-то из русских писателей прочел: смеха страшится даже тот, кто вообще ничего не боится. Но вскоре

я понял другое: мое изобретение, попади оно в руки военных марзматики, могло стать и действенным оружием. Представьте, по снегу или льду наступает цепь солдат. Одно движение рукой, и они голые, голые на лютom морозе. Не говоря о воздействии холода, они еще и теряют способность к сопротивлению в чисто психологическом аспекте: лишенные одежды люди чувствуют себя беззащитными. — Он откинулся на подушки и несколько секунд лежал без движения. — Прибор там, в коробке изпод кукурузных хлопьев, на подоконнике, дайте его мне.

Грег подошел к окну и взял небольшую картонную коробку. Он открыл ее и увидел похожий на портативный фотоаппарат прибор.

— Дайте его сюда и Отойдите в сторону, — слабым голосом повторил Смайлс, — эту тайну я унесу... — Он не договорил, тело выгнулось судорогой. В последний миг он открыл глаза и попытался что-то сказать, видно, о чем-то предостеречь Тома, но не успел и замертво свалился на подушки.

Грег бросился к Смайлсу и схватил его руку — сердце не билось.

Роберт Смайлс был мертв.

Том повертел прибор в руках и заметил сверху над объективом две кнопки — черную и красную. Он направил объектив на висящий на гвоздике, вбитом в стену, заношенный пиджак Смайлса и нажал кнопку. Пиджак будто растворился, превратившись в серенькое облачко. Грег чихнул и тут же вспомнил: «Так вот, значит, почему они чихали». Да, это действительно гениальное изобретение. Он машинально нажал красную кнопку.

Грянул взрыв.

Стены запрыгали перед глазами, окно полетело куда-то вниз. Пол заходил ходуном. На миг в распахнувшейся двери мелькнуло белое как мел лицо хозяйки с широко открытым ртом и поднятыми в ужасе руками, и все исчезло...

* * *

После смерти Роберта Смайлса Грег тайно от соседей ночью переехал со своей квартиры в отель, который находился в пригороде. Он редко появлялся на улице, опасаясь попасть на глаза людям Дика Робинсона, у которых он, конечно же, был на подозрении и столкновение с которыми не сулило ему ничего приятного. Более года отсиживался он в своей «норе», выходя из комнаты только поздно вечером; бессонными ночами он вздрагивал от каждого шороха. И о многом передумал Грег. Необыкновенные возможности дарят людям наука, поиск, но плодами изобретателей чаще всего пользуются дельцы, корыстные проходимцы. И горько было сознавать Грегу, что ему, даже если бы он очень захотел, не навести тут никакого порядка.

Куда спешишь, муравей?

Повесть

Средь времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны.

Виравоча.
Странствия Лунных Ратников

1. НАД ПОЮЩИМ РУЧЬЕМ

— В древности тюльпаны цвели не в мае, а в июле. Даже не спорьте, мальчики, — сказала Лерка, пытаясь поймать на язык каплю росы из наклоненного клюва цветка. — Гляньте, к нам в гости пожаловал ручей...

И впрямь: из расщелины, в нависшей над нами скале протянулись извивы живого сияния. Должно быть, полуденное солнце растопило в расщелине снег, и к нам подползло вздрагивающее, огибающее пучки прошлогодней травы, робкое существо — ручей. В углублении перед луковицей тюльпана он постоял в нерешительности, как бы набираясь сил, затем уверенно проскользнул мимо нас, разделив Андрогина и меня с Леркой. Своим рывком он наискось перечеркнул узкую, еле заметную нить муравьиной тропы.

— А почему в июле — угадайте, — предложила Лерка. — Кто первый?

Я молчал. Несколько мурашей, отрезанных от родного обиталища возле пня, сгрудились перед светоносной преградой. Они посовещались и, как по команде, рассыпались вдоль ручья — видимо, искать переправу.

Андрогин сказал:

— При царе Горохе твои тюльпаны распускались в декабре. Притом махровым цветом. Их обожали слизывать мамонты. — Он оперлся локтем на рюкзак и покусывал стебелек дикого чеснока. — Потом нагрянули братцьинопланетянцы. Вроде тех, о которых ты мне все уши прожужжала, женушка. Из сопредельных, так сказать, миров. Со щупальцами вдоль хребта. Каждое щупальце чуть поменьше Южной Америки. —

Тут он метнул в меня, как наваху, мгновенный взгляд своих черных выпуклых глаз, увенчанных тяжелыми веками. — Они всем скопом ухватились за земную нашу ось и слегка поднаклонили шарик. Климат сразу переменился, кхе, кхе... Тюльпаны решили распускаться в июле, к твоему, супруга, дню рождения. А мамонты от огорчения переходили. Между прочим, до сих пор у них в желудках находят букеты тюльпанов.

Андрогин говорил без тени улыбки, даже с некоторой скорбью.

— Тимчик, Тимчик, ни шута ты не понимаешь, хоть и пытаешься всю жизнь острословить. Только не всегда удачно, — вздохнула Лерка. — Ты вслушайся в переключку созвучий: тюльпан! июль! Тюль-юль! Тюль-юль! Звуки-то как пересвист соловьиный! Нет-нет, моя филология здесь ни при чем. Каждый должен упиваться ароматом родного языка. Даже кандидат технических наук, одаривший коллег диссертацией, о самовозгораемости торфа.

Она сорвала тюльпан и несколько раз ударила кандидата по его внушительному носу. Тот изловчился, откусил цветок, швырнул лепестки в муравейник.

— Не слишком захотела ты поупиваться ароматом фамилии Андрогин. Осталась при своей, девичьей, так сказать. Этого тебе земная наука не простит.

Я напряженно ждал ее ответа. Как никто другой, я знал, почему Лерка не переименовала фамилию. Но она предпочла отшутиться:

— Чтобы не покушаться на твое наследственное величие, Тимчик. А заодно и на фамильные драгоценности твоих сородичей. Так-то, Андрогин... А фамилия твоя берет истоки от старославянского слова «андо», что означает «между прочим».

Муравьи снова роились на пяталке возле набухающего серебристого жгута ручья. Они ощупывали друг друга усиками и, наверное, посылали тревожные зовы собратьям по той безвестной для меня жизни, от которой их отделяло три-четыре человеческих шага, не более. Я слышал, что они, как и пчелы, не найдя дороги к дому, погибают.

— Между прочим, все твои этимологические забавы отдадут языческими суевериями, — сказал Андрогин. — Это не ты ли мне, голубушка, говорила, будто в древнем мире гадали по внутренностям животных и птиц?

— И по кометам. И по молниям. И по журчанию ручьев, — вздохнула Лерка.

— Ты же занимаешься гаданием по внутренностям слов. Пощамань-ка лучше своему школьному другу, язычнику.

Лерка окунула кончики пальцев в ручей, потеряла виски.

— Проще простого. Таланов — от старинного слова «талан», то есть «талант», «удача», «счастье».

— Ты счастливчик, Таланов, сказал Леркин муж. —

Ты счастливчик от рождения. Так сказать, генетически обречен на удачу.

Я сорвал стебелек мятлицы. Даже выстояв зиму под пластами снега, трава была как живая. Я не встречал ее розово-дымчатые, стелющиеся по ветру косички разве что в Антарктиде. Впрочем, в Антарктиде я не был. Там, где не проложены автомобильные дороги, делать мне нечего.

— Ты прав, Тимчик. Он переполнен счастьем. Его распирают удачи. Он готов делиться талантами с молниями, ручьями, кометами, ущельями, муравьями. По всему свету. В том числе и в городе своей юности, куда он частенько — раз в три-четыре года — заглядывает, хотя и ненадолго. — Лерка приятно вздохнула.

— И ты говоришь о счастье? — спросил ее Андрогин, но глядел он на меня. — Быть приглашенным бывшим сокурсником и бывшей одноклассницей в горы, трястись на автобусе в Чилик, потом в кузове грузовика до перевала, потом пѣхом, навьючив на себя трехпудовый рюкзак, — разве это счастье? Это гораздо больше. Это есть невыразимое блаженство.

Я смолчал. Славно они поднаострились в словесных забавах, союзники.

— К чему слова? Кто молчит — не грешит, — подделываясь под Леркину интонацию, сказал Андрогин.

— Не задирай чемпиона континента, безгрешный Тимчик, — сказала Лерка и поводила рукой по кончику своего альпенштока. — Он уже тоскует по своим железкам, начиненным электроникой и бензином. Зимой я видела его в деле. Шел фильм об автогонках. По-моему, в Мексике или Колумбии, тамошние страны я вечно путаю. Так вот, представь: его машина, похожая на дельфина, на повороте трижды перекувырнулась и ухнула в пропасть. Я глаза зажмурила от ужаса. А ему хоть бы что: высовывается из кабины, в руках ружьище, вроде гарпунного, бах! — и стрела с тросиком уже торчит из глыбы базальтовой. По тросику этому дельфин мигом вскарабкался — и был таков. Жаль, выражение его лица я плохо разглядела. Они там все в скафандрах, как космонавты.

— Вношу необходимые уточнения, — сказал я. — Перевернулись всего лишь дважды. И не в пропасть ухнули, а скатились в овраг. И не Мексика или Колумбия, а Перу. Там во времена инков тоже гадали. По внутренностям живых еще людей.

Сорванный стебелек мятлицы я положил над тихо поющим ручьем, осторожно подвел кончик стебля к обреченным муравьям. Насыщенный об их. недюжинном уме, и не сомневался что они попытаются воспользоваться мостом, опустившимся прямо с небес. Ничего не случилось. Муравьи на мост не шли.

— Ты счастливчик, — не унимался Андрогин. — Ты объез-

дил десятки стран, был в Нью-Йорке, в Рио-де-Жанейро; в Сингапуре, в Багдаде, в Калькутте, даже в самом Иерусалиме. Ты лицеизрел красивейших женщин Земли, а может, даже с некоторыми из них, — он лукаво погрозил мне пальчиком и пощекотал свои огромные вислые усы, — коктейли распивал. Ты понавез небось кучу модного барахла. Да и в кубышке, я уверен, кое-что звенит про черный день. Ведь звенит, счастливчик, меня не проведешь!

Я не стал объяснять Леркиному мужу, что звенит у меня не в кубышке, а все чаще и чаще в голове, особенно если не спишь несколько ночей подряд, что по черным дням, когда сеется дождь, ноет позвоночник — напоминание о компрессионном переломе пятого позвонка; что лишь в этом году на гонках в Гималаях разбилось четверо: де Брайан, Омежио, Ту Хара, Виктор Голосеев.

— Ты опять прав: кое-что я оттуда поднатаскал, Тимофей, — сказал я, впервые за много лет назвав его полным именем. — В частности, навыки по спасению муравьев...

Муравьи не шли на мост.

Концом спички я попытался подогнать одного к спасительному стеблю мятлицы. Бесполезно. Он исхитрился юркнуть под бурый прошлогодний лист.

— Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не скажет, — загадочно проговорила Лерка.

Пришлось прибегнуть к насилию. Я расщепил ножом спичку надвое, одной половинкой поддел муравьишку, перенес его к мосту над поющей бездной ручья, а другой половиной спички пересадил, точнее, перегнал на мост. Насекомое крепко обхватило стебель лапками и не двигалось ни вперед, ни назад. Я начал слегка его подталкивать, ощущая пальцами необычайную силу сопротивления упряма.

И все-таки он пополз! Сперва медленно, неуверенно, потом осмелел, перевернулся вниз головой и в таком положении засеменил к берегу надежды.

Лерка опасно наблюдала за моими манипуляциями, как если бы я разбирал гранату. Лишь теперь, сидя рядом с ней, при беспощадном свечении горного солнца я заметил, как она изменилась за минувшие четыре года после нашей последней встречи. Возле глаз и у висков явились еле заметные знаки морщин, брови она теперь выщипывала снизу, отчего ее глаза стали почему-то чуть уже, но теперь в них время от времени трепетало странное, неведомое мне сияние. Возможно ли, чтобы такое сияние было порождено этим Тимчиком с его уже выпирающим брюшком, с его анекдотами, с его одутловатым лицом, которому нелепые, как бы надутые воздухом бакенбарды, похожие на рачьи клешни, придавали приторно-нелепое выражение? «Постой, постой,— тут же одернул я себя, — ты, кажется, начинаешь злобствовать по поводу Тимохи Андрогина.

А злобствуешь ты потому, что ему завидуешь. Ларчик-то открывается довольно просто, чемпион континента!»

Когда последний, девятый, муравей благополучно закончил переправу, меня озарило: а что, если вернуть его на прежнее место, к пятячку, где они только что толпились? Так я и поступил. К моему удивлению, подопытный смело двинулся к мосточку, ощупал стебель усиками и живо перекочевал по уже разведанной стезе. Научился!

Дважды еще пришлось мурашу проделать этот путь. Он бежал так уверенно; как будто самолично, с ордою собратьев создал мост над ручьем.

— Ты беспощаден, как гладиатор, Таланов, — сказала Лерка. — Тебе что машины, что муравьи, что людишки — все одно и то же. Материя, так сказать. Одинаково безответное содрогание атомов.

Все еще предпочитаю людей. А среди людей ставлю выше прочих тех, кто ходит над пропастью, — ответил я и сразу же понял, что дал промашку. Во-первых, это походило на саморекламу. Во-вторых, больно задевало Лерку.

— И ты всерьез поверил одиссее этой горе-альпинистки? — Химчик разглядывал небеса, изрезанные узорами вершин, хохлил свои бакенбарды. — Типичная хохма. Расчетливая красавица завлекла нас в лабиринт Заилийского Алатау, чтобы обоим подставить под лавину; Так она отделается и от осточертевшего мужа, и от бывшего поклонника, переметнувшегося к жгучим креолкам.

Славный был парень Тимчик, но в автогонщики не годился.

Леркино лицо осталось незамутненным.

— Один из вас достоин лавины. Но на этот раз обойдемся без трагедии. Повторяю: я не прошу мне верить. Все, чего я хочу, — показать вам то место. А шагать до него порядочно. Надо бы до вечера успеть. Скоро двинемся дальше, мальчики.

Андрогин не преминул воспользоваться моей оплошностью. Я забыл, что с этим кандидатом надо держать ухо востро.

— Царица грез моих, — замурлыкал Андрогин. — Повели маэстро исповедаться, отчего это он души не чает в ходящих над пропастью. А может, над пропастью ездящих...

Это был запрещенный прием, хотя и отменно проведенный. Все-таки он вытянул из меня кишки, этот гадатель по внутренностям:

— В Андах, чуть выше линии вечных снегов, иногда встречается цветок. Я его не видел, но говорят, он похож на наши полярные маки, только побольше, — отрывисто, глухо, как всегда, когда злось, начал я. — Местные племена называют его гравестос. А может, гравейрос, за точность не ручаюсь. Говорят, кто выпьет его отвар, заболевает лунатизмом. Правда, ненадолго. С незапамятных времен жрецы использовали гравейрос, чтобы ходить ночью над пропастью — на устрашение

своей паствы. По туго натянутому канату. Такие канаты сплетают из волокон агавы. До сих пор в Перу на них кое-где подвешены мосты...

2. ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ЛУННОГО ОГНЯ

Я не слишком верил легенде о гравейросе. Подобных рассказов в Южной Америке переизбыток. Да и не только в Южной Америке.

Но вот в позапрошлом году на розыгрыше кубка «Золото инков» мы оказались в горах Карабайо, к востоку от древней столицы инков — города Куско. Помню, мы с напарником основательно вымотались за две недели гонок вдоль каньонов, по крутым серпантинам и были рады долгожданному отдыху. Нам дали две ночи и день.

До обеда мы с Виктором спали, а потом решили порыбачить. Реки там похожи на наши тянь-шаньские: норовисты, пенисты, форель схватывает крючок намертво.

Бредем мы с удочками по городишку Ла-Пакуа, а навстречу Дончо Стаматов из болгарского экипажа. «Здравей, — говорю, — другарь Стаматъч. Опять ты Розетти на полрадиатора обошел. Эдак он от огорчения перезабудет весь набор своих неаполитанских песен». — «Пуускай учится петь наши, славянские, — хохочет Дончо. — А вы, души рыбные, возвращайтесь засветло. Вечером скатаемся еще выше в горы, вон туда, к самым снегам. Там обитает не совсем еще цивилизованное племя индейцев, и сегодня, в честь новолуния, будет шумное празднество. Среди прочих чудес обещают полет красавицы над пропастью — то ли в когтях дракона, то ли, помнится, с подвизанными крыльями — я толком не разобрал. Никогда не слыхали про такое диво? Эээ, не раз еще услышите, другари. Но лучше увидеть своими собственными глазами. И учтите: приглашает нас здешний мэр. В виде особой милости. Он к автомобилям неравнодушен, как Розетти к прекрасному полу. Единственная просьба, даже не просьба, а требование мэра — никаких фотоаппаратов и кинокамер. Особенно это касается — я добавляю от себя — друга Голосеева».

Мы выехали около восьми.

В горах темнеет рано. Последние километры пять наших машин, растянувшихся цепочкой, одолевали буквально на ощупь. Моторы ревели, задыхаясь, как всегда они режут небольшой высоте. Мы оседлали тропу, где обычно ходят с поклажей, наверное, лишь ламы, заменяющие здешним жителям и коров, и лошадей, и овец, где по одну сторону громоздились отвесные скалы, а по другую чернела нескончаемая пропасть. После одного довольно-таки заковыристого поворота мэр — он находился в Стаматовой «Пеперуде» — выскочил из кабины и подал знак остановиться. Смешно жестикулируя, он

начал объяснять, что дальше тропа совсем суживается, что он в ответе за нашу безопасность перед прогрессивной мировой общественностью, что пешком тут добираться около часа, не дольше.

Розетти, не дослушав мэра, завел свой «Везувий», выпустил пневмоприсоски, въехал на вертикальную стену и пополз над головой ошарашенного хозяина Ла-Пакуа. Мэр продолжал что-то говорить, не без смущения бросая взгляды вверх, где на расстоянии протянутой руки проплывали в обрамлении разноцветных приборных огней кудри весельчака Розетти.

Лунной ночью в платье белом
И с гвоздикой в волосах —
Нет прекрасней Антонеллы
На земле и в небесах! —

выводил Розетти своим неподражаемым голосом.

«Везувий» сполз со стены на тропу перед «Пеперудой». Мэр расхохотался, пересел к Розетти. Мы двинулись дальше...

В индейское селение мы попали часам к десяти.

Еще издали стали заметны несколько костров. Удивлял цвет пламени: фиолетовый с переходом в палевые, даже желтые то-ка. Проезжая по селению мимо мрачных домишек с плоскими крышами, мы смогли рассмотреть, что костры горят на отшибе, у подножия внушительных размеров каменной башни. Над тремя кострами висели большие котлы.

По соседству, на другом холме, высилась точно такая же башня, освещаемая одним костром. Башни разделяла пропасть.

Мы оставили машины у подножия холма и мимо безмолвствующих мужчин в причудливых шляпах и разноцветных накидках направились к башне.

— Вождю следует поклониться до земли, — быстро говорил нам мэр полупшепотом. — Это вон тому старику, на помосте, в красном покрывале. А тот, что слева, в орлиных перьях, с двумя колдунами, — это жрец. С ним разговаривать инородцам вообще запрещено. И никаких песенок, сеньор Розетти, умоляю вас.

Мэр первым картинно ударился вождю в ноги, за ним — не без смущения — все мы. Вождь поднялся с леопардовых шкур и ответил точно таким же поклоном — до земли. Вслед за тем он гортанно прокричал несколько слов, дав знак приблизиться.

— Верховный Владыка лунных ратников приветствует вас, восседающие в колесницах, — переводил мэр. — Да хранит вас лунный огонь.

Вождю было лет восемьдесят, не меньше. Глаза его из-под огромных разросшихся бровей сверкали молодо и пронизательно. Вождя охраняли четверо свирепого вида юношей с пиками и луками.

У одного стражника в руках был винчестер.

По знаку обладателя винчестера на помосте разостлали леопардовые шкуры. Мы расселись, после чего каждый получил чашу с белой жидкостью и золотистое блюдо с дымящейся тушкой куи (так называют здесь морских свинок) — лакомой пищей в Андах.

Пока под взглядами телохранителей мы опасливо пробовали мясо, уснащенное листьями и травами, мэр неторопливо беседовал с вождем. Судя по тому, как он то показывал шевелящимися пальцами в сторону машин, то называл поочередно наши имена, шла церемония нашего представления.

Я отхлебывал кисло-сладкий напиток из глиняной чаши, смотрел на подпирающую небо башню, на фиолетовое дрожание костров, на молчаливых людей возле них, и мне казалось, что время, как исполинская возвратная волна, стягивает меня с берега сущего, настоящего, туда, в мерцающие глубины бывшего, что можно еще стать и дружинником князя Святослава, и мстителем Евпатия, и успеть к дымящейся рассветной дубраве у Непрядвы, чтобы увидеть, как два богатыря — один в лисьем малахее, с хищной улыбкой кочевника, другой в черной, как смерть, иноческой рубахе и с нательным медным крестом — сшибутся, ударят друг друга копьями и оба падут с коней мертвыми...

Меня вернул из прошлого крик с вершины башни за пропастью.

Жрец, до той минуты застывший Как изваяние, поднялся, раскинул руки с привязанными к ним крыльями, двинулся по крутым ступеням к башне. Его поддерживали колдуны. Все трое запели.

Под их суровое однообразное пение костры гасли один за другим — их накрывали толстыми циновками, и пламя мгновенно укрощалось. Погас костер и за пропастью. Воцарилась кремешная тьма.

Мы с Виктором сидели недалеко от мэра. Я воспользовался темнотой, придвинулся к нему, спросил еле слышно:

— Извините, о чем они поют?

— Духов лунных заклинают. Пока не подымутся на самый верх башни, — дыша мне в ухо, отвечал мэр. — Я вам буду переводить, как сумею, а вы все перескажете другим, позднее.

— Спасибо за доверие, — сказал я, нащупал его руку и потряс в знак признательности.

— *Кто готовится в путь над бездной, в чьих руках осянная весть?* — спрашивал жрец речитативом, видимо; уже с вершины башни.

— *Властительница Лунного Огня,* — отвечал молодой голос из-за пропасти.

— *Кто несет на крыльях знак преображенья богини бессмертной?*

— Хранительница Лунной Благодати.

— Чьи волосы — струны света, ростки зеленых побегов, струи молодых ручьев?

— Властительницы Лунного Огня.

— Чьи слезы — дождь, животительный и благодатный?

— Хранительницы Лунной Благодати.

— Кто линию смерти и жизни, зла и добра, света и тьмы прочерчивает на камне Вселенной?

— Властительница Лунного Огня...

Всех вопросов и ответов запомнить было невозможно, тем более в переводе на английский. Наконец после некоторого молчания жрец прокричал с высоты каким-то задущенным голосом:

— Лети же, лети к нам, твоим ратникам, дева света, Властительница Лунного Огня!

...И я увидел, как над нами, во тьме, в той стороне, где другая башня, явилась вдруг светящаяся человеко-птица. Она медленно махала фосфоресцирующими руками-крыльями, столь же медленно приближаясь к нашей башне. Подобие сияющего хитона плескалось между крыльями, лицо мерцало лунной белизной с голубыми ободьями вокруг глаз, а над головой она несла тонкий серп молодой луны. Зачарованный, я хотел потрепнуть Виктора, этого сурового реалиста, не верящего в чудеса, но его рядом не оказалось: должно быть, передвинулся поближе к Стаматьчу.

Было тихо. Лишь слышался глухой далекий шум реки со дна пропасти, над которой парила Властительница Лунного Огня. Я сосчитал про себя до ста пятидесяти, прежде чем она достигла башни и скрылась в ней.

Тем временем на краю неба объявился новолунный серпик, точь-в-точь такой, какой несла она. Все племя лунных ратников запело. После довольно длительных песнопений разом вспыхнули костры, кроме того, единственного, за пропастью.

Как только костры запылали, я начал переводить взгляд от башни к башне. Я надеялся приметить канат, по которому опьяненная отваром гравейроса, только что прошествовала Хранительница Лунной Благодати, но не увидел ничего.

Показался жрец, один, без колдунов. Он грузно спускался по ступеням. В правой руке он держал длинный блестящий нож, в левой — обезглавленного петуха. Жрец отвесил поясной поклон вождю, распорол петушиное брюшко, запустил руку внутрь, вынул сердце и съел.

Лунные ратники возликовали. Некоторые ударились в пляс. Застучали барабаны. Стали раздвигать вареву из котлов.

— Ну как, Виктор? — спросил я Голосеева, который и вправду передвинулся к Стаматьчу.

— Во! — Он поднял большой палец. — Эти куи, замечу

тебе, объедение. Я своего уплет мигом, вместе с травой. Вот тебе и морская свинка. Жду теперь добавки.

И ни слова о полете призрачной птицы! Не характер — кремень.

В голове у меня шумело. Я ощущал во всем теле необыкновенную легкость. Казалось, поднимись я сейчас на башню, шагни в пропасть — и легко воспарить, едва взмахивая руками. Такое чувство бывает иногда во сне, особенно в детстве, когда я зависал, как жаворонок, то над полем цветущего клевера, то над глухими заводами Ельцовки, то над родной деревней. Помнится, я отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты не только грядки в огородах или пасущихся на косогоре коз, но по необъяснимому свойству сонного зрения даже головки тыкв, даже рыбешек, резвящихся на плесе, даже мышшей-полевок возле прошлогодней скирды, даже начинавшие чернеть ягоды смородины у нашего плетня. Позже, в автоакадемии, я увидел фотографию во всю стену. С высоты нескольких сотен километров спутник запечатлел старт планетолета «Иван Ефремов» к Сатурну. На фото были хорошо различимы мельчайшие детали пейзажа, русла высохших ручьев, суслики возле своих норок — метров за триста от стартовой площадки. Вот и начали сбываться сны детства, подумалось тогда...

— Приезжайте весной, — шепнул мне мэр. — Весною празднество ничуть не скучней. Представляете: между башнями растягивают сеть, куда ловят первые лучи солнца.

Розетти в самых изысканных выражениях поблагодарил вождя за сверхневероятнейший, как он выразился, подарок — зрелище летящей лунной девы и попросил в виде особой милости познакомиться нас с ней. Если будет на то добрая воля владыки лунных ратников, он, Розетти, готов прокатить ее в своей колеснице, даже свозить в Ла-Пакуа, в прекрасный дансинг.

— Я выслушал тебя, восседающий в колеснице, — отвечал вождь и посмотрел на телохранителя с винчестером. — Желание твое невыполнимо. Властительница Лунного Огня не открывает свой лик чужеземцам. Даже если чужеземец случайно ее увидит, узнает ее небесную тайну, ему несдобровать. Он неукоснительно найдет смерть. На линии света и тьмы. В ночь лунного затмения.

— На линии света и тьмы... В ночь лунного затмения... — ошарашенно повторил Розетти.

И здесь в первый и в последний раз заговорил жрец.

— Это так же невозможно, как одному из вас, восседающих в колесницах, подарить Верховному Владыке лунных ратников, — поясной поклон в сторону вождя, — свою колесницу. Вашей колеснице негде бегать среди наших скал, в нашем лунном свете. Лунная дева умрет в вашей тьме.

Жрец величественно повернулся и вскоре скрылся в башне.

Чтобы как-то сгладить неловкость, я спросил вождя, часто ли навещает лунных ратников светозарная дева. Оказалось, это случается один раз в году. Да, лишь раз в году из башни Смерти Луны переносит она лунный огонь в Лунную Колыбель. В эту ночь людей по всей Земле подстерегают великие несчастья и беды, если они не принесут жертву Властительнице Лунного Огня. Малые злोकличения нависают над смертными во все остальные новолуния и полнолуния. Злोकличения можно отвести разжиганием костров с добавлением в пламя лунника — сухой лунной травы, барабанным боем, поеданием живого сердца жертвы. Так повелось исстари, с тех самых пор, как лунные ратники прилетели на Землю. Это произошло ровно 62 тысячи лун тому назад.

Я призадумался: 62 тысячи лун это около 5 тысячелетий! Вот в какие непредставимые, догомеровские дали времен уходил обряд пришествия Хранительницы Лунной Благодати.

— Значит, в ночь прилета лунной девушки надо обязательно отдать¹ сердце петушка? — спросил улыбаясь Виктор.

— Надо съесть живое сердце, — тихо отвечал вождь, и глаза его блеснули. — Еще при моем деде жрец съедал непетушиное сердце.

Мы замолчали. Я взглянул на часы. Было около полуночи. Луна поднималась все выше, чуть освещая вечные снега вершин. Пора было возвращаться в город. Вождь с телохранителями проводил нас к машинам. Мэр подарил вождю несколько ящиков с вином и провизией, топор и двуручную пилу. Они быстро о чем-то переговорили, затем обнялись. Старый вождь заплакал.

— Зачем он плачет? — спросил Розетти. — Это я, болван, причинил ему горе. Будь я проклят со своим змеиным языком, черт меня дернул сболтнуть насчет поездки в дансинг. Разрази меня гром с Везувия!

Мэр сказал:

— Он плачет потому, что Властительница Лунного Огня отняла у него единственного внука. Три года тому назад он упал в пропасть. А за год до этого погиб его сын. Лунным ратникам нужен вождь только из рода Верховных Владык. Вот старик и зовет меня к себе, предлагая место Держателя Лунного Пера, с тем чтобы после отлета его души я стал вождем. А какой из меня вождь при врожденном пороке сердца и страсти к рулетке?

Как выяснилось, вождь был его дядей.

Я вытащил из багажника прозрачную коробку с точной копией «Перуна» — в десятую часть натуральной величины, поставил у ног вождя, снял крышку и объяснил, что это наш общий подарок Владыке лунных ратников.

Вождь заулыбался, потер в задумчивости лоб.

— Прозорлив и многомудр мой великий жрец, — изрек наконец вождь. — Большой колеснице негде бегать среди наших острых скал. А детенышу колесницы бегать не надо. Пусть он всегда спит на моем троне.

Он радовался как дитя, этот глубокий старик. Но главная радость ждала его впереди.

— О Владыка, детеныш колесницы тоже умеет бегать. И даже лазить по скалам. Надо только за ним присматривать. На этой доске — цветок с четырьмя лепестками. — Я протянул вождю пульт дистанционного управления. — Нажмешь верхний красный лепесток — детеныш бежит вперед, зеленый — назад, оранжевый — влево, синий — направо. А в центре доски — глаз, он всегда замечает, куда бежит детеныш. Скатится к ручью — видно ручей. Заберется на холм — видишь его на холме.

С помощью мэра вождь тут же позабыл маневры нашей модели. Не скрою: давно я не встречал таких довольных вождей.

— Далеко ли может убежать детеныш колесницы? — спросил вождь.

— Он может бежать без передышки одну Луну. Но если доску днем держать на солнце, детеныш никогда не устанет. Но доску лучше не ронять.

— Я поручу охранять доску обоим моим колдунам, — торжественно провозгласил вождь. — Колдуны будут держать ее на солнце, от восхода до заката. И никогда, пока я жив, не уронят. Благодарствую, восседающий в колеснице. Никто так не радовал сердце Верховного Владыки лунных ратников, как ты. Какую награду хочешь ты увезти туда, — он сделал жест в сторону, противоположную белым вершинам. — Туда, во тьму?

Ко мне нагнулся Розетти и сбивчиво зашептал:

— Грандиозный момент, сеньор Таланов. Надо выклянчить хотя бы одно блюдо, на которых подавали этих зажаренных тварей. Лично у меня блюдо было золотое, я определил по весу, да и на зуб попробовал. Чистейшее золото, клянусь святым Януарием.

...И я вспомнил о гравейросе. Другого такого случая в жизни уже не представится, подумалось мне. Эх, была не была...

Вполголоса я растолковал мэру свою просьбу, но вместо ответа был удостоен долгого тяжелого взгляда.

— Если моя скромная просьба невыполнима, будем считать мне наградой ваш взгляд, — сказал я, глядя прямо в глаза мэру. — Его-то я и увезу туда, во тьму.

Мэр попытался улыбнуться.

— Некоторые награды можно и не успеть получить при жизни, — произнес он. — Во всяком случае, мой отец еще

помнил времена, когда за подобную просьбу чужака спокойно прикончили бы на месте.

— В те замечательные времена не было ни таких колесниц, — я показал на «Перуна», ни их бегущих детенышей. Между прочим, один из детенышей дожидается вас в Ла-Пакуа.

Давно я не встречал столь счастливых племянников вождей.

Владыка лунных ратников удалился с мэром, чтобы вскоре вернуться и объявить, что награда будет мне вручена там, внизу, во тьме.

А Розетти получил награду сразу. Камень, прожженный слезою Хранительницы Лунной Благодати, и пару живых куи в деревянной клетке.

3. ДА НЕ ОПУСТЕЕТ ТВОЙ ДОМ, ЧЕЛОВЕЧЕ!

На другой день закрутилась привычная свистопляска. В минуты отдыха не раз я вспоминал ночь на линии света и тьмы. Иногда я доставал плоский сосудик из обожженной глины, осторожно вытаскивал деревянную пробку, принимался. Пахло скошенным лугом, цветущим анисом, пыльным терпким настоем. И сразу накатывала тоска. Хотелось бросить все: безумную гонку по чужой земле, интервью, встречи, речи, поломки, промежуточные финиши, желтые шлемы лидеров — все хотелось бросить, сесть на самолет — и домой, к родным пенатам, к шуму сосен, к стогам, плывущим сквозь заречные туманы...

Мы выиграли с Виктором «Золото инков». Но то была наша последняя победа.

В Калью мы погрузили «Перуна» на теплоход «Тысячелетие России», разместились в каютах и вволю отоспались. До отплытия оставались считанные дни.

Как-то вечером, посмотрев в местном кинотеатре широко рекламированный фантастический боевик «Осада Марса», мы вернулись на теплоход.

— Я заскочу к тебе, если не возражаешь, фантазер. Через полчаса, ладно? — сказал Виктор и заговорщицки подмигнул.

Он появился, держа в руке жестяную коробку с кинолентой.

— Отгадай, каким боевиком я порадую победителя? — спросил Виктор, потрясая коробкой.

— Финишным боевиком, — отвечал я. — Нас подкидывают в небеса, ты до ушей улыбаешься, из карманов у тебя вываливаются отвертки, реле, контргайки и все прочее, а я обвиняю, как удав, кубок, который, как ты точно подметил, переделан из самовара.

— Вот и не угадал. Перед тобою строго научное кинообви-

нение служителей культа, пользующихся отсталостью народных масс, чтобы напускать туману насчет порханья разного рода божеств над глубокими пропастями. Так-то, фантазер.

Он расхохотался, а я, ни о чем еще не догадываясь, спросил:

— Дружище, неужто удалось заполучить какие-то кадры о хождений жрецов по канатам?

— Не заполучить, а заснять самолично, — сказал Голосеев. — Притом в инфракрасных беспощадных лучах. С ними, как ты знаешь, никакое очковитительство не проходит.

Я удивился:

— Когда ж ты успел, пострел?

— А тогда, у лунных ратников.

Оказывается, как только Властительница Лунного Огня явилась вдруг во тьме, в той стороне, где башня Смерти Луны, дотошный Голосеев незаметно пробрался к «Перуну», навел кинопанораму так, чтобы захватить обе башни, задействовал автостоп на 15-минутный максимум и сразу же вернулся назад. Так вот почему я не обнаружил его рядом, когда подобие сияющего хитона плескалось у нее между крыльями, а лицо сияло белизной с голубыми ободьями вокруг глаз...

— И что же ты, смельчак, понаснял? — тихо спросил я.

— Снял не я. Я, как и ты, хотя в меньшей степени, подвержен страстям. Снял бесстрастный прибор. И он, только не огорчайся, подтвердил мою правоту в нашем споре. Все твои гравейросы-гравестосы — красивая несусаица; — Голосеев снова потряс коробкой, как триумфатор сверкающим скипетром из слоновой кости. Я вчера проявил и только что прокрутил на мониторе. Нет, не разгуливает по канату размалеванная птичка. Чудес, как я тебе постоянно твержу, не бывает. Она привязана к кольцу, в кольцо продет канат, и ее тянут веревкой от башни к башне. А чтобы богиня не крутилась, на кольцо сооружена удавка, как у воздушного змея. И заметь, фантазер: едва она долетает, ха-ха, долетает, значит, до башни, неведомые силы сразу же ослабляют канат, приспускают его в пропасть. И все шито-крыто.

— Вечно ты меня разыгрываешь. Но на этот раз ничего не выйдет, отважный пожиратель куи, — сказал я.

— Прощу к монитору, победитель. — Голосеев присел и галантно показал рукою на дверь. — Прощу. Убедишься собственными глазами, кто кого разыгрывает. Кстати, когда мы приплывем, я покажу пленку знакомым телевизионщикам. Сенсацию трахнем на всю державу!

— Ты умища, Голосеев, — сказал я как можно спокойней, потому что уже разбухал от беспричинной злости. Ты настоящий естествоиспытатель. Из тех, кто сдирает кожу с живых лягушек, рефлексy созерцает. А как же иначе распутать тайну материи?! Но берегись, ее величество тайна мстит за

насильственные забавы в ее владениях. Даже тому, кто лучше прочих проходит повороты на гонках.

Голосеев расплылся в улыбке до ушей.

— Насчет мести загнул ты здорово. А поощряет ее величество небось только за высокопарные выражения?

— Тогда считай поощрением угрозу гибели на линии света и тьмы, — подумав, сказал я. — Не забыл? Всякому, кто узнает тайну Властительницы Лунного Огня.

— Ты обрисовал нечетко контуры призрака, фантазер. Кондрашка должна хватить нечестивца не просто на подступах к вечным снегам, но обязательно в ночь лунного затмения. Сочетание, скажу тебе, редкостное для обитателя равнин. Так что у меня неплохие шансы увеличить количество долгожителей. Вместе с тобой, фантазер. Если не больше прочих рисковать на поворотах.

— Ладно, долгожительствуй, — сказал я. — А мне оставь пленку., Я хочу прокрутить ее один. Без твоих комментариев. Если не возражаешь. И больше не зови меня фантазером. Поднадоело.

Он положил коробку на столик, пожал плечами, ушел.

Иллюминатор заволакивала чернильная темь. На двух островах, загораживающих гавань от свирепых океанских волн, вспыхивали дрожащие огни. Я взял коробку и поднялся на палубу.

Потрепанный, изрядно побитый «Перун» был надежно закреплен тросиками к стойкам. Ничего, железный скакун, думал я, восседающие в колесницах наведут на тебя лоск за долгий путь на север.

В кабине, чтобы не привлекать лишнего внимания, я полиризовал стекла на полное внутреннее отражение. Теперь я остался один на один с проклятой коробкой. Необъяснимо, но главное, что я вынес из рассказа Виктора, — это чувство стыда, как если бы сегодня я случайно подслушал, что соперники еще перед началом гонки условились в силу мне неведомых причин нарочно уступить первенство именно «Перуну», так что все наши тактические ухищрения были напрасной тратой сил и нервов. Ситуация хотя и нереальная, но угнетающая. Угнетающая прежде всего невозможностью что-либо изменить. Комедия окончена. Упал занавес. Театр пуст.

Я достал пленку, заправил в монитор и уже потянулся включить, но рука остановилась на полпути.

А зачем мне это? Чтобы убедиться, что Голосеев прав? Но в чем его правота? В том, что лунное чудо подчинено неодолимым законам земной механики? Но зачем мне знать до конца, по какому— железной или алмазной твердости — закону днем и ночью, стаями и в одиночку тянутся в высях над океанами перелетные птицы? Зачем мне знать до конца, почему в детстве, когда мы переехали из деревни в город и не взяли с собою собаку Нерку, она прибежала к нам спустя неделю,

отмахав по осенней тайге свыше шестисот километров? Почему в ночь перед последним экзаменом в автоакадемию, когда все висело на волоске, мне приснился мой билет со всеми тремя вопросами и я выгнул наутро именно его? Почему иногда, особенно в лунные ночи, я предчувствую не только извивы и уклоны любой дороги, но и встречные машины за поворотом, за холмом, и не только машины — любые препятствия? А что, если странные, загадочные, не до конца распознаваемые явления — тоже неотъемлемая часть мировой жизни? Подобна тому, как обязательная странность в пропорциях пленительной красоты — частица самой красоты? Может быть, огни космических цивилизаций тогда и гаснут — одни, задуваемые атомными смерчами, другие, стиснутые рациональным бесплодием, когда в них наконец умирает последняя тайна. Как умирает деревенский дом, покинутый всеми обитателями. Как умирает человек, изгнавший из сердца чудо сострадания и любви...

Я вложил пленку в коробку, вылез из кабины, прошел на безлюдную корму, свесился через перила, разжал пальцы. Плеска внизу я даже не услышал. Что ж, покойся на дне Тихого океана, оскверненная тень лунной девы. Пусть все так же летит над пропастью Властительница Лунного Огня! Да не опустеет твой дом, Человече!

На другой день я улетел первым самолетом на Кубу, а от туда в Москву. Голосеев так и не поверил, что я утопил пленку. Я оставил ему на прощание собственный перевод одной статьи из какого-то затертого, журнала. Чтобы сдирателю живой кожи было о чем поразмышлять, созерцая в инфрапанораму одиноких птиц над ночным враждебным океаном.

Статья была озаглавлена

«ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ ЛУНЫ».

«Силы притяжения между Землей и Луной весьма значительны, поскольку оба небесных тела обладают сравнительно большими массами, а расстояние между ними по космическим масштабам невелико.

Словно исполинский магнит, Луна притягивает к себе воды Мирового океана, образуя на его поверхности целую водяную гору.

На многих побережьях, и прежде всего в закрытых бухтах северо-западных штатов США, приливная волна достигает высоты 20 метров. У побережья французской Бретани разница в уровне прилива и отлива столь значительна, что силы гравитации приводят в действие большую гидроэлектростанцию.

Однако лунному притяжению подвержены не только океаны, но и континенты. С помощью чувствительных приборов установлено, что под влиянием Луны они поднимаются или опускаются в пределах 23 сантиметров. Неудивительно, что подобные перемещения могут вызывать катастрофические разрушения в тех местах, где земная кора напряжена.

Не остается без лунного воздействия даже воздушная подушка нашей планеты. И в атмосфере существуют своеобразные приливы и отливы. При полнолуниях и новолуниях атмосферное давление снижается приблизительно на три миллибара по сравнению с другими лунными фазами.

И еще одна закономерность. Хотя отражаемый Луной солнечный свет составляет сотысячную долю всего солнечного потока, устремленного на Землю, тем не менее он повышает температуру земной поверхности на $\frac{1}{2000}$ градуса.

Может показаться, что приведенные величины ничтожны, чтобы оказывать какое-то влияние на погоду планеты. Прав ли был историк и естествоиспытатель Плиний, живший в I веке нашей эры, когда утверждал, что полная Луна повышает влажность воздуха и вызывает дождь? Или это обычное заблуждение? Правы ли те, кто твердо верит — а таких людей множество, — что с увеличением Луны погода улучшается?

Долгое время метеорологи старались вообще избегать подобных вопросов. Но вот в 1962 году группа американских ученых всесторонне исследовала 16 тысяч сведений о погоде в 1544 районах США за последние полвека. Прежде всего обращалось внимание на закономерность выпадения дождей. Оказалось, что чаще всего дожди шли на протяжении трех-пяти дней после новолуния и полнолуния.

Опубликованные материалы вызвали всеобщее недоверие. Однако вскоре пришло подтверждение от австралийских ученых: да, дожди предпочитают лить после новолуний и полнолуний.

Другие исследователи, обработав данные 269 метеостанций, сразу же подметили закономерность возникновения тайфунов с силой ветра свыше 12 баллов. Выводы были обескураживающими. Вероятность подобных ураганов при новолуниях и полнолуниях выше обычной на 25 процентов!..

К сожалению, причины воздействия древней Селены на погоду наукой до сих пор не выяснены. Самая распространенная гипотеза такова. Мировое пространство отнюдь не пустота. В нем движется огромное количество космической пыли, остатки метеоритов и погибших планет. Не исключено, что часть этой материи улавливается Луной, а затем перекочевывает на Землю — ведь земное притяжение значительно превосходит лунное. Попадая в верхние слои атмосферы и постепенно оседая, мельчайшие космические частицы становятся как бы конденсаторами влаги, стучаются в облачные массы и в результате — дождь.

Если Луна способна оказывать влияние на движение океанов, земной коры, атмосферное давление и температуру, не воздействует ли она и на поведение животных и людей?

Как, например, объяснить следующее явление? Давно известно, что моллюски открывают створки своих раковин при

приливе и закрывают при отливе. За день они фильтруют около 65 литров воды и улавливают свыше 72 миллионов микроорганизмов, которые и служат им пищей.

Первоначально считалось, что движение створок раковин обусловлено перепадом давления воды при приливе и отливе.

Но вот был произведен такой опыт. Несколько моллюсков перевезли за 1600 километров от побережья и поместили в непроницаемые для света стеклянные сосуды, где были полностью воспроизведены температура и давление воды в привычной для моллюсков морской среде. Затем подключили устройство, контролирующее открывание и закрывание створок.

Поначалу моллюски сохраняли свой привычный ритм: они открывались и закрывались, хотя не было ни приливов, ни отливов. Но ровно через 14 дней случилось невероятное: ритм переместился на три часа. Это позволило сделать такой вывод: моллюски открываются и закрываются в точном соответствии с приливами и отливами на их новом местонахождении. Иными словами — ритм моллюскам диктовала Луна...

Луна, несомненно, влияет и на поведение некоторых млекопитающих. В лабораторных условиях хомяки всегда гораздо бодрее при полнолуниях и новолуниях, а мыши — только при полнолуниях.

ПОЛНОЛУНИЯ И НОВОЛУНИЯ ПОГЛОТИЛИ 900 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Это произошло 16 сентября 1978 года в 19 часов 28 минут. Землетрясение с силой 7—8 баллов всего за три минуты слезнуло с карты цветущий город. Трагедия разразилась в тот самый миг, когда Луна, Солнце и Земля оказались как бы на одной оси, и тонкая земная кора одновременно испытывала воздействие масс Солнца и Луны.

Старое поверье гласит: при новолунии и полнолунии опасайся землетрясений. Научно это не доказано. Большинство геофизиков пожимают плечами. Однако существует множество фактов, которые не так-то просто объяснить случайностью.

Обратим внимание на самые крупные землетрясения последних десятилетий:

29 февраля 1960 года. Ужасающее землетрясение в марокканском городе Агадир. Под развалинами погибло около 12 тысяч человек. Было новолуние.

2 сентября 1962 года. При сильном землетрясении, продолжавшемся 4 минуты, в Иране погибло около 12 тысяч человек. Полнолуние.

22 мая 1970 года. Страшной силы землетрясение значительно изменило весь ландшафт Перу. Катастрофа отняла 60 тысяч жизней. Полнолуние.

28 июля 1976 года. 800 тысяч жителей погибло под развалинами при землетрясении в Китае. Полнолуние.

3 сентября 1978 года. В 6.08 утра самое сильное землетрясение после второй мировой войны разразилось в Баден-Вюртемберге. Множество разрушений, повреждены транспортные магистрали. Новолуние.

16 сентября 1978 года. При полнолунии и лунном затмении страшное землетрясение буквально уничтожило иранский город Табас и свыше 40 окрестных деревень.

Случайности? Суеверия? Или же существует некая связь между земными и лунными силами?

Издревне человечество приписывает Селене таинственные свойства. Луна почиталась не только как богиня смерти и как богиня плодородия. Ее фазы принимали за символы рождения, роста, смерти и исчезновения. Еще древние римляне утверждали, что полнолуние предвещает дожди, а спартанцы начинали войну исключительно в полнолуния.

В основу первого календаря, составленного древними, был положен лунный, а не солнечный год. Давно подмечено, что в полнолуние некоторые люди не могут уснуть. В древности и даже в средние века твердо верили, что Луна может вызывать душевные болезни. Англичане до сих пор понятие «душевно-больной» выражают словом «лунатик» — от латинского корня «луна».

Пытаясь выявить воздействие Луны на поведение человека, ученые длительное время наблюдали группу из 50 студентов. Было установлено, что подопытные подвержены резким перепадам настроения с периодом около двух недель. Верхние и нижние «пики» настроения соответствовали фазам полнолуния и новолуния. Более того, в точно таком же ритме у исследуемых колебался и электрический потенциал».

Я оставил статью в каюте Голосеева сгоряча, желая ему досадить, даже не досадить, а укорить друга за непрошеное вторжение в космический покой лунных ратников, и ни о чем теперь так не сожалею, как о своем поспешном бегстве. Меняющие свои очертания башни необъясненного, едва сбыточного не нуждаются в чьей-либо защите. Чудо явлений чрезвычайных умеет постоять за себя...

4. ЗЕРКАЛО В САДУ

Над поющим ручьем я рассказал эту историю скомкано, опуская многие детали. Собственно, рассказывал я для одной Лерки. И по глазам ее понял: она поверила мне во всем.

— У подобных героических былин один-единственный недостаток. Полное отсутствие вещественных доказательств, — сказал Тимчик и потянулся зевая. — Пленка утопла, а пузырек с приворотным зельем... Не сомневаюсь, он тоже был с отворачиванием брошен в Тихий океан и посему стал добычей рыб. Они облизывают пробку и получают способность летать в воз-

духе. Некоторые даже наловчились пожирать перелетных пташек. Но только в новолуния и полнолуния.

Лерка стиснула голову руками как от нестерпимой головной боли, хотела что-то сказать мужу, но я ее предупредил:

— Он прав. Сосуд я тоже зашвырнул в воду.

— Твой супруг, Леруня, ясновидец, — не унимался Андрогин.

— А с Голосеевым помирились? — как бы не расслышав его, спросила Лерка.

— Мы с ним не ругались. Он приплыл с «Перуном» через месяц. Он клялся, что и в самом деле разыграл меня. Что в коробке была пленка с финишем «Золото инков» и церемонией награждения. Но мне почему-то было уже все равно. Я готовился к «Ожерелью Пиренеев» с другим напарником. С Ашотом Мелкуяном. На «Серебристом песце».

— Тары-бары-растабары-серебристые-песцы, — забавно пропел Тимчик. — Не пора ли нам пора. Вперед, к мрачной пещере Леркиных тайн! Наши тайны русские, отечественные, маленько похлестче ихних перуанских-заокеанских. Но тоже без вещественных доказательств.

«Зря я злоблюсь на Тимчика, — подумал я. — Его привычка все осмеивать, все пародировать, надо всем острить вовсе не прихоть, а жизненная потребность. Это его пища. Без нее он не сможет существовать вообще. Как не смог бы сочинять свои залихватские статьи в периодике без раскавычивания чужих цитат, без переваривания (и перевирания) чужих мыслей. Поглощает чужое, а получается вроде бы свое. И в этом, только в этом секрет несокрушимости кандидата технических наук».

Мы двинулись в путь.

Через полтора часа мы вышли к серному источнику. Струи горячей шипящей воды наклонно били прямо из скалы на высоте человеческого роста, и крутиться под живительным дождем было наслаждением. Тимчик купаться не захотел — он что-то записывал в блокнот. Здесь мы пообедали. Дальше нужно было подниматься вверх по ущелью Тас-Аксу. В переводе с казахского это означает «Река белых камней». Лерка перевела удачнее — «Белокаменная». По ее словам, отсюда оставалось ходу около двух с половиной часов. Следовало поторопиться, чтобы успеть к ночлегу хотя бы в сумерках.

Я шел за Леркой по скользким плоским камням. Река звенела. Несколько раз я замечал на перекатах быстрые тени рыб. Жаль, что размотать удочку придется лишь завтра. В многоугольнике неба завис недвижно орел. Я начал мысленно перелистывать страницы красной ученической тетрадки в клетку, которую дала мне прочесть Лерка в первый же день моего прилета. Лерка сказала, что вызвала меня в Алма-Ату только затем, чтобы я прочитал эту тетрадь и помог ей в остальном...

«Почему лишь теперь, весной, в апреле, я решаюсь зане-

сти на бумагу все то, что следовало записать, притом незамедлительно, еще тогда, прошлым августом? Ведь недаром говорят, что уже через неделю после какого-либо события его подробности оскудевают в памяти наполовину. Впрочем, я не опасюсь этого. Те подробности не оскудеют в памяти вовек, хотя случившееся не только Тимчику, но и мне порою представляется сном. Вернее, сном во сне. Как у Лермонтова в стихотворении «Сон», где «в полдневный жар в долине Дагестана» герой видит во сне самого себя смертельно раненным, спящим мертвым сном, а в том, другом сне, он созерцает заснувшую юную деву, которая также грезит во сне («И снилась ей долина Дагестана, знакомый труп лежал в долине той, в его груди, дымясь, чернела рана, и кровь лилась хладеющей струей»). Выходит, сон даже тройной, точнее, строенный...

После того как Тимчик поднял меня на смех (слава богу, ему хватило порядочности не трезвонить, как обычно), я решила вообще отмалчиваться, даже отца обошла, хотя неустанно, навязчиво думала лишь об этом. В ноябре я не поехала с ним в Венгрию, промаялась всю зиму в библиотеке над диссертацией, сочинив, к ужасу Тимчика, страниц тридцать, не более.

Говорят, на Востоке существует болезнь с мудреным названием «смертельное томление от воспоминаний». Человек способен даже умереть от невозможности еще раз пережить наяву событие, врезавшееся в память. Например, последнее свидание перед разлукой.

Теперь поняла: записываю, чтобы оставить какой-никакой документ. Как сказано в «Мастере и Маргарите», рукописи не горят...

Но начну по порядку.

Середину августа я провела в альпинистском лагере. Мы готовились к траверзу трех вершин, включая пик Авиценны. Сборы проходили нормально. Наш тренер Джумагельдинов был доволен мною. Но буквально накануне штурма я слегка простудилась (тайно поплескалась в ледяном ручье, жара стояла страшная). Наутро я захрипела, и меня — о ужас! — не взяли. Уверена, что Марат Иннокентьевич посмотрел бы сквозь пальцы на легкую простуду, но Цецилия Аркадьевна, эта толстая змеюга с красным крестом, уперлась, и ни в какую. Все-таки улучила момент подло отомстить за то, что ее Яков Борисович прислал мне двести больших садовых ромашек ко дню рождения, а простодушный Тимчик всех оповестил...

Утром они всемером ушли на траверз без меня. Я поплакала немного у ручья, опять искупалась и решила в отместку бросить альпинизм до конца моих дней. Во всяком случае, дожидаться их триумфального возвращения через неделю я не собиралась. В конце концов, до перевала Трех Барсов спуститься чуть больше суток. Дорога удобная, неопасная. Заночевать

можно у слияния ручья с Тас-Аксу. Это немного выше серного источника. А от Трех Барсов легко уехать на машине: раз в день она приезжает к чабанам.

Положив в рюкзак одноместную палатку, спальный мешок, кое-что из еды (точнее, две банки тушенки, хлеб, сгущенку), я оставила на видном месте записку, где объясняла, что по неотложному делу возвращаюсь через Трех Барсов. Этим путем я ходила десятки раз, чаще всего с филфаковцами, сдающими нормы на значок «Альпинист СССР».

Погода стояла изумительная, рюкзак совсем не оттягивал плечи. К заходу солнца я легко спустилась к месту ночевки. Обычно мы разбивали палатки на левом склоне ущелья. Там был удобный выступ на скале, площадка метров шестидесяти, Поросшая травой и шипигой, как у нас называют низкорослый горный шиповник. С выступа утром, на восходе солнца, хорошо было наблюдать, как лучи пробивают туман по всему ущелью, как внизу сливается узкий пенящийся ручей с большой речкой. Я говорю «большая речка» условно, в тех местах Тас-Аксу не такая уж и широкая: в августе через нее перескакивают с камня на камень.

Я поставила палатку вплотную к скале, поужинала всухомятку и сразу же заснула как убитая.

Среди ночи меня разбудил грохот. Земля подо мной вздрагивала. Где-то рядом рушились камни. Но вскоре все успокоилось. Кто часто бывает в горах и видит (а еще чаще слышит), как сходят лавины, кто знает коварный, норов каменных осыпей, тот не особенно нервничает при подобных звуках даже среди ночи. И я опять забылась.

Мне привиделась Земля из космических глубин. В хороводе среди других планет она светилась, словно купол одуванчика. Она пульсировала как живое существо, я приближалась к ней...

Нет, сначала важно описать, как именно я приближалась к Земле в том сновиденье.

Я сидела в чем-то, похожем на глубокое кресло-качалку, а вокруг цвел дикий сад. Ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений переплетались так тесно, что представлялись единым цветущим организмом. Куда ни помотришь, всюду клубящимися волнами простирались к близкому горизонту многоцветные кроны. Странность состояла в том, что, удаляясь, они становились все выше, все круче, как будто я оказалась на самом дне пестро раскрашенной воронки, причем чаша горизонта была не выпуклой, как у нас на Земле, а вогнутой.

По краям чаши слабо фосфоресцировало скрученное в жгут сияние, уходящее в отуманенные звездные дали. Волшебный сад приближался к Земле, несомый тихо крутящимся смерчем, и по мере приближения (а уже обозначились рваные края материков и среди них разводья морей) меня охватывало бес-

покойство. Я показала сама себе дрожащим пламенем среди разгульных ветроворотов вселенной...

Беспокойство усилилось, когда повсюду на лике земном, даже на белых шапках полюсов, стали различимы сотни, тысячи ядовито-синих огоньков. Все они исторгали жесткие прямые лучи, какие испускают ядра звезд.

И явилось припоминание, что мой сад в тысячелетних странствиях по океану вечности время от времени устремлялся к подобным живым планетам, но если замечал такие страшные огни, всегда улетап прочь. Я пыталась вызвать в памяти те слова, следуя которым сад избежит опасности, и вспомнить не могла.

По всей оболочке смерча начали проступать коричневые пятна, которые сразу же чернели, пока сад не сокрыла блистающе-черная тьма...

И я проснулась. По крыше палатки били тяжелые капли дождя. Не вылезая из спального мешка, я слегка приоткрыла полог.

Рассветало. Пухлые тучи сползали вниз по ущелью. Прокапывался гром. Синоптики, как водится, ошиблись. Ну что ж, придется топтать под дождичком, нам не привыкать. Штормовка — защита надежная, не говоря уже про горные ботинки с шипами — в них не поскользнешься. Об одном жалела я: еще вчера решила сначала искупаться в серном источнике, а уж потом завтракать. Говорят, можно сбавить вес сразу килограмма на два. Ладно, придется обойтись без купаний. Только вот ребят жалко: каково-то им там, на высоте! Наверняка у них завьюжило, притом дня на три, не меньше. В августе погода в горах портится исключительно редко, но уж если испортится...

Я быстро собрала палатку, надела рюкзак и двинулась туда, где от пышного куста боярышника начинался довольно крутой спуск в ущелье. К моему удивлению, сразу за боярышником оказалась пустота. Спуска больше не было. Землетрясением вырвало огромную часть скалы, она рухнула, запрудив Тас-Аксу. Сквозь клубящиеся тучи было нелегко разглядеть, насколько массивна плотина, но я не сомневалась, что Белокаменная прорвет любую преграду. Так просто ее, голубушку, не усмиришь, помню, подумала я, но сразу же резануло как скальпелем: а спускаться теперь где? Я оказалась на карнизе, в западне. Сверху скала метров на полтора, без веревки и крючьев делать там нечего. Снизу пропасть метров семьдесят, попробуй сползи...

Я сняла рюкзак, присела на него. Спокойствие, прежде всего спокойствие. Как поступают в подобных передрыгах бывалые альпинисты, ну, например, тот же Марат Иннокентьевич?

— Во-первых, надо набраться терпения и ждать помощи. Она обязательно придет, — сказала я голосом Джумагельдинова.

— В данном случае помощь придет не раньше, чем через неделю, — отвечала я Марату Иннокентьевичу. — Вы вернетесь с траверза победителями, запросите по рации Алма-Ату и кинетесь меня искать. Но за это время я умру здесь, возле боярышника. С моими запасами еды долго не протянешь, а главное — у меня с собою ни капли воды.

— Можно жевать плоды шиповника и слизывать воду с камней. Даже если нет дождя, утром на камнях проступают капли росы. А уж если льет дождь, проблем с водой никаких. Надо греться у костра, сжигая прошлогоднюю шипигу, и ждать помощи. Наверняка какие-нибудь «дикари» пойдут от Трех Барсов вверх по ущелью, — обнадежил Марат Иннокентьевич.

— Надежды на «дикарей» никакой, — вздохнула я. — Когда погода портится, «дикари» скатывают палатки и возвращаются восвояси.

— В крайнем случае можно разрезать палатку, спальный мешок, даже рюкзак на полоски, связать их морским узлом и попытаться спуститься...

— Марат Иннокентьевич, у меня с собою только консервный нож. Им палатку не разрежешь. Кроме того, я никогда не решусь спуститься и на десять метров по связанным огрызкам, даже если б я нашла в себе силы рвать брезент зубами, — возразила я.

— Тогда остается спокойно сидеть в непромокаемой палатке и все-таки ждать помощи, — сказал после некоторых колебаний Марат Иннокентьевич.

Да, положение было незавидное.

Я взялась за толстую ветку боярышника и немного наклонилась над пропастью: а вдруг все же есть возможность проползти, как ящерица, среди расщелин? Конечно, без рюкзака. В конце концов его можно просто спихнуть вниз, а потом отыскать среди камней...

Но даром сказано, что благими помыслами вымощена дорога в ад. Подо мною блестела мокрая отвесная стека.

Справа из скалы, наискось в мою сторону нависла глыбина довольно-таки странной формы. Она напоминала часть скрученного в продольном направлении кристалла, расширяющегося к концу. Этот-то расширенный торец, вернее, какая-то часть его, поскольку глыба переходила в скалу, нижним полукруглым основанием упирался в заросли шипиги на моем карнизе. Кристалл в отличие от серой блестящей скалы был тускло-черным, точь-в-точь антрацит. В детстве наша семья жила на Кузбассе, в Осинниках, и я вволю налазилась со сверстниками по шахтным отвалам.

Помню, я обрадовалась необыкновенно. Пусть я прокукую на карнизе даже неделю, но зато я стану первооткрывательницей здорового угольного пласта.

А ведь еще неизвестно, насколько уходит этот закругленный

пласт в земные недра. Кто может поручиться, что здесь не целое угольное месторождение! И это в условиях, когда планете грозит энергетический голод, о чем мне не раз рассказывал Тимчик. Сейчас каждая тонна угля и торфа на учете, даже старые, выработанные шахты вновь начинают действовать.

Я подошла к торцу, провела рукой по гладкой поверхности и удивилась: буквально в сантиметре от угля пальцы наталкивались на невидимую преграду. Более того, тускло-черный торец пласта под дождем оставался абсолютно сухим. Непонятно как, но струи дождя не касались этого угля. Они плавно отклонялись чем-то и соскальзывали вниз...

Само собой разумеется, дальнейшая моя запись никого ни в чем не убедит, но я подчеркиваю: пишу только правду, сколь бы фантастичной ни предстала она из последующих событий.

Я увидела их. Точнее, сначала одного из них. В торце обнаружился золотистый глазок и начал расширяться наподобие диафрагмы фотоаппарата. Как только глазок начал расти, я схватила рюкзак и отбежала к скале, хотя бежать, в общем-то, было некуда, а спрятаться негде.

Из глазка (а он расширился до размеров парашютного купола) медленно вылетел огромный скафандр, примерно такой, как для глубоководных исследований, тускло-черный, как и кристалл. Ростом (длиной? высотой?) он был — вместе с парой нижних конечностей — метров пять, не меньше, диаметр головы (то есть не головы, а скафандра, тут я до сих пор теряюсь) — больше метра. Это сейчас я спокойно пишу: пять метров, один метр, но тогда мне было не до вычислений и не до сопоставлений с куполами парашютов. Я вся сжалась от ужаса и бессилия в своей залатанной штормовке.

Он вылетел из глазка, который сразу закрылся, сомкнулся. За скафандром тянулась тускло-черная веревка, даже не веревка, а жгут сгущенной черноты. Неуклюже переворачиваясь в воздухе, он поплыл вдоль кристалла по направлению к скале и... растворился в ней. Сначала в скале исчезла рука, затем голова, другая рука, туловище, ноги. В общем, скафандр весь исчез, остался только плавно перемещающийся черный жгут. Он нырнул в скалу, как мы ныряем в теплое море — без видимых усилий.

Вскоре через глазок выскользнули еще двое — точные копии первого. Скафандры тоже скрылись в скале, правда, в разных местах, но один сразу же возвратился и исчез в помутневшем глазке.

Так они путешествовали туда-сюда часа три, не меньше, и все это время я стояла как полоумная под дождем, у мокрого рюкзака, проклиная свою злосчастную судьбу и отказываясь верить происходящему. Удивляли меня даже не сами антрацитовые чудища — удивляло полное их безразличие ко мне. Они не предприняли ни малейшей попытки познакомиться со мною.

Да что я говорю — познакомиться! Хотя бы рассмотреть меня! Не червяка, не букашку несчастную, не мерзкую рептилию! — меня, самое разумное существо во всей вселенной, как пишет в своих статьях Тим. Я была для них как камень, как струйка дождя, как колбочка шипиги — без-раз-лич-на!

— И вы мне безразличны, угольные скафандры, — шепотом сказала я. — Мне все равно, как вы оказались со своим кристаллом в скале. Мне все равно, обитаете вы внутри земли, как кроты, или пожаловали к нам из небесной преисподней. Можете туда и убираться, я вас не держу.

Меня одолевал волчий голод. Я растянула палатку, вскрыла тушенку, честно отмерила полбанки и проглотила с хлебом, почти не жуя. А запила водою из лужицы возле рюкзака.

Все так же сеялся дождь, брели по ущелью тучи, ревела внизу набухающая, подпертая рухнувшей скалой река, все так же кувыркались у кристалла скафандрики, так я решила их окрестить. Иногда они появлялись, держа в лапах то несколько спиралей, то связку шаров, то вообще бог весть что — все черного цвета.

Так наступил вечер. Стемнело. Я промокла до нитки, но палатка изнутри оказалась сухой, спальный мешок тоже. Я доела тушенку, сняла мокрую одежду, но уснуть никак не могла.

Допустим, вы инопланетяне, рассуждала я. Допустим, у вас сверхважная работа, например, попали в катастрофу и теперь спешно ремонтируете свой корабль, если кристалл и есть ваш корабль. Но ведь корабль могут соорудить лишь высокоразумные существа. Так отчего же вы, братья по разуму, не попытаетесь спасти гомо сапиенс — человеку разумному? К тому же женщине, притом молодой. Чего вам стоит перенести ее на другую сторону ущелья? Вам, свободным от уз тяготения земного? Опасаетесь последствий контакта? Или, как в рассказе Рэя Бредбери, которого, к сожалению, так не любит Тимчик, мы с вами из несовместимых миров и наши руки пройдут одна сквозь другую, как две живые тени? Но ведь я трогала ваш кристалл, я чувствовала его упругость, если не его самого, то хотя бы преграды, его стерегущей...

Разбудило меня сияние солнца, сопровождаемое раскатами грома. Было жарко, как на пляже. Часы показывали половину третьего. «Быть не может, чтобы я проспала чуть ли не целые сутки», — подумала я, выглядывая из палатки.

Я ошиблась. Стояла глубокая ночь. Но над их кристаллом, над моим карнизом переливался великаный купол живых солнечных лучей. Я даже видела, как бисеринки дождя соскальзывают по краям золотого сияния, но сквозь купол они не проникали. Над ночным Тянь-Шанем плескались потоки дождя, молнии перепыхивали небо, громыхал гром, а у слияния ручья с Белокаменной взошло маленькое солнце и быстро высушило до-

суха палатку, штормовку и даже ботинки той, что случайно оказалась под его лучами.

Их кристалл переменял свой цвет. Теперь он стал фосфоресцирующе-серебристым, а плавно изгибающийся торец был вообще прозрачный, и там, внутри, сквозь радужную перегородку просматривались ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений. Они переплелись так тесно, что казались единым цветущим организмом. Не было верха и низа, не было отдельно пола, стен, потолков — везде роились, клубились волны многоцветных крон. Странность состояла в том, что по мере удаления в глубь кристалла они становились все выше, все круче, как бы предвещающая просторы без края и конца...

Я чуть не вскрикнула от удивления: это был мой волшебный сад, но в чем-то (или чем-то) неузнаваемо преображенный.

Три моих скафандрика (они тоже стали серебристыми) летали над соцветьями, манипулируя своими шарами и спиралями.

Таясь, как зверек, обдирая лицо, колени, руки о колючки шипиги, я подползла поближе. Они что-то делали со своим сладостно дремлющим садом, но что именно, понять мне было не дано.

Там, где в космических глубинах кристалла смыкались буйные кроны, мерцал сумеречный овал. «Как кружащиеся по своду земному созвездья охраняют покой Полярной звезды, так и кроны стерегут подобие зеркала», — подумала я и сама удивилась прихотливости моей, но и как бы не моей мысли. В зеркале проглядывались сгустки туманностей, завихрения диких миров, двойные, тройные звезды, роящиеся планеты, спиральные рукава. Среди этих песчинок вселенского хаоса плавно перемещались серебряные вихри, чем-то похожие на те, что в пустыне Бетпак-Дала, где мы были на практике, предвещают смертоносный самум...

«Чудесный этот сад — двигатель их корабля-вихря, — как в озаренье, подумала я. — Почему-то он у них разладился, и они его чинят. Жаль, что я ничем не смогу им помочь».

До сих пор для меня загадка, как мне приходили в голову все те странные мысли, когда я, залитая среди ночи лучами солнца, пряталась в траве, хотя прятаться было не от кого.

Помню, вслед за догадкой о саде-двигателе я начала размышлять, зачем к осени оплотняется среда земной биомассы, перед тем как смениться зимней пустотой? Зачем наливаются соком яблоки, тучнеют нивы, тяжелеют плоды? А что, если эта ежегодная пульсация растительных веществ — залог движения земного времени?..

И сразу Земля представилась живым зерном в роднике вселенского бытия.

Я думала о высоте небесной, глубине земной, широте в беспредельности мироздания.

И мироздание раскрылось мне вдруг, как цветок, трепещущий среди солнечных дуновений.

И как в теле человеческом, во вселенной все было связано со всем, все отражалось в другом и другое в себе отражало — все предметы, явления, вещества, времена...

И небеса были частью меня, и я — небесами.

Кристалл был посланец непредставимо красивого мира, но почему-то сама мысль о соприкосновении наших двух миров показалась мне таинственно страшной и непостижимой...

Не помню, сколько я пролежала в шипиге, но это были лучшие минуты в моей жизни.

Пока снопы солнца не погасли и не хлынул вслед за тем дождь...

Я проснулась поздно. Ломило голову, особенно в висках. Дождь барабанил по стенам палатки. Я ощупала рюкзак, штормовку, ботинки. Все сухо. Значит, то было наяву.

В черном кристалле глазок открывался и закрывался: садовники работали.

После обеда, не дождавшись верительных грамот, я уже твердо решила: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. В конце концов, откуда скафандрикам знать, что я существо разумное? Я должна им это доказать.

Я улучила момент, когда глазок начал расширяться, и с бьющимся сердцем подбежала к торцу.

— Приветствую вас, звездные братья! — завопила я вылетевшему скафандрику. — Спасите меня, пожалуйста!

Никакого внимания. Он проществовал покачиваясь по воздуху и растворился в скале, как привидение.

«Ну нет, просто так я не отступлю, господа-товарищи звездные садоводы. Я вам не птичка с подбитым крылом, — озлобилась я. — Мои предки во все времена почитали первейшей обязанностью помочь попавшему в беду. «Сам умирай, а товарища выручай». Слышали такое? А если нет, то зарубите себе на носу или на чем там придется. Мои предки знали истинную цену дружественным контактам, о чем можно судить хотя бы по такой древней пословице: «Неправдою весь свет пройдешь, да назад не вернешься». Тоже не слышали? Гроша ломаного не стоит звездная ваша премудрость».

Я вернулась в палатку, вырвала из блокнота несколько листов и нацарапала карандашом: на одном — модель солнечной системы, жаль, что не все планеты вспомнила; на другом — теорему Пифагора — треугольник с тремя квадратами на сторонах, как учили в школе, и модель атомного ядра (я перерисовала по памяти ее изображение с транспаранта над воротами республиканской выставки достижений народного хозяйства); на третьем — ракету и в ней маленького человечка (поразмышляя,

точно такую же ракету я изобразила на первом листке — летящей с Земли на Луну). На четвертом листке еле улеглись два земных полушария. Материки я нарисовала приблизительно, только Австралия и Африка получились сносно. Но зато уж я не пожалела тюбик голубой импортной пасты для век и всю планету испещрила огоньками. «Получайте обратно ваш насильственный сон на тему атомных бомб! Попробуйте только не понять, что к чему, — бормотала я. — Разнесу альпенштоком в клочья и чудесный ваш сад, и вас самих заодно, истуканы!»

Оставшийся листок целиком вместил русскую пословицу, написанную латинскими буквами (боюсь, что с ошибками):

Nepravdoju ves svet projdosch,
Da nasad ne vernjoshsja!

Захотят — поймут!

Вот так, с альпенштоком и кипюю листов, грязная, голодная, но полная решимости наладить проклятый контакт, я предстала перед торцом. Первого же скафандрика, поскольку он, конечно же, не соизволил удостоить меня вниманием, я больно толкнула по ножнице.

И ведь действовало! Он перевернулся вверх тормашками, приспустился на уровень моей головы, застыл в воздухе, чуть раскачиваясь. Было страшновато, но я приложила ему листки прямо к черной его голове, поскольку рука его плавала метрах в двух надо мною. Странное явление: листки мои точно провалились в его шлем. Их просто не стало. Он сразу скрылся в глазке, и около часа они не появлялись вообще.

Наконец один явился, не знаю уж, который из *них*, подплыл к палатке, где я ждала результатов смелого своего опыта. В лапе у него была зажата лопатка, вроде тех, чем пирожное подают, размером, понятное дело, метра три, не меньше. Лопаткой этой начал он осторожно подталкивать меня в сторону кристалла.

— Нечего меня пихать своей железякой, красавец скафандр, — сказала я ему. — Сама пойду к месту переговоров.

Но, как выяснилось, толкал он меня не к кристаллу, а к краю пропасти...

— Думай, что ты делаешь, звездный зверь! — кричала я. — Я не могу летать, как ты! Я разобьюсь. А тебе за меня отомстят!

Все же я сумела увильнуть и спряталась в палатку.

Но это меня не спасло. Видно, они единогласно решили меня погубить, не знаю уж за что.

Палатка оказалась, в воздухе вместе с кольшками. Скафандрик опять погнал меня к краю карниза. Я попробовала объяснить жестами, как могла, что я не против оказаться на той стороне, но что пропасть для меня неодолима, что нужен канат, мост, все что угодно, иначе тело мое найдут на острых камнях внизу, растерзанное хищниками.

Пока я на пальцах пыталась что-то объяснить, он ловко под-

дел меня своей черной лопатой, приподнял над карнизом, пронес над боярышником и метрах в трех от края, наклоня лопату все больше, спустил меня в воздухе над пропастью.

— Будьте вы прокляты, мрачные пришельцы! — успела прокричать я перед смертью.

Но в пропасть я не упала. Я соскользнула на что-то упругое, невидимое, чуть дрожащее подо мною.

Помню странное ощущение, нет не страха, то было чувство стыда, как будто я внезапно оказалась обнаженной на ученом совете среди наших глупо хихикающих старцев.

Я попробовала вцепиться хотя бы в ту же гнусную лопату, но извер отплыл от меня и спокойно наслаждался моим позором.

Я опустилась на четвереньки и как собачонка, да, как затравленная собачонка, поковыляла, но не туда, к спасению, а сюда, обратно, ведь карниз-то был вот он, рядом. Одной рукой я нащупывала эту шпугу, а сама старалась не смотреть вниз, где шевелился туман.

Но он вернул меня. Лопата, как черная стена, встала предо мной и отодвинула меня от карниза. Я повернулась, заплакала и поползла.

— Ползи, карабкайся, собачонка, — бормотала я. — Сейчас они выключат это, чтобы позабавиться, как ты рухнешь в пропасть, вот туда, где ревет и перехлестывает через запруды Тас-Аксу. Пусть ревет и перехлестывает. Она сметет завал, и сразу вниз, в долину, покатится грозный сель — грязь, смешанная с камнями и стволами деревьев. Ну и ладно. Пусть тело мое поглотит грязный сель. Чтоб и косточек не осталось.

То, по чему я ползла подобно букашке, было на ощупь теплым и чуть шершавым, как плексиглас. И немного покатым с боков, как если бы я находилась в невидимой большой трубе. Время от времени мне мерещилось, что труба слабо светится розовым, как люминесцентная лампа на морозе.

До противоположного склона ущелья ползти оставалось еще порядочно.

Ползти? А почему, собственно, я, Валерия Марченко, должна ползти чьей-то потехи ради? Кто дал мне право, мне, представительнице земной цивилизации, так унижаться неизвестно перед кем, из бог весть каких захолустий вселенских? А может, это беглые каторжники из созвездия Гончих Псов? Как и зачем очутились они со своей черной колымагой внутри скалы? От кого они там прячутся? Почему не показывают своих лиц, если у них вообще есть лица?! Почему столь бесцеремонно прогнали меня, заполучив кое-какую информацию на пяти страницах блокнота?

Не беда ползать, было бы перед кем!

Я поднялась и маленькими шагами, хотя и неуверенно, пошла по воздуху. Сердце билось так сильно, что от его ударов

(так мне казалось) содрогалась невидимая дорожка, по которой я уже шла. Да, шла!

Последние метры были самыми тяжелыми. Каждый миг я ожидала этого. Но ничего не случилось. Там, где колеблющийся столб нежно-розового путеводного марева упирался в голую скалу, я спрыгнула на траву, бросилась карабкаться вверх по склону, пока не очутилась на знакомой туристской тропе. Здесь я упала вниз лицом под старой елью и вдоволь наплакалась.

Когда я пришла в себя и подняла голову, то увидела перед собой своего черномазого избавителя с лопатой. На ней лежали палатка и все прочее. Вися наискось в воздухе (полноги утопало в земле), он наклонил лопату — вещи соскользнули ко мне.

Я поднялась и сказала:

— От всей души благодарно вас за спасение, звездные кавалеры. Не знаю даже, чем отблагодарить.

Я заметила рядом, у орехового куста, мокрый красивый цветок, у нас их называют фазаными хвостами. Я сорвала его под корень, положила на лопату. Помню, цветок притянуло как магнитом.

— Нюхайте на здоровье, этот желто-красный цветок и не поминайте лихом, загадочные садостроители, — сказала я. — Понимаю, что вы при всем желании не смогли бы вручить мне ваших цветов — ведь любой из них не меньше этой елки. Под него нужен не кувшин, целая цистерна. Зато фазаний хвост вполне уместится в вашем наперстке. И надеюсь, украсит ваш потешный сад. До следующей встречи!

Дождь совсем перестал. Я смотрела в сторону карниза, куда теперь летел над пропастью награжденный цветком мой спаситель. И вдруг поняла, на что похож тускло-черный, расширяющийся к торцу кристалл. На смерч. На вихрь. На столбовой ветроворот. Правда, большая часть смерча — в этом я была, непонятно почему, уверена — покоилась в скале, но подобно тому, как по обрывку фотографии (а мне случалось их рвать!) узнаешь знакомое лицо, так и я сразу распознала лик смерча.

Как же мне хотелось пить! Я слизывала капли с блестящих ореховых листьев, ощущая, как в меня вливается жизнь.

Тут раздался грохот, как при сходе лавины. Черный смерч исчез, будто его и не было. Вместе с карнизом. На том месте рушились глыбы. В центре скалы зияло огромное отверстие.

Когда грохот двинулся вниз по ущелью, я поняла: Белокаменная разорвала свои цепи.

Через день я была в Алма-Ате...»

5. ПОДПИРАЮЩИЕ НЕБО

Мы шли правым берегом Тас-Аксу. Склоны ущелья везде — метров на тридцать вверх — были ободраны, искорежены, будто вспаханы мотыгами исполинов. Ни деревьев, ни кустарника,

лишь кое-где зелеными заплатами пробивалась молодая трава. Приходилось обходить камни величиной со стог сена — их при-
волок сель. Житель равнин никогда бы не поверил, что говори-
вая безобидная река может натворить такое. Но я-то еще маль-
чишкой видел в краеведческом музее желтые фотокарточки на-
чала века, где Алма-Ата до основания была раздроблена, цели-
ком сметена с лица земного такой же разбушевавшейся речуш-
кой. Не пострадал лишь деревянный многоглавый собор, возве-
денный без единого гвоздя гениальным строителем Зенковым.
В этом-то разноцветном, узорчатом храме, похожем на Василия
Блаженного, и размещался музей, когда я был мальчиш-
кой.

Всю неделю после приезда раздумывал я над Леркиной крас-
ной тетрадью. Что-то тревожило меня в этих кое-где тщательно
зачеркнутых строчках, наспех набросанных ее пляшущим по-
черком. До конца я так и не мог определить свое отношение к
ее сумбурной исповеди. Я слишком хорошо знал когда-то Лер-
ку, чтобы задаваться вопросом: верить или не верить. Даже ес-
ли она предложила игру — то одну из тех пар, что реальнее
самой жизни. Беспokoило что-то другое...

«Допустим, путешественники по Пространству или по Време-
ни сбились с пути, — размышлял я. — Оказаться они могут где
удобно, об этом размышлял еще русский философ Федоров, учи-
тель Циолковского. Действительно, при пространственно-времен-
ном переходе всегда есть риск очутиться где угодно, хоть в жер-
ле извергающегося вулкана. Они оказались в скале. Допустим,
земля и воздух для них в равной степени чужеродная среда, при-
чем не существует даже границы перехода от твердого к газооб-
разному, поскольку их собственная среда обитания совершенно
другая. Отсюда скафандры. Далее. При всей парадоксальности
Леркиной мысли, что сад в кристалловидном корабле-вихре
представляет собою единый живой организм-двигатель, я готов
был согласиться и с этим, хотя смутно себе представлял меха-
нику подобного движения. Но как бы они ни двигались, в ка-
кой бы среде ни обитали, почему эти, несомненно, высокоорга-
низованные создания не пожелали объясниться?»

Да, вот это-то меня и тревожило: почему они не захотели
вступить в контакт? Неужели мы такие уж примитивные твари?..

«А лунные ратники, — вспомнил я. — Разве их не считают
примитивными? Туземцы, дикари, погрязшие в суевериях, —
это слова самого мэра, выходца из их же племени. А ведь никто
другой, как мэр рассказывал, что в ветхом дворце вождя на
большой каменной стене выдолблен календарь, где помещены
все солнечные и лунные затмения за несколько прошедших ты-
сячелетий и еще на тысячу лет вперед. Что по этому календарю
высчитывается ход всех планет солнечной системы, включая,
например, Нептун, открытый человечеством лишь в прошлом
веке. Что накануне прилета Лунной Девы жрец катает по дере-

вянному желобу медный шар с изображением лунных морей, в том числе и тех, что на обратной стороне Луны. Что на их кладбище стоят каменные идолы с глазами и пупками из магнитного железа — возможно, тайна магнита была здесь проведена задолго до китайцев. Кому интересен великий эпос Виракочи «Странствия лунных ратников» — загадочный свод преданий: о многотрудных перелетах среди звезд в крылатых сосудах, начиненных ртутью и неведомым «жидким магнитом»? Кто заинтересуется тем, что они вообще не болеют раком? Кто вступит, наконец, с ними в контакт? С ними, с нашими земными братьями, не унесенными галактическими вихрями в забвенье вечных, звездных снегов? Почему они нам неинтересны?

В ущелье заползали сумерки.

— Поднажмем, восседающие в колесницах, — сказала Лерка. — Ты, Тимчик, смотрю, совсем из сил выбился. Но ничего, вон за тем поворотом надо перейти на ту сторону реки, взять еще один подъемник и мы у цели. Утром оттуда любоваться ущельем — ничего сладостней не придумаешь.

Подъем мы одолели около девяти. Было уже темно. Мы наломали сухого хвороста, развели костер. Пока Лерка готовила ужин, мы с Тимчиком поставили их палатку под огромной елью, а свою я разбил метрах в тридцати, в кустах орешника.

Перед тем как вернуться к костру, я все же натянул свитер: вдоль ущелья дул довольно прохладный ветер. Звезды висели низко. Невидимая, перекаtywала внизу камни река.

— А что, братья по разуму, спрыснем коньячком завершение паломничества ко святым местам? — задребезжал привычно Андрогин, уже отворачивая крышку. — До дыры инопланетной отсюда небось рукой подать, а, женушка? Ежели рука длиною метров триста с хвостиком, да?

— Напрямую здесь втрое меньше. Мы по правую сторону ущелья, а карниз был на левой. Солнце взойдет — я тебя разбужу, засоня, и сам все увидишь, — отвечала Лерка. Я позаиводвал ее спокойствию.

— Покуда солнце взойдет, роса очи выест. Слыхала такое, филология? Я тоже поднатаскан в пословицах, обожаю плоды народной мудрости. И поступлю мудро, отмерив себе двойную дозу пятiezвездочного. Нет возражений? Принято единогласно. Устал я сегодня зверски. Отвык передвигаться на своих двоих.

Он опрокинул почти полный стакан, начал торопливо жевать мясо, но и жуя, не переставал балабонить. Слова вылетали из его пухлых губ, как пена из-под водометного катера.

— В другой раз, глубокочтимый месье Таланов, пожалуйста к нам на «Серебристом песце». Будем по горам ездить и охотиться на круторогих баранов. По горам по долам ходит шуба да кафтан. Муж с женой бранятся, да под одну шубу спать ложатся. Завтра высеку эту мудрость на скале. Латинскими буквами.

Вскоре после пятого тоста (он пил за прекрасных дам) Тимчик был готов. Хотя и не верилось, что настолько, чтобы ползти к палатке, приговаривая: «Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех...»

Прежде чем влезть в палатку, он повернул к нам голову и сказал довольно внятно:

— Я усну, а вы тут немного поразвлекайтесь... разговорами. Но смотрите, не угодите в пропасть, не то придется обоих спасать, одноклассники.

Уже через минуту тишина огласилась его блаженным храпением.

Мы молчали долго. В костре сгорали и рушились фантастические строения. Я подбросил охапку ветвей.

— Не обращай, пожалуйста, на него внимания. И не злись на него, — сказала наконец Лерка. — Он любит поговорить, быть в центре любых событий.

— Он много чего любит, сказал я.

— Прежде всего он любит меня. Без памяти. Как никто никогда меня не любил. Никто и никогда, сказала твердо она.

— Никто и никогда, — согласился я. — Кроме того, он человек слова. Он сдержит обещание, чего бы это ему ни стоило. Благоговею перед теми, кто не нарушает обещаний.

— А я жалею тех, кто, заполучив обещание, ни с того ни с сего бросает свой дом, институт, друзей детства и, ослепленный ревностью, исчезает на целых два года. Так, что ни слуху, ни духу. А потом вдруг возвращается к своему любимому деревцу в надежде, что не сломана ни единая веточка, — сказала она и закрыла глаза.

— Таких мерзавцев нечего жалеть, — сказал я. — Завидя такого субъекта, даже если он не один, а в окружении друзей, надо вlepить ему пощечину, вцепиться в волосы, обозвать позакорыстеей и сразу же умчаться на попутном грузовике. Коекакие словечки полезно кричать уже из кабины грузовика. Чтоб слышала вся округа.

— Ладно, Таланов, не будем ворешить веток. Голова немного кружится. Давай выпьем еще вот по столечку. — Она показала ноготь мизинца. — Ты знаешь, я пью два-три раза в году.

— Я тоже этой привычке не изменил, — сказал я с ударением на последние два слова.

Лерка сказала:

— Во всем есть сокровенный смысл, даже в горестях. Вот шла я сегодня и думала. Я думала: в сказке для двоих с хорошим концом ты не увидел бы лунных ратников, а я — волшебный сад. Жаль, что ты выбросил ту склянку с отваром... цветка, о котором ты рассказывал...

— Гравейроса.

— С отваром гравейроса. Дело не в вещественных доказательствах, здесь Тимчика подводит его рациональность, да, он

голый рационалист, это его недостаток... Я хотела бы проглотить этого снадобья, чтобы во сне увидеть Лунную Деву.

Я сходил в свою палатку и принес ей сосудик из обожженной глины. Она зажала его в ладони и приложила к уху, как прикладывают дети пойманного диковинного жука.

— Дарю навеки, Лунная Дева, — сказал я. — Хотя ты и без гравейроса прошла над пропастью.

— Пропать... пропать... — в задумчивости повторила Лерка. — Помнишь то место, где они кажутся мне посланцами непредставимо красивого мира, но мысль о соприкосновении — таинственно — страшна и непостижима? Той ночью у меня в сознании выплыла не помню где читанная фраза: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят...» Что ты думаешь о красной тетрадке? Допускаешь, что я все придумала, от начала до конца? По неумелости не связав концы с концами?

Я объяснил, как мог, все, что думал на сей счет. Кажется, больше всего ей пришлось по душе мысль, что для них не существует наших пространственных условий.

— Лучше бы, Таланов, оказаться на карнизе тебе. А мне у лунных ратников, — неожиданно заключила Лерка.

Она вытянула пробку из сосудика. Понюхала. Закачала головой. В свете костерка ее русые волосы отливали медью. Она пристально посмотрела на меня.

— Пахнет вечными снегами. Как тогда, на леднике Туюксу...

В восьмом классе, впервые поднявшись на Туюксу, мы, помнится, долго разглядывали в подземной лаборатории ледовый керн — тонкий столб льда длиною метров в сорок. Как на срезе дерева, на нем пестрели годичные знаки, — нет, не десятки, не сотни, а тысячи полосок. Кое-где стояли маленькие деревянные таблички с приклеенными бумажками, а на бумажках тушью от руки:

Договор Олега с греками... Разгром Хазарского каганата... Битва на поле Куликовом... Смутное время. Переход Суворова через Альпы... Бородино... Смерть Пушкина... Оборона Севастополя... Путешествия Пржевальского... Цусимское сражение... Подвиг Георгия Седова... Подвиг Чкалова... Подвиг Гагарина...

Таблички поставил одноногий старик гляциолог, похожий на волхва. Последние тридцать лет он безвылазно жил среди вечных снегов, рисовал акварели — фиолетовое небо, звезды, льды, слепящие взрывы лавин — и даже умудрялся кататься на лыжах.

У самого края керна мы с Леркой отыскивали свой год рождения. До этого нам и в голову не приходило, что время что-то оставляет про запас: тают льды, уплывают внешние воды, ветер

сдувает лепестки цветущих лип, умирают в земле опавшие листья. Все исчезает, чтобы явиться вновь, бесконечно повторяясь. Оказывается, не всё. Я из-за дерева бросаю в тебя снежок, а он пересекает линию света и тьмы и становится частью этого керна вместе с омертвевшими каплями из недопитого бокала Моцарта. А в твоём альбоме остается листок пирамидального тополя, под которым мы впервые поцеловались. Меняю все блага мира на стереофото той июльской радуги, под которой ты бежала ко мне с букетом ромашек...

— Я тоже для тебя кое-что припасла, — сказала Лерка. — Сейчас достану из рюкзака.

Это был черный, скрученный, утолщающийся к торцам предмет размером с гантель. Удивляла его легкость, почти невесомость.

— Правда, он напоминает смерти? — спросила Лерка. — Я нашла его в рюкзаке наутро после... после того селя. Я сразу стала думать, что смерченьш — это подарок от них, сувенир, что ли. Я никому его не показывала — хватит с меня издевательств Тимчика. Считай смерченьша ответным даром, восседающий в колеснице.

— Значит, всю зиму ответный дар так и пролежал в рюкзаке? — удивился я. — Ты все же выучилась долготерпению. Похвально.

Она усмехнулась.

— Не издевайся, Таланов. Я его, конечно же, десятки раз вертела, как мартышка очки. И молотком по нему стучала, и щипцами пробовала, даже подержала немного над газовой горелкой. Ничем его не возьмешь, ни единой отметины. В воде не тонет, в огне не горит.

Я притворно вздохнул.

— Догадываюсь, чего ты от него добивалась молотком да клещами...

— Как чего? Должен же быть в этой тайне некий смысл, некая польза, потому что тайна... — Она запнулась.

— Польза — а зачем? — спросил я. — Какая польза, например, жителям Хиросимы от раскрытия тайны атома? Там даже тени расплавились. А тысячи ослепленных зверей и птиц, несущихся прочь от термоядерного грибочка в пустыне Невада? Об этом мне рассказывал очевидец, причем во всех подробностях.

— Замолчи, Таланов, сейчас же замолчи, — зашептала Лерка.

Но я сорвался.

— Вот так и у тайны любви хотят вырвать пользу. Вырвать, выдрать с мясом! Клещами и молотком! Над газовой горелкой! У любви, что правит солнцем и светила.

Она упала головою мне на колени и беззвучно зарыдала.

— Таланов, что ты сотворил, Таланов, — выдыхала она. — Ты променял меня на коллекцию мертвых «серебристых песцов». Ты несешься на них по всем дорогам мира, бессмысленно несешься, а по обочинам ползают голодные дети, а под колесами хрустят кости живых лисиц, неоперившихся птенцов, панцири черепах. Для тебя днем и ночью заливают асфальтом милую землю, скоро деревья останутся только в стенах разрушенных храмов да на неприступных кручах. Вы сметаете на пути все живое, железные роботы, восседающие в колесницах! А везде запустелые деревни! А реки отравлены! А уродов рождается все больше! Но вы слишком быстро летите, вам ничего не видно! Ничего! Ничего!

— Ничего, ничего, успокойся, — гладил я ее по плечу.

— Ничего ты не понимаешь! Даже наш город, наш лучший в мире город утопает в вонючем тумане, с гор видно только телебашню, а раньше мы с тобою любовались из нашего сада желтыми берегами Или, это за семьдесят километров от города! Где тюльпаны? Отступили, уползли высоко к снегам! Где наш сад? Когда он цвел, его было видно с других планет! Сад вырубил! А помнишь, что мы делали в нашем саду, когда ты, гордость школы, знавший наизусть всего «Евгения Онегина», еще не предал ни меня, ни себя?! Таланов, что ты делаешь, Таланов?

— Ничего, ничего, — только и повторял я...

В те времена, когда бушующее весеннее пламя нашего сада было видно с других планет, мы всем классом обычно готовились в его густой траве к выпускным экзаменам. Школа была рядом, в четверти часа ходьбы. В конце апреля трава вытягивалась уже по пояс. Около полудня тени яблонь прятались к стволам, пчелы зависали в жарком воздухе, как в патоке, и, когда ребята начинали раздеваться до трусов, девчонки дружно краснели: все были тайно друг в друга влюблены. В своих светлых простеньких платяцах они казались нам верхом совершенства.

Обычно мы засиживались в саду до заката. Расхаживали по одиночке, но все знали, что, если исчезла Надя Шахворостова, значит, вот-вот заторопится домой Вовка Иванов. И впрямь: он вдруг вспоминал, что обещал отцу натаскать в бочку воды для полива.

Однажды получилось так, что мы с Леркой уходили последними. Солнце погружалось в желтые заилийские пески. Из станции — так по-старинному назывался наш пригород, где в добротных хатах с расписными воротами жили потомки семиреченских казаков — сюда, в предгорья, подымался запах кизячного

дыма: хозяйки готовили ужин. Я начал собирать наши тетради, когда услышал откуда-то сверху Леркин голос.

— Глянь, какие горы. Они как будто ползут вслед за солнцем. Драконы! Чудища допотопные!

Она забралась на верхушку цветущей ветвистой яблони. Я подошел к стволу и снизу из травы впервые увидел ее всю. Я увидел розовые ступни с тонкими длинными пальцами, как на картинах художников Возрождения. И ободочки мозолей на пятках, просвечивающие ягтарной желтизной. И острые, начинающие округляться колени. И...

— Слезай вниз, ты разобьешься, — прерывающимся голосом почему-то выкрикнул я.

Она зажала платице меж колен и молчала. Тогда с бешена колотящимся сердцем я, сбивая сучки, полез вверх.

Левой рукой она держалась за тонкий ствол, а правую протянула к горам, так что локоть был там, где только что скрылось солнце, пальцы же касались пика Абая в бледно-красных вечных снегах.

— Эти каменные великаны будут всегда смотреть на звезды в своих снежных плащах, — говорила она. — Даже если земляне улетят к другим мирам, как считаешь ты, горы останутся?.. Но знаешь, чем они расплавляются за бессмертия?

— Лерка, — в отчаянье сказал я и снял травинку с ее рух, чуть выходящих возле висков волос.

— Они расплавляются неподвижностью, и нет ничего печальней, — вздохнула она. — Ой, у тебя кровь у ключицы. Давай полегчу.

Я видел, как влажно блеснули ее зубы, как кончиком розового языка она послонила палец, его прикосновение меня обожгло. Ветка у нее под ногою хрустнула, подломилась, я невольно обнял ее свободной рукою за спину и вдруг почувствовал ее всю. Я целовал ее плечи, родинку ниже уха, завиток волос, трепещущие крылья носа.

Наша яблоня тихо приподнялась над звенящим садом и как только что сотворенная планета, содрогаясь, поплыла среди бессмертных небес.

И сыпались, сыпались на траву розовые лепестки.

И лунная река затопляла уменьшающуюся Землю, брызжа и прорезая воздух.

И вскипали порывы ветра клубящихся дуновений вселенских.

И от непостижимого блеска открыть я не мог глаза.

— Таланов, что ты делаешь, Таланов? — только и спрашивала она.

— Ничего, ничего, — повторял я.

...И догорел костер.

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня лежал я в тридцати шагах от той, что меня обнимала в яблонево́м саду. Ее муж храпел. А сама она лежала рядом с мужем и думала о другом человеке.

О человеке предавшем. И ее. И яблоневый сад. И обмелевшую реку Или. И свой дом запустелый в станице, где уже не мычат коровы, и не горланят петухи, и у ларька под обрывом не вспоминают войну инвалиды; люди добрые ларечек снесли, механизмы обрыв заровняли, обрели инвалиды долгожданный покой.

Даже мать свою предал тот, кого она обнимала. Даже мать, о которой он думал, что она будет жить вечно. Но ошибся, хотя ошибается редко, и в июльском черном пекле, на кладбище, далеко за городом, когда мать уже опускали на полотенцах туда, он выл как зверек, вымаливая чудо перед хмурыми вечными снегами. И не вымолил, и опять предал — теперь уже память о матери, предал за сребреники в австралийской гонке, за пластмассовые крылья славы, за коллекционирование диковинных стран, за бешеную жизнь, где терялось представление о времени, так что предавший всё и вся даже к могиле матери припадал не каждый год.

И ведь ни разу, ни единого разу не посетила его спасительная мысль: а куда ты спешишь? бежишь от чего? от родимых пенат и могил? от пресветлых лесов над излучками рек? от древних святых городов? А что, если реки мелеют, и пустеют просторы небес, и редекот леса, и не слышно в деревьях девичьего смеха только из-за одного тебя? Ты, один только ты в ответе за все. Земля и небо без тебя мертвы. Останься ты здесь, возле той, что тебя обнимала в яблонево́м саду, — и не висел бы над городом серый туман, и тюльпаны цвели бы у крайних домов станицы, и фазаны, как прежде, садились бы на крышу школы, и бушующее весеннее пламя нашего сада было б видно с других планет. Так не дай захиреть, Человеке, ни племени лунных, ни племени ратников Земных!

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня стали смутно высвечиваться окаемки вершин, подпирающих небо. То свершалось шествие Луны. За шестьдесят восьмым камнем от слияния ручья с Тас-Аксу, вверх по ущелью, проснулась в норе рысь. И сразу почуяла запах зайца, притаившегося меж корней серебристой ели. И заяц почувствовал на себе рысиный взгляд, просветивший, как луч, скалу и корни серебристой ели, вскочил и кинулся вверх по склону, поближе к людям, которые спали в двух палатках, вернее, спал лишь один и страшно рычал, отпугивая рысь.

Старая серебристая ель очнулась от темного забытья. От корней вверх по ветвям торжественно двинулась влага, притяги-

ваемая Луной. Ель вспомнила, как пятьсот семьдесят семь лун тому назад под нею пол-луны прожил в палатке седобородый человек. Днем он спал, а ночами просвечивал ее лучами, приятно щековавшими ствол и ветки, и с той поры всякий раз, когда над горами показывается Брат Луны, такой же круглый, но маленький и красноватый, от Брата исходят те же приятные лучи. Их посылают из холодных крон неба живущие в горах на Брате Луны серебристые ели.

А в старом двухэтажном доме работы гениального строителя Зенкова, в четырехстах восемнадцати метрах от многоглавого, похожего на Василия Блаженного собора работы гениального строителя Зенкова встающая за горами Луна разбудила правнучку Зенкова, которая была еще и внучатой племянницей знаменитого академика, всю жизнь проводившего за сравнением спектрограмм серебристых елей и лучей от других планет. Правнучка гения сама уже была прабабушкой, но умирать не собиралась, пока не допишет «Историю семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях», которую она собирала по крупицам без малого восемьдесят лет. Она ужасно гордилась своей «Историей», а еще больше тем, что один из ее учеников, знавший в школе всего «Евгения Онегина» наизусть, вышел в люди, стал знаменитым на весь свет, но и став знаменитостью, не забывает свою учительницу истории и уже напisyвал ей открыток, сувениров и книг из сто одной страны. Этот ее любимый ученик был единственным, кому бы она не раздумывая передала из рук в руки все восемь томов «Истории семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях» и тридцать три тысячи сорок одну карточку с выписками, чтобы затем спокойно отдать богу душу, но ученик не появлялся у нее уже много лет. Глядя из старинного полукруглого окна на подступающую с той стороны к пику Абая и готовящуюся вот-вот засиять над городом Луну, племянница академика, сама не зная почему, прониклась уверенностью, что в следующий четверг ее знаменитый на весь свет ученик непременно явится к ней с любимым ореховым тортом и двумя морскими свинками в клетке из дерева секвойи. И она решила сегодня же вечером подкрасить волосы к его приходу, чтобы не столь была заметна седина над высоким лбом.

А знаменитый ученик внучки, племянницы и прабабушки лежал в палатке, смотрел на высвечивающиеся окаемки вершин, подпирающих небо, и мысли, одна другой прихотливей, проносились и гасли, как проносятся и гаснут августовские летучие звезды. Хотя то, что ему пришло на ум о рыси, зайце, серебристой ели, о Зое Ивановне, не было мыслями как таковыми. То были догадки, граничащие с уверенностью, причем облаченные в рельефные картины. В старину это называлось видениями, а в наши времена — явлениями чрезвычайными.

«Чрезвычайные явления вовсе не чудо, — спокойно подумал,

вернее увидел я. — Ибо чудо — вся вселенная. Смысл ее безграничности в том, что нет границы возможного и невозможного, граница чисто условно проведена нашим слабым разумом, и мы с незапамятных времен ее отодвигаем, планомерно повышая уровень возможного. Но уже теперь, хотя и немногим, ясно, что конечное и условное не может противостоять безусловному и бесконечному».

Край луны показался над зубуринами пика.

И опять я подумал, увидел, что они, антрацитовые пришельцы из кристаллоподобного вихря, никакие даже не пришельцы. Заурядные звездные странники, состязатели, светогонщики. Зря обижалась Лерка, что они, мол, контактом пренебрегли. Он им не нужен вовсе. Им не нужны наши знания, наша история, наши боли, муки и радости, наш коллективный разум. Они другим заняты — выигрывают вселенские гонки, дерутся за желтые или какие там скафандры лидеров. Молодцы! Молодцы!..

В полдневный жар у разлившейся горной реки стоит старый согбенный креол. Завидя нас, он показывает рукой на противоположный берег: надо, мол, переправиться. «Давай перебросим старичка, — говорю я Голосееву. — Все равно нам придется ползти по дну не быстрее краба». Взяли старикана. Задраились. Тянем-потянем поперек русла, камни бьют в бок «Перуна», желтая вода за стеклами. Старик рыдает, совершая какие-то замысловатые жесты, потом начинает гортанно причитать. Не понимаем ни слова, но догадываемся: заклинает духов. Выбираемся на берег. Дверцу настежь. Молись на белых богов, погрязший в суевериях человечек. Благодарить? Не за что, чао, ауввидерзеен, гуд бай, покедова! Что ты там суешь? Книжицу из листов папируса? На память? Спасибо, удружил! «Таланов, время, время поджимает, плакали наши льготные полторы минуты!» — морщится Голосеев. Ладно, за книжицу спасибо. Получай-ка модель нашего суперзнаменитого «Перуна». Нет, не электро, те для птиц поважней. Обычную, в любом магазине игрушек можно приобрести. Внизу, во тьме. Чего ж ты бухаешься в ноги, дедушка, держи еще одну, пусть правнуки играют. Витя, газуй! Мы еще им покажем, «Пеперудам» и «Везувиям!» Давай. Шай-бу! Шай-бу! Не сорвись на вираже! Держись! Эх, пронесло! Ура! На этапе мы вторые! Значит, шансы еще есть! Да брось ты меня стискивать! Чего мусолишь щетиной? Лучше поищи книжицу старикову. Чего, не можешь отыскать? Завадилась? Где-то выпала? Постой, постой, я вчера листал на ходу. Там спирали, закорючки, какие-то шкуловины вроде фаз Луны и что-то еще такое несусветное... Чего-чего? Может, секрет гравитации? У кого, у этих? Которые в штанах из шкуры ламы? Извини, брат, нас на пушку не возьмешь!

— А как они все-таки затащили на гору тот камень, помнишь? Ты сам прикидывал с логарифмической линейкой — в нем полторы тысячи тонн...

Несколько дней дуемся друг на друга. Болваны. Недоноски. Ладно, не то еще встретим. И впредь будем умней. Ура! Гонка наша! Молодцы! Молодцы! Теперь отдохнем. Ну, славно по горам прокатились!

Прокатились славно — мимо секрета гравитации..

Так и *скафандрики*: наладили двигатель — и прогромыхали в молниемечущие, опаляющие взор миры. Будто смерти.

И раскрылась во всем блеске и величии Луна. В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня я очнулся, ворочаясь с боку на бок, потому что в сердце мне уперся твердый край смерченыша. В тонком лунном луче, случайно прорвавшемся сквозь щель палатки, смерченыш серебристо засветился. Я хотел отложить его в сторону и поразился: и без того странно легкий, он как бы вообще потерял вес. Я расстегнул палатку, вылез в лунный поток.

В лунном потоке вокруг смерченыша восстало сияние, усеянное отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами. Я оказался как бы под куполом чужих небес, сжатых до размеров кроны яблони. Надо мною в подернутой дымкою сфере светились жгуты таких же смерченышей. Они прокладывали пути к неведомой цели.

Осененный догадкой, я прикрыл смерченыша ладонью. Чужесветный купол погас. Я взял смерченыша двумя пальцами, как берут кораблик перед тем, как пустить в ручей, протянул руку и разжал пальцы.

Он завис в воздухе.

Он не двигался.

Какие-то неувимые изменения стали совершаться в залитых луной окрестностях. Сначала земля под ближними кустами, затем холмы над ущельем, затем и дальние вершины гор начали проясняться, освещаться, делаться все прозрачней, ослепляя хрустальной прозрачностью и чистотой. Я невольно зажмурил глаза, а когда вновь открыл — белозорным, прозрачным стал весь шар земной. Сквозь него просвечивали звезды другой стороны планеты, стерегущие покой брата Полярной звезды — Южного Креста. Здесь, на ночной стороне, фосфоресцирующими медузами шевелились города. Между ними, как ртутные капли, катились огни самолетов, поездов, пароходов в извивах рек. Вулканы подпирал белокипенный пламень магмы.

Освещенная солнцем половина планеты исходила водным

голубоватым светом. Как тогда, в детских полузабытых видениях, вновь завис я жаворонком над полем цветущего клевера и отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты

И китов в океанах,
И змей средь барханов в пустынях,
И стрелу, рассекавшую свет и тьму вдоль хребта Карабайо,
Древнечтимые города, что дремали в сумраке волнородительных вод,
И мосты через пропасти,
И хлеба на полях отступающих в вечность ужасных сражений,
Лепестки космодромов,
Изгибы изящных, как арфа, плотин,
И в степях суховейных — распускающиеся тюльпаны,
И влюбленных в садах,
И детей, что вели разговор с облаками, китами, космодромами,
Суховеями, лебедями, драконами, василисками и васильками.

Все увидел я, имя чему — Человек.

И восславил я, жаворонок звенящий,
Полноту, полногласие, нескончаемость бытия.

Но повсюду, везде, повсеместно —
В океанских пучинах, в ущельях, в пустынях, в снегах,
Глубоко под секвойями, елями, лаврами, пальмами, мхами,
За стальными скорлупками лодок подводных,
Под коркой полярного льда, —
Затаясь, поджидали урочного часа
Ядовитые густки
Неправдоподобного
Мертвенно-синего цвета.
Свет такой исторгают лишь ядра звезд.

И погасло видение: овальное облако набежало на кромку Луны, подмяло, поглотило ночное светило, лишило его холодных чар.

Тут смерченыйш утратил сияние, почернел, опустился плавно в траву. Я отнес его в палатку, положил на дно рюкзака, «Мы еще летаем с тобой по лунным волнам, вихреносный кораблик, дар — возможно, случайный — созерцателей звездных садов», — подумал я и едва подумал — захотелось сию же минуту, сейчас посмотреть на скалу, где они задержались тогда на мгновение: то ли сбились с пути, то ли вправду, как думает Лерка, у вихря забарахлил вечно живой пестроцветный мотро.

Отключало облако. С веретена луны снова сыпалась, сыпалась пряжа на вечные снега. Через полсотни шагов стихли наконец победные трубы Тимчикова храпа.

И впрямь: по ту сторону ущелья чернело в скале большое отверстие.

Тут над ущельем — от одного склона к другому — еле заметно затрепетал розоватый жгут сияния, как если бы включили непомерной длины люминесцентную лампу. Сразу вспомнился Леркин рассказ о путеводном дрожащем мареве, что упирался, как в клемму, в обнаженную скалу. Мыслимо ли так уплот-

нить пространство, чтобы... Хотя кто знает! Ведь еще в начале века на Всемирной выставке в Париже публика изумлялась большому пустотелому шару, висящему в воздухе. Его поддерживал мощный магнит...

Ночная птица показалась над краем пропасти и медленно заскользила вдоль дрожащего жгута. *Внутри* дрожащего жгута, чье мерцанье временами сходило на, нет,

Я взгляделся — и остановился пораженный.

То была Лерка. Раскинув руки, она уходила от меня по еле видимому мосту. Она смотрела в сторону Луны, и Луна играла ее развевающимися волосами.

...Но не на Луну смотрела она, нет не на Луну. Взгляд ее был прикован к Млечному Пути. Туда, где от угасающей Башни Старой Вселенной — к рассветающей Башне Вселенной Новорожденной приближалась ее, Леркина, тень — Звездная Дева. И были раскинуты руки ее над всеми пространствами и временами.

Над отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами.

Над содрогающейся в муках, рождающейся и погибающей Материей.

Над шелестом крон живого плодоносящего Сада Вечности.

Над несметными стаями Звездных Колесниц, лучшие из которых — а их большинство — странствуют

Средь времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны...

Худшие же — захлестнуты петлями бесполезных гонок, завалены горою бессмысленных призов.

Земная Дева шла в глухих горах Тянь-Шаня.

Над последним пристанищем Архимеда в Сиракузах, у Ахейских ворот.

Над слиянием Непрядвы и Дона.

Над собакой, забытой хозяином и бегущей к нему сквозь ночную тайгу.

Над серебристой елью, тянущей ветви к далекой небесной сестре.

Над сибирской деревней Ельцовкой, где я появился на свет,
чтобы дописать «Историю семиреченского казачества
в песнях, легендах и поверьях».

Над пирамидами, небоскребами, космодромами, термоядерными

полигонами.

Над дворцами торгашей-кровососов и халупами бедняков.

Над селеньем в горах Карабай, где пасется детеныш «Перуна»
под присмотром дряхлеющего Владыки лунных ратников, у
которого отняла единственного внука Властительница
Лунного Огня.

И хотел я окликнуть Ту, что Меня Целовала в Яблоневом саду.

И боялся спугнуть удаляющееся видение.

И пошел ей вослед.

Терминатор

1

Кто будет его компаньоном по дороге к Европе, Двинский узнал за три дня до вылета, когда начальник сказал:

— Полетите с компьютером.

— С кем? — удивился Двинский.

— С компьютером. На Европе нужны не только специалисты. Компьютер, с которым ты полетишь, необычный. Самая последняя модель. Заодно его собираются лишний раз испытать. Да сам увидишь.

Оставшиеся три дня Двинский не вспоминал об этом разговоре. Он прощался с Настей. Вечером накануне вылета сказал ей:

— Теперь две недели я буду думать о тебе, и никто мне не помешает.

— Разве ты летишь один?

— Не считая компьютера.

— Бедный. Роботы хорошие, но бесчувственные. Затоскуешь. Ведь правда?

— Нет, — не согласился Двинский, — со мной будешь ты.

Наутро он был на космодроме, Европа не только часть света. Еще это спутник Юпитера: там филиал института. Рейсовый караван малой тяги ходит к Юпитеру раз в год — полгода туда, полгода обратно. В другое время пользуются экспрессами — сжатый объем, никакого комфорта и грандиозные энергетические затраты. Но ожидание дороже.

Аэровокзал. Граница земли и неба. Две группы — улетающие и провожающие. Насти не было, так договорились. Грустно, когда провожают. Еще грустнее провожать... даже если на время.

На орбите Двинского ждали. Не каждый день кто-то стартует к Юпитеру, тем более на экспрессе. Проводили в ангар. Экспресс без разгонного блока был мал, вроде бескрылого истребителя.

У открытого люка Двинский попрощался с провожатыми. В который раз выслушал последние инструкции — как вести

себя при взлете и особенно при посадке. Потом поднялся по лестнице в кабину и опустился в кресло перед пультом управления.

Створки сошлись, отторгив Двинского от людей.

2

— Здравствуйте, — произнес голос. — Двинский Владимир Сергеевич, ведь правда?

Голос звучал ровно, бесцветно, как у обычного автомата. «Ведь правда?» — Настя тоже всегда так говорит. Удивительно: ты прощаешься с женщиной и приходишь к машине, и слова, сказанные машиной, те же, что произнесла женщина при прощании. Философский смысл: машина связана программой с будущим, человек связан памятью с прошлым. Прощание с человеком — аналог встречи с машиной. И поэтому одинаковые слова? Чужь какая-то!

— Здравствуйте, — ответил Двинский.

— Теперь приготовьтесь, — сказал голос. — Скоро старт. Вы не боитесь одиночества?

— Нет.

— Правильно. Есть вещи, которые сначала надо пережить. Ну ладно. Две недели я буду для вас всем — и пилотом и собеседником. Еще буду о вас заботиться. Вместо мамы. Или девушки. У вас есть девушка, ведь правда?

— Невеста.

— Видите, Володя, я умею угадывать. Вы разрешите называть вас так? Вам тридцать, я немного старше. Но мы ровесники. Как вам нравится предложение?

— Нормально, — сказал Двинский. — А в каком смысле мы ровесники?

— Это долгая история, — бесцветно сказал компьютер, — но впереди у нас две недели. Вашей невесты здесь нет, и позаботиться о вас некому. Кроме меня. Поэтому застегните ремни. Мы отлетаем. Можете курить, хотя это запрещено. Мне дым не мешает. Если возникнет пожар, мы с вами его потушим.

— Не курю.

— Вот и чудесно, — произнес компьютер. — Дым мне не вреден, но он плохо пахнет. И тушить пожары мало приятного.

— Действительно, радость небольшая.

— Вы умный, Володя. Все понимаете. Ну ладно. Вы уже пристегнулись? Прекрасно. Сейчас отлетаем.

3

Перегрузки были небольшие и не доставляли ему неудобств. В этом прелесть старта с орбиты. Перегрузки слабые, но длительные. При взлете с Земли все наоборот.

Легкий толчок сообщил, что разгонный блок отделился и, сменив траекторию, идет на приемную базу.

— Ускоритель отошел. Приготовьтесь к невесомости.

— Готов, — сказал Двинский.

— Хорошо. Вы как ее переносите?

— Неплохо.

— Славно, — сказал компьютер. — Я читал, многие боятся. Сам я этих чувств не испытываю. Кстати, как вам нравится выражение «испытатель чувств»? Тот, кто испытывает разные чувства. В этом смысле каждый из нас испытатель...

Из-под Двинского выдернули кресло. Он падал на пол. Но падение затянулось, и Двинский разумом осознал, что кресло на месте, он все еще к нему привязан. Ничто никуда не падало. Невесомость.

— Вероятно, это забавно, — сказал компьютер. — Я читал, что из-под тебя будто выдергивают кресло. Но это быстро кончается, если ты тренирован.

В свое время Двинский тренировался достаточно. Он надавил кнопку на подлокотнике; ремни, скользнув, исчезли. Двинский придерживал кресло, чтобы оно никуда не уплыло. Да, непривычно.

— Никакого комфорта, ведь правда? — сказал компьютер. — Обедать, к сожалению, рано. Что будете пить? Есть чай, кофе, разные соки...

— Я бы предпочел кофе, — сказал Двинский.

— Правильно. Когда я был человеком, — сказал компьютер, — я тоже предпочитал кофе.

4

Шли вторые сутки полета. Двинский, разговаривавшийся было с компьютером, теперь избегал бесед. Последняя фраза его обескуражила. «Когда я был человеком». Шутка конструкторов? Нет. Что-то жуткое было в словах компьютера, будто на Двинского повеяло холодом из чужого, скрытого прошлого. «Когда я был человеком...»

Вечером компьютер сказал:

— Вы зря стесняетесь. Не думайте, что меня можно обидеть. Не думайте, что о чем-то жалею. Все считают, что я потерял. Потерял что-то большое, а приобрел немного. Наоборот. Я почти ничего не потерял, а приобрел очень много. Мозг, очищенный от эмоций, чистое мышление без примеси унижающих человека страстей... Спрашивайте, я отвечу на ваши вопросы.

Он умолк. Двинский тоже молчал. Он уже понял: его спутник киборг — кибернетический организм, человек, сращенный с машиной. Такие уже сто лет разгуливали по страницам ро-

манов. Но что они есть в действительности, Двинский не слышал.

— Собственно, я киборг, — продолжал невидимый собеседник. — Знакомое слово?

— Да.

— Но вы не знали, что оно произносится с ударением на «и». Наверняка ударяли на «борг».

— Да, — сказал Двинский.

Вот она, человеческая трагедия. Теперь ему важно одно: правильно расставить ударения.

Впрочем, зачем трагедия? Если человек на это пошел, то добровольно. Как он сам признает, его положение ему нравится.

— С Европы меня высадят на Юпитер, — продолжал невидимый собеседник. — Представляете? Разве это не чудо? Я буду работать там, где побывали только роботы. Под вечно бушующей атмосферой, на дне океана газов. Один во веки веков. Это прекрасно, ведь правда?

Двинский молчал.

— Для вас, наверное, все равно, что я, что робот, — сказал его собеседник. — Вы в чем-то правы. Все правы. Только не думайте, что я об этом мечтал, что добровольно пошел на это. У нас впереди много времени, и вы все узнаете, если захотите слушать.

5

— Смерть — это одиночество. Вы ни разу не умирали. Никогда не ощущали, как замедляется и останавливается время. Вечность проходит в этом состоянии — больше чем за всю жизнь. Но интересно ли вам это? Или я зря стараюсь?

— Наверное, интересно, — помедлив, сказал Двинский. — Ведь этого и вправду почти никто не испытывал. Точнее, никому об этом рассказывать.

Разговор происходил, естественно, в той же кабине, там же, если забыть, что за ночь экспресс переместился на много миллионов километров. Собственно, Двинский ни о чем не расспрашивал киборга. Как обычно, тот вел разговор сам.

— Это коллапс времени, — сказал киборг. — Вы и все остальное оказываетесь в разных временных рядах. В субъективном времени смерти нет, ибо по другую ее сторону нет сознания. Мир же проскакивает мимо. Реальна только чужая смерть, собственной для индивидуума не существует.

— Это удобная теория, — сказал Двинский. — Думаю, многие с нею согласятся, если вы всем это расскажете. Приятно чувствовать себя бессмертным, пусть даже в собственном времени.

— Ну, бессмертие в застывшем мире не так уж сладостно... Но бояться смерти не стоит. Вселенная останавливается в сознании умирающего точно так же, как для вселенной застывает

коллапсирующая звезда. Знай я это раньше, меня бы тут не было. Правда, мой выбор оказался лучше, чем я полагал. Теперь, как видите, я понял массу вещей. Вы не представляете, насколько это мощный инструмент — мой теперешний мозг. Впрочем, возможности человеческого воображения ограничены.

— А ваши? — спросил Двинский.

— Я другое дело. Ведь то, о чем я сейчас говорил... Я этого не испытывал. Все было спокойнее. Несчастный случай, я без сознания. Потом прямо на столе мне предлагают выбор: или — или. Не смерть мне предлагали, конечно. Но... Жизнь калеки почему-то всегда меня устрасала. Тогда я решил, что пусть уж лучше вообще ничего не будет, никакой оболочки. Незадолго до этого я разошелся с женой. Под ее влиянием, наверное, и родилась у меня эта мысль. Ты, говорила она, добрый, но бесчувственный. Как робот. Тебе только компьютером быть.

6

— Жизнь у нас не сложилась, — рассказывал киборг. — Мы были женаты пять лет. Я ее любил, но был слишком ревнив. Это сейчас я понимаю, что слишком. Тогда мне казалось, что она чересчур легкомысленна.

— Казалось?

— Конечно, — сказал киборг. — Она была очень красивая, умница... Естественно, пользовалась успехом. Ну а на меня иногда находило. Говоря кратко, я был готов убить каждого, кто осмелился хотя бы подойти к ней. Дикая это штука — ревность. Внутри возникает тревога, пустота, а потом эту пустоту затопляет что-то черное, из глубины. И ты уже совсем другой человек. И ты совершаешь поступки, о которых потом жалеешь. И как жалеешь! Но ты сам убиваешь все... Постепенно совместная жизнь становится невыносимой, и остается только один выход.

— Что вы имеете в виду?

— Развод, — объяснил киборг. — Конечно, это было нелегкое решение для нас обоих. Переживал я ужасно. И она, как я думал, тоже. Но всего через несколько дней — представьте себе это! — еду куда-то по делам, а она стоит на тротуаре. Не одна. Стоит с женщиной, и оба смеются. Вот здесь на меня опять накатило. И понесло куда-то за город, а очнулся я уже на хирургическом столе...

Киборг помолчал, потом заговорил снова:

Да, ревность — дикая вещь. Теперь я многое понимаю. Если бы в моей власти было вернуть те времена, все было бы по-другому. Нельзя смотреть на женщину как на собственность. Я сто раз клялся ей, что это не повторится. И себе клялся. Но все повторялось.

— Вы уверены, что действительно любили? — помолчав, спросил Двинский.

— Конечно. Уверен, и она любила. Она ведь такой же человек. Конечно, любила. По-своему, разумеется. Она об этом почти не говорила, но есть вещи, которые ты знаешь сам. Ведь правда?

— Пожалуй, — согласился Двинский.

7

Со старта прошла неделя. Заполненная разговорами с киборгом, она пролетела незаметно. Экспресс проходил пояс астероидов. Пояс традиционно считался зоной повышенной метеорной опасности. По сравнению с другими районами солнечной системы вероятность столкновения действительно повышается здесь в тысячи раз, но все равно остается ничтожной.

— Можно, я сам сварю себе кофе? — спросил Двинский.

— Вам не нравится мой метод?

— Нравится. Но я никогда не варил кофе в невесомости. Сейчас мне кажется, что вы варите его почти так, как кое-кто на Земле. Возможно, когда я сам его сварю, вам мне понравится еще больше.

— Действуйте, — сказал киборг. — Правда, это не по правилам. Мы в поясе астероидов, и пассажирам полагается сидеть по местам. Могут быть ускорения, толчки. Экспресс уходит от метеорита, а вы влетаете во что-нибудь головой. Но что нам правила? Не можете же вы сорок часов подряд не вставать с кресла.

Двинский возился у кухонного автомата. В принципе экспресс мог нести в себе пять человек. Сейчас четыре кресла сняты, и места достаточно. Кухонный автомат размещался позади, справа от кресла Двинского. Рядом с автоматом был иллюминатор. За прозрачным стеклом начиналась пустота, заполненная чернотой неба. Окно в черноту, посыпанную мелкими звездами, как порошок кофе с сахаром перед тем, как его заваривать потурецки.

Как это делается в невесомости? Очень просто, Настенька. Элементарно, любимая. Жидкость слегка намагничивается. Или электризуется. Это раз. Джек-ва тоже электризуется. Или намагничивается. Это два. Теперь это уже не джек-ва, а магнитная ловушка. Магнитная чашка. Сейчас мы будем пить кофе потурецки из магнитных чашек...

Джек-ву вырвало из рук Двинского. Самого его бросило вперед — мимо иллюминатора, головой к пульту управления. Но он не ударился о пульт. У самого пульта его подтормозило, остановило, поставило на ноги. Потом его бросило в кресло. На этом неприятности завершились.

Двинский осматривал кабину. Немного кофе, две маленькие чашки. Но кабину испачкало основательно. Теперь он с тряпкой в руках ползал по полу, отмывая кофейные пятна. Киборг ему помогал,

— Должны быть две лужи в углу. Правильно. Еще правее.

— Точно, — сказал Двинский, снимая пятно тряпкой. — Как вы их находите? Разве у вас есть глаза внутри кабины?

— Нет, — сказал киборг. — Они глядят во вселенную. Но у меня есть инерционные датчики.

— Вы хотите сказать, что реагируете на смещение центра масс?

— Естественно.

— На смещение из-за пролитого кофе?

— Почему нет?

— Нужна потрясающая точность.

— Что вы знаете о моей точности?

— Ничего, — сказал Двинский. Он нашел второе пятно в углу. — Нет, нет, нет. Я ничего не знаю. Но каждый сравнивает с собой. И еще — как вам удалось сманеврировать так, что я очутился в кресле? По-моему, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит благодарности. Нам угрожал метеорит. Есть множество траекторий, уводящих экспресс от опасности. Бесконечное множество. Оно содержит бесконечное подмножество траекторий, на которых инерционные силы бросают вас в кресло. Что остается? Выбрать путь, оптимальный по какому-либо параметру? Например, по величине ускорений.

— Но ведь это очень сложная вариационная задача! — воскликнул Двинский. — Ее нужно решить, и практически мгновенно! Разве это возможно?

— Почему нет? — сказал киборг. — Если решение однозначно, процесс его нахождения сводится к переводу. Это чистая лингвистика. Вы переводите задачу с языка начальных условий на язык решений. Естественно, все переводят с разной скоростью.

— И вы быстрее всех?

— Нет, — сказал киборг. — Как пишут в анкетах, я владею обоими языками в совершенстве. Мне не нужно переводить. Если задача поставлена, я сразу знаю решение.

— Слова-то я понимаю, сказал Двинский. — Впрочем, если вы делаете такие вещи инстинктивно, как я перехожу улицу, мне очевидна и суть. Только почему я не оказался в кресле вверх ногами? Впрочем, для вас это тоже просто.

— Естественно, — сказал киборг. — Я могу придать вам любое положение относительно кабины. Могу усадить в кресло, прижать лицом к иллюминатору, положить вашу руку на пульт, заставить нажать какую-нибудь кнопку. Наш ручной пульт

фикция. Когда кораблем управляет робот, пилот всегда может перехватить управление. У нас такое возможно лишь в принципе. Сигнал с пульта перебивает мои команды, но от меня зависит, чтобы пульт молчал.

— Почему так сделано? — спросил Двинский. Вновь да секунду он ощутил, будто на него повеяло холодом. — Зачем?

— Никто этого не предвидел, — сказал киборг. — Все думали, что у пилота есть возможность взять управление на себя. На деле получилось не так. И правильно. Человек всегда во власти эмоций. У него могут возникнуть галлюцинации, он может сойти с ума, его может затопить черная волна из глубин психики. Я знаю это на опыте. Мало ли что может случиться с человеком!..

— А с вами?

— К моему глубокому сожалению, — монотонно произнес киборг, — ничего.

9

Двинский любовался Юпитером. Более величественного зрелища он не видел. Земля тоже впечатляет, но мы привыкли к Земле. Юпитер — другое дело. Никакая кинохроника не в силах передать вид на Юпитер с расстояния в миллион километров. Бездонные глубины атмосферы, выпуклости тайфунов, полосы облаков, круглые тени спутников. И то, для чего в языке еще нет подходящих слов.

Экспресс догонял Европу. Основная скорость была сброшена. Даже наиболее сложный маневр — гравитационное торможение при пролете Каллисто и Ганимеда — был завершен. Сейчас экспресс, почти погасив скорость, приближался к Европе. Ее пятнистый диск висел впереди, превышая Землю, наблюдаемую со стационарной орбиты. И увеличивался на глазах.

— Вы не забыли, как вести себя при посадке? — спросил киборг. — Через несколько минут мы войдем в атмосферу. Когда скорость упадет до тысячи километров в час, я выпущу крылья. Вернее, сначала тормозные парашюты. Ленточный, потом обыкновенные. Их четыре. Они очень красиво смотрятся на фоне неба — как букет из четырех цветов. Хотя я бы предпочел, чтобы их было три.

— Почему?

— Ну, четные букеты кладут на могилы, — сказал киборг. — Парашюты напоминают мне, что я... не совсем жив.

Некоторое время они молчали.

Европа стала больше Юпитера. Ее вогнутая чаша занимала полнеба. Она уже не увеличивалась в размерах, но рисунок пятен медленно укрупнялся.

— Пора попрощаться, — сказал киборг. Надеюсь, наши

беседы не пропадут впустую. Вы нравитесь мне, Володя. Главное, берегите свою невесту. Не поддавайтесь ревности. Мужчина должен уметь прощать. Сейчас я никогда бы не поступил так, как раньше. Мне бы хотелось, чтобы вы всегда ее любили. Пусть моя печальная история не повторится.

— Ваша жена тоже была не права, — сказал Двинский. — По-моему, ей нравилось вас мучить. Женщина должна быть другой. Если любит, конечно.

— Она меня любила, — сказал киборг. — Есть вещи, которые ты знаешь. Кстати, обратите внимание на пейзаж, скалы Европы — это вам не какие-нибудь Альпы! А какой, по-вашему, должна быть женщина?

Небо в иллюминаторах окрасилось алым: экспресс накалял воздух. Скалы были далеко внизу, дикие, нетронутые цивилизацией. От них тянулись длинные тени. Экспресс приближался к линии терминатора — внизу была вечерняя заря, там заходило Солнце, хотя на ста километрах оно стояла еще высоко. Еще немного — и будет видна темная сторона спутника. Там обитаемый центр, и ночь, и люди уже засыпают.

— Женщина должна быть доброй, — сказал Двинский. — Как моя Настя.

— Ее зовут Настя?

— Да. А почему вы спросили?

— Так, — монотонно произнес киборг. — Действительно глупо. Она у вас, наверное, красивая.

— Очень, — сказал Двинский. — Хотя почему-то ее лицо ускользает, я не могу удержать его перед собой. Отчетливо помню лишь родинку на щеке.

— Родинку на щеке?

— Да. У нее небольшая родинка возле левого глаза. Но она ей идет. Только ее фамилия мне не нравится. Но это дело поправимое. Ведь правда?

— А как ее фамилия? — помедлив, спросил киборг.

— Фамилия? — Двинский назвал фамилию. — Зачем она вам?

Киборг не ответил. Несколько мгновений висела тишина. И внезапно оборвалась — в репродукторах замыкало и зашвистело. Это Двинский уже слышал радиоголос Юпитера, превращенный в звук.

Но почему киборг включил приемник, не ответив на заданный вопрос?

Экспресс во что-то уперся — это пошли за борт парашюты, гася оставшуюся скорость.

Опять невесомость. Без предупреждения, без приглашения затнуть ремни. Поверхность спутника метнулась вверх, запрокинулась, перевернулась. Экспресс падал. Мелькнуло небо — пустота, заполненная черным. В отдалении возник причудливый

разноцветный букет. Четыре небесных цветка, отделенные парашюты.

— Почему вы не выпускаете крылья?..

Киборг молчал. Или ответ потонул в грохоте радио.

— В чем дело? — закричал Двинский. Спутник медленно поворачивался в иллюминаторах. Снизу. Слева. Справа. Сверху. Опять снизу. Экспресс вращало.

— Что случилось?

Никакого ответа.

Что могло случиться? «К сожалению, ничего». За иллюминаторами лишь небо и скалы. Скалы все ближе, и небо все ближе. И жуткий хохот радио.

Двинский дернулся к пульта. Еще не поздно. Включить двигатель и выпустить крылья. С киборгом что-то произошло. Там разберемся.

Двигатель ожил сам. Корабль вздыбился. Двинского вырвало из кресла и швырнуло вперед.

Это уже когда-то происходило.

Он не ударился головой о пульт. Его подтормозило в воздухе. Нет — он висел неподвижно, а кто-то уводил от него пульт, медленно поворачивал вокруг него кабину и приближал к его глазам иллюминатор. И давил, давил, давил иллюминатором на лицо.

Перегрузка была оглушительной. Двинский не мог щевельнуться, но мысль работала. Были фразы, которые все объясняли: «Роботы хорошие, но бесчувственные», «Я сто раз клялся, что это не повторится», «Что-то на меня находило», «Я готов был убить каждого», «Теперь я бы так не поступил», «Со мной ничего не случится», «Ее зовут Настя?», «А как ее фамилия?», «И у нее родинка на щеке? Ведь правда?»

Совпадение? Нелепое совпадение? Нет. Нет. Нет!

Налитый свинцовой тяжестью, Двинский лежал лицом на прозрачном стекле не в силах пошевелиться. Что-то рыдало в динамиках.

Внизу скалились камни.

Скользящий по морю космоса

1. Перед рассветом 14 мая 19... года «ночные люди» из магической общины Пра Бхата, уже потрясшей страну невиданными злодеяниями, ворвались на одну из важных стратегических ракетных баз...

База была одной из важнейших. «Аякс», в просторечии «спейс фортресс» — космическая крепость. Вы слышали об этом драконе последних лет перед разоружением? В брюхе дракона притаился, сжавшись до размеров железнодорожной цистерны, радиоактивный пустырь чуть поменьше Бельгии.

Пра Бхат, выходец из Южной Азии, называвший себя «воплощением Шивы», держал членов секты под настоящим гипнозом. Хором скандируя тексты мантр, они бегом пересекли границу электронного контроля. Трелями зашлись пулеметы. Падая с гордой улыбкой на устах, будущие святые успевали включать под халатами кумулятивные петарды...

Ворвавшись через свежие проломы ограды, «ночные люди» сменили супертермит на кривые ритуальные ножи с резными рукоятками слоновой кости. Жизнь сохранили только персоналу командного пункта. «Ночные люди» согнали солдат и офицеров к главной панели управления и держали их там, покалывая для острастки. «Ракшас», то есть начальник отряда, связался по радио с Пра Бхатом, а тот из своего логова в трупщобах многонационального мегаполиса — с президентским дворцом.

Под угрозой атомного удара по столице президенту было предложено освободить из тюрьмы всех осужденных членов секты и самому явиться для переговоров к «воплощению Шивы». Президент попросил шесть часов на размышление. Пра Бхат дал ему один час.

Мгновенно было созвано селекторное совещание.

Командующий военно-воздушными силами заявил, что хранители «Аякса», видимо, не успели вскрыть конверт «ноль», а может быть, успели, но не смогли выполнить инструкцию. Оборудование центральной шахты пока в целости. Президенту подо-

бает крайняя оперативность; нужно небольшое время, чтобы подготовить ракету к пуску, и это время уже идет. Лично он, генерал, предлагает накрыть базу с воздуха.

Министр юстиции забеспокоился о персонале.

Генерал ответил, что фанатики вряд ли оставили кого-нибудь в живых.

Министр высказал сомнение. Самостоятельно сектанты не осуществят запуск: кто-нибудь им поможет, хотя бы и под пыткой.

Генерал напомнил, что малая кровь предпочтительнее гибели столицы.

Госсекретарь опасался обстрела базы. «Аякс», даже взорвавшись в шахте, может выбросить радиоактивную тучу, губительную для ближайших городов.

Кабинет президента огласился бурным спором. Выиграл командующий ВВС, доказавший, что обстрел уничтожит только электронику и коммуникации, а больше ничего и не надо.

Президент, очень не хотевший военных действий, заикнулся было о переговорах. Тут уже на главу государства разом набросились все телефонные голоса: его-де возьмут заложником, а шантаж с помощью «Аякса» не прекратится, и страна станет вотчиной «воплощения Шивы», начинавшего карьеру вышибалой в курильне опиума.

На двадцать четвертой минуте совещание закрылось. Командующий авиацией выслушал краткое распоряжение своего верховного начальника.

...Надо полагать, Пра Бхат предвидел возможность такого ответа. Когда над ближайшим к базе военным аэродромом встала дымная пятерня со стремительно удлиняющимися пальцами, «спейс фортресс» уже была готова к старту.

Громовые молоты ударили по приморской степи севернее базы. Белыми фонтанчиками зарябил окрашенный восходом залив. Пять ракетноосцев, обескураженно ревя, как по невидимой горке скатились к горизонту и стали там разворачиваться для нового захода.

Говорят, один из программистов умер, искромсанный ножами, но так и не согласился выстроить траекторию, называвшуюся «овермун», от базы до столицы. Другой все-таки произвел стартовые расчеты. Навеки останется неизвестным: то ли мысли офицера спутались от боли, то ли нарочно передал он машинам такую программу...

Будем считать, что нарочно. Давайте думать о человеке хорошо.

II. Смена у Алексея Гурьева получалась на диво спокойная. Ни звонков из Главной диспетчерской, ни срочных грузов, ни вздорных дальнорейсовиков, свихнувшихся от многодневного

одинокства в кабине и требующих «немедленной, вы слышите — немедленной» техпомощи и отправки на Землю.

Алексей даже позволил себе минут сорок поболтать с Вероникой по служебному коду — в более напряженное время такая забава стоила бы выговора. Как всегда, говоря со станции, он искренне тешился тем, что на каждую его фразу Ника отвечает не тотчас, а запаздывая на пару секунд. Вопреки пылкому, порывистому характеру подруги, казалось, что она обдумывает свои слова.

Когда наконец было переговорено обо всем на свете, когда Ника до мельчайших подробностей описала погоду в Томске, поведение кота Митрича и туалет, в котором она отправится на встречу выпускников родного экологического учцентра, Алексей высказал ревность к Никиным коллегам-экологам, почмокал в микрофон и, дождавшись ответа, отключил связь.

Сделав несколько приседаний, он вышел через гермобур на обзорную палубу. Картина привычно завораживала простором, сиянием и неподвижностью. Серебряный купол ныне пустующего профилактория под ногами; далеко вынесенный в пропасть елочный шарик топливного резервуара; затененный изгиб кольца ремонтных причалов. А кругом — россыпи бездны, алмазная крупа, напоминающая о средневековых космогониях. Тысячекратно продырявленный бархатный шар, выпускающий снаружи лучи рая. Совсем рядом — выеденный ломоть Луны, ржавым цветом похожий на ветхую фотокарточку. Он, Алексей, один на спутнике, начиненном автоматами; и он — в центре шара, в центре Вселенной.

Обернувшись, долго созерцал над собой бирюзовую вспененную Землю — словно океан по законам невесомости свернулся в чудовищную каплю. Хорошо. Из других положений станции можно видеть только скупой серп или лоснящийся бок, а то и вовсе упереться в черноту «новоземлия».

Спину царапнул зуммер. Пришлось вернуться в кресло — подвижное, как розовый язык, оно изменяло форму при любом движении сидящего, всегда облегая тело.

Сигналила, проходя Внутренний Пояс со стороны Луны, флотилия транзитных грузовозов. На сводном табло бежали золотом по черному знаки автоматического рапорта: количество судов шесть, тип — термоядерный сухогруз СТ-088, строй кильватерный, режим торможения. Интервал, скорость — все в пределах нормы. Груз — метано-аммиачный лед, самородные металлы, почта с Плутона и Юпитера. Заправка, естественно, не требуется, ремонта тоже не просят. Вполне обычное прохождение флотилии «грузовиков» из колоний.

Левой рукой Гурьев коснулся биопанели, чтобы компьютер подтвердил командиру флотилии прием рапорта, правой — через другой квадрат панели — предупредил Землю-Грузовую о подходе судов.

На экране локатора луч развертки рисовал ползущую световую гусеницу — флагманское судно. Гравиприемник показывал размытый овал с алым центром, тускнеющим до темно-вишневого и черного. Видеокуб обладал наименее острым зрением — в нем билась, разгоняя вязкую темноту, бабочка термоядерного «факела».

Теперь оставалось лишь проследить, чтобы все пять «гусениц» благополучно миновали Внутренний Пояс и были приняты диспетчерами дежурного космодрома Земли-Грузовой. Конечно, устав есть устав, но с этим, право же, легко справилась бы любая из почти живых машин станций. Алексей, имея натуру непоседливую, часто удивлялся: зачем на станциях Поясов, хороводами кружащихся вокруг Земли, сохраняют диспетчеров? Да еще нередко таких, как Гурьев, практикантов-преддипломников пилотских школ. Подумать только: парней и девушек, бредящих субсветовой разведкой, заставляют провожать и встречать сухогрузы, танкеры, баржи; вести станционный журнал, кланчить у Главной диспетчерской лишнее планетарное горючее и внушать какому-нибудь озверевшему, разбивающему кулак о пульт навигатору с Нептуна, что дезактивация займет всего три часа, а пока можно посмотреть мультфильмы.

В такой практике больше пустой муштры, чем пользы. Дескать, учишь терпению, аккуратности, учишь дотошно исполнять самые скучные обязанности...

Пусть привычные глаза следят за гусеницами, мерно прогрызающими ходы в листе экрана, — память может вернуться к реке Томи, к ломящему зубы холоду воды, струнному оркестру сосен: к Нике, тормозящей среди камней лукавого увальня — щенка лайки.

...Он по-детски протер глаза кулаками. Шестой сухогруз не был одиноким. Под углом к его непреклонному курсу, явно отставая, бежал продолговатый светляк.

На станциях любят пощекотать себе нервы рассказами о локаторных призраках, якобы заставляющих диспетчеров гоняться за несуществующими судами, а пилотов подчас и гибнуть в погоне. Но светляк призраком не был — либо врал весь видеоблок. Гравиприемник тоже показывал вторую массу. Блуждающий камень, что ли, — здоровенный космолит, почему-то не расстрелянный на Внешнем Поясе?

Ответ пришел прежде, чем пальцы Алексея успели коснуться квадрата анализаторных устройств. Смоляной видеокуб, где тонуло, мерцая все слабее, увязшей бабочкой пятое судно, озарился новой вспышкой. Стреляя синим, всплыла оса чужого «факела».

Вот уж этого просто не могло быть. Ни одно из судов Системы, будь то аннигиляционный великан-межзвездник, рейсовый грузовоз, пассажирский лайнер с оранжереей и танц-

палубой или парусная баржа, набитая приборами космофизиков, ни одно судно не прошло бы без рапорта мимо диспетчерской.

Корабль с погибшей командой и испорченной биоэлектроникой? Но кто же тогда управляет двигателем?

Давно миновал сумбурный двадцатый век, удивительно сочетавший практицизм с расцветом религий и суеверий; окончился сентиментально-рассудочный двадцать первый. Никто уже не ждал всерьез послов других цивилизаций. Надеялись только на собственные силы, на звездный флот. К тому же первые данные универсального анализатора были куда как прозаичны. Жидкостный ракетный прашур, даже странно, что такие еще ползают, — ему ли покорять световые годы?

Впрочем, расчет траектории удивил Алексея еще больше, чем тип судна. Гигантская парабола, словно этот монстр действительно падал из межзвездья.

Но двигатель могли запустить и недавно, где-нибудь за Луной. Скорее всего так и произошло: ракета охлаждена почти до абсолютного нуля (кстати, это говорит об отсутствии экипажа) и только начинает нагреваться... С корабля «матки», что ли, остановившегося на рубежах Системы, падает этот зонд? Да уж очень высокая техническая оснащенность для разума, путешествующего между звездами...

Бред какой-то.

Он послал запрос на общепринятой служебной волне: «Судну, следующему курсом... (Цифры координат.) Прошу полетный рапорт. Дежурный диспетчер Гурьев».

Без толку.

А сводное табло пишет как ни в чем не бывало: длина
тридцать два метра, масса тысяча шестьсот восемьдесят тонн, режим поворота...

Поворота?!

Ну да. Еще минута, другая — и бесстрастный биокомпьютер печатает: «Поворот окончен. Режим ускорения».

III. Во всем огромном теле «Аякса» не спали только уцелевшие элементы солнечных батарей да питаемый ими очажок возбуждения среди кристаллов мозга.

С тех пор, как огненная ладонь бережно подняла над приморской пустошью башню «спейс фортресс», а затем яростно швырнула ракету в глубь рассветного неба, — с тех давних пор остыло сердце «Аякса». Ледяная тьма сковала его клапаны, стояла в камерах, в толстых и тонких сосудах.

Когда-то стаей перепуганных голубей шархнулись самолеты, пытавшиеся накрыть пусковую шахту: «ночные люди» в подвалах базы и столица, где над многомиллионной паникой надрывались сирены, напрасно ждали падения монстра. Не до-

ждались — будто растаяла «крепость» вместе с остатками ночи...

Оправившись от ужаса, народ, как разгневанный слон, растоптал фанатиков в лемурих личинах. А через несколько лет, вопреки усилиям хозяев улетевшего «Аякса», грянуло разрушение. Сначала ядерное. Затем, после ряда кровавых попыток притормозить время, — всеобщее и полное...

По мере удаления от Земли все глубже погружалось в мертвый сон сердце «Аякса». Миновав ловушки тяготеющих планет, «спейс фортресс» выплыла далеко за пределы Системы. Обгоревшая, изъязвленная титановая башня, подобно киту, дрейфовала в пустыне пустынь, неся под мертвым сердцем зародыш неслыханного взрыва. Солнце монеткой поблескивало за кормой. Еще ни один земной корабль не бывал в этих местах.

Повинуясь власти Солнца, «Аякс» выполнил параболическую орбиту, равную дорогам самых вольных комет. В положенный час он вернулся к Земле, окруженной двойным кольцом обитаемых спутников — лабораторий, заводов, энергостанций, которые больше не загромождали зеленую планету.

Возможно ли осмотреть и ощупать каждый кубический километр околосемья? Диспетчеры Внешнего Пояса не заметили темную, холодную, молчаливую «крепость».

Оказавшись вблизи Луны, вышел из летаргии мозг; в хитросплетении кристаллов зазмеились первые импульсы. Такова была воля давно почивших конструкторов: «овермун», лунная петля. Обогнув Луну, включить двигатель и поразить земную цель, неуязвимо для антиракет ударив из открытого космоса — вот что помнил и неукоснительно выполнял мозг «Аякса». Офицер-программист исказил траекторию, окровавленной рукой выбросив дракона в сторону от Луны. (Давайте думать о человеке хорошо.) Но он не мог предусмотреть все последствия. Удар был только отсрочен — правда, больше чем на столетие. Параболическая орбита вернула смерть к заданному пределу. Получив сигнал приборов, измеряющих тяготение и магнитную активность, вспыхнул мозговой очажок. Давно забытая лихорадка работы охватила джунгли кристаллов, проникла в сердце.

Словно помолодев от ста двадцатилетнего сна, сердце закружило едкую кровь, подожгло — и плеснуло в замороженные сопла.

«Спейс фортресс» уверенно шла на цель.

IV. Гурьев тщательно, как перед экзаменационным полетом, срастил швы скафандра и шагнул в наружный тамбур.

Когда он потревожил Главную диспетчерскую Пояса, ему ответили, чтобы он хорошенько проверил показания приборов,

потому что во всем Флоте давно уже нет ни одного жидкостного ракетного двигателя, а если есть, то это чья-нибудь личная инициатива, и дело Гурьева — передать рапорт «вниз», Земле.

Руководству полусотни станций, следящих за тысячами судов, было не до мелочей, не до каких-то неведомых умельцев, воскрешающих историю космоплавания.

Он предупредил Землю-Грузовую и Землю-Главную. Там занялись измерениями, а потом поблагодарили Гурьева и сказали, что ракета действительно идет из чертовой дали, а значит, при ее ничтожной скорости запущена очень давно. Может быть, она несет погибший экипаж, а машина, построенная в ином столетии, просто не знает, что надо отдавать рапорт. Во всех случаях Гурьев совершил значительное открытие. Диспетчера благодарят за бдительность. Монстра же подхватят силовым каналом в атмосфере и благополучно посадят.

Тогда бы надо Алексею успокоиться и даже возгордиться, но он и не подумал.

В глубине его голубоглазой, влюбчивой и дисциплинированной души, возможно, попав туда не по адресу, жила, как щука в ясном озере, безошибочная интуиция. Подтверждая выкладки парапсихологов, малоопытный Гурьев маялся предчувствием. Когда трещал зуммер личной связи, он уверенно говорил первым, не дожидаясь никаких «алло»: «Здравствуйте, богиня Ника», или «Я вас слушаю, Ахмед Касымович» (так звали шефа), или «Я повторяю — причалы заняты до особого распоряжения». Знал по звонку, кто вызывает!

Вот и теперь: не успокоили Алексея ни силовой канал, ни похвалы. Вещий голос нашептывал тревогу.

Он еще раз набрал код Земли-Главной. Координатор космодромов ответил вроде бы менее приветливо.

— Вы видите объект, о котором я докладывал?

— Разумеется, во всех подробностях.

— Вы использовали для идентификации систему памяти Космоцентра?

— Использовали, — с подчеркнутой кротостью сказал координатор.

— Ну и что?

— Точных аналогий нет... Но общая конструкция соответствует восьмидесятым-девяностым годам двадцатого века.

— Двадцатого?!

— Да, это какой-то зонд-автомат, случайно или намеренно выведенный на очень вытянутую орбиту и включивший двигатели вблизи Луны. Еще раз огромное вам спасибо, Гурьев.

— Да я не о том... Раньше... раньше бывали такие случаи?

— Подобные. Ловили станции, ракеты-носители, зонды, но, конечно, не вековой давности и не в активном полете. Вас еще что-нибудь интересует?

В последних словах лязгнул откровенный начальственный

металл: «А занимались бы вы своим делом, диспетчер»;». Но если деликатный Гурьев срывался, остановить его было трудно.

— Но почему, почему машина не определила точно?! Ведь в Космоцентре должны быть данные обо всех запусках, от начала космонавтики!

Молчание.

Шуршащий, бормочущий эфир подобен некоему громадному колодцу, где долго бродят причудливо искаженные отзвуки твоих слов. Бродят, пока молчит собеседник,

— Часть документации утрачена, Гурьев. Особенно той, что касается конца двадцатого века. Вы же знаете, что тогда творилось на Земле... Ничего, скоро разберемся, А почему вас, собственно, так волнует тип ракеты?

Профессиональное терпение координатора оказалось большим, чем ожидал Гурьев. Кажется, на Земле-Главной смирились с допросом. А может быть, решили, что переполох на кольце спутников имеет основания.

— Не знаю... Мне подумалось... только вы не смейтесь! Мне подумалось: а вдруг это боевая ракета? Может быть, даже с атомным или термоядерным зарядом?

Там как будто улыбнулись.

— Исключено. Земля не вела войн в открытом космосе.

— Вы ведь сами говорите, что часть документации погибла!

Шептались, посмеивались, безмятежно текли эфирные волны.

— Извините, диспетчер, мне пора вернуться к моим прямым обязанностям. А вам, вероятно, к своим.

Щелчок отключения.

Наверное, уже разливали шампанское историки космоплавания — шутка ли, сама валится в руки жидкостная колымага эпохи первых экспедиций!

«А вам, вероятно, к своим».

Правильно, к своим, непосредственным!

Есть право, дарованное уставом для крайних случаев: временно передать власть автоматам и догнать судно на сторожевом катере, обычно праздно пылящемся в ангаре любой станции.

Потому-то и срстил Алексей швы скафандра и через гермобамбур-7 шагнул под своды безвоздушного ангара. Услужливо зажглись прожекторы, скрестив лучи на плоской, напоминающей портсигар машине с двумя соплами по бокам. Под, закруленным лбом катера сидели глубоко утопленные глаза обьективов.

Гурьев еще с главного пульта проверил готовность двигателя, открыл кабину. Оставалось только забраться в кресло, что он и сделал без помощи трапа, словно всадник, вскакивающий в седло. Захлопнул колпак. Катер тронула нервная дрожь, стали выскакивать знаки на табло перед видеокубом.

Расползлись бронированные створы. Свет прожекторов был обрублен на пороге, точно станция уперлась в эбонитовую стену. Но глаза мигом освоились, ощутили провал, нащупали звездную пыль.

Тут вещий голос разом зашептал в уши Гурьева такое, что Алексей чуть было не усыпил двигатель. Он даже пальцы убрал подальше от панели — вдруг сверхчуткий пульт воспримет биотоки, искаженные страхом? Уже, спеша обосновать отступление, вступила логика: да кому он нужен, кроме историков, этот глухонемой паровоз космоса, который меньше чем через пять часов будет подхвачен силовым каналом космодрома? Он, диспетчер, рядовой сотрудник Пояса, сделал все, что мог, всех предупредил, получил благодарность. Погоня является только его правом, но уж никак не обязанностью. Кто посмеет осудить?

...А за что, собственно, осудить? Можно подумать, что, не погнавшись за ракетой, Гурьев совершит страшное преступление!

«Совершишь», — сказал голос.

Ни к селу ни к городу захотелось услышать Нику. Чтобы она опять рассказала, как Митрич принес ей в постель задущенного воробья, был бит и недоумевал: за что? За лучшие побуждения?

Вспомнился еще младший братец, имевший наглость взяться за трехактную пьесу и теперь изводивший отца и мать чтением очередных сцен. После полущутливых жалоб матери Гурьев сообщил малыцу, что литературная деятельность начинается обычно с лирических стихов, а уж прозу и особенно драму может писать только человек опытный, много переживший, знающий людей и их отношения...

Что-то мучительно знакомое вдруг заскреблось в памяти — в отдаленной связи с прозой и драмой: «Демон... демон... великий демон, скользящий по морю жизни». Откуда это?..

Вздрогнув, словно морозный ветер обжег его спину, Алексей положил пальцы на зеленый стартовый квадрат. Вернулись нужные биотоки, катер выполнил приказ.

Две пленные фиолетовые молнии зазмеились у сопел. Почти лишенный веса на время взлета, «портсигар» скользнул над цельнометаллической плитой пола и исчез. Челюстями сомкнулись створы, погасли прожекторы, только волоски ламп долго тлели под потолком.

Курс на сближение был проложен безукоризненно. Весь путь занял около трех часов. Все это время Гурьевым владела холодная лихорадка всепоглощающего стремления к цели. Глаза цепко вбирали в себя летящие огни видеокуба; руки словно независимо от сознания плясали по биопанели. Но и самый придирчивый «кэп» из пилотской школы не нашел бы ни единой ошибки!

Он никогда не был честолюбив. Разумеется, почел бы счастьем отправиться куда-нибудь за тридевять световых лет, покорить фантастические миры и вернуться со сказочной, сверхчеловеческой славой Язона или Одиссея. Однако не представлялась ему черствой и судьба доброго, всеми уважаемого штурмана внутрисистемных трасс, имеющего в тылу озорную красивую жену Нику, дом, полный любимых книг, и двоих-троих здоровых сорванцов, от коих эти книги придется до поры беречь.

Вряд ли жажда отличиться, прославиться гнала Гурьева вслед за подозрительным бродягой. Скорее всего то была подсознательная, внушенная матерью тяга к ясности и порядочности — позвоночник гурьевской души. Плюс интуиция, конечно...

«Великий демон, скользящий по морю жизни...»

Да откуда же это, наконец?

Скорости уравнены. Совсем рядом висит, постреливая синими газовыми языками, сплошь покрытая узловой коростой ожогов, утолщенная к носу туша. У нее круглая слепая голова и веера солнечных батарей, истрепанные, как крылья мельницы после урагана.

Вот оно! Поймал, вспомнил!...

«Белый Кит плыл у него перед глазами, как бредовое воплощение всякого зла, какое сдает порой душу глубоко чувствующего человека, покуда не оставит его с половиной сердца и половиной легкого — и живи как хочешь... Белый Кит неожиданно всплывал смутным и великим демоном, скользящим по морю жизни...»

Это Мелвилл, «Моби Дик», опаленная диковинными страстями исповедь китобоя-философа. Ника побаивается Мелвилла.

Интересно, посвящал ли какой-нибудь китобой царственную жертву любимой женщине?

Еще сорок, от силы пятьдесят минут — и ракета войдет в силовую воронку космодрома.

Словно пар над круглым бассейном, ходит пузырями веселая атмосфера близкой планеты. Сквозят, плавая по океанам, рыжие шапки горных массивов.

Меняются цифры на табло... Тормозит! Не хочет сгореть, со всего размаха вонзившись в воздушное одеяло!

А все-таки зловеща эта непреклонность слепой головы; жутковат маниакальный бег живого мертвеца к Земле!

Сблизиться... Еще сблизиться...

Кто сказал, что у Времени каменный лик? Наверное, стареющий джентльмен в кресле перед камином, сквозь дым верной трубки философски взиравший на будущее. Время — бешеный ночной поезд, с грохотом несущийся в тоннеле, пробуровленном его собственным прожектором. Короток освещенный клинок рельсов, и мрак бежит впереди, оборачиваясь и дразня.

Зуммер. Торопливый, прерывистый голос. Что это с координатором?

— Земля-Главная вызывает диспетчера Гурьева.

— Гурьев слушает.

— Немедленно меняйте курс. Уходите.

— Почему?

— Выполняйте приказ.

— Почему?!

Молчит эфир. Нет — стрекочет, посвистывает, щелкает серебряными язычками далеких соловьев, соек, дроздов и прочей лесной мелочи. Алексей, несмотря на все старания Ники, научился узнавать только дятла — по красной грибной шапочке да синиц — по грудке с аккуратным галстуком. Так же плохо знал он и лесные цветы и травы. Стыдно.

— Вы были правы, Гурьев. Мы привлекли системы памяти Института истории материальной культуры и Музея войн. Это космическая, ракета военного предназначения, с боеголовкой... в общем, термоядерной, но особой. Ее называли гамма-бомба. Приказываю вам уходить!

Гамма-бомба? Это ж надо — какое щупальце протянулось из прошлого!..

Там живут птицы — на занимающем уже полнеба лазоревом, зеленом, белопенном, клубящемся вихрями куполе. Там — Ника, мама, отец и братец...

— Координатор, что вы намерены делать?

— Применить лазер.

— Не успеете. Линейные размеры цели ничтожны. Поиск рассеянным лучом и наводка сфокусированного займут много времени.

— Другого выхода нет. Земля еще раз благодарит вас. Алеша, ваши заслуги бесценны, мы были бы совсем не подготовлены... Может быть, часть населения угрожаемого района успеет... успеет спуститься в подземные горизонты... Уходите же, чего вы ждете? Рассеянный луч уже ведет поиск.

— Поздно, координатор, поздно.

Там что-то закричали, Гурьев отключился.

«Прямо навстречу тебе плыву я, о все сокрушающий, но не все одолевающий кит; до последнего бьюсь я с тобой...»

Зажмурившись и больно прикусив губу, чтобы не успеть передумать, Алексей прижал пальцы к биопанели.

Правым двигателем катер смял и разорвал, как фольгу, обугленную кожу «спейс фортресс». Нервы «Аякса» не выдержали. Мозг отдал последний приказ — о самоистреблении.

Радужный сполох был хорошо виден с орбитальных станций; роскошной падучей звездой явился он сумеречным странам у границы дня.

Давайте думать о человеке хорошо.

Разорвать цепь...

Мохнатые языки солнца, высываясь из-за холмов, шарили по пронзительной глади небосклона, будто слизывали остатки не успевших растаять за ночь облаков. Совсем как на Меркурии, только там нет неба. И солнышко там жарче. Впрочем, и это дай бог... Даже не верится, что не так давно закончилось пятое оледенение.

Андрей нерешительно повертел в руках широкополую войлочную шляпу и со вздохом водрузил ее на макушку. Это повторялось каждое утро как некий ритуал. Все его существо сопротивлялось, но без шляпы наверняка схлопочешь солнечный удар. Даже за те десять минут, которые надо затратить, чтобы принести воду. Собственно, он ничего не имел против этого головного убора, кроме одного: очень уж он не гармонировал со всем остальным. Как, скажем, водолазный шлем с дипломатическим фраком. Такие курортные войлочные покрывалки со свисающими полями появятся только через пятьдесят тысяч лет. Незадолго до того, когда на месте этих холмов и ручья раскинута тридцатизэтажная, сверкающая стеклянными боками здания института. Удивительное дело: все здесь казалось к месту, все вписывалось в исторический период — и машина и панцирь, а вот шляпа не вписывалась. Она из другой эпохи. Он зажмурился и с наслаждением представил теплое ласковое море и белый, будто просеянный через самое мелкое сито, песок. А на нем тела. Шеренгами. Все коричневые и все в шляпах... Представил, хотя и знал, что этого делать не следует. Челюсти свело сладкой судорогой, и что-то в душе дрогнуло. Поспешно открыв глаза, он помотал головой и решительно замкнул магнитную застежку воротника. Ну вот, теперь он в полной готовности, можно выходить. Ах да, синие очки и воздушные фильтры...

Солнце уже выкатилось из-за холмов. Теперь это был обычный ослепительный шар, совсем как у нас на экваторе. Не жарче. А если и жарче, то чуть-чуть. Жаль только, что Андрей никогда не был на экваторе и не мог сравнить. На Меркурии был,

а вот на экваторе не пришлось. Теоретически за пятьдесят тысяч лет солнце не должно измениться, для него это ничтожно малый срок. Как для нас пять минут. Но теорию создавали в уютных прохладных кабинетах... Андрей чертыхнулся и вышел из машины.

Панцирь плотно обтягивал тело, заставляя держаться прямо, развернув плечи, как на параде. Только вот походка становится какая-то чудная — с подпрыгиванием. Черт бы побрал того инженера, который вставлял пружинки в ткань под коленками! Конечно, инженер все рассчитал, но попробуй побегай в такой одежке! Это неважно, что здесь бегать не надо. Андрей повернулся к солнцу спиной и посмотрел на свою тень. Ничего тень, мужественная. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги... Спортсмен. И, говорят, с задатками. Только вот скорчер на правом боку нарушает симметрию. Он улыбнулся, выгасил из тамбура пузатую десятилитровую флягу и поволок ее к ручью.

Днем холмы — каменистые, лишенные растительности — имели тот неопределенный цвет, который называют песочным. Но сейчас, под утренним солнцем, они были ярко-розовыми, и очертания их слегка размывались, словно холмы раскалились и медленно оплывали от вершины к подножию. Их невысокая гряда загоразживала первобытный лес, не давая ему прорваться дальше. Справа холмы загибались широким полукругом, открывая ровную, чуть поднимавшуюся к югу равнину, по которой струился ручей.

Вода здесь великолепная. Что называется, хрустальная. Только вот микроорганизмы... Но для этого существуют таблетки. Две штуки на флягу. Говорят, вкус они не портят.

Андрей присел на корточки и положил флягу на желтое дно, придерживая ее пальцами, чтобы не всплыла. Вода с бульканьем стала заходить в горловину. Справа были кусты, но за четыре дня он отучился их бояться. Днем из кустов никто не показывался — ни пещерные медведи, ни волки, ни саблезубые тигры, чей громадный след он обнаружил прямо перед тамбуром на следующий день после прибытия. Раньше он почему-то думал, что к этому периоду махайроды уже вымерли. Серьезный был след. Окружность больше моей головы. Интересно, каков же сам тигр? К счастью, зоологи по ископаемым остаткам определили, что саблезубые охотились по ночам, днем они почивают. Правда, Барсик у меня дома днем кушает. Но Барсик — отдаленный потомок, развращенный цивилизацией...

А вообще здесь все чужое, все опасное. Даже воздух, даже солнце, даже трава. Хотя и трава, и кусты, и деревья уже наши, современные. Ведь всего-то пятьдесят тысяч лет! Каково же тем, кто дальше — за сто миллионов? Саблезубый — это все-таки млекопитающее свое, понятное. И то, что природа обделила его хвостом, оставив нелепый обрубок, представляет этого хищника в каком-то даже легкомысленном, несерьезном све-

те. А динозавры? Так называемые пресмыкающиеся, восемь метров в высоту? Тиранозавр-рекс, например. Его засняла на киноплёнку предыдущая партия... Андрей невольно поежился, вскинул флягу на плечо и чуть ли не бегом потащил ее в машину.

Теперь сутки он будет сидеть взаперти, в крохотной каютке с поляризованными стенами. Хотя машина превосходит размерами трехэтажный дом, но человеку в ней отводится весьма скромная площадь: все остальное пространство занимает генератор. Снаружи стены серые, непрозрачные, но, находясь в каюте, он видит все, что делается вокруг. Спасибо хоть об этом позаботились! Иначе тут вообще можно сойти с ума. Он и так уже два дня не прилагивался к книгам, которые самонадеянно захватил с собой в прошлое. Захватил, несмотря на скептические улыбки более опытных товарищей. В первый день он только смотрел. И через стены, и снаружи, не отходя от машины. И все время ждал, что вот-вот появятся кроманьонцы. Ждал, чтобы рассмотреть их с тем острым любопытством, с каким рассматривают неожиданно обнаруженный портрет своего отдаленного предка. Выискивают, так сказать, фамильные черты... Потом два дня читал запоем. Вчера он просто угрюмо валялся на койке, заставляя себя не глядеть на часы. Он и без того ощущал каждую из бесконечных, будто застывших, секунд. Ничего не поделаешь — такая работа. Искус, который проходит каждый, прежде чем попадает в головную группу. Машины времени еще очень несовершенны. Они могут переноситься только в прошлое. Будущее пока скрыто от людей. Жалко: в будущем интереснее. Но, может, в этом определенный смысл? Нельзя заглядывать в будущее, не изучив досконально своего прошлого. Не вскрыв подспудную логику событий, не проанализировав всех ошибок. Да, наверное, в этом главное. Человечество должно понять свои прошлые ошибки, прежде чем являться к потомкам. И до малейших деталей знать свою историю. Для этого и уходит в прошлое цепочка машин-ретрансляторов, как столбы на шоссе. Сейчас эта цепочка насчитывает две тысячи «столбов», где каждый отстоит от соседей на пятьдесят тысяч лет. Самый последний — «стомиллионник» — в мезозое. И в каждом ретрансляторе человек. Дежурный. Машины могут уйти в прошлое и вернуться только вместе. Сразу. Одновременно. Если с одной что-либо случится — останутся все. Это как цепь, которая рассыпается с потерей любого звена. Командуют те, кто «внизу». Остальные ждут. Ждут и не отлучаются. От каждого зависит существование остальных. Когда-нибудь это станет излишним. Это когда ретрансляторы усовершенствуют настолько, что суммарная вероятность аварии в сложнейших цепях управления всех двух тысяч машин станет меньше одной миллионной. Пока что она больше. А одна миллионная — это риск при дежурных. Человек с его чувством ответственности

оказывается надежнее машины. Поэтому ты вынужден ждать, пока кто-то там, за «стоимиллионником», выясняет, отчего вымерли динозавры. Ждать все двадцать четыре часа в сутки, позволяя себе только утреннюю десятиминутную пробежку за водой. Это тоже риск — вылазка за водой. Но риск необходимый. Если ты не будешь ждать этих десяти минут, ждать целые сутки, твоя «надежность» резко упадет. И ты ждешь, стиснув зубы, хотя неизвестно, сколько еще продлится это ожидание. Каждая вылазка рассчитана на две недели, если... если не произойдет непредвиденное. Тогда оглушительно завоет сирена... Эти тиранозавры, судя по фильму, были отчаянными задирами. Да и не только они. В мезозое полно всякой гадости — и летающей, и прыгающей, и плавающей.

Андрей лежал на узкой жесткой койке, закинув левую руку под голову. Правая свесилась через край, прижавшись ладонью к прохладному полу. Наступал вечер. Он это понял без часов, хотя вокруг было еще совсем светло. Дневная жара спала. Кондиционер под потолком перестал жужжать и заработал бесшумно, вполсилы. Еще несколько часов, и пятые сутки дежурства уйдут в прошлое. Смешно — в прошлое.

Дома сейчас, наверное, тоже вечер. Мать с отцом вернулись с работы, переоделись, забежали в санпит и... Нет, никуда они не пошли. Ни на театральную арену, ни в вечерний парк, ни на спортивные зрелища. Сидят в санпите над нетронутыми блюдами и переживают. И мама опять твердит, что у нее предчувствие... Чудаки! Путешествия во времени уже давно обходятся без жертв. Было, конечно, когда-то... Но тогда только нащупывалась конструкция машины, разрабатывались правила поведения. А сейчас машины безотказны. И люди... Они еще безотказнее. На второй «пятидесятке», у неандертальцев, дежурит Ленка, отличный парень. Это ей он сказал перед отправлением, что она отличный парень, и Ленка не протестовала. Только усмехнулась загадочно, как она одна умеет... И каждый раз, когда он бежит за водой, у него сжимается сердце от страха, потому что в это время Ленка тоже бежит с флягой. И его нет рядом, чтобы защитить...

Он вздрогнул и вскочил на ноги. На него глядела Лена. Нет, конечно, она глядела не на него. Она только скользнула измученным безнадежным взглядом по громадному серому кубу машины, и именно этот взгляд Андрей успел поймать. И конечно, это была не Лена. Это была кроманьонка. Так сказать, прапрапра...

Удивительно, что она не испугалась машины. Впрочем, вообще, не удивительно. Первобытные люди не всегда умели строить цепь логических заключений и не боялись неподвижных предметов. Неподвижное неопасно. Они еще очень плохо знали свой мир и потому безоговорочно принимали все, что оказывалось в поле их зрения. Поэтому двенадцатиметровая махи-

на вовсе не показалась кроманьонке чем-то удивительным. Она просто не знала, что в ее времена таких сооружений быть не должно.

Ей было лет семнадцать, и она была такая же стройная, высокая, как Лена. Даже прически у них одинаковые — волосы свободно распущены по плечам. Только у Лены это называется укладкой. И одета кроманьонка была, разумеется, не в панцирь, а в пятнистую звериную шкуру, совершенно не закрывающую руки и ноги. Худенькие, но крепкие руки, длинные ноги. А все же лицо другое, не как у Лены, хоть и очень похоже. Впалые щеки, огромные глаза.

Андрей затряс головой. Болван, о чем я думаю? Это же человек, самый настоящий. Что в ней первобытного? Страх в глазах, даже не страх — отчаяние. Так вот какие они, кроманьонцы! Неведомо откуда взявшиеся гомо сапиенс, люди современного типа, совершенно необъяснимо, всего за пятнадцать тысяч лет вытеснившие пропавших без вести неандертальцев. Не предок человека — человек!

Девушка остановилась у самой машины. Очевидно, она прошла долгий путь, ноги ее подкашивались, в лице не было ни кровинки. Она тяжело дышала полуткрытым ртом и тихонько всхлипывала. В машине было отлично слышно.

А ведь она погибнет, вдруг понял Андрей. Должна погибнуть. Первобытный человек не мог выжить в одиночку. Очевидно, заблудилась, отстала от племени... А может, напали враги и она кинулась прочь без памяти?.. Ах черт побери! Безоружная, беспомощная, ни от зверей отбиться, ни огня развести. А ведь могла бы стать чьим-то предком. Может быть, даже моим... или Лены. Недаром она так похожа на нее. Взять бы ее с собой, но нельзя. Не имею права. А жаль. Представляю, какие глаза сделаются у ребят! Вот это было бы вмешательство так вмешательство! Только меня мигом турнут из института. А ее... что ж, ее оставят. Не отправлять же обратно на гибель. Научится читать, привыкнет к нашей кухне, полюбит телевизор, все вечера будет перед экраном просиживать. Выдержит ли изобилие информации? Нет к нам ее нельзя. Здесь бы чем-нибудь помочь, но чем? Скорчер же ей не дашь, а другого оружия у меня нет, даже перочинного ножа, И огня нет. Пища подогревается в инфракрасной духовке. Разве что затащить ее в машину и хотя бы накормить?

Это было безумием. Это было грубейшим нарушением правил путешествия во времени, но Андрей двинулся в тамбур. Он ничего не мог поделать с собой. Вид этого измученного, истомленного отчаянием, голодом и усталостью существа всколыхнул и поднял из самых потаенных уголков души что-то такое, чему он не мог даже подобрать названия. Какая-то волна захлестнула его.

Внезапно, уловив за спиной легкое движение, девушка рез-

ко обернулась и пронзительно вскрикнула. Вопль оборвался на самой последней ноте, и девушка, запрокинув голову, привалилась к машине и стала медленно сползать по ее стенке. Она была еще жива, но она была уже мертва, потому что из кустов у ручья к ней направлялась смерть. Нет, зоологи ошиблись, она не спала днем — страшная смерть, саблезубая, со струящимся меж клыками волнистым языком, неторопливо надвигающаяся на пружинистых лапах, возбужденно подергивающая обрубком волосатого хвоста. И Андрея охватил восторг.

Это удача! Ах, какая это великолепная удача! Он торопливо расстегнул кобурку скорчера, автоматическим движением руки ввел в ноздри фильтры. «Я прошibu его на лету в прыжке. Тигр всегда прыгает на жертву. А потом затащу ее сюда и накормлю. И никто ничего не скажет, не посмеет сказать. Потому что Я спасу жизнь человека. Разве нас с детства не учили, что самое ценное — это жизнь человека? И пусть это будет вмешательством, но меня все поймут, потому что каждый сделал бы то же самое».

Махайрод был уже в двадцати метрах. Андрей толкнул скорчку тамбура... в этот миг взвыла сирена.

Это было невозможно, невероятно, но это случилось. Андрей замер, будто натолкнулся на глухую стену. Красная сигнальная лампочка панически мигала над рычагом. Это не обычное предупреждение к возвращению, это сигнал к бегству. Сирена будет выть, пока во всех двух тысячах машин дежурные не нажмут на красные рукоятки и генераторы не закрутятся бешеными силовыми смерчами, сменяя время. Значит, там, «внизу», что-то случилось, и людям придется спасаться. Может, они даже пустили в дело скорчеры. Это разрешается как исключение, когда ничто другое уже не может спасти. Потому что это вмешательство. И хотя его последствия не скажутся в будущем, рассосутся во времени, как затухает волна от брошенного в озеро камня, не достигнув берега, все-таки это вмешательство.

Пять секунд дается на то, чтобы добежать до рычага. Значит, остальные 1999 генераторов вот-вот заработают. И только его машина окажется вне цепи... Андрей повернулся и бросился в кабину. Ладонь натренированно легла на красную рукоять... но не нажала на нее.

Эта девушка... Она не упала лишь потому, что прислонилась к машине.

Он обязан выполнить свой долг перед людьми, которые ждут сейчас в машинах... Но девушка тоже человек. Слабая тростинка на берегу необъятной реки жизни, защищенная только искоркой разума. И никогда не сумеет простить он себе, что дал погибнуть человеку. И тут внезапная мысль поразила его — Лена!

Не может такое сходство быть случайным...

Так не оборвется ли к тому же с гибелью этой кроманьонки целая эволюционная цепочка?

...Он рванул рычаг и ринулся из машины. В его распоряжении было, наверное, полсекунды. И хотя он знал, что все конечно, что успеть невозможно, он действовал так, будто намеревался успеть. Выстрел дробным эхом запрыгал по холмам. Зверь перевернулся в воздухе и шмякнулся рядом, раскинув лапы. И в этот момент кроманьонка начала падать, потому что опора исчезла. Андрей еле успел подхватить ее и заставил себя обернуться. Заставил, хотя безошибочно знал, что увидит. Он обернулся и увидел, что машины нет.

И никаких следов, даже трава не примята.

Разумеется, его будут искать. Но машина редко попадает дважды в одну точку времени. Они разойдутся — на сутки, на час, на минуту...

И все же их найдут, не могут не найти.

На его руке лежала кроманьонка.

До ближайшей цивилизации сорок тысяч лет. Есть только они двое, и еще саблезубые, мамонты, медведи... И девяносто девять зарядов в магазине скорчера. Было сто...

Он думал только об этих девяноста девяти зарядах. Намеренно сузил мысли вокруг них. В этом сейчас было спасение. Позже придет отчаяние, наконец, фатальное успокоение, когда смиряешься с последствиями своих поступков.

Он заметил, что девушка очнулась. Она переводила взгляд с него на мертвого зверя и опять на него, и страх исчезал из ее глаз. Он был человек, и он спас ее. Потом она встала на ноги и без страха взглянула на него. Андрей смутился. Он расстегнул магнитную застежку шлема и выбросил из ноздрей фильтры.

— Ничего, — сказал он, засовывая скорчер в кобуру. — Ничего. Главное, что цепь не разорвана. А так все в порядке. Вода есть, пища есть — он ткнул носком тушу зверя, — огонь добудем трением, лук изобретем... Только вот костюмчик не подходит. Не из этой эпохи. Пожалуй, шкура будет мне больше к лицу.

Он стал искать подходящий кусок кремня, чтобы сделать из него нож.

Солнце входит в знак Девы

— Чертова планета, — причитала Вики, выходя из душевой. — И чтоб я еще хоть раз согласилась лететь на планету с таким солнцем, провалиться ей на этом самом месте...

— Не надо было рождаться рыжей, — наставительно заметил Рычин.

Вики даже не взглянула в его сторону. Она подошла к распахнутому во всю стену иллюминатору, вытащила круглое зеркальце и стала беззастенчиво себя рассматривать. Рычин со Стефаном флегматично за ней наблюдали.

— Не счесть, — коротко резюмировала Вики, пряча зеркальце.

Она посмотрела в иллюминатор — утреннее голубоватое солнце заливало поле, на котором стоял их корабль, и узенькую тропинку, ведущую к люку, и тоненькие вешки ограждения с трогательными плакатиками, на которых по-юнитски было написано «Просьба гостям не докучать». Никто и не докучал — поле было пусто. Вики гулко вздохнула и пошла в кают-компанию.

— Кормите, — сказала она, усаживаясь за стол и отодвигая локтем стопку шиитских книг. — Кормите меня с ложечки — я вконец расстроенная. Кто у нас сегодня мамочка?

— Я мамочка, — отозвался Стефан и побежал в камбуз.

Рычин взял стул, уселся напротив Вики и принялся демонстративно ее разглядывать.

— Изydi, — буркнула Вики.

— И не подумаю, — сказал Рычин. — Я еще не насмотрелся. Уж очень они тебе к лицу.

— Хочешь, чтобы я тебя окончательно возненавидела?

— Куда уж окончательной — гулять по Юне не пустил, засадил корабль сторожить, а сам сию напротив и веснушки твои считает.

— Истинно зверь, а не начальник.

— Ваша ма-а-ма пришла, — запел Стефан, появляясь с полным подносом. — Молочка принесла тутошнего, юнитского, по жирности что наше китовое. А вы опять цапаетесь?

Он сгрузил тарелки на стол, обошел Викин стул и присел перед девушкой на корточки:

— Вики, маленькая, так ведь с веснушками же лучше! Тебе их просто недоставало. Вон спроси Рычина — он старый ругатель, комплиментов делать не будет...

— Уже воздействовал, — отмахнулся Рычин.

Вики благодарно потрепала Стефана по волосам, отчего его льняные кудри сразу же стали похожи на паклю.

— Ну, давайте завтракать, утешители. — Несколько минут все молча жевали, но сегодня Вики была не расположена так быстро успокаиваться. — Нет, какая подлость! И почему именно у меня, почему не у Степки?

Мужчинам эта тема надоела, оба сдержанно молчали.

Вики это уловила:

— Вы не подумайте, что во мне говорит атавистическое кокетство. Вовсе нет. Мне просто неловко перед юнитами. Обратили внимание, какие у них женщины? Да? А теперь посмотрите на меня. Вот-вот, прямо на нос. Облупленная картошка, да еще и в веснушках. Стыдобища! Это против ихних-то Афин да Афродит с Артемидами в придачу...

— Ну, это тыхватила, Вики! — не выдержал Стефан. — Я приглядывался к тутошним дамам — ты знаешь, далеко не богини...

— Между прочим, я тоже обратил на это внимание, — задумчиво проговорил Рычин. — Мужчины все как на подбор: огромные, смуглые, черногривые. И красавцы. Так, Вики?

— Да уж не чета вам.

— Ага, компетентный пол подтверждает. А тутошние женщины словно другая этническая группа. И чертовски разные, ни одна не похожа на другую. Когда они нас встречали, прямо в глазах рябило... м-да...

— Смакуешь воспоминания? — не без ехидства вернула Вики.

— Просто жду. Жду связи с Темиром. Пора бы.

Все невольно скосили глаза на дырчатую плоску внешнего фона.

— Прошло только две минуты, — беззаботно отмахнулся Стефан, — и потом, если Темка там, в юнитском городе, решает аналогичную задачу — я имею в виду антропологическое несходство полов, — то он очень даже просто может проморгать сеанс связи.

— Позавчера ведь минут двадцать ждали — и ничего. Так что вернемся к нашим неподражаемым аборигенкам... или аборигеншам?

Рычин зыркнул на нее своими цыганскими глазами — ага, и ты заволновалась. А ведь волноваться надо было уже вчера, после вечерней связи с Темиром Кузюмовым.

Теперь один Стефан, казалось, был спокойным:

— Красятся твои юнитки неподражаемо вот что. Между прочим, у нас на Земле прелестный пол отягчая себя когда-нибудь голубой или сиреневой гривой?

— Лет триста-четыреста назад запросто, а в рыжее красились еще до прошлой эры. Правда, это уже в незапамятные времена считалось недозволительным баловством, поэтому таких женщин называли причудницами или блудницами.

— Ох, — застонал Рычин, — и эрудитов же я набрал к себе в экипаж! Причудницы — это из салонов времен Сирано де Бержерака, а что касается блудниц, то тебе о них вообще знать не положено. По возрасту.

— Интересно, а где это ты набрался эрудиции в таких вопросах?

— Во дале... далеких во краях, — пропел Рычин. — Не слышу Темира. Даю еще десять минут, чтобы разыскать и подать мне Темира Кузюмова.

— Кому даешь-то?

— Действительно, мальчики, а неужели у космолетчиков нет собственного покровителя — ну не обязательно божества, а хотя бы чертика какого-нибудь завалящего?

— К сожалению, Вики, — рассудительно завел Стефан, — звездоплавание и религия так же несовместимы, как...

— Все чувшь, — оборвал его Рычин. Мы, грешные, практически остались без пригляда. Живой пример — исчезновение нашего Темира.

— Что ты дергаешься — десяти минут не прошло.

— А я жду спокойно. И за те пять минут, которые я еще отпустил всем нам на это самое спокойствие, могу объяснить, что действительно несовместимыми мне кажутся только две вещи: это высочайший уровень тутошней цивилизации и примитивная косметика, в применении которой наш грубый Стеф заподозрил юниток. Они не красятся, дорогие мои, но я много бы отдал за то, чтобы разгадать загадку Юны.

— То есть стереотип ее прекрасных мужей?.. — уточнила Вики.

— Отнюдь. Загадку разнообразия и, если хотите, странного несовершенства юнитских женщин.

— И девушек, — ввернул Стефан.

— Нет, — сказал командир. — Их я в виду не имел.»

Было очевидно, что он усиленно думал о чем-то своем. Хотя что значит: о чем-то? О Темире он думал, не о девушках же, в самом деле.

— А почему? — привязался Стефан. — Если говорить о женщинах, то с кого и начинать, как не с...

— Я не видел на Юне ни одной девушки. И девочки — тоже! — отрезал Рычин.

Пять минут были на исходе.

— Действительно?! — изумился Стефан. — И как я сразу этого не...

Мелодичный звон прервал его на полуслове — сработала система предупреждения, включавшаяся в том случае, когда к кораблю приближался кто-нибудь из юнитов. На неодушевленные предметы — летящие по ветру перекаати-поле, осенние листья и частые здесь шаровые молнии — она не отзывалась. На животных, по-видимому, тоже, но пока земляне не видели на Юне ни одного зверя. Может быть, их здесь вовсе не было.

Вики включила экран внешнего обзора, и все увидели хрупкую женскую фигурку, которая, чуть прихрамывая, но все же удивительно легко скользила по тропинке, протоптанной в бу-рой юнитской траве.

— Ну вот, — не унимался Стефан, — через полторы минуты загадка юнитской косметики будет решена: беру я эту очаровательную ле Бом ле Блан де Лавальер поперек живота, переворачиваю вверх тормашками и окунаю в ванну... Кстати, командир, что мы скажем ей о Темире?

— Все, абсолютно все. У нас нет основания не доверять юнитам.

Вики пожала плечами.

— Я войду? — послышался из динамика шелестящий голосок.

— Да, да, прошу вас!

Тоненько взвыл мотор подъемника. Вики как-то механически пригладила волосы и затем с сомнением оглядела свои далеко не аристократические руки с обломанными ногтями.

Двери лифта раздвинулись, и мужчины разом вскочили несколько более резво, чем того требовали элементарные правила вежливости. У них это получалось само собой каждый раз, когда их переводница входила в комнату, — как они признались друг другу, у них синхронно возникало естественное желание подхватить ее на руки.

— Добрый день, гости! — старательно выговаривая слова, произнесла она.

Каждое утро она приходила к ним, и, пока Темир Кузюмов на практике осваивал все чудеса юнитской цивилизации, она проводила с оставшимся на корабле экипажем своеобразные телеэкскурсии, по просьбе землян выбирая то один, то другой уголок громадного полупустого города, двухсоткилометровым кольцом охватывавшего заросшую лужайку космодрома.

— Добрый день, Леа! — хором отозвались земляне, не перестававшие удивляться той легкости, с которой эта молодая женщина всего в несколько дней овладела их языком, в то время как они сами и поздороваться-то толком по-юнитски не научились. Это, правда, было не так просто, как могло показаться на первый взгляд, — сутки юнитов делились на тридцать шесть часов, и для каждого часа приветствие должно было звучать по-иному.

— Гости тревожны и беспокойны? — скорее даже не спросила, а констатировала Леа.

— М-м-м... собственно говоря... — протянул Рычин.

Стефан и Вики остолбенело воззрились на него: командир мямлил, как проштравившийся салажонок. Командир заикался.

Да что же творилось с командиром?!

А командир сам не знал, как определить и тем более объяснить свое состояние. Едва только маленькая юнитская переводчица появилась в рубке, как у него пропали все опасения и тревоги. Ну не могло ничего случиться с Темиром, просто органически не могло. Забарахлил фон, помехи там непредвиденные атмосферные. Но несчастья нет. В мире, где могут существовать такие вот женщины, ничего случиться с человеком просто не могло.

Вот и тянул командир, с тоской и последней надеждой косясь на молчащий транслятор, — может, еще отзовется Темир и не придется беспокоить это бесконечно хрупкое существо, рассказывать которому о своих опасениях просто нелепо.

Но транслятор, чуть потрескивая, не отзывался.

— Так что же?.. — повторила Леа.

— Темир пропал, вот что, — проговорила с вызовом Вики, — Он и вчера уже что-то подозревал...

Глаза у Леа раскрылись так широко, что верхние ресницы, казалось, вскинулись выше бровей.

— Почему же вы не связались со мной еще вчера? — прошептала Ана так тихо и укоризненно, словно ее саму в чем-то глубоко обидели.

Рычина от этого голоса прошиб холодный пот. Если бы не Ана Элизастеги, смуглая неистовая Ана, оставшаяся на Земле, он давно сказал бы себе, что безнадежно влюбился в эту крошечную пепельно-призрачную юнитку. Но любовь исключалась, и поэтому единственным разумным объяснением необычного состояния командира было извечное и естественное благоговение человека перед истинно прекрасным.

— Простите, — сказал Рычин, изо всех сил стараясь понизить сколько возможно раскаты своего цыганского баритона, — но наш второй пилот, находящийся в городе, действительно не вышел на связь в назначенное время.

— Если б только это! — Вики вызывающе вскинула острый подбородок. — Вчера он успел передать... Стеф, вруби!

Стефан пожал плечами — может, и не стоит? — и включил где-то с середины запись вчерашнего диалога Кузюмова с командиром.

«...сморозил какую-то глупость, что ли. Показали мне мужскую школу, я говорю: а в женской в принципе все то же? Я чего-то недопонял, но выходит — нет у них женских школ. Вообще. Может, их в каких-нибудь монастырях обучают? Толь-

ко по нашей Лавальер этого не скажешь. (Рычин смущенно хмыкнул.) Тогда я попросил их главного... Минуточку, друзья...»

Минуточка растянулась на двенадцать с половиной часов — Кузюмов связи так и не возобновил. И потом — только сейчас Вики со Стефаном поняли, что было самым необычным в этой вечерней беседе: уже вчера всегда оживленный, темпераментный Темир мямлил и заикался точно так же, как Рычин сегодня.

— Действительно, — сказал Стефан, — а какой грех в том, что Темка попросился в женскую школу? Ну не принято, так объяснили бы, чтоб вел себя поприличнее. А тут нате вам: пропал!

Взоры присутствующих невольно обратились к переводчице, словно она была непосредственной виновницей исчезновения Кузюмова.

С переводчицей тоже что-то стряслось: вроде бы никто ничего крамольного не произнес, но она была в настоящем смятении. Лицо ее, слишком нежное и хрупкое для того, чтобы покраснеть, казалось, оттенялось изнутри всеми возможными бликами перламутра, словно на него падал отсвет огромной раковины. Ресницы трепетали, но не так, как у земных женщин, все разом, а каждая по отдельности; пепельные волосы тихонечко, как трава под ветром, колыхались.

— Сейчас... — лепетала она, — сейчас-сейчас...

Она торопливо рылась в своей серебряной сумочке, от непонятного смущения не находя какой-то нужной вещицы, и из-под ее пальцев время от времени выпархивали небольшие радужные пузыри наподобие мыльных, которые взмывали к потолку рубки и, не достигнув его, таяли, оставляя в воздухе аромат юнитских подснежников. Наконец она нашла свой микропередатчик, напоминающий маленького морского ежа, и торопливо заговорила на своем удивительно певучем языке, в котором утроенные и учетверенные гласные, да еще и в различной тональности, давались пока одному Темиру. Настоящее имя их переводчицы звучало как целая музыкальная фраза, так что Рычин с первых же минут контакта взмолился и оговорил всем право обращаться к юнитам только в рамках доступных сокращений. Таким образом их переводчица и приобрела земное имя Леа.

Из колючего комочка доносилось ответное басовитое пение на сплошных гласных, Леа обрывала его, явно протестуя и Оправдываясь, общее волнение нарастало, как вдруг на середине фразы Леа вдруг бросила колючий комок обратно в сумку, взметнула вверх легкие ладошки (характерный призывный жест — едем!).

— Что с ним случилось? — упрямо мотнул головой Рычин, уже прикидывая, какая там у Кузюмова группа крови.

— Нет, нет, ничего. Вы тревожитесь? Едем!

— Ехать так ехать, — сказал командир. — Вики на вахте, Стеф за мной. Если к четырнадцати часам по корабельному времени мы не объявимся, найти нас по биоволновому индикатору и пробить по прямой оси защитный коридор. Все.

Вики не в первый раз и не на первой планете получала подобное указание, но пока, слава богу, пробивать защитный тоннель не приходилось ни разу. Страшная это была штука — прокладывать через живой город защитный тоннель.

Они втиснулись в кабину скоростного лифта, и повернуться было негде. Рычину со Стефаном пришлось, чтобы не задеть Леа, поднять руки и упереться в стенки под самой крышей кабинки, так что конурка лифта приобрела вид античной часовой с двумя застывшими Теломонами. Потом они выскочили на поле и побежали по нему напрямик, по тонкой выюнковой траве. Легкая хромота не мешала молодой женщине двигаться плавно и бесшумно, и Стефан, чуть поотстав и скосив глаза на командира, не удержался и прошептал:

— Чур меня, чур! — Рычин сделал страшные глаза, но не помогло. — Сила нечистая... И трава под ней не сгибается, и тени рядом не стелется. Дух бесплотный, наваждение бесовское...

Они подбежали к маленькому кораблику-вездеходу, который Леа бросила на краю космодрома, и внутри было так же тесно, только тут уже нельзя было стоять, и кораблик рванулся в чистое, не замутненное никакими дымами небо над огромным городом, и пошел вдоль его южной окраины, уверенно и стремительно скользя в нижней, свободной зоне экстренных трасс. Но пространство, как уже наблюдали земляне, подлета к посадочной площадке, перегружено не было — город был выстроен как бы на вырост, в нем было просторно и безлюдно, — большая редкость для такой сравнительно невысокой цивилизации, едва-едва освоившей собственную солнечную систему и уже пережившую какую-то глобальную катастрофу. Город поражал удивительной плавностью линий, какой-то изящной локальностью, словно он и строился только для того, чтобы любоваться им с высоты птичьего полета. Нелепо и немыслимо было даже представить, что в таком городе что-то могло случиться с Темиром.

Кораблик неожиданно взял вправо, пронесся над необозримым окраинным парком — а может быть, уже загородным лесом? — и приткнулся к ажурной башенке, напоминающей доисторическую мачту, к каким где-то в начале двадцатого века швартовались дирижабли.

— Прошу вас выходить, — извиняющимся тоном произнесла Леа, — здесь машинам спускаться нельзя.

Они вошли в какую-то подозрительно шаткую корзину, которая мягко пошла вниз своим ходом, — навстречу взмыл бетонный куб противовеса. Чернобородый гигант, подстраховывавший

спуск, лениво перебирал руками шершавый канат. Когда кабина коснулась земли, он помог гостям выбраться, а потом протянул руку и вынул оттуда молодую женщину, как вынимают из клетки птицу.

— Ваш друг здесь. — проговорил он, застенчиво улыбаясь. — Вы тоже хотите видеть... это?

Рычин со Стефаном энергично закивали, хотя, честно говоря, не представляли себе, о чем идет речь. Зато Леа, которую гигант продолжал держать на руках, уткнулась ему в плечо и зашептала горячо и просительно. Чернобородый красавец (все они тут были чернобородые и отменные красавцы) выслушал ее внимательно, потом, не возразив ни слова, водрузил обратно в корзину подъемника и медленно, как поднимают флаг, вознес ее на вершину причальной мачты. Когда женщина перебралась в корабль и, чуть шевельнув на прощание узенькой ладошкой, захлопнула за собой створку люка, он обернулся к землянам и, выразительно разведя руками, скорчил какую-то гримасу, которая начисто пропала под сенью бороды. Но было и так ясно: они остались без переводчицы, придется объясняться в рамках того словарного запаса, которым располагали аборигены, — на лингвистические способности землян тут было мало надежды.

Смущенный великан откашлялся, но все-таки решил начать с жестов и широким взмахом руки пригласил гостей к маленькой дверце. Рычин взялся за металлическую ручку, распахнул дверь и чуть было не сделал шаг вперед, но вовремя остановился: перед ним была коробка сейфа. Нате вам!

Парк, шелест деревьев, буколическое журчание ручейка, и в сплошь затканной плющом стене современный стальной сейф. На поблескивающих полочках какие-то небольшие приборчики вроде ручных часов, коробки со стрелками, небольшие катушечки самодельных трансформаторов... и, между прочим, часы и рация Темира. Ошибки быть не могло — на пластмассовой коробочке среднестанционного фона четко виднелись инициалы Кузюмова и реестровый номер корабля.

— Пожалуйста, гости, — проговорил хозяин сейфа, делая над собой усилие, чтобы не растягивать гласные. — Пожалуйста, все приборы!..

Рычин, не раздумывая, сложил на нижнюю полку все, включая маленький дамский десинтор, который так уютно умещался в нагрудном кармашке. Стефан сделал то же самое, потом подумал немного и для убедительности присовокупил еще и авто-ручку.

— Теперь, пожалуйста, сюда!

Еще одна дверца внезапно обнаружилась в зеленой стене, но за ней круто убежали вниз довольно потертые каменные ступени. Они начали спускаться, и вскоре в этом лабиринте лесенок, площадок, поворотов и галерей перестали ориентироваться, и теперь не могли уже судить о том, как глубоко под землей они нахо-

дятся. Так же непонятно было и назначение небольшой овальной комнаты с гладкими песочными стенами, но зато необыкновенно уютными диванами. Здесь не на чем было остановиться глазу, кроме небольшого щелевого отверстия напротив двери, зато хотелось вытянуть ноги и возможно дольше не подыматься, а сидеть, вдыхая удивительно чистый прохладный воздух, и предаваться мечтам.

— Спрашивайте, пожалуйста! — предложил хозяин подземелья.

— А что, собственно, спрашивать, — улыбнулся Рычин, — когда мы не знаем, с чего начать?

Брови юнита горестно сложились уголочками.

— Тогда начинать надо с катастрофы...

И он начал с катастрофы.

Собственно говоря, сама причина бедствия так и осталась загадкой — юниту не хватило слов. Но было очевидно, что на всей планете не осталось ни одного живого человека. Ни одного.

Было ли это несчастным случаем или намеренным преступлением — в любом случае юниты были виноваты в том, что они сделали возможной эту катастрофу. Излучение — или болезнь — поразило не только их, но и большинство животных и птиц; уцелели глубоководные жители и, как и можно было предположить, насекомые. А людей на Юне больше не было — остались в живых только экипажи космических станций, которые собрались на самом крупном околоюнитском искусственном спутнике и долгое время ожидали, когда передвижные автоматические зонды обследуют поверхность Юны и сообщат, что опасность миновала и им можно возвращаться домой.

Они дождались и вернулись, но то, что они нашли у себя на родине, было выше человеческих сил. Почти половина из них сошла с ума, в том числе и единственная среди них женщина.

Тридцать два человека остались на Юне, тридцать два человека, обреченных стать последними жителями планеты.

Все тридцать два были мужчины.

И тогда они решились на единственный способ, оставляющий им мизерную надежду: проблема клонирования была уже в принципе решена на Юне, опыты ставились уже на высших животных, но никому в голову не приходило создать методом клонирования живого человека.

Но лаборатории стояли нетронутыми, инструкции пока еще не обратились в прах, и последние мужчины Юны рискнули.

Несчастливая сумасшедшая, за которой не смогли уследить, покончила с жизнью, но она и дала возможность за счет ее клеток вырастить первых искусственных женщин. Хотя почему они походили друг на друга, как близняшки? Да. они и были ими, но они были живыми юнитками, развивавшимися гораздо быстрее обычных благодаря стимуляторам и несколько затянутому периоду термостатного развития.

Так или иначе, но не прошло полутора десятков лет, и юниты взяли себе в жены девочек-подростков, хрупких и бледных, как сутобо несовершеннолетние мадонны средневековья.

Можно было представить себе, как все они были горды, люди, победившие не только собственную смерть, а гибель всей своей цивилизации.

И они были просто по-людски счастливы, что избавились от надвигающегося одиночества, потому что молодые юнитки обещали стать матерями.

Первые младенцы все были мальчиками, что поначалу обрадовало отцов и матерей — планету приходилось поднимать из пыли и праха, и для этого требовалось все больше и больше сильных рук.

Но прошел год, другой, и юниты с ужасом поняли, что по необъяснимым причинам их рукотворные жены почему-то рожают одних мальчиков.

Пришлось вернуться в лаборатории, благо некоторый опыт уже был накоплен, и подрастающие юноши снова получили себе подруг, обязанных своим рождением не женщине, а приборам и установкам. И они родили мальчиков, для которых снова пришлось создавать юных жен... Это стало бедой и проклятием Юны, бедой настолько непоправимой, что о ней было не принято говорить вслух. Ученые бились в своих лабораториях, стараясь перешагнуть заколдованный рубеж, и мало-помалу накопленные знания и опыт стали превращать проклятие в... Неверно было бы сказать — в счастье: но нет, наверное, такого зла во вселенной, которое оставалось бы в сути своей непобедимым, не могло быть хотя бы отодвинуто, или смягчено, или даже использовано.

Высокая степень развития генной инженерии на Юне позволяла вырастить не просто женщину, а женщину совершенную, прекрасную, как все древние богини, вместе взятые. Мало того, от этого общего совершенства юниты перешли к совершенству субъективному, и если для одного юноши по его просьбе выращивали Геру, то для другого нужна была не меньше чем Психея. Тем более что сам процесс роста теперь укладывался в какие-то три-четыре года, за которые будущая юнитка, все еще находясь в лабораторной стадии развития, достигала уровня тринадцатилетней девочки. Затем следовал год в стационаре, гипнопедическое обучение и продолжение стимулированного роста — в конце этого года девушка достигала уровня развития на шестнадцать-семнадцать лет. И тогда они уже могли выйти в широкий мир — к тому, кто создал ее не по образу и подобию себя самого, а по образу и подобию своей мечты...

— И это происходит здесь, — закончил с нескрываемым облегчением юнит. — Наверное, не все вам понятно, но нам ведь ни разу не пришлось это кому-то рассказывать: на Юне и так все. В курсе, да и обсуждать такие проблемы как-то не принят

то — ведь это, собственно говоря, самое сокровенное, что у нас есть. Самое дорогое. И если вдруг что-нибудь разладилось бы...

— Действительно! — простодушно изумился Стефан. — А вдруг какой-то сбой, нарушение программы, и они... ну... перестали бы расти? Уж не лучше ли заранее выращивать побольше женщин, а потом выбирать себе по вкусу?

— А та, которая никому по вкусу не придется? — возразил юнит. — Всю жизнь одна? Или охотиться за чужими мужьями? Впрочем, лет пятьдесят тому назад на Юне был проведен всепланетный опрос по этому поводу. Так вот, мужчины еще кое-как согласились на свободный выбор, а женщины — нет. Поголовно. Никто из них не мог представить себе, как это жить нелюбимой...

— Да, — сказал, подымаясь, Рычин, — насколько я знаю женщин, любая из них предпочла бы вообще не появиться на свет. Но все-таки, где же наш Кузюмов?

— Видите ли... — замаялся юнит, — когда ваш друг пришел сюда, вместе с ним входил один юноша... есть такие... нерешительные. Никак не мог создать образ. Это ведь нужно представлять себе совершенно четко — о чем ты мечтаешь. Вот он и попросил нашего гостя Темира показать ему самую прекрасную женщину Земли... Не его любимую женщину — нет, нет, а вообще... не знаю, как сказать...

— Идеальный вариант, — подсказал Рычин.

— Это неважно, — сказал юнит. — Вы смотрите, пожалуйста... ста...

В овальной комнате, за стеклом, стало вроде темнее — противоположная стена посинела, но одновременно стала как-то легче, прозрачнее, как будто открылось огромное окно прямо в ночь, но не здешнюю, с темно-зелеными рыхлыми облаками, а ночь земную, над степную, наполненную стоячими волнами полнотравного дурмана, и шорохом ошалевших птиц, опутанных этим запахом, и тоненькой каплей звезд, тающих в предрасветном, едва еще занимающемся зареве. Тихо, неспешно таяла эта ночь, оставаясь не тронутой лишь в синеве колдовских, незакрывшихся цветов, порожденных ночью и обреченных исчезнуть вместе с рассветом, ибо непредставимы они были, несовместимы и невероятны в свете дня.

А там, за кружевом редких цветов, величаво и стройно высилась она — женщина Земли, окутанная покрывалом неприкасаемости, увенчанная невесомой короной негаснущих звезд, неподвластных рассвету: и все они были одного естества — и ночное небо, и зачарованные травы, и Она, бесшумно и неузнанно проходящая по спящему миру, чтобы никогда не встретиться наяву...

Они тихо отошли от своего узенького оконца, словно боясь спугнуть это видение, и снова двинулись по бесчисленным переходам и лесенкам, теперь уже вверх. Молчал Рычин, потрясен-

ный той глубиной проникновения в Прекрасное, которую он никак не мог угадать в своем друге.

Молчал и Стефан, напряженно посапывая, словно какая-то неотступная мысль прицепилась к нему и он не мог просто выразить ее в словах. Наконец они вышли наружу и остановились у заросшей плющом стены, вдыхая суховатый, совсем не такой свежий, как на Земле, воздух.

— Четверть второго, — сказал Рычин. — Свяжись с Вики.

— Сейчас, — ответил Стефан, нащупывая дверцу сейфа. — Сейчас свяжусь, только...

Было видно, что неотвязный вопрос не даст ему спокойно вернуться на Землю.

— Я понимаю, у вас об этом не принято, но я все-таки спрошу, а?

Рычин пожал плечами; чернобородый гигант не выразил ни согласия, ни удивления — он задумчиво вперился в суховатую юнитскую травку, словно пытаясь углядеть в ней колдовские ночные цветы, которых на самом деле никогда не росло на Земле.

— Вон Темир нарисовал деву, — сбиваясь и краснея, торопливо заговорил Стефан. — Это ж обалдеть можно, какая красота! И вы ведь можете такую создать, ну во плоти, в жизни, не на стенке... Ведь можете? Так почему же для себя вы... Нет, нет, я ничего плохого не хочу сказать, ваши девушки тоже... Любая наша позавидует, вон Вики, к примеру! Но все-таки — почему вы не делаете своих жен безупречными? Зачем каждой вы оставляете какое-то несовершенство?

Юнит медленно поднял руки, словно на них лежало что-то легкое и бесценное, так же, как и тогда, когда он переносил из подъемника свою маленькую жену.

— Да затем, — проговорил он совсем тихо, — чтобы было за что их любить.

Ошибка профессора Громова

— Посмотри, что это?

Редактор всемирно известного еженедельника «Планеты» Уво Бенев, к которому было обращено восклицание, человек, по слухам, знавший все, что происходит в Солнечной системе, заинтересованно повернулся к иллюминатору и целую минуту смотрел вниз. Под аэробусом текла река. То есть было полное впечатление настоящего потока, хотя какие могли быть реки среди лунных пропастей, где для того, чтобы выжать стакан воды, нужно переработать тонну руды.

— Пыль течет, — спокойно сказал он, — здесь это бывает.

И все, сидевшие в салоне, улыбнулись: Уво есть Уво, недаром говорят, что он удивился только раз в жизни — когда родился.

Уво Бенев не обращал внимания на подобные шутки. Он-то знал себя. Приходилось ему и удивляться и восхищаться сверх меры. Чего стоили хотя бы встречи с профессором Громовым. Когда он беседовал с ним первый, раз, то никак не мог отделаться от ощущения, что ученый как хочет копается в его мозгу, выуживая даже те мысли, которые журналисту Хотелось бы спрятать от чужих глаз. Тогда профессор начинал строить свою лунную обсерваторию, которую все на Земле называли не иначе как Город Громова. После той первой встречи, с легкой руки Бенева, и пошла знаменитая шутливая поговорка: «Нет бога на Земле, бог — на Луне, и фамилия его — Громов».

С тех пор они виделись много раз и, кажется, подружились. И всегда Бенева поражала неиссякаемая энергия уже вовсе не молодого профессора, но, как и прежде, переполненного идеями и преисполненного желания воплотить их в жизнь...

— А все же тебя заинтересовал этот поток, — сказал Беневу его коллега, фотокорреспондент еженедельника, которого, несмотря на почти пенсионный возраст, все в редакции называли фамильярно — Руйк. Он не обижался на это, отговариваясь любимой фразой: «Фотокорреспонденты, как артисты, до ста лет молодые».

— Скажи, нет? — приставал Руйк.

Бенев с улыбкой посмотрел на него.

— День сегодня такой, особенный.

— День-то день, но лунные пейзажи это все же...

Руйк не договорил, восхищенно приник к иллюминатору. В серебряной дали, меж острых расступающихся горных пиков, поднимался сказочный город, напомнивший один из школьных кабинетов, где вдоль стен стояли самые замысловатые тригонометрические фигуры. Казалось, создатели этого города задавались целью не забыть ни одной из конструкций, которые нарисованы в учебниках. Были здесь шары разных размеров, стоявшие на таких тонких основаниях, что казалось, вот-вот упадут, были пирамидальные вышки, трапцевидные и куполообразные дома. А над всем этим собранием фигур, четко выделявшихся на фоне черного неба, возвышался усеченный конус главного чуда лунной обсерватории — сильнейшего во всей Солнечной системе оптического телескопа, тридцатиметровое зеркало которого шесть лет изготовлялось здесь же, на лунном нагорье Города Громова.

Аэробус прилунился в пяти километрах от обсерватории, механические руки отцепили салон с пассажирами, перенесли его на платформу, и люди впервые за полутора суток путешествия смогли отстегнуть ремни и встать на ноги, не держась за магнитный луч. Некоторые, должно быть, попавшие сюда впервые, прыгали как дети, испытывая слабое лунное притяжение. Другие сидели на своих местах, замороженно смотрели на черную ленту дороги, на серую, бесконечно монотонную пыльную равнину, исчерченную длинными теньями от разбросанных повсюду камней. Местами через равнину тянулись цепочки следов, ни на что не похожих, рождавших в воображении образы неведомых обитателей неведомого мира. И только один Уво Бенев смотрел в небо, усыпанное блестками звезд, все искал среди них ту единственную искорку, из-за которой он и прилетел сюда и которая через несколько часов должна будет превратиться в новый астрономический объект.

Никогда еще лунный город не знал такого перенаселения, как в эти дни, предшествующие эксперименту. Беневу не досталось даже отдельного прозрачного туристского блока, на который он рассчитывал, и ему пришлось разместиться вместе с Руйком в одной квартире, предназначенной для практикантов. В ней имелось все, что могло понадобиться человеку, но не было над головой естественного звездного купола, и эта маленькая неурядица вначале расстроила Бенева.

— Буду лежать в постели и считать звезды, — всю дорогу мечтал Руйк. Теперь, посмотрев на голубоватый потолок, имитирующий земное небо, он поморщился, но тут же и утешился, побежал, как он выразился, «искать точки».

И Бенев тоже подумал, что это, может, и к лучшему: теперь у него будет повод осуществить давнюю мечту — добродить в

одиночестве по лунной пыли и, как в той древней песне, оставить свои следы на пыльных тропинках чужой планеты. Он даже взволновался от этой мысли и не лег отдыхать, как собирался, подошел к стеке видеотелефона, вызвал диспетчерский пункт. И увидел рядом с собой голографическое изображение очень красивой молодой женщины.

— Слушаю вас, — сказала женщина, откровенно любуясь его замешательством.

— Я хотел бы... — Он замялся, подбирая слова.

Женщина ободряюще улыбнулась и сказала неожиданно:

— А я вас знаю. Меня даже голографировали для вашего еженедельника, но изображение так и не опубликовали.

— Это мы не правы, — сказал Бенев, удивляясь непонятно почему нахлынувшей радости и сердясь на себя за это неделовое, праздное чувство. — Попросите у профессора Громова хотя бы полчаса для меня.

Женщина исчезла, оставив в комнате обычный для голографической связи легкий аромат озона. Бенев потянулся и вдруг быстро опустил руки, потому что снова увидел у стены женщину.

— Громов очень занят, — сказала она. — У него есть для вас только десять минут.

— Связи или встречи?

— К сожалению, связи. — Женщина снова приветливо улыбнулась, и Бенев подумал, что потом, когда все кончится, надо будет задать этот вопрос ей самой.

— Подождите, пожалуйста, он скоро включится.

Когда она исчезла, Бенев тихо засмеялся, потер ладонями щеки и ужаснулся, вспомнив, что уже целые сутки не подходил к зеркалу. Он направился в ванную комнату, но вдруг услышал за спиной мелодичный гонг и, обернувшись, увидел у стены невысокого, чуть сгорбленного человека в старомодной профессорской шапочке над белым нездоровым лицом.

— Здравствуйте, дорогой мой! Очень рад вас видеть.

— Громов! — с неожиданной нежностью в голосе сказал Бенев. — Вы, как всегда, молодец. Держитесь, лунный бог. Мне будет очень не хватать вас, если вы захвораете.

Профессор рассмеялся, вытирая пальцами уголки глаз.

— Ох, уж эти словесники, вроде комплименты говорят, а хоть в гроб ложись.

— Простите меня, но я так давно вас не видел.

— Ничего, правда спасает от паники. В любой ситуации говорят: держитесь, поможем. И мы так привыкаем к этому, что ждем того же и в старости. Хотя отлично знаем: в борьбе со старостью никто не может помочь. Держитесь, говорят старикам, и помогайте себе сами.

— Вы все-таки молодец. Как и прежде, обезоруживаете двумя словами.

— Что ж, придется мне же и вооружать. Ведь у меня и в самом деле нет времени.

— В таком случае ответьте только на один вопрос: что вы думаете об этом эксперименте?

— Ничего себе вопрос. — Громов помолчал, поглаживая белый, чисто выбритый подбородок. — Вы знаете, что все это и зачем?

— В общем и целом.

— Людям надоело жечь фонари на ночных улицах, и они решили повесить одну лампу на всех — в космосе. Приволокли астероид на соответствующую орбиту и собираются взорвать его, чтобы образовалось пылевое облако — своего рода экран, отражающий солнечные лучи. Но вот вопрос — как взорвать? Очень трудно рассчитать орбиту будущего облака. Ядерный взрыв может и увеличить и замедлить скорость, и тогда оно или совсем уйдет от Земли, или, как выражаются мои коллеги, запылит околоземное пространство. Чтобы не ошибиться, было решено ударить по астероиду двумя взрывами. Две ракеты подойдут к нему одновременно с противоположных сторон, строго перпендикулярных орбите астероида. Расчеты показывают, что пылевое облако при этом локализуется, а одинаковые взрывы, направленные навстречу друг другу, взаимно погасят ускорение. Такова техническая суть эксперимента. Она не представляется особенно трудной, и весь шум вокруг него сводится к удовлетворению нашего тщеславия: как же, впервые человек вмешивается в космогонию!..

— Я не слышу особого восторга в ваших словах! — улучив момент, спросил Бенев.

— Не знаю, дорогой, сам не знаю. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Но как подумаю, что ночей не будет, начинаю сомневаться; не заскучаем ли мы по темноте?..

— Но ведь нет выхода. Земля и так опасно перегрета. — Бенев усмехнулся. — Когда-то люди боялись энергетического голода, теперь мы не знаем, куда девать избытки энергии.

— Разве я спорю? — Громов развел руками. — Мне предложили руководить проведением эксперимента, и я, как вы знаете, согласился. Да душа не лежит. Мне будет недоставать ночи, лунных дорожек на морской глади, тайственных шепотов в тенистых парках. Не понимаю, почему поэты не возражают? А влюбленные? Куда им деваться?..

— Вы еще и поэт! — удивился Бенев. — Вот не ожидал.

— Зачем вы меня обижаете, — оказал Громов, грустно улыбаясь.

— Вас? Как я могу!..

— Извините. Только я должен сказать, что сомневаться в способности к переживаниям, все равно что сомневаться в умственных способностях.

— Это вы меня извините. Право же, не хотел...

— Если человек не способен зачитываться стихами, страдать и радоваться, слушаая музыку, значит, у него дефект наследственности или воспитания. — Профессор говорил так, словно ему было больно произносить слова эти. — Внутренний мир человека неделим. Если он ущербен эмоционально, то неизбежно ущербен и умственно.

— Извините...

— Да это я так, не принимайте на свой счет. Однако мне пора. Надеюсь побеседовать с вами после эксперимента. Знаете, чертовски приятно разговаривать с толковыми журналистами вроде вас. Честное слово. Вы не скованы обручами гипотез и убеждений, как мои коллеги, для вас ничего не значит связать то, что, по нашему мнению, никак не связывается. Вы свободны в суждениях — вот ваше преимущество...

— И наш недостаток.

— И недостаток, — согласился Громов. — Но что не имеет своей противоположности?..

Оставшись один, Бенев долго стоял перед рифленой, стеклянно поблескивающей стеной голографического экрана, вспоминая профессора, его слова, вновь и вновь переживая свою неловкость. Потом неожиданно для самого себя вызвал диспетчерскую. Стена исчезла, и Бенев снова увидел перед собой знакомую женщину. Она смотрела на него без удивления и без прежней насмешливости.

— Вы где будете во время эксперимента? — спросил он.

— Где и все — на смотровой площадке.

— А не хотели бы увидеть это со стороны?

— С вами? — просто спросила она.

— Со мной.

— Но там не будет телескопов, и мы не увидим зарождение этого нового светила.

— Что за беда, покажут потом, на экране.

— Ладно, — просто сказала женщина. — Через четыре часа я свободна.

— Как вас звать? — спохватился он.

— Энна...

В гараже Бенев выбрал самый маленький двухместный луноход, в котором была одна-единственная кабина, не разгороженная, как обычно, на герметические замкнутые отсеки. Однако робот, контролирующий выезд луноходов, потребовал надеть скафандры, и близости, которой так желал Бенев, не получилось. Энна сидела рядом, но была такой же далекой, как и там, на экране.

Они ехали по шоссе до тех пор, пока серебристые постройки обсерватории совсем не исчезли за острыми гребнями гор, потом свернули на лунную целину и со скоростью десяти километров в час поползли между каменных глыб, выбирая место поживописнее.

— Давайте на ту гору, там красиво, — сказала Энна.

— Вы не впервые здесь? — спросил он и покраснел.

— Я везде бывала. — Словно желая успокоить его, она положила тяжелую в перчатке руку ему на колено, и Бенев показалось, что он почувствовал тепло ее руки через толстый многослойный пластик скафандра.

— Если при встрече двоих случается чудо, это запоминается на всю жизнь, — сказал он.

— А если благодаря чуду состоялась встреча?

— Все равно. У памяти свои законы.

Энна лукаво улыбнулась одними глазами.

— Что из этого следует?

— Еще не знаю. А вы знаете?

Она покачала головой и погрустнела.

Оставив луноход у скалы, они пошли по лунной пыли, оставляя глубокие следы. Идти было тяжело. Бенев остановился, машинально поднял руку, чтобы вытереть пот, и засмеялся, наткнувшись на прозрачный пластик шлема.

— А вы прыгайте, легче будет.

Она запрыгала по пыли, обернувшись к нему, улыбаясь поощряюще. Он попробовал и понял, что так передвигаться гораздо легче. Держась за руки, они запрыгали рядом, хохоча как дети, радуясь, что этот смех, это забавное прыганье рука об руку сближает их все больше.

С уступа горы, на который они вышли, открывалась широкая панорама лунного нагорья. Все было одинаковым в этом мире светотеней, без земных красок, без радующей глаз мозаики цветов. Но суровость пейзажа привлекала. Первозданный хаос, неподвижный, замороженный безмолвием, представлялся картиной гениального художника или, может быть, таинственным видением из детских снов, порожденных какой-нибудь старинной волшебной сказкой о царстве Снежной королевы. Сколько раз видел Бенев лунные пейзажи, но еще никогда так не волновался. Может, на него влияло предстоящее чудо, которое вот-вот должно было вспыхнуть в звездном небе? А может?.. Он взглянул на свою спутницу и залюбовался ею. Стройная даже в скафандре, она походила на изваяние среди хаотического нагромождения камней, как вызов слепой Природе. Подняв голову, Энна смотрела на огромный затуманенный диск Земли и улыбалась чему-то своему. Солнце заходило, последние лучи его блестели на прозрачном пузыре шлема, и казалось, что вокруг мягкого восточного профиля Энны сиял серебряный нимб.

— Вы знаете, где это будет?

— Кажется, в том созвездии. — Она мягко подняла руку, указала куда-то в сторону горных пиков, плавающих в лучах заходящего солнца.

— Чуть выше. — Полуобняв ее, Бенев показал на едва заметную искру, затерявшуюся среди звезд, чем-то напоминавших

начищенные до блеска шляпки гвоздей, вбитых в черный бархат. И не снял руку с ее плеча, забывшись, смотрел в пространство, ожидая обещанного чуда.

— Еще минута. Вот сейчас!..

В черной пустоте ослепительно вспыхнула вдруг новая звездочка и в отличие от своих неподвижных соседок зашевелилась в пустоте, словно примеряясь, устраиваясь поудобней на новом месте. Яркий блеск ее не ослаб сразу же, как предполагал Бенев, а все усиливался и уже через четверть часа затмил все другие звезды на небосводе. Солнце погасло за горами, и теперь только бледный свет Земли освещал нагорье.

— Недели через две свет этой звездочки поспорит со светом полной Земли, — оказал Бенев.

Энна ничего не ответила, стояла все так же неподвижно, смотрела на разгоревшийся в пространстве живой уголек, зажженный людьми.

— Пылевое облако растечется на сотни тысяч километров, оно будет двигаться вокруг Солнца по собственной орбите и всегда находиться над теневой стороной Земли. Представьте, как будет? Заходит Солнце, и сразу же восходит этот наш искусственный светильник...

Беневу показалось, что Энна не слушает, он погладил ее по плечу и увидел, как она закрыла глаза, доверчиво склонив голову в его сторону. И он тоже подался к ней и дрогнул, услышав сухой удар шлема о шлем. Теперь лицо Энны было совсем близко, он даже видел, как мелко-мелко дрожат ее ресницы. Он рассматривал эти ресницы миллиметр за миллиметром и страдал от невозможности прикоснуться к ним.

И вдруг он засмеялся беззвучно. Энна испуганно открыла глаза.

— О чем ты подумал? — спросила она, удивив Бенева, впервые столкнувшегося с такой, почти неестественной, женской проницаемостью.

— Так, пустяки.

— Скажи, — потребовала она.

— Да глупость одна.

— Пожалуйста. Это очень важно.

— Понимаешь, мне вдруг показалось странным, что у космонавтов иногда рождаются дети...

Бенев думал, что она рассердится, но Энна только опустила глаза. Но уже через мгновение снова вскинула их к искусственной звезде в небе.

— Растет новое солнце! — сказала она восторженно.

— И будет расти. — Беневу было радостно в этот миг, как никогда в жизни. Ему вспомнилась древняя поговорка об испытании верности в разведке, и он спросил: «Энна, а ты полетела бы к звездам? Со мной?».

— Не знаю, — засмеялась она.

Но Бенев не поверил словам, ему больше сказали ее глаза, засветившиеся вдруг, словно бы затянувшиеся влажной мечтательной пленкой...

Они не спешили возвращаться. Взявшись за руки, прыгали по мягкой податливой пыли, подолгу стояли, прислонившись жесткими прозрачными шлемами, все не хотели уходить от этих гор, казавшихся им такими необыкновенно красивыми. А когда выехали на шоссе, помчались с такой скоростью, что автомат лунохода вынужден был включить ограничитель...

— Когда мы снова увидимся? — спустя час говорил Бенев, с удовольствием впервые пожимая живую мягкую руку Энны, стоявшей перед ним в своем золотистом цветастом платье. (В лунном бесцветном мире люди любили яркие одежды.)

— Через шесть часов.

— Так долго?

— Ничего, мой друг, у нас в запасе — вечность.

Она улыбнулась и исчезла с легким галантным поклоном, в котором было что-то и дружеское и официальное.

Немного обиженный Бенев пошел в свою «практикантскую» квартиру с твердым намерением выпастся, чтобы через шесть часов предстать перед Энной сдержанным и по возможности спокойным. Как ни старался, не мог уснуть. Не помогали ни успокаивающие коктейли, ни вкрадчивые шепоты «электросна». Перед ним не исчезало видение: мягкий профиль в ореоле сияющего шлема, длинные вздрагивающие ресницы, стройная серебристая фигура на фоне пестрого хаоса камней. Он долго мысленно умолял ее оглянуться. И она оглянулась, но заговорил вдруг торопливым голосом Руйка:

— Уво, да проснись же, Уво, подвел я тебя...

Бенев открыл глаза, увидел своего коллегу с кипой голографических пластинок в руках.

— Не вышло, — сокрушенно жаловался Руйк. — Аппаратура подвела.

— Ладно, — сказал Бенев, быстро просмотрев пластинки и еще не понимая, что именно не получилось. — Обойдется.

— Чего обойдется? Снимал звезду, а вышел крендель какой-то.

— Может, так надо?

— Кому надо? Попробуй опубликовать это облако с дыркой — засмеют.

— Я говорю, что, может, дело не в аппаратуре, может, облако такое и есть?

— Чего ему таким быть? — Руйк задумался на минуту. — Шут его знает, пойду погляжу.

Он вернулся быстро.

— Что там творится, что творится! — с порога закричал Руйк. — В самом деле, вместо булки крендель сделали. Громов, говорят, за голову хватается.

— Ну ты скажешь! — Он знал за Руйком такой грешок — «преувеличения на базе увлечения» — и не поверил.

Но Руйк, обычно не обращающий внимания на насмешки, на этот раз обиделся.

— Иди да посмотри. Или я тебе диспетчера вызову.

— Не надо! — испугался Бенев и, вскочив с постели, подошел к стене-экрану.

— Что-то не так получилось, не по рассчитанному. В самом деле, говорят, будто сам Громов растерялся.

Такая настойчивость была несвойственна Руйку, и Бенев принялся одеваться, чтобы быть во всей форме перед вызовом диспетчерской.

Но диспетчером оказалась совсем другая женщина, холодно ответившая, что Громов находится в башне главного телескопа, что он очень занят и просил его ни с кем не связывать.

«Значит, и в самом деле что-то случилось», — подумал Бенев и решил сам отправиться в башню, чтобы на всякий случай быть поближе к Громову.

Он увидел профессора, маленького, сгорбившегося, под огромным, как гора, телескопом. Тихо сел в сторонке и стал наблюдать. Перед Громовым ярко горел экран, куда проецировалось изображение, сфокусированное телескопом. На экране колыхалось, жило, переливалось студенистой медузой ослепительное кольцо с угольно-черной серединой. Профессор неотрывно смотрел на это кольцо, потирая узловатыми пальцами блестящую свою лысину, куполом возвышавшуюся над седенькими волосами у висков. Его неизменная черная шапочка на этот раз лежала на столе. Потом профессор поднялся так тяжело, будто на его плечах лежал груз, шаркая ногами, подошел к пульту связи, поискал пальцами нужную кнопку. Стена перед ним посветлела, и на ее месте возникли рубиновые глаза электронного мозга.

— Кольцо-то растет, — сказал профессор.

— Так и должно быть, — мягким бесстрастным голосом ответил динамик.

— Теперь я и сам знаю, что так должно быть. Но почему ты не предупредил о такой возможности?

— Меня об этом не спрашивали, — все с тем же убийственным бесстрашием ответил голос.

— Но ты ведь знал, что такое может случиться?

— Вероятность была ничтожна, и меня об этом не спрашивали.

— Ты должен был сказать все.

— Я сказал все, что вас интересовало.

— Машина, она машина и есть, — в сердцах сказал Громов. — Во все надо ткнуть носом.

Он снова пошевелил пальцами на пульте, и опять пропала стена, и вместо нее возник хорошо известный Беневу кабинет

Президента Всемирного ученого совета. Президент что-то быстро говорил, глядя прямо перед собой. Но вот он оглянулся и с тревогой посмотрел на Громова.

— Что ты решил? — спросил он.

— Я заварил эту кашу, я ее и должен расхлебать.

— Сначала мы пошлем автоматы.

— Я не имею права верить автомату, — неожиданно громко воскликнул профессор. — Без человека в непредвиденной ситуации он будет как тот гениальный дурак, у которого чем гениальнее, тем хуже. Да и нет времени на новые эксперименты.

— Мы будем все контролировать.

— Контроль не отменяется. Но я сам полечу. Это мой долг и... мое право!..

— Подумай еще, не торопись, — сказал Президент. — Я соединюсь с тобой через час.

Громов снова посмотрел на экран телескопа и, оглянувшись, увидел сидевшего у двери Бенева.

— Теперь не до вас, голубчик, «— почему-то жалобно сказал он.

— Я не отвлекать пришел, а помогать.

— Теперь никто не поможет. Даже этот красноглазый, — он сердито кивнул на пульт электронного мозга, — и тот ничего не обещает.

— А что случилось?

— Что случилось?! — Громов изумленно уставился на журналиста. — Вам никто ничего не рассказал?

— Я ни с кем не разговаривал — прямо к вам.

— Да, голубчик, случилось непредвиденное.

— Эксперимент не удался?

— Более чем удался. Я бы сказал, что еще ни один эксперимент, когда-либо проводимый людьми, не оканчивался таким выдающимся открытием. И такой страшной катастрофой.

— Говорить так журналисту, все равно что быку показывать красную тряпку, — усмехнулся Бенев.

— Увы, голубчик, положение куда трагичнее, чем вы можете себе представить. В результате двух колоссальных встречных взрывов образовалось сверхплотное вещество. В том состоянии, которое нам известно лишь теоретически. Иными словами, мы, вероятно, сотворили «черную дыру».

Он замолчал, вопросительно уставился на Бенева, но тот сидел все такой же спокойный.

— Вам это ничего не говорит?

— По-моему, это даже неплохо. Наконец-то мы решим проблему отходов.

— И тем увеличим ее гравитационное поле?

— По крайней мере, мы теперь имеем возможность изучить этот космический феномен.

— Нет, не имеем. Она будет расти независимо от нас, погло-

щая космическую пыль, метеориты, энергетические излучения. И мы не знаем момента, когда эта «чертова дыра» дотянется до земной атмосферы. Вы понимаете?!

— Так взорвать ее! — воскликнул Бенев.

— Вы не пробовали тушить пожар бензином? — серьезно спросил Громов. И потому, что он задал этот вопрос без тени иронии, Бенев вдруг понял, что перед человечеством разверзлась бездна.

— Что же делать? — растерянно спросил он.

— Есть один шанс. И я хочу им воспользоваться. Через четыре часа вылетаю.

— Куда?

— Туда. — Он кивнул на экран телескопа, где по-прежнему трепетало огненное кольцо. — Вы проводите меня?..

Бенев вышел в центральный зал обсерватории, над которым был прозрачный купол, остановился у входа. В зале было много людей. Они стояли кучками, громко переговаривались, даже спорили, то и дело взглядывая вверх, где, затмевая звезды, висело необычное небесное тело.

— Уже такое большое?! — сказал Бенев, ни к кому не обращаясь. И хоть не назвал то, о чем спрашивал, его тотчас поняли, и несколько человек обернулись к нему, словно обрадовавшись возможности высказаться, заговорили, перебивая друг друга.

— Сама «черная дыра» крошечная.

— Но у нее мощное гравитационное поле.

— Оно где-то в самом центре, а кольцо — это что-то материальное, неизвестно почему раскалившееся перед тем, как утонуть в «черной дыре».

— Неясно, — не удержался Бенев от привычного скепсиса. — Почему мы видим кольцо, а не просто шар? Ведь это «материальное» — вокруг, то есть со всех сторон?

Он думал обескуражить вопросом, но люди, жаждущие поговорить на большую тему, только ухватились за подкинутые сомнения, и Бенев невольно стал центром еще одной группки спорщиков. Его окружили, начали толковать не столько ему, сколько каждый себе, непонятное явление. Уверяли, что все очень просто: если мы видим свет, значит, он излучается в отличие от совершенно черного центра, что природа излучения неизвестна, поскольку никто во всей обсерватории не может объяснить его. Кольцо же никого не удивляло, потому что в космогонии немало подобного: в одной плоскости движутся планеты вокруг Солнца, да и сами галактики не шары, а сплюснутые звездные скопления... А Бенев, по своей журналистской привычке обобщать, думал в это время вовсе не о звездах, о том, что вот и он со своими вопросами стал собирающим центром, как песчинка в перенасыщенном растворе, рождающая кристалл, что, может, от этого земного и привычного не так уж и далеко до законов мироздания?..

А над прозрачным куполом равнодушно горели мириады звезд и сверкало, шевелилось в вышине белое кольцо — огненная свита страшного демона, случайно созданного людьми.

Бенев выбрался из толпы, которая продолжала все так же спорить, даже не обратив внимания на его исчезновение, и пошел к себе. Еще от дверей увидел Энну, сидевшую в кресле у пульта связи.

— Я тебя не могла найти, — с тревогой в голосе сказала Энна.

— Энна, — сказал Бенев. — Я сейчас уезжаю в космопорт. С профессором Громовым.

— Почему ты? — испугалась она.

— Громов просил.

— Он не мог об этом просить.

— Почему же? — Бенев удивленно посмотрел на нее.

— Уво! — Она впервые назвала его по имени и покраснела, но не опустила глаз. — Помнишь, я сказала себе: «Не знаю». Это была неправда. Я хотела бы полететь с тобой к звездам.

Он опустился на пол, положил голову ей на колени. Пощелкивал, шелестел в углу «регулятор эмоций» не в силах понять, какие для этого случая требуются шумы и запахи, чтобы ослабить нервное напряжение, переполнившее комнату. Сколько времени просидели так, они не знали, может, три минуты, а может, и три часа. Опомнились, когда томно зазвучал гонг и за пультом связи показалось усталое лицо профессора Громова.

— Ну вот, как всегда, — сказал он, увидев Беневу у ног Энны. — Одни думают о конце мира, другие — о начале жизни... Так я вас жду...

Громов дождался Беневу в большом экспедиционном луноходе. Рядом с ним сидели два робота, положив манипуляторы на титановые контейнеры, словно их надо было от кого-то охранять.

— Вы надолго летите? — спросил Бенев.

— Боюсь, что навсегда, — ответил Громов, недоброжелательно косясь на Энну. — Потому и хотел, чтобы вы меня проводили.

— Я тоже поеду, — Энна сказала это таким решительным тоном, что Громов махнул рукой.

Уже выезжая из лунного города, они увидели Руйка, стоявшего на дороге с длинным объективом, похожим на лучемет звездолетчиков.

— А меня-то забыли, — сказал он просто.

Бенев кивнул ему, чтобы скорей забирался в свободный кормовой отсек, и луноход, сорвавшись с места, помчался по пустынному шоссе, далеко впереди вонзавшемуся в темную стену гор.

— Значит, такое дело. — Громов откинулся на сиденье, поднял голову, посмотрел на светлое колечко в звездном небе. —

Шанс такой: как можно скорей попытаться стащить «черную дыру» с устойчивой орбиты. Расчеты показывают, что можно приблизиться к ней на некоторое безопасное расстояние. Она, естественно, потянет корабль к себе, а он все время будет лететь впереди, как бы стремясь уйти. Есть надежда, что ее скорость на орбите может при этом возрасти, а она начнет по спирали уходить от Солнца. Понятно?

— Нет, — сказал Бенев. — Почему такой сложный вопрос решаете вы один?

— Этим заняты сейчас все. Но нужно торопиться. Пока «черное тело» еще мало. И нужно изучать его вблизи. Если кто-то должен лететь первым, то только я.

— А потом?

— Когда потом?

— Если удастся увести «черное тело» от Земли?

— Куда? В Солнечной системе его оставлять нельзя.

До Бенева вдруг дошло, что это не просто эксперимент со своим началом и концом, а трудная, опасная и очень долгая работа, может быть, рассчитанная на многие годы.

— А если его подгащить к Солнцу, кинуть в огонь?

— Мы не знаем, что станет с Солнцем.

— Но это же ужас что такое! — вырвалось у него.

— Именно так, — сказал Громов. — Потом, наверное, его поведут автоматические корабли. Но доверить машинам первую попытку я не могу. К тому же, повторяю, надо спешить: «черный демон» будет непрерывно расти...

Впереди показались серебристые строения ракетодрома, над которыми словно лунный пик возвышался космический корабль.

— Когда его успели подготовить? — спросил Бенев.

— Корабль предназначался для дальней экспедиции. Я настаивал, чтобы его отдали мне.

— Вы полетите один?

— Риск слишком велик.

— Я полечу с вами.

— И я тоже, — вдруг сказала Энна, побледнев от волнения.

— Не исключено, что мы не сумеем вернуться.

— Я это понял.

— Ну и пусть, — упрямо сказала Энна.

В другое время это простоватое замечание, достойное непоследовательности древних женщин, могло бы рассмешить, но теперь и Бенев и Громов, одновременно посмотрев на нее, поняли, что она ничуть не шутит, что ее решение не порыв, а вполне сознательный, уже обдуманый шаг.

— А если будут дети? — спросил Громов. — Как им расти на грани гибели?

— Всякий дальний перелет — на грани гибели.

— Я не знаю, что нас ждет.

— Узнаем...

Луноход подошел вплотную к трапу, окруженному роботами, обслуживающими ракетодром.

— И никто не провожает? — удивился Бенев.

— Я об этом просил. Кому надо, тот нас видит.

Громов повернулся и помахал рукой слабо поблескивавшим на мачтах выпуклым глазам системы Всевидения.

— Знаете, о чем я теперь жалею? — сказал он. — Что нет у меня, как у наших давних предков, возможности лишить вас права подниматься на корабль...

— Я не могу отпустить вас одного.

— Энну жаль.

— Меня? — удивленно сказала Энна. — Но я просто счастлива!

Они засмеялись все трое и по мягкому трапу пошли к входному люку.

Бенев видел в иллюминатор, как, обгоняя луноход, помчались прочь от ракеты черные пауки — роботы. Еще через минуту качнулись темные громады гор и начали валиться в разные стороны. Потом внизу ярко вспыхнуло — ударили главные двигатели корабля, на миг ослепили весь ракетодром, покрыли серебряным панцирем просторы каменной пустыни и словно бы нарисовали на горных кряжах угольно-черные трещины, провалы, зигзаги глухих ущелий. И еще, последний раз, он поймал взглядом распластанную кляксу тени от лунохода, на предельной скорости мчавшегося по пустынному шоссе, и вдруг вспомнил своего верного коллегу, так, должно быть, ничего и не понявшего, сидевшего в герметическом отсеке на корме лунохода.

— Жаль, забыл с Руйком попрощаться, — вслух подумал он.

— Это ты еще успеешь.

Обернувшись на голос, Бенев увидел своего Руйка в соседнем кресле. И мгновение ошеломленно смотрел на него, холодея от мысли, что тот забрался в корабль, подчиняясь одной только своей привычной пронырливости и совсем ничего не зная, куда они летят и зачем.

— Ты... как тут? — с трудом выговорил он.

— Как и ты. Хотел без меня обойтись? Не выйдет.

— Да знаешь ли ты... куда мы летим?

— Это я еще узнаю. Не впервой сначала снимать, а потом выяснять, что же, собственно, снял.

Испуганно улыбаясь, Бенев смотрел на него и молчал. Он знал, что возвращение невозможно, но знал также, что нельзя и оставлять на борту человека, не осознавшего своих действий, самостоятельно не решившегося на риск.

— Я должен тебе... кое-что объяснить... Я ведь отвечаю за тебя...

— Перед кем? — удивился Руйк.

— Перед самим собой.

— Каждый человек отвечает за каждого человека перед самим собой.

— Тут особый случай. Ты ведь не знаешь, что мы никогда не вернемся.

— А куда мы денемся? Это же не межзвездный корабль.

— Это корабль в неизвестность. Слушай и не перебивай.

Он начал рассказывать ему об опасности, нависшей над планетой, о решении профессора Громова первым приблизиться к «черной дыре», о том, что возможна неудача и тогда корабль просто сгорит в огненном кольце, чтобы перейти в какое-то другое состояние перед тем, как превратиться в ничто, что надежда на возвращение почти исключена, потому что система «корабль — черная дыра» в лучшем случае станет устойчивой, что нарушать эту устойчивость будет нельзя, да и вырваться из гравитационных лап черного чудовища, вероятно, не удастся...

— Ну что ж, — перебил его Руйк. — Буду первым репортером при «черной дыре»...

Тихий мелодичный гонг они услышали совершенно ясно, несмотря на гул двигателей. Засветилась переборка в глубине отсека, и показалось чуть искаженное ускорением озабоченное лицо профессора Громова.

Извините, профессор, но так вышло, — виновато улыбнулся Бенеф, кивая на Руйка.

Громов внимательно посмотрел на него, сказал сердито:

— Если уж так вышло, то лучше сказать все до конца. Еще не поздно пожертвовать спасательной капсулой и выбросить вас в космос. Когда приблизимся к кольцу, будет поздно. Говоря так, я имею в виду не только спасательную капсулу, но даже и сигнал о ее выбросе. Я вовсе не уверен, что в условиях гравитационных аномалий нам удастся поддерживать связь с Землей. Скорее всего мы просто исчезнем для людей, и они узнают о том, живы ли мы и продолжаем ли бороться с «черным демоном», только косвенно — по изменениям его орбиты. Так я думаю...

Громов замолчал, переводя насупленный взгляд с Бенефа на Руйка и обратно. Ровно гудели двигатели, и вибрация слабо чувствовалась через толстые подошвы скафандров, через воздушные амортизаторы кресел. Сверкающий край Луны висел под иллюминатором, проваливался.

— ...И вам придется расстаться с мечтой о первом репортере при «черной дыре». Вы просто не сможете передать снимки, если их вообще возможно там сделать, — с беспощадной суровостью в голосе добавил Громов.

— Жаль.

— Если жаль, то уходите немедленно.

— Жаль, — повторил Руйк, — жаль, свои аппараты не захватил. Каких бы я вам портретов наделал!..

Должник

Хотя было уже начало седьмого, кафе все еще оставалось полупустым, и Ганшин увидел ее, едва вернувшись в зал. Час назад, когда она шла к нему, Ганшин тоже смотрел на нее, но тогда — сидящему — она казалась выше, строже, пожалуй, даже недоступнее. Или нет, отчужденнее. Впрочем, можно ли говорить об отчужденности, видя человека впервые? Когда Ганшин поднялся ей навстречу, оказалось, что не так уж она и высокая — чуть выше ганшинского плеча. А сейчас, сидящая, чуть ссутулившаяся, она казалась и вовсе маленькой, хрупкой, и потому еще более привлекательной. И почему красивые женщины вечно достаются таким, как Йензен? Ганшин даже замер на полушаге, сообразив, что думает о Йензене как о живом. Да что же это?

Женщина за его столиком шевельнулась, и в движении ее Ганшину почудилось нетерпение. Он ускорил шаг:

— Договорился, — сказал он, садясь. Столики здесь были необычные, треугольные с вогнутыми сторонами. Массивная колонка подающего канала, служившая одновременно единственной ножкой, придавала им сходство с какими-то невиданными грибами. — Теперь весь вечер наш.

— Спасибо. Ваш друг не обиделся?

— Нет, — не испытывая особых угрызений совести, соврал Ганшин. — Он понятливый. И знаете что? По-моему, нам обоим стоило бы выпить.

Женщина вопросительно посмотрела на него.

— Чего-нибудь покрепче, — уточнил Ганшин.

— Здесь этого не подают.

— Ну, это не беда. — Ганшин поймал себя на том, что ему почему-то трудно называть ее по имени и фразы сами собой организуются в этикие безличные обороты. Чтобы пересилить себя, он старательно вдавил в разговор ее имя: Ора. — Это-то, Ора, не беда. Нам подадут. Главное — было бы желание. А оно у нас есть?

Ора кивнула. Она вообще говорила мало, короткими, чет-

кими фразами, но не от скованности, а скорее от избытка силы. Причем Ганшина сила эта не подавляла, хотя обычно он сторонился таких вот женщин, под чьим взглядом вечно чувствуешь себя нашкодившим школьником, мучительно доискиваясь, когда и что сделал не то и не так. С Орой он сразу же почувствовал себя уверенно и спокойно. Потому, наверное, что был в ее немногословии интерес — пусть не к нему, а к тому, что он должен рассказать. Интерес, помноженный на редкостное умение слушать.

— Э-что, Ора, не беда, — повторил Ганшин, запустив руку под стол и нащаривая кнопку запора. — С этим мы управимся. Нам подадут. — Кнопка наконец нашлась. Ганшин выдернул шплинт, вдавил ее, потом подцепил ногтем крышку податчика. — Знаем мы эту систему. «Ауста» называется. Знатки говорят, что от «аустерии» — были во время оно заведения такие. Только вы, Ора, им не верьте, снобы они и все врут. Потому как на самом деле это всего-навсего АУ-100. Она, между прочим, единая, «Ауста», — и сюда выходы имеет, и в «Эксельсиор»... — Ганшин привстал и посмотрел схему. — Так что мы сейчас ограничитель того... долой, и все в порядке будет. — Он порылся в карманах. — Ора, а шпилька у вас есть?

— Есть. — Впервые за полтора часа их знакомства в голосе ее промелькнуло что-то похожее на удивление. Она вытащила из прически шпильку, слава богу, — металлическую, потому что оказалась, она пластмассовой, — и горел бы Ганшин синим огнем вместе со своим электронным гусарством. Он согнул шпильку скобой и обошел ею ограничитель.

— Ну вот и все, Ора. И вся недолга. — Ганшин закрыл крышку и воровато оглянулся. Вроде бы его самоуправства никто не заметил. Впрочем, столик их был угловым, да и сидел Ганшин спиной к залу. — Что же мы будем пить?

— Коктейль, пожалуй. Только не слишком сладкий.

Из мимикрических соображений лучше и не придумаешь: бокалы одинаковые, поди отличи алкогольный коктейль от безалкогольного. И что несладкий тоже хорошо. Почудилось в этом Ганшину какое-то доброе предзнаменование. Слово неясное обещание. Эх, зря назначила она встречу здесь, в этом дурацком пригородном кафе, где даже выпить нельзя почеловечески! Но в другом заведении он лишился бы возможности вот так тянуть время, исподтишка любясь сотрапезницей и демонстрируя ей свой технический гений. Ганшин прокрутил карту напитков, чертыхнулся про себя, — конечно же, вымарано все крепче лимонада! — по памяти набрал код. Через минуту крышка податчика утонула и тотчас возвратилась с двумя искрящимися сахарным ободком фужерами.

— Bravo, — сказала Ора. — Сразу видно специалиста.

Ганшин попробовал. Не «солнышко», конечно, но вполне прилично. Итак, антракт окончен. Продолжим наши экзерсисы.

Ора сосредоточенно гоняла в фужере соломинкой ягоду, которая то всплывала, то медленно шла ко дну. В молчании Оры Ганшин явно ощущал ожидание. Господи, ну зачем ей это нужно? На кой черт красивой молодой женщине так себя травить? Ведь давно же разошлась она с Йензенем. Четыре года ведь. И лучше бы не ворошить ей сейчас это старое, отболевшее. Лучше бы потанцевать сейчас, а потом...

Бра на стенах потускнели и сникли, как увядшие колокольчики. Ударили цветные прожектора, высветив в центре зала эллипс, в котором уже замерли в ожидании две или три пары. Разом, безо всякой постепенности зарождения, упала музыка — что-то похожее на свинг, только помедленнее и поглубже. Ноги Ганшина невольно напряглись, ловя ритм, но тут Ора посмотрела на него, просто скользнула по лицу взглядом, быстрым и легким, и он сразу же понял, что сейчас нельзя, ни в коем случае нельзя.

Не торопись, сказал он себе. Не торопись. Отдадим долг прошлому. Мертвому прошлому. А потом — потом будет все. Потому что мы-то живы, и наше дело — жить.

Но все равно ладони Ганшина ощущали упругость ее талии, он чувствовал щекой тепло ее дыхания, а выбившийся из прически волос озорно щекотал висок. И чтобы прогнать это наваждение, он начал наконец рассказ, ради которого Ора разыскала его, позвонила по телефону и пригласила сюда.

Приглашение было неожиданным, и Ганшин долго не мог взять в толк, чего, собственно, хочет от него незнакомая женщина на другом конце провода, так бесцеремонно ворвавшаяся в его сон. Телефон в этой заштатной гостинице был старинный, безэкранный, и это раздражало, хотя, с другой стороны, было совсем неплохо, что собеседница не может увидеть Ганшина — в полосатой не по росту Витькиной пижаме, с опухшей то ли со сна, то ли после вчерашнего физиономией. Потом до него наконец дошло, и он заколебался, потому что вовсе не горел желанием вспоминать эту историю, в которой так и осталось что-то непонятое, недосказанное, смутное. И он уже совсем было приготовился повежливее соврать что-нибудь подходящее: простите, мол, срочная командировка, мы же энергетики-международники, сами знаете, жизнь на колесах, так что с удовольствием, но как-нибудь в другой раз...

— Мне нужно знать, как все было, — сказала Ора. — Мне нужно знать.

И столько требовательности прозвучало в этом «нужно», что Ганшин сдался, чему откровенно радовался теперь, здесь, в кафе, сидя рядом с женщиной по имени Ора, при виде которой очень хочется жить... И раз ей нужно — пожалуйста, он расскажет, он все расскажет, особенно если сообразит, с чего же начать.

Но ничего путного в голову не приходило, и Ганшин начал

от Адама, то есть с того самого момента, когда в иллюминаторе межорбитального подкидыша сперва стремительно вырос, а потом, заслоняя Землю, скользнул вниз диск полей гелиостанции и совсем рядом оказался полосатый борт ее корпуса, освещенный мощным корабельным прожектором. Тогда наступила невесомость, и они с Юлькой поплыли в кессон, где здоровенный бортмеханик с неснимаемой — от уха до уха — улыбкой помог им надеть скафандры, проверил жизнеобеспечение и гулко хлопнул по спинам (Юлька отлетела к стене и взвизгнула, а механик, зардевшись, с неожиданной при такой массе прытью смылся внутрь, хак и не сказав им на прощание традиционно «хоп!»).

Ганшин надеялся, что Ора перебьет его, попросит поскорее перейти к тому, главному, хотя бы каким-то наводящим вопросом введет его рассказ в нужное русло. Но она молчала, молчала и слушала, и лицо ее при этом было удивительно живым, остро и быстро реагирующим на каждое его, Ганшина, слово. Только вот не всегда можно было понять, истолковать ее реакцию, но сейчас Ганшин не придавал этому большого значения. Она слушала, и, значит, ей было нужно все, о чем он говорил. А раз так, надо было продолжать, продолжать столь же подробно и пространно, и это было хорошо, потому что Ганшин, как ни крути, не очень-то понимал, что именно хочет она от него услышать.

Он подробно описал станцию. Ни к Йензену, ни тем более к этой женщине орбитальная гелиоэлектростанция никакого отношения не имела, если не считать того, что погиб Йензен именно здесь, точнее — по дороге сюда, а женщину эту интересовала гибель Йензена, которого она бросила четыре года назад.

Станция на суточной орбите висела над Сейшельскими островами — этаким паучок с махоньким туловищем и двухкилометровыми ножками. Из брюшка паука высовывался, параболоид передающей антенны, а на ажурных фермах ножек была натянута пленка, превращавшая солнечный свет в пятнадцать тысяч мегаватт даровой энергии, непрерывным потоком микроволнового излучения низвергавшейся вниз, в пасть энергоприемника на Сейшелах. Конечно, внешнее сходство это было весьма отдаленным, и, чтобы уловить его, требовалась фантазия древнего звездочета, узревшего в ковше профиль Большой Медведицы. Но кто-то все же его заметил, и обе запущенные в рамках программы Международного года развивающихся стран орбитальные гелиоэлектростанции были названы «Арабелла» и «Анита» — в честь крестовиков, когда-то первыми очутившихся в Приземелье на борту «Скайлэба». Полностью автоматизированные, станции лишь раз в два года требовали профилактического осмотра и замены вышедших из строя солнечных батарей, если количество поврежденных ячеек превышало расчетные семь процентов. Вот на такую-то профилактику, пятую

в жизни «Арабеллы», и прилетели сюда Ганшин с Юлькой, более известной в управлении как «инженер-инженю».

Профилактика — это курорт. Рабочий день — прелесть! — семьдесят две минуты в сутки, пока станция проходит тень Земли. Остальным временем каждый распоряжается по своему усмотрению. Как распоряжалась им предыдущая пара, Ганшин выяснил, едва войдя в жилую каюту: он добрых четверть часа ловил порхающие по ней карты (добро бы еще просто карты, а то ведь эта... сингапурская продукция!), твердо решив сразу же по возвращении узнать имена предшественников и дать им хорошего дрозда, а заодно благословляя предусмотрительность, с которой он оставил Юльку наводить порядок на складе.

О самой профилактике рассказывать Ганшин не стал: рутинка это. Скукота. Иное дело гостевание. Гостевание было плодом его собственных вдохновенных исканий, и он со смаком живописал Оре, как мучил компьютер астронавигационной службы запросами об орбитах спутников ближайших горизонтов, ловя моменты наибольшего сближения. Среди спутников, которые в моменты противостояния (за точность применения термина Ганшин поручиться не мог, но Ора вряд ли уловила бы эту его вольность) оказывались в пределах досягаемости для маленького двухместного скуттера «Арабеллы», была обсерватория — орбитальный филиал Памирской. И уже на второй день они с Юлькой отправились туда с визитом. Бездельники в Приземелье — не то что редкость, а попросту явление уникальное, и потому их неожиданный визит застал астрономов врасплох; но ведь в космосе даже месячная вахта — это срок, и любой свежий человек воспринимается чуть ли не как ближайший родственник, по которому до смерти истосковались. И потому радушию хозяев не было предела, тем более что Юлькины охи и ахи умасливали их сердца, в то время как Ганшин с двумя инженерами из техобслуживания расписывал в кают-компаниях «пульку». Вот тут-то из случайно оброненной кем-то фразы Ганшин и узнал, что на «СОС-третьем» (это ж рукой подать, километров сто в противостоянии!) начальником... Кто б вы думали? Ашотик Антарян собственной персоной! Бог ты мой, Ашотик, семь лет за одной партией, нога, сломанная на западном склоне Аханари, а в девятнадцать — бросок на плотках по Урте... Ну дела: на Земле в одном городе месяцами, да что там — годами времени встретиться не находим, а стоило в Приземелье вылезти — на тебе, сосед, заходи, дорогой, гостем будешь! Во всяком случае, именно так сказал назавтра Ашот, когда Ганшин связался с ним по радио. А без четверти шесть по средне-европейскому Ганшин уже оседлал скуттер, и, подстраховав Юльку для вящей надежности коротеньким фалом, повел его, повинуясь командам астронавигационного компьютера, к той точке, где через четверть часа должен был оказаться «Третий-СОС».

Здесь Ганшин дал себе передышку. Ора слушала его по-прежнему внимательно, но теперь он уже и сам чувствовал, что подходит к главному, к тому, что и нужно ей, этой упорной тоненькой женщине с необычным именем. Вот только зачем? Ведь быть не может, чтобы до сих пор любила она Йензена. Бывает, конечно, — бросают, продолжая любить... Но здесь другое! Ганшин нутром чуял это, чуял какую-то противоестественность в настырном ее стремлении знать, да и та Юлькина фраза всплыла вдруг и упорно не хотела уходить. Какая там любовь! Это было любопытство, холодное, хирургически-острое, болезненная почти потребность убедиться в чем-то, может быть, для нее очень важном.

Танцы кончились, и в зале вспыхнул свет. Ганшин хотел было заказать еще по коктейлю, но тут сообразил, что обедал он часа в два, а посему сейчас самое время поужинать. Он поделился этой мыслью с Орой, и та признала ее полную обоснованность. Тогда, предоставив ей разбираться в меню («Только миног, пожалуйста, не надо. И синтикры тоже»), Ганшин чуть убавил свет ближайшего бра, затем утопил в торец столешницы голубую кнопку изола. С потолка упала тонкая завеса, упершаяся в неширокий желобок, дугой опоясывавший столик. Завеса была почти прозрачная, но не настолько, чтобы сквозь нее можно было смотреть, она была тонкая и живая — пленка воды, непрерывно падавшей с легким, гасящим все посторонние звуки шорохом.

Теперь они были только вдвоем, и заполнившийся уже зал перестал для них существовать. Ора сидела напротив, совсем близко, она склонилась над прорезью, в которой строка за строкой проползало меню. Правая ее рука изредка нажимала клавишу заказа, а левая свободно лежала на столе — узкая кисть с тонкими нервными пальцами и лекально вычерченными лунками на удлинненных ногтях. Еще час назад Ганшина так и подмывало бы положить на эту руку свою, чтобы почувствовать ее бархатистое тепло, но сейчас что-то сковало его, не только в поступках, но и в желаниях; бессознательно он боялся оказаться таким Пигмалионом навыворот, ощутить вместо теплой плоти искристый холод мрамора.

Заметив, что Ора уже закончила заказ и теперь сгоняет меню на ноль, он быстро сунул в прорезь свой кредитный жетон. Поршень податчика засновал вверх-вниз, Ора быстрыми и удивительно экономными (так, наверное, действовал бы идеальный робот) движениями расставляла по столу приносимые им тарелочки и чашки, и Ганшин снова залюбовался отточенным совершенством ее рук, которые и ласкать, наверное, умели с таким же совершенством. Но одновременно с этой мыслью выросла перед ним взлохмаченная тень Йензена, которого эти ру-

ки ласкали, и где-то в глубине души зашевелилась ревность, древняя и дремучая, особенно болезненная потому, что изменить уже было ничего нельзя, все было в прошлом, только в прошлом, над которым не властен никто, кроме мертвого Йензена.

Ганшин собирался за ужином вести разговор светский и легкий, оставив в стороне воспоминания, но теперь ему стало ясно, что с этим надо кончать, кончать как можно скорее, хотя именно эти воспоминания и соединяли их, а потом связь могла обрваться столь же быстро и неожиданно, как возникла. И Ора тоже, как видно, почувствовала это, потому что подняла на Ганшина свои карие с золотистыми искрами глаза и спросила:

— Тогда вы и познакомились с Хорхе?

— Да. Но не сразу.

* * *

Потому что в кессоне по всем правилам приземельского гостеприимства их встретил Ашот, и они пошли в его каюту, а двое ребят завладели Юлькой и тут же потащили ее осматривать все, куда можно было сунуть ее курносый нос. И куда нельзя — тоже. Был у Юльки такой дар — пожелай она, и для нее сняли бы даже защитный кожух с реактора, чтобы показать, как оно там внутри...

А тем временем Ганшин сидел с Ашотом в тесной каютке, которую тот делил со своим заместителем, доктором Йензеном из Исследовательского центра имени Эймса. На экране, заменявшем здесь иллюминатор, клубилась под координатной сеткой Земля, то есть, конечно, не вся Земля, а кусок Южной Атлантики, закрытый разводами почти непроницаемой облачности. Изображение было сильно увеличенным, но Ганшина это не удивляло: ведь «СОС-третий», как и оба других спутника Службы охраны среды ООН, занимался наблюдением земной поверхности. Появление орбитальных гелиостанций, потоками микроволнового излучения сильно осложнивших приземельскую астрогацию, вынудило поднять орбиты постоянных и обитаемых спутников почти до уровня стационарных, и наблюдения теперь приходилось вести не столько визуально, сколько инструментально. К тому же нижние горизонты были сильно захламлены старыми, отслужившими свой век спутниками, носителями и их частями, которые сейчас «мирмеки» недавно созданной Службы очистки, в просторечии именуемые мусорщиками, сволакивали в Лагранжевы точки, ставшие первыми в истории внеземными свалками.

Ганшин с Ашотом проболтали часа полтора, не меньше, а потом в дверь просунулась чья-то лопоухая голова, возвестившая что «ужин подан, джентльмены», и они поплыли в салон,

как именовали здесь кают-компанию, где был уже сервирован стол и где собирались все свободные от вахты, а центром внимания — ну как же иначе?! — была Юлька, глядевшая на всех своими хлопающими глазами, и Ганшину в который уже раз стало чуть-чуть тоскливо, потому что на него она никогда не смотрела так.

Ашот представил всех Ганшину. Владелец лопоухой головы оказался старшим оператором комплекса ЕРЕП, доктором Рихардом Вильком из Познаньского института экологии; тощий верзила, в патрицианской позе повисший у стола, как выяснилось, был ни много ни мало сэр Роберт Чарлз Ренделл, семнадцатый граф Кроуфорд, эрл Саутбриджский, причем этот самый сэр и эрл нахально и противно ржал, пока Ашот с каменной физиономией произносил неудобоваримую титулатуру; впоследствии, впрочем, сэр и эрл, откликавшийся в быту на гораздо более банальное обращение «доктор Ренделл», оказался парнем общительным и своим.

О третьем, докторе Йензене, Ашот уже успел кое-что порассказать. В Службе охраны среды он был притчей во языцех. Полуиспанец-полудатчанин по происхождению и американец по подданству, Хорхе Йензен окончил Колумбийский университет, получил стипендию Национального фонда поощрения и три года стажировался у Мрнявевича в Дубровнике. Потом его пригласили в Центр имени Эймса, откуда впоследствии он и был откомандирован в распоряжение Службы охраны среды ООН. Первые года два он работал как и все, три раза нес месячные вахты на спутниках — тогда как раз проходил Международный год охраны среды. А потом начались чудеса. Как Йензен этого добился — осталось тайной, разгадку которой анализ только он сам да еще старик Эбервальд. Известно одно: вот уже три года, как Йензен не возвращался на Землю, за исключением коротких спусков для медицинского переосвидетельствования. На спутниках Службы, где каждый проводил не больше месяца, а своей очереди дожидались многие, это было даже не ЧП, а чудо.

Ганшину Йензен не понравился. И в словах, и во всем его облике, в манере держаться сквозила какая-то поперечность, этакое ерничанье, от которого Ганшина передергивало, и он мог лишь удивляться долготерпению Антаряна, не только уживавшегося с этим типом, но и относившегося к нему с явным уважением.

— Он превосходный специалист, Коля, — сказал Ашот. — Превосходнейший. Ну а характер... Тут все мы не без греха. В конце концов, не зря же я, психолог, ем хлеб Службы: вот и уживаемся. И неплохо уживаемся, поверь.

Стычка началась внезапно, и Ганшин, увлеченный болтовней с Ашотом и салатом из крабов (к тому же из натуральных, а не синтетических), даже не понял, с чего именно. Вполуха

он слышал, правда, как Юлька вытягивала что-то из доктора Вилька, которого уже запросто называла Рыхом. Тот, стосковавшись по женскому обществу и млея от Юлькиного любопытства, рассказывал ей об облысении автострад, наблюдением за которыми он занимался, а Юлька, хитрюга, конечно, таращилась на него и — вся внимание — даже чуть-чуть высовывала кончик языка, ни дать ни взять школьница, увлеченная списыванием.

Тут-то Йензен и встрял в разговор, причем с ходу в повышенном тоне, словно продолжая какой-то старый спор.

Ну и что? К чему все эти вздохи скорби? Ему, Йензену, например, совершенно непонятно, из-за чего тратить столько эмоций. Ну, облысение автострад. Лес, видите, ли, гибнет... Да, гибнет. Ну и что? Это же естественно. С того самого часа, как человек стал человеком, он начал создавать вокруг себя вторую природу. И с этого самого момента первая была уже обречена. Это диктуют законы развития нашей цивилизации, столь же объективные, как Ньютоновы. Ибо наша цивилизация — цивилизация технологическая.

Агония первой природы? Ну и что? Ведь на ее месте вырастает вторая, которая и есть единственная настоящая, естественная среда обитания человека. Вот, например, здесь, на спутниках. Где здесь первая природа? Нет ее. А он, Йензен, живет здесь уже три года и жаловаться ему пока ни на что не приходилось.

Юлька пыталась возражать, ее поддержал сэр и эрл, а с ним еще один из наблюдателей, имени которого Ганшин не запомнил. Но Йензен спорил, и в логике отказать ему было нельзя, хотя то ожесточение, почти озлобление, с которым он говорил, невольно отталкивало, потому что было необъяснимо, словно бы этот достаточно отвлеченный спор задевал в Йензене что-то глубоко личное, интимное и больное.

И когда разошедшийся Йензен стал живописать блестящее человеческое будущее, лирическую сценку из жизни двадцать второго века, любовное свидание парочки, облаченной в изящные скафандры, возлежащей на полиэтиленовой горе у берега радужно-нефтяного океана, Ганшин почувствовал, что больше не может его слушать. Ему было тошно. Он встал, и вместе с ним ушел Ашот, они вернулись в каюту, и Ганшин как-то упустил из виду Юльку, которая снова исчезла с кем-то, удовлетворяя ненасытное свое любопытство.

На борт «Арабель» они вернулись всего за полчаса до начала своего семидесятидвухминутного рабочего дня.

Следующие трое суток им все же пришлось потрудиться всерьез, потому что, кроме замены поврежденных ячеек солнечных батарей — квадратных, десять на десять метров полотнищ пленки, покрытой арсенидом галлия, — нужно было еще подготовить станцию к очередной консервации. Уставали они

изрядно, к тому же Ганшин был обижен явным Юлькиным невниманием к своей особе. В общем-то ему было наплевать на это, конечно, но и немного царапало по самолюбию.

А в субботу вечером Юлька вдруг уединилась в каюте, чтобы через час выйти оттуда в таком виде, что Ганшин аж застонал: куда делся его «инженер-инженю»? Вместо него появилась этакая юная принцесса, перед которой невольно хотелось преклонить колено, салтовать шпагой и вообще... как это?.. «Дайте мне мантилью, дайте мне гитару...» Как она ухитрилась протащить с собой такое платье, да еще и приделать магнитные подковы к серебряным тувелькам с какими-то хитрыми блестящими пряжками? Куда, ну куда смотрит космодромный контроль?!

Вот оно что! Оказывается, это невинное создание умудрилось договориться об ответном визите, который через час должен нанести им Йензен... Прекрасно. Особенно если учесть, что Ганшин, ее непосредственный начальник, об этом ничего знать не знал.

— А вы слышали о существовании субординации, инженер?

Ганшин чувствовал, что, рассказывая все это, причиняет Ора боль, но не мог уже сдержаться, даже больше, чем стоило, акцентируя этот эпизод. Делать этого явно не следовало, но должен же он был хоть как-то сквитаться с Йензеном, счастливчиком Йензеном, который манил женщин, как манит чайк маяк, мертвым Йензеном, даже сейчас сидевшим за этим треугольным столиком рядом с ним.

В сердцах Ганшин напялил скафандр и вышел в кессон, тем более, что вчера забарахлил механизм внешней двери. Может, это даже и помстилось, но Ганшин решил все же для очистки совести поковыряться в нем. Он ковырялся с полчаса, нашел, в чем дело, но тут — бог знает, как это получилось — у него выпала из рук универсальная отвертка, да еще поводок соскочил с карабина, и она — махонькая серебряная рыбка — улетела куда-то, и ловить ее теперь имело смысла не больше, чем злиться на Юльку. Ганшин вконец рассвирепел: ведь об этой ерунде придется докладывать теперь всем и вся, потому что это ЧП седьмой категории, и компьютер астрогационной службы, оценив предварительно силу и направление броска, рассчитает гипотетическую орбиту этой злосчастной отвертки, и включат ее, грешную, в Женевский каталог под какимнибудь номером 11788493, где и будет она значиться до тех пор, пока не попадет в трал одного из мусорщиков и сортировщик не сообщит куда следует, что отвертка универсальная с клеймом Московского инструментального завода поступила на свалку Лагранж-2... Ганшин задвинул крышку приводного механизма двери и сел на комингс, свесив ноги наружу. Собственно, он, конечно, не сидел, просто такая поза казалась привычнее и естественнее. Непринужденнее.

Так он и сидел, глядя, как глубоко внизу медленно проползают позиционные огни не то межорбитального буксира, не то мусорщика, — в таких тонкостях он разбирался плохо. Потом он взглянул на часы: по расчету времени Йензену пора бы уже появиться. Ганшин поднял глаза и тотчас увидел три огонька — красный, зеленый и белый пульсирующий, — стремительно несшихся прямо на него. Йензен в самом деле был асом малого пилотажа, — его скуттер шел прямо на открытый люк кессона. Только почему он не снижает скорость? Сбрось, сбрось, болван! Адмиральским подходом блеснуть хочешь, что ли?

Ганшин сам не понял, в какой момент до него дошло, что затормозить Йензен уже не сможет. То ли с двигателем что-то случилось, то ли... Ганшин рванулся, с ходу дал максимальный импульс, потом был удар, его закрутило, понесло, он обеими руками вцепился в раму скуттера и только жал и жал на клавишу своего ранцевого движка. Затем он почувствовал, что удалось, что борт «Арабеллы» скользит под ними, и, значит, они избежали-таки самого страшного. Наверное, на несколько секунд он все же потерял сознание, потому что позиционные огни станции оказались вдруг уже далеко. Боль чуть-чуть отошла, и Ганшин смог перебраться к пульту управления скуттера. С двигателем все было в порядке. Йензен явно был без сознания.

Ганшин примостился сбоку на раме и начал разворачивать скуттер к станции, попутно благословляя судьбу за то, что во время этой скачки с препятствиями они не изорвали солнечных батарей. То-то работы было бы! Потом он перетащил Йензена в кессон, кое-как стянул с него скафандр и только тогда — вдруг, разом — понял, что Йензен мертв. Мертвее, чем вакуум Приземелья.

Все завертелось, потому что смерть — это ЧП первой категории. Через сорок минут примчался Ашот, потом прибыл со старт-спутника врач, который смог лишь констатировать то, что было ясно и так, вскрытие же на «Арабелле» проводить было невозможно, и тело (теперь уже просто тело) увезли на старт-спутник, откуда ближайший подкидыш должен был доставить его на Землю. И еще была Юлька, в какой-то совершенно нечеловеческой позе вжавшаяся в угол. Она смотрела на Ганшина, но не видела его, и Ганшин не стал подходить к ней. А когда с ней попытался заговорить Ашот, она вдруг негромко, но очень отчетливо произнесла:

— Все-таки она его добила...

— Кто — она?

— Неважно. Теперь уже неважно. Но и вы — вы тоже.

Юлька вдруг дернулась, вскочила, — боже, до чего неуместны было сейчас ее платье и эти туфельки со сверкающими пряжками! — уткнулась носом в Ашота и заплакала, совсем по-девичоночьи, всхлипывая и хлюпая носом, и от этого Ганшину вдруг стало легче.

— Ашот, — бормотала Юлька, — вы же психолог, Ашот, как же вы... Ведь он же... Сломанный он был. А вы... Вы его должны были... на Землю. Давно уже на Землю. А теперь...

Потом она кое-как успокоилась, выпила какое-то зелье, которое подсунил ей врач со старт-спутника, и Ганшин уложил ее в сетку в каюте, и она так и заснула в этом своем платье с высоким стоячим воротником.

Им пришлось задержаться на «Арабелле» еще на два дня, потому что назавтра прибыл с Земли старший инспектор космического отдела Интерпола, до безумия вежливый и обходительный не то индеец, не то непалец по имени Рахия Бадхидарма, присланный потому, что умер Йензен, как показало вскрытие, от асфиксии, в то время как баллон был цел, а запас кислорода в нем был полным. Ганшин давал показания, потом повторял их уже на Земле, и лишь много позже узнал, что все дело было в манометре: крошечный микрометеорит, силы которого едва-едва хватило на то, чтобы пробить стенку манометра и заклинить собой канал, этот микрометеорит убил Йензена, потому что манометр показывал ноль при полном баллоне, а Йензен оказался не в состоянии не поверить прибору, безгрешному регистратору второй природы. И случай этот теперь войдет во все учебники космопсихологии и космомедицины, где появится какой-нибудь «синдром Йензена» или что-нибудь в этом роде.

До самого возвращения на Землю все разговоры Ганшина с Юлькой ограничивались самыми необходимыми бытовыми фразами. И только уже в корабле (со старт-спутника на Землю их прихватил рейсовый лунник) Юлька вдруг заговорила.

Они сидели в креслах в самом конце салона, далеко впереди над рядами голов на световом табло горели слова: «Внимание! Пассажиров просят пристегнуть ремни», а ниже высказывали цифры, показывавшие время, оставшееся до начала посадки: «17, 10», «17, 09», «17, 08»... Голос у Юльки был тихий, но каждое слово она выговаривала своим звучным, низким контральто, так не вязавшимся со всем ее обликом инженеру, отчетливо и точно.

— У одного из древних народов, африканских народов, не то в Великом Бенине, не то в Великом Бушонге среди пантеона богов, обычного пантеона, в котором были боги войны, судьбы, любви, был еще один, особо почитаемый — бог Ненастоящего. Каждому, кто поклонялся ему, он давал все. Только ненастоящее. Но кто может всегда отличить настоящее от ненастоящего? Это был великий бог. И страшный бог. Ему ставили идолов — вытесанных из черного базальта огромных истуканов, в глаза которым вставляли агаты. Идолы смотрели на запад, и заходящее солнце кровавило их черные руки и лица и багровыми огнями полыхало в глазах. Он давал все, этот бог. Только попроси. Но он и брал. Брал жизнь. Настоящую.

Ганшин хотел спросить что-то, но промолчал. Молчала и Юлька — уже до самого Мурзука. Молчала так же, как теперь молчала Ора. Ганшин в упор смотрел на нее, потому что теперь он сказал все, что мог, и было непонятно, что же делать дальше.

— Спасибо, — сказала наконец Ора.

Ганшин молча кивнул. Они сидели вдвоем: Ора, Ганшин и мертвый Йензен — за маленьким треугольным столиком с вогнутыми сторонами. Но теперь уже Йензен не мешал Ганшину — человек, так веривший во вторую природу, что это убило его. «Все-таки она его добила...» Кого имела в виду Юлька? Вторую природу? Веру в нее? Ору?

Ору. Ганшин понял это вдруг, не умом, а чутьем, которому поверил сразу и до конца. Вот сидит она и молчит, женщина, которой так нужно было узнать, как умер человек, брошенный ею четыре года назад. Она узнала. И теперь спокойна, потому что знает, потому что все ясно, потому что... Ганшин не додумал до конца. На миг почудилось ему, что это она, Ора, стоит лицом к закату, и последние солнечные лучи кровавят ее узкие пальцы и багрово отблескивают в почему-то не карих, а черных глазах.

— Еще раз спасибо. — Ора задумчиво крутила в пальцах пустой фужер. — И простите, я отняла у вас столько времени...

По тону ее, по взгляду Ганшин понял, что перестал существовать для нее.

Он встал.

— Пустяки. Прощайте, Ора.

Он плечом прорвал тонкую водяную пленку и пошел через зал, снова погруженный в полумрак и наполненный танцующими парами. Только танцевали сейчас что-то быстрое, четкое. Он шел, лавируя между людьми, стряхивая на ходу брызги, орденской перевязью осевшие на пиджаке, а там, позади, оставалась женщина, хрупкая и сильная, влекущая и убивающая. «Все-таки она его добила...» Настоящая женщина с настоящей любовью. Женщина, с которой можно умереть от одиночества.

Ганшин вышел в холл. Здесь было светло и прохладно. Он похлопал себя по карманам, потом подошел к стоявшему у стены автомату, сунул в прорезь кредитный жетон и, подождав секунду, вынул из лотка хрустящую целлюлозой обертки пачку. На ней был изображен череп с дымящейся сигаретой в зубах. Почти Веселый Роджер. Ганшин хмыкнул, распечатал пачку и закурил.

На улице было уже темно. Ганшин с минуту постоял на ступеньках, потом зашагал по извивающейся дорожке, выложенной

белыми квадратными плитами. По сторонам матово отблескивали корой в свете повисших над шоссе «сириусов» березы. Ганшин остановился и приложил ладонь к стволу. Кора была нежная, чуть бархатистая и прохладная. Настоящая.

Ганшин вспомнил руки Оры, руки, двигавшиеся с таким нечеловеческим совершенством, каким мог бы обладать робот или ангел; ее лицо, напряженно-внимательное и такое чужое... Что же надо сделать с человеком, чтобы он перестал верить даже себе... И в Приземелье нашел он своего должника. Ганшин бросил окурок и растер его подошвой. Метафизика! Юлькины бредни.

Хватит! Задел он эти чужие судьбы, и будет. Незачем копаться в них. Все равно никогда и никто не узнает, что же получил — пусть ненастоящее — от этой женщины Йензен и за что он заплатил такой ценой. Или — вернуться?

У самого выхода на шоссе стояла телефонная будка — плексигласовый колпак на трубчатых стойках, похожий на пузырек паука-серебрянки. Ганшин нырнул в этот пузырек, набрал номер. Ему долго не отвечали. Он насчитал восемь, девять, десять гудков... Потом трубку сняли.

— Слушаю.

Ганшин молчал.

— Алло! — потом требовательнее: — Алло! Ну, говорите же!

Ганшин подождал еще секунду, потом повесил трубку. Что он мог сказать сейчас Юльке?

Ганшин вышел из будки и медленно, а потом все быстрее и быстрее зашагал по шоссе к городу. Он убегал, зная, что прав, что так и надо, и зная, что никогда не простит себе этого бегства, убегал, гоня перед собой то исчезающую, то вырвавшую чуть ли не до бесконечности тень.

Чичако в пустыне

Осенью в Пустыне наступает пора внезапных, злых, ледяных пыльных бурь. Осенью новичкам не следует удаляться от базы. Даже если неделю стоит тишь. Буря обязательно случится. И чем дольше затишье, тем злее буря. И уж конечно, лишайники Ступенчатого каньона, какими бы редкими и желанными они ни были, не стоят того, чтобы на седьмой день затишья садиться в легкий флаер и нестись к каньону. Рассчитывая вернуться к обеду, так, чтобы никто на базе не заметил твоего отсутствия.

...Регина постучала обломанным ногтем по циферблату. Если верить приборам, кислород в резервном баллоне кончается и регенерационная система работает на голодном пайке. Регина до отказа открыла вентиль. «Не экономьте собственную жизнь, молодые люди», — как говорил профессор... как его звали? Такой маленький, седой, и уши торчат?

По принципам, разработанным в художественной литературе, ты должна сейчас вылезти из этой тесной пещерки, встретить лицом пыльную пургу и, клонясь навстречу ветру, из последних сил брести к цели. Упасть в ста метрах от нее и красиво погибнуть. Но этот путь исключался, так как Регина совершенно не представляла, где цель, и не хотела красиво погибать.

Она полетела к каньону, чтобы доказать геологам, что ее не зря к ним прислали. Куда это годится — уже год их просят добыть эти лишайники и отправить на Первую — от силы два часа работы, но у них не доходят руки. То дела, то снега, то бури. А запрет, который они наложили на ее самостоятельные действия, объяснялся, как решила Регина, комплексом вины. Неловко получается, если приезжая девушка сделает то, чего вы не собрались сделать за год.

Дальше все проходило в лучших традициях. Буря, начавшаяся как справедливое возмездие ослушнице. Прекрасная незнакомка, бредущая с сумкой лишайников неизвестно куда. Какие-то холмы и обрывы, встающие на пути. И, в конце кон-

цов, яма, где можно завершить свой скорбный путь. Где флаер, где база, куда брести из последних сил — неизвестно.

Можно было бы всплакнуть. Но это лишний расход влаги. Влагу следует беречь. Регина подумала, что рациональность крепко впиталась ей в кровь. Какая-нибудь Красная Шапочка, заблудившись в лесу и опасаясь встречи с Серым Волком, могла безбоязненно дать волю слезам, не задумываясь о расходе влаги. А впрочем, что ей за дело до влаги? Все равно никто не успеет ее найти и спасти. Дышать уже почти нечем...

В желтой стене пыли, затянувшей отверстие пещеры, показалась темная фигура. В лицо ударил слишком яркий луч фонаря. Регина обрадовалась, что не успела заплакать, и попыталась встать, чтобы достойно встретить своего спасителя, но воздуха совсем не осталось, и она, хватая ртом его жалкие остатки, упала на руки мужчине.

Как сквозь звенящий туман донесся голос:

— Самоубийца.

Это не было осуждением. Это была констатация факта.

Регина пыталась сказать, чтобы он отдал ей свой резервный баллон. Но, видно, спаситель и сам догадался.

Было похоже на то, как выныриваешь из глубины, — воздуха уже нет, кажется, вот-вот вдохнешь воду — а вместо этого весь свежий воздух Земли влетает тебе в легкие. Успела.

— Спасибо, — прошептала Регина.

— Не за что, — сказал спаситель. — Я позволил себе подключить ваш же запасной баллон. У вас оставалось кислорода час на десять.

— Но ведь я смотрела...

— Какое умение устроить трагедию на пустом месте, — заметил спаситель.

Разглядеть его Регина не могла. Она сказала:

— Уберите фонарь. — Наверно, в ее голосе прозвучало раздражение. Нелепо быть щенком, которого тычут носом в лужу.

Луч фонаря сдвинулся в сторону, уперся в стену пещерки.

— Можно идти, — сказал спаситель. — Держитесь за меня. Мой вездеход в лошине. Для лучшего эффекта вам стоило бы выключить аварийный передатчик. Раньше, чем через сто лет, в эту дыру никто бы не заглянул.

Регина непроизвольно взглянула на кнопку передатчика. Она глубоко вздохнула. Пожалуй, нет смысла исповедоваться спасителю в том, что передатчик она не включала. Он работал только потому, что она час назад упала в овраг и так неудачно...

— Пошли, — сказала Регина.

В вездеходе он сразу уселся впереди и, включая мотор, предупредил:

— Не снимайте шлем. Кабина не герметизирована. Некогда добраться до базы и разобраться, в чем дело. Потерпите еще десять минут.

Профиль у него был острый, крупный, словно у ворона. И брови слишком густые, черные.

— Разве вы меня не отвезете на базу?

— Не добраться, — сказал спаситель. — Переждете бурю на моем посту.

Он включил рацию и связался с базой.

— Нашел, — сказал он. — Без особого труда. Можете давать отбой.

Рация забормотала что-то в ответ. Регина смотрела в иллюминатор на желтый, непрозрачный занавес пыли.

Тон у него был насмешливый, снисходительный. Тон бывшего следопыта. Чичако, подумала Регина. Я — чичако. Такие не выживали на Клондайке.

Спаситель выключил связь и впервые обернулся к Регине. Его брови были изломлены посередине, а глаза оказались очень светлыми. В фас он не был похож на ворона, скорее на Мефистофеля.

— Они спрашивают, не нужен ли врач. Я ответил отрицательно. Я не ошибся?

— Вы не ошиблись.

— Ну и отлично. Держитесь крепче. Будет качать.

Это было вежливым преуменьшением. Вездеход не качало. Его подбрасывало, мотало, чуть не опрокидывало. Регина большую часть пути провела в подвешенном состоянии, порой взлетая к потолку кабины. Хорошо еще, что здесь небольшое притяжение — движешься сравнительно медленно.

Наконец вездеход остановился. Спаситель выскочил первым и протянул Регине руку в блестящей, жесткой перчатке. Словно схватил клещами.

Сделав шаг, Регина обернулась — вездеход уже казался призраком, отделенным несколькими слоями летящей кисеи.

Когда они раздевались в микроскопическом тамбуре поста, спаситель сказал:

— Вы правильно сделали, что потерялись в начале бури. Сейчас вас труднее найти.

Мелкая пыль висела в воздухе.

— Погодите несколько минут, — продолжал спаситель, — а то мы напустим полный пост пыли. Приборы ее не любят. Кстати, раз уж мы теперь будем жить вместе, как вас зовут?

— Регина.

— Очень приятно. Станислав.

Пыль нехотя оседала на пол и на стены, щекотала в ноздрах.

— Потерпите, — сказал Станислав без улыбки, заметив, что гостя сморщила нос. — Чихнете внутри. А то поднимете тучу. Почешите переносицу. Говорят, помогает.

И такова сила убеждения: Регина послушно почесала переносицу, хоть это и не помогло. Пришлось снова ждать, пока

усядется пыль, спаситель молчал, хотя Регина ожидала выговора за то, что чесала переносицу не по правилам.

Внутри все было, как и следовало. Порядок почти монастырский. Она представила себе, как этот Станислав все свободное время бродит с тряпочкой по двум тесным комнаткам к туалету поста и вытирает пыль с приборов и мебели. Хотя мебели было мало. Две типовые откидывающиеся койки в жилом отсеке, два стола. Один рабочий, другой у мойки, кухонный, он же обеденный.

— Знаете, как делать душ? — спросил Станислав.

— У нас такие же курятники, — сказала Регина.

Мефистофельские брови картинно приподнялись.

— Мы типовые посты курятниками зовем, — сказала Регина, краснея. Как будто ее уличили в детской шалости. Может, сказать ему, что «курятник» — неологизм профессора Вегенера? Ни в коем случае.

Станислав извлек из стенного шкафчика полотенце.

— Мыло в тюбике на полочке, — сказал он. — Там же и щетка для волос.

Ну и терзается он сейчас! Его любимое чистое полотенце! Его обожаемая щетка для волос! Его драгоценный тюбик с мылом...

Регина задернула пластиковую занавесочку, присоединила шланг к крану.

За занавеской раздался многозначительный кашель.

— Что случилось? — В голосе Регины звучал металл.

— Может, вам нужно...

Рука Станислава появилась из-за занавески. Он протягивал — даже сразу не сообразила — мужское белье. Чистое, как и все в этом курятнике.

— Спасибо, не надо, — сказал Регина, безуспешно стараясь придать голосу строгость. — Надеюсь, что буря к ночи прекратится и за мной пришлют флаер.

— Белье лежит в правом верхнем ящике, — сказал Станислав. — Буря сегодня не прекратится. Постарайтесь не очень разбрызгивать воду. Живу на замкнутой системе. Должны были подвезти бак, но вот буря...

Станислав успел быстро приготовить обед. Раздобыл откуда-то два высоких бокала, протер до блеска, тонко порезал картошку. Регина вытирала волосы и смотрела, как лучи солнца, прорываясь сквозь завесу пыли и влетая в окно, искрились на стенках бокалов. Индивидуальность дома, сошедшего с конвейера, воплощается лишь в мелочах. Бокалы были первой мелочью. Картинка на стене — резкий пустынный пейзаж — второй. Обычно здешние жители старались повесить на видном месте изображения березок или прохладных озер. Станислав был не сентиментален.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, ставя на стол щи-

пящую сковородку с яичницей. Редчайшее угощение. Регина могла это оценить.

— Как будто и не выходила на улицу.

Господи, он извлек откуда-то белую сорочку. Представляет, притащил сюда, через половину Галактики, белую сорочку.

— И давно вы здесь? — спросил Станислав голосом вежливого хозяина. Оказывается, он умеет принимать гостей.

— В Пустыне? Третий день. Я работаю на Первой базе.

Он больше не иронизировал. Регина подумала, что у него очень приятно выглядят волосы.

— Вы задумались? — спросил Станислав.

— Нет. Ничего. У нас там океан, скалы, брызги до самой базы долетают. И видно километров за десять. Вы не были на Первой базе?

— Нет, никогда. Я тут почти безвылазно, четвертый месяц. Вот кончу через две недели серию опытов, может быть, побываю и у вас. Хотя вряд ли. Меня ждут на Ваяле.

— Я тоже полечу на Ваялу. Не знаю, скоро ли? Наверно, здесь одному очень скучно?

— Мне некогда скучать. Скука — это занятие для бездельников.

— Я не так выразилась. Я хотела сказать — грустно.

Станислав улыбнулся. Пожал плечами.

— Вы ешьте, а то остынет.

У него были красивые кисти рук. Сухие, с длинными плоскими пальцами.

— Простите, — сказал Регина, — что я заставила вас выбираться в такую бурю.

— Вы же не нарочно заблудились, — сказал Станислав. Видно, это было единственное оправдание для нее, которое он смог изобрести.

Мирная атмосфера чаепития в гостях — вот уж чего Регина час назад подозревать не могла. Во всем виновата она одна. Зачем винить геолога, который вынужден был бросать свои дела и разыскивать в пустыне чичако?

— Вы геолог? — спросила Регина.

— Да. Вам чай покрепче?

И чай у него был душистый. И настоящий фарфоровый чайник для заварки.

Сам хозяин к чаю почти не прикоснулся. Да и яичницу не ел.

— Я не люблю апельсинов, — сказала Регина.

— Не понял.

— Я читала как-то исторический роман. Там была бедная семья, и мать говорила детям: «Я не люблю апельсинов». Ну, чтобы им больше досталось.

— А я в самом деле не люблю яичницу, — сказал Станислав.

— Держите яйца для гостей?

— Дом всегда должен быть готов к приему гостей.

Для него это дом. И все курятники, палатки, пещеры, где ему приходится жить, — все это дом. Бывают же на свете люди, которые умеют придать любому жилью нормальный человеческий вид.

— Возникает новая проблема, — сказал Станислав. — Вам ведь здесь придется ночевать.

— Но, может быть, еще...

— Я уверен в буре. Она вас не выпустит.

Регина понимала, что он прав. Буря разошлась так, что от ее порывов вздрагивали стены вросшего в скалу курятника.

— Так в чем же проблема? — сухо спросила Регина. — У вас есть свободная койка.

— Понимаете, — Станислав смотрел ей в глаза серьезно, словно собирался предложить ей руку и сердце, — обычно я сплю на нижней койке, и я даже привык к этому. Но если вам лучше внизу, я перенесу свое белье наверх.

— И в этом вся проблема?

— Разумеется, — сказал Станислав.

Он собрал со стола и принялся мыть посуду.

— Давайте я вам помогу, — сказала Регина. — И это сделаю лучше.

— Вы гостя, — сказал Станислав. — Кроме того, я не понимаю, почему вы умеете мыть посуду лучше, чем я? Вы специально этому учились?

Он не шутил. Он просто интересовался.

— Нет, — засмеялась Регина. — Я следую традиции.

— Вы не ответили мне о койке, — сказал Станислав.

— Я очень люблю спать наверху, — сказала Регина.

— Этим вы сняли с моих плеч большую проблему, — сказал Станислав. — Я открою вам правду — я боюсь спать наверху. Боюсь упасть.

И опять непонятно — шутит или слишком серьезен. Где у него грань между юмором и наивностью?

— Я не упаду, — в тон ему ответила Регина.

— Если вы не возражаете, я бы теперь немного поработал, — сказал Станислав.

— Разумеется. У вас не найдется какой-нибудь женской работы для меня?

— Что вы имеет в виду под женской работой?

— Штопка, шитье, стирка...

— Вон там, на полке, последние номера «Биологического вестника Ваялы». Вы их, наверно, еще не видели.

— Нет. Вы их привезли с собой?

— Полистайте. Наверно, это лучший вид женской работы.

Регина рассеянno проглядывала номера журнала, беззас-

тенчиво исчерченные, с восклицательными знаками на полях, с загнутыми углами страниц...

— Вы интересуетесь и биологией?

— Умеренно, — сказал Станислав. — Это плоды деятельности моего брата. Он работает на Ваяле, прилетал ко мне и оставил.

— Тогда понятно, — сказала Регина. — Не в вашем характере так обращаться с журналами.

— Это не зависит от характера, — возразил Станислав. — Брату так удобнее.

— Но не вам.

— Не мне.

Семейная сцена, подумала вдруг Регина. Он за рабочим столом, она в кресле. За окнами буря, бессильная нарушить уют и спокойствие... И что за чепуха лезет в голову?

— Хотите, я вас постригу?

— Что?

Станислав не сразу смог переключиться — видно, предложение пришлось некстати.

Покачал головой.

— Если будет нужно, — сказал он, — сам справлюсь. Вам скучно?

Регина хотела было согласиться, но тут же вспомнила, как Станислав относится к скуке.

— Нет, что вы, — сказала она. — Где моя сумка с лишайниками? Наверне, от них ничего не осталось.

— Я ее поставил в тамбуре. Достать?

— Не надо. Я вам постараюсь больше не мешать.

— Мешайте, — сказал Станислав. — Я ничего не имею против. Мне приятно, что вы ко мне пришли.

К вечеру буря внезапно прекратилась. Станислав сказал, что надо выйти поглядеть, надежно ли стоит вездеход.

— Вы отвезете меня? — спросила Регина.

— Нет. Через час, а может раньше, буря разыграется куда сильнее. Мы сейчас с вами попали в глаз тайфуна. Вам пришлось слышать о таком?

— Это самый центр бури? Глаз тайфуна — это почему-то связано у меня с Конрадом, Эдгаром По...

— Ветер в снастях, сломана грот-мачта, во втором трюме помпы не справляются с течью...

— Правильно. А можно с вами выйти наружу?

— Я буду рад. Только позвольте мне самому проверить ваши баллоны.

— Вы злопамятный.

— Я осторожный.

Они сидели на большом плоском камне у входа в пост. Было очень тихо, лишь над низинами висела, никак не могла улечься сизая в вечернем воздухе пыль. Блики заходящего солнца

скользили по округлому забралу шлема и, попадая в серые глаза Станислава, превращали зрачки в маленькие круглые прозрачные озера.

Он сказал:

— Когда я получил известие с базы, что вы потерялись в моем районе, то сначала рассердился. Извините, но именно так рассердился. Ну как же можно: взять легкий флаер и отправиться в Пустыню, когда в любой момент может начаться буря? А буря такая, что по доброй воле я бы и на сто метров от поста не отошел... Нет, я рассказываю не затем, чтобы вызвать в вас раскаяние. Наоборот, я виноват в том, что был груб. А потом вы пришли ко мне, и я обрадовался тому, что вы здесь.

Солнце исчезло за краем стены пыли, стало темно. Порыв ветра подхватил горсть песка и кинул его в лицо Регине. Песчинки взвизгнули, царапая забрало шлема.

— Пора прятаться, — сказал Станислав и протянул ей руку.

Регина поняла, что ждала этого. Чтобы он протянул ей руку. Она не могла почувствовать теплоту его ладони, но это не так важно...

В тамбуре, ставя на полку шлем, Регина спросила:

— Вы любите свою работу?

— Вряд ли это вопрос любви или нелюби, — сказал Станислав. — Но, очевидно, я получаю удовлетворение от процесса исследования.

— И от результатов?

Его лицо было совсем близко. В полутьме тамбура глаза были светлее кожи. Регина непроизвольно подняла руку и дотронулась кончиками пальцев до щеки Станислава.

Его глаза расширились удивленно.

— Простите, — сказала Регина. — Я нечаянно.

— Нечаянно?

Он улыбнулся. И добавил:

— Я думал, что испачкал щеку. Или вы соринку сняли...

— Читайте, что соринку.

Регина бросила на полку перчатки.

— Ужином занимаюсь я, — сказала она. — Могу я за вами поухаживать?

— Вряд ли, — сказал Станислав, открывая внутреннюю дверь. — Это неразумно. Мне легче самому сделать ужин, чем рассказывать, где что лежит.

И конечно, он настоял на своем.

Ночью Регина долго не могла заснуть.

Маленькая каютка — спальный отсек, — казалось, плыла по бурному морю. Если приложить к стене ладонь, то ощутишь, как бьются о стену волны песка и ветра. С верхней койки виден освещенный прямоугольник двери и угол стола, за которым работает Станислав. Вот он откинул голову, переворачива-

ет страницу, поднялась рука, поправила лампу. Вот он взглянул в сторону Регины — он не видит ее, не знает, что встретился с ней глазами. Прислушивается, спит ли она. Окликнуть его? Зачем? А может быть, он догадается, придет, скажет ей «спокойной ночи», можно будет опустить руку и найти в темноте его пальцы... Он снова отвернулся, подвинул к себе спектрограф. Он не придет пожелать ей спокойной ночи, разве это принято, когда у тебя случайный гость, заблудившийся чичако, который исчезнет вместе с бурей? Последняя мысль вдруг разозлила Регину неравноправием чувств. Не думай глупостей, приказала она себе и отвернулась к стене. Но пока не заснула, старалась представить себе, что сейчас делает Станислав.

Проснулась она поздно. Станислав не стал ее будить.

— Выпались? — спросил он, услышав, что она соскочила с койки.

За иллюминаторами несется желтая мгла. Круглые часы над рабочим столом показывают 11.34. Регина задержалась в жилом отсеке, вспоминая, где щетка для волос, — меньше всего на свете ей хотелось появляться перед Станиславом взъерошенной, как щенок после драки. Но щетка лежит у мойки, в том отсеке...

Широкая ладонь Станислава возникла в дверном проеме. На ладони лежала щетка.

Станислав сказал из-за двери:

— Я пойду приберу в тамбуре. Вернусь через десять минут. Чтобы к этому времени вы были в полном порядке и готовы завтракать. Вы едите манную кашу?

— Ем! Обожаю! — сказала Регина, принимая щетку и со сладкой безнадежностью понимая, что безумно, безнадежно влюблена в этого вежливого сухаря...

— А потом что? — Стас закурил, и Станислав, не любивший табачного дыма кашлянул, разгоняя дым перед лицом.

— Она прожила у меня в курятнике еще два дня. Вернее, два с половиной дня.

— Кончилась буря?

— Нет. Мимо шел большой вездеход. Они завернули к нам и взяли Регину.

— И что она сказала на прощание?

Ничего. Она вежливо попрощалась. Как и принято. Поблагодарила меня за гостеприимство.

— И все?

— Она была сердита на меня.

— Почему?

— Мне кажется, в глубине души она полагала, что я нарочно вызвал вездеход, чтобы отделаться от нее.

— А ты вызывал вездеход?

— Нет, я тут совершенно ни при чем. Но если бы я мог вы-

звать его, я бы это сделал. Так что ее догадки были недалеки от истины.

— Ты испугался?

— Мне было жалко девочку.

— Она не девочка. Она взрослый человек. Ей подошло время полюбить. И тут попался ты. Не очень красивый, но вполне самостоятельный мужчина, притом спаситель. Ты же не проявлял никакой инициативы: безотказный капкан.

— Не старайся показаться циником.

— Я не стараюсь. Это не цинизм, брат. Это констатация факта. Вполне вероятно, что, увидь она тебя здесь, на Ваяле, прошла бы мимо, не обратив внимания. Таких мужчин, как мы, здесь тысячи.

— Она бывала на Ваяле, она выросла на Земле. Но полюбила меня.

— Она о тебе уже забыла.

— Нет.

Станислав достал письмо, протянул его брату.

Стас развернул его и заметил:

— Банальный почерк.

— Не в почерке дело, — терпеливо сказал Станислав.

Стас небрежно пробежал глазами строчки, перевернул лист на другую сторону — не написано ли там чего-нибудь.

— Что ж, — сказал он наконец, — очень трогательно.

— И все?

— Что же еще я могу сказать? Не я внушал ей эти чувства.

— Ты шутишь?

— Нет, я серьезен.

— Порой я не знаю, когда ты шутишь, а когда серьезен. Я видел ее глаза, когда мы прощались. Она писала искренне.

— Ни на минуту в этом не сомневаюсь. Да и не мои сомнения тебя тревожат.

— Нет, не они. Но, клянусь тебе, я не предпринял никаких шагов для того, чтобы...

— Соблазнить ее?

— На этот раз ты шутишь.

— Шучу.

Станислав поднялся с кресла и подошел к окну. Там копыями поднимались небоскребы Ваялы, на фоне большого красного солнца роем мошкары мельтешили флаеры. Станислав приблизил лицо к стеклу, глядя вниз, в пропасть улицы.

— Послушай, брат, — сказал Стас. — Ты бессилен ей помочь. И, клянусь тебе, пройдет неделя, месяц, она утешится, она молода и обо всем забудет. Пусть же тебя не мучат угрызения совести. Я повторяю: ей пришло время полюбить, и ты вовремя попался ей на пути.

— Ты не видел ее, — сказал Станислав. — Она очень милая и умная. Она искренняя. Мне очень жаль ее.

— Иному на твоём месте я предложил бы на ней жениться.

— Опять шутишь?

Станислав резко обернулся. Густые черные брови сошлись к переносице одной изломанной черной линией.

— Ты сердисься, Цезарь, — сказал Стас. — Значит, ты не прав.

— Ты должен увидеть ее, — сказал Станислав.

— Я ждал этой просьбы.

Брови Стаса сошлись в такую же черную изломанную линию. Те же серые глаза с секунду выдерживали взгляд андроида, метнулись в сторону, рука с длинными плоскими пальцами отыскала на столе пачку сигарет.

— Не кури, — сказал Станислав. — Я не люблю этого. Мне вредно.

— Ты унаследовал мои достоинства, но знаешь, чего тебе не хватает, чтобы стать человеком?

— Знаю. Слышал. Недостатков.

— Я повторяюсь.

— Да. Порой я задумываюсь о жестокости людей. Нет, не отдельных индивидуумов, а людей в целом. Я понимаю, что, создавая андроида, вы идёте по пути наименьшего сопротивления — максимальное дублирование оригинала. Замечательного, выдающегося оригинала. И забываете о недостатках. Забываете о том, что я не только неполноценен, но и настолько совершенен, что сознаю свою неполноценность. Мне претит тщеславие биоконструкторов. Я должен быть примитивнее. Биоробот, и все тут. Робот, от слова «работать».

— Станислав, не пытайся быть несправедливым к людям.

— Почему я несправедлив?

— Потому что ты человек.

— Андроид. Почти человек, притом без недостатков.

— Хорошо, андроид. Возьми письмо обратно. Оно адресовано тебе.

— Неужели ты до сих пор не понял, что не мне, а тебе. Я же не могу испытывать любви...

— А ты задумывался, как близка к любви жалость?

— Жалость — функция мозга. Это доступно даже моему, наполовину электронному, мозгу.

Стас погасил сигарету.

— Она пишет, что ждет тебя...

— Да.

— Хотя бы на минуту....

— Да.

— У входа в зоопарк...

— Да.

— А на сколько процентов твоя филиппика против жестокого человечества была театральным представлением?

— Не более чем на десять процентов, — улыбнулся Стани-

слав. — Не более. И не хмурься, брат. Я не лгу. Это мне не по зубам.

— Ну уж что-что...

Станислав сказал:

— Она будет там через десять минут. Ты только успеешь дойти до зоопарка.

— Как ты все рассчитал, — сказал Стас. — Я бы не смог.

— У тебя нет нужды заставлять свой оригинал действовать по-человечески.

— Как я ее узнаю?

— Она тебя сама узнает.

— И все-таки?

— Твое сердце тебе подскажет.

— Твое ведь не подсказало?

— Оно не могло подсказать. Оно почти синтетическое. Зато я функционирую надежнее тебя. Как почка? Побаливает?

— Чуть-чуть.

— Трансплантация займет три дня.

— У меня нет этих трех дней.

— Я тебя заменю. Я в ближайшую неделю свободен.

Стас накинул куртку.

— Нет, — Станислав подошел к нему, — возьми мою.

— Ты боишься, что она меня не узнает?

— Ей приятнее будет увидеть меня... то есть тебя в старой куртке,

— Ну и знаток женского сердца!

Стас открыл дверь в коридор. И остановился.

— Слушай, а что я ей скажу?

— Извинись, что был занят... ну, скажи что-нибудь. Можешь даже разочаровать ее в нас. Только не обижай.

— Жалеешь?

— Иди-иди. Я бы на твоём месте не колебался.

— Регина?

— Да, да, Регина. У нее светлые волосы, прямые светлые...

Стас пошел к лифту.

Станислав сел в кресло, рассеянно выгасил из пачки сигарету. Посмотрел на нее, словно не мог сообразить, что делать с этой штукой, потом сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой. Закашлялся и расплющил сигарету в пепельнице.

— Берегите составные части, — пробурчал он чьим-то чужим голосом. — Они вам дадены не для баловства.

Он посмотрел на часы.

Стас уже у входа в зоопарк.

Станислав снова поднялся, подошел к окну и, упершись лбом в стекло, смотрел вниз и направо, в темную зелень парковой зоны. Словно мог разглядеть кого-то за три километра. Ничего он, конечно, не увидел. Вернулся к столу, раскурил еще одну сигарету и затанулся. А когда откашлялся — затанулся еще раз.

Алмаз "Шах"

1. ПЕРВАЯ НАДПИСЬ

Положение алмаза подобно положению господина, которому подчиняются низы и чернь.

Абу-р-Райхан ал-Бируни

Глубина алмазной копи достигала ста зиров*, даже в полдень лучи солнца не освещали ее дна. Рабочие кайлили забой по колено в воде, потому что гирлянда тростниковых ковшей, приводимая в движения высоким колесом, не успевала вычерпывать ее. Вода была повсюду: стекала с каменистых стен, била холодными струйками из дырявых ковшей, ледяным дождем проливалась из большой корзины с алмазоносной породой. Верхние рабочие медленно поднимали корзину воротом, и она, покачиваясь на лохматой веревке, ползла мимо сторожевых ниш.

Забой был наполнен плеском стекающей воды, хлюпающими ударами кайл, непрерывающимся силным кашлем. Многократное эхо умножало шум, наполняло уши болезненным гулом. И все-таки Суних сразу услышал, когда алмаз тонким голоском позвал: «Я здесь!» Юноша замер на мгновение, бросив косой взгляд на ближайшую нишу. Стражники стояли с обнаженными мечами и следили за рабочими. Но что они могли разглядеть в сырой полутьме? И Суних продолжал с силой опускать двухклювое кайло, а острый алмаз под пяткой все кричал: «Я здесь! Я здесь!»

Юноша сжал камень пальцами правой ноги и медленно, не прекращая работы, отодвинулся к дальнему от стражников концу забоя. Здесь он закашлялся, перегибаясь пополам, выхватил камень из воды и, захлебываясь в кашле, быстро рассмотрел его. Это был алмаз! Неправдоподобно громадный алмаз, длинный как палец! Перст аллаха! Даже в темноте он сиял теплым желтоватым светом, и Суних поспешно погасил сияние в склад-

*Зир (локоть) — мера длины, равная примерно 50 сантиметрам.

ках мокрой набедренной повязки. А потом его руки сделали то, чего не сразу осмыслила голова. Они вложили камень в рот Суниха, запихнули его подальше к глотке, и, юноша, давясь и рана язык острыми ледяными ребрами, судорожно глотнул. Боль обожгла пищевод, но голова наполнилась радостным звуком: «Мой алмаз, мой!»

Незаметно истекло время работы. Нижних рабочих одного за другим извлекли на поверхность. Здесь их по обыкновению долго обыскивали. Суних безропотно стоял перед надсмотрщиком, который копался в его набедренной повязке, смотрел между пальцами рук и ног, заглядывал в ноздри, уши и рот. У надсмотрщика вдруг загорелись глаза:

— Собака! У тебя изранен язык! Ты проглотил алмаз!

— Нет. Клянусь аллахом, нет! — испуганно запричитал юноша.

Два стражника схватили его и оттащили в сторону. Суних задергался в грубых руках. Мертвея от ужаса, он смотрел, как подходит к нему кривоногий надсмотрщик. Блеснул изогнутый кинжал...

...Устад Суних вздрогнул и проснулся. Тело было мокрым от пота. Из узкого окна тянуло свежестью раннего утра. Мастер судорожно перевел дыхание, освобождаясь от ночного кошмара. Ликующие вопли ахмаднагарских петухов развеяли остатки наваждения.

Устад стер ладонями пот с лица и груди. Кряхтя, привстал на циновке, вынул из деревянной шкапулки у изголовья продолговатый кристалл.

Поистине неисповедимы пути аллаха! Давным-давно устад Суних нашел этот камень в копах Голконды, сумел утаить его и принести в Ахмаднагар*. Перекупщики дали за алмаз не очень много, но денег хватило, чтобы открыть мастерскую. И Суних продолжил дело своего деда, нашедшего способ вылушивать из бесформенных алмазов сверкающие октаэдры, и дело своего отца, который научился гранить непобедимые алмазы, но умер от голода. Через пять лет слава о молодом мастере вышла за пределы Ахмаднагара, и устад Суних раздавил конкурентов, погубивших отца. О длинном алмазе он вспоминал лишь изредка.

И вот волей аллаха удивительный камень снова в его руках, и на самой твердой грани, грани октаэдра, вырезана надпись — дело неслыханное доселе в мусульманском мире!

Каждое утро в лучах солнца и каждый вечер при свете свечи устад Суних разглядывал буквы, которые сначала едва распознавались в виде ничтожных царапин и только после многих недель работы приобрели глубину и резкость. И хотя буквы складывались в имя Бур-Хана, ничтожного и капризного прави-

* Ахмаднагар — город и султанат в средневековой Индии.

теля Ахмаднагара, присвоившего себе титул Низам-Шаха*, уstad Суних любил многократно перечитывать надпись, вырезанную собственными руками. Мастер спешил насытить взор, ибо алмаз придется вернуть в сокровищницу Бур-Хана. Работы же осталось немного: вырезать текущий год, всего лишь вертикальный штрих и три точки — тысячный год со времени переезда пророка Мухаммада (да святится его имя) из Мекки в Медину**.

Уstad Суних временно отрешился от суетных мыслей, совершил омовение и утренний намаз. Потом наскоро позавтракал куском лепешки с изюмом, запил чистой водой и подошел к низкому рабочему столу. Все на месте, но алмазный порошок кончается. Недовольно ворча о задержке, мастер выгнул ящичек с камнями-сырцами. Самые крупные из них весили полтора и два дирхема***, имели неправильную форму и выщербленные ребра. А зазубренный алмаз — дурная примета, ибо он побежден. Суровое правило мастеров гласило: «Алмаз высшего качества должен иметь вершины, грани, ребра в числе 6, 8 и 12, острые, ровные, прямолинейные». Требуются великая осторожность, верный глаз и точная рука, чтобы из бесформенного камня вылущить «хаваи ал-мас» — алмазный октаэдр или хотя бы «нарийа» — тетраэдр. Этими достоинствами и сверх них многими другими наделили уstadу Суниха дед и отец. А теперь он сам обучает искусству подмастерьев и учеников.

Мастер набрал полную горсть камней и дышал на них, пока они не согрелись. Затем погрузил алмазы в чашу с рассолом, в котором промывали серебро. Когда поверхность воды разгладилась, стало видно различие между камнями. Одни — и таких было мало — казались белыми, иные — красными и желтыми, но больше всего оказалось серых и черных. Уstad Суних извлек все белые камни и разложил их на шерстяной тряпичке. Затем взял один, вставил острым концом в свечу и посмотрел сквозь камень на солнце. Яркие желтые и красные искры ослепили глаз, маленькое лицо уstadу сморщилось от удовольствия. Да, это брахман, алмаз отборного сорта. После исправления им можно инкрустировать меч, или вставить в ожерелье, или украсить чалму. Для других, низших сортов тоже найдется место: красные кшатрии пойдут на перстни, запястья и браслеты, желтые вайшьи — на пояса, черные шудры — на ножные украшения. Поистине велик аллах, усыпавший русла рек Голконды столь разнообразными по цвету алмазами!

Понемногу начали собираться ученики и подмастерья, работа в мастерской потекла своим чередом.

Самую рискованную операцию — раскалывание камней по плоскостям спайности — выполняли опытные подмастерья, которые через несколько лет сами станут уstadами. Острыми ал-

* Низам-Шах — «Владыка Порядка».

** Это произошло 16 июля 622 года н. э.

*** Дирхем — мера веса, равная 3,125 грамма.

мазными осколками они прочерчивали линию раскола, вставляли в него лезвие ножа так, чтобы его плоскость совместилась с плоскостью спайности, и резко били по тупею. Камень распадался на две неравные части, выявляя сверкающую грань октаэдра. Последовательно обнажались остальные семь граней, и бесформенный кусок превращался в камень высшего качества — «хавай ал-мас».

Менее опытные подмастерья бережно собирали непригодные для изделий осколки, закатывали их в свинцовые лепешки или вместе с воском набивали в тростниковые трубки и легонько били сверху, пока сила ударов не одолевала алмаз и он не раскрошивался. Затем свинец или воск плавили в тигле. В жидком воске алмазный порошок тонул, в расплавленном свинце всплывал на поверхность. Его тщательно, до крупинки, собирали, смешивали с наждаком и полученным порошком полировали драгоценные камни.

Мальчикам-ученикам мастер показывал, как обращаться с камнями, как из алмазного порошка и смолы изготавливать абразивные круги, как вращать эти круги с помощью ручных дрелей, имеющих вид натянутого лука. Однако большинство учеников тупы и нерасторопны. Они пригодны лишь для того, чтобы подметать глинобитный пол, бегать на базар за лепешками или сидеть с опахалами над алмазной пылью и отгонять мух, дабы те не унесли в хоботках драгоценный материал. Устад Суних обессилевал, вкладывая в учеников трудолюбие и знание: бил их тростниковыми трубками, подвешивал к потолку, обливал жидким воском. Но чаще всего усилия пропадали даром. Редкие ученики выходили в подмастерья, прочих же отправляли на алмазные копи Голконды или Коллур, благо они могли отличить алмаз от кварца или граната.

Среди будничных забот устад Суних продолжал выполнять заказ Бур-Хана — заканчивал гравировку надписи на длинном алмазе весом в шесть дирхемов. На кончик стальной иглы, смоченной маслом, он набирал немного алмазной пыли и без конца царапал по треугольной грани камня. Медленно, медленно углублялась надпись, текли дни, разделенные пятью намазами на четыре части, незаметно проскакивали короткие душевные ночи. А в голове зрели дерзкие мысли. Вот есть он, устад Суних, великий мастер и знающий, что он — великий мастер. И есть правитель Ахмаднагара, называющий себя Низам-Шахом. Оба они всю жизнь провели среди драгоценных камней, найденных голодными рабочими и отобранных надсмотрщиками за кусок лепешки. Таков порядок в стране «Владыки Порядка»...

Жизнь и поступки каждого мусульманина предопределены. Народ увязает в нищете, шахи и султаны купаются в золоте. Так угодно аллаху. Великий мастер, знающий только радость работы, слепнет над алмазом, вырезая имя ничтожного владыки, а не свое. Так угодно аллаху... Зачем же всевышний (да свя-

тится его имя!) вкладывает в голову устада смутные мысли? Почему он указывает путь, который хотя бы частично восстанавливает справедливость? Значит, это угодно ему...

Так пусть же исполнится воля аллаха!

И вдохновенный уstad Суних покрыл готовую надпись на треугольной грани кристалла тонким слоем воска и острой иголкой вывел еще три буквы, хитроумно соединив ими выгравированную дату. Затем по восковому трафарету принялся вырезать их, не жалея алмазной пыли. Он забывал о сне, урывками молился, не следил за порядком в мастерской. Никогда в жизни он не работал так усердно и терпеливо, никогда раньше его рука не была так сильна и точна. И когда заключительное слово было готово, уstad Суних тщательно очистил надпись от алмазной пыли, вымыл камень и на тонком шлифовальном круге отполировал треугольную грань. И еще раз обмыл алмаз в воде, окуная его, как младенца.

Теперь грань сияла отраженным солнечным светом и внутренним золотистым пламенем самого камня. На ослепительном фоне резко выделялась надпись, при небольшом повороте на гибких буквах вспыхивали красные и желтые искорки. Последнее слово под годом гравировки в соответствии с правилами арабской грамматики не содержало кратких гласных и выглядело как «снх». Непосвященные узнавали в нем слово «санах», что в переводе означало «год». Но оно было наполнено другим смыслом — тайным, подлинным и справедливым.

Через века и страны царственный алмаз нес на своей грани имя великого Устада Суниха.

2. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ БЛОНДИНОК!

Пламя во дворце пылает — здесь алхимия царит,
Пепел превращает в яхонт*, огненный алмаз

творит.

Мансур Муваррид**

День начался с аварии. Усманов стоял у лабораторного пресса и следил за тем, как медленно и плавно опускается пуансон, прикрывая пресс-форму с шихтой. Марат уже хотел затворить бронированную дверцу, но тут раздался резкий треск, и мимо его головы что-то со свистом пронеслось. От неожиданности Усманов присел. В ту же минуту около пресса оказалась Светлана и вырубил электрoэнергию.

Марат выпрямился и, вымученно улыбаясь, похвалил быструю аппаратчицу:

— Молодец!

*Яхонт — рубин.

** Перевод С. Ахметова.

— Что случилось? — громко спросила Светлана.

— Что, что! — внезапно рассвирепел Усманов. — Пресс-форма ахнула, вот что!

— Марат Магжанович, ваше ухо в крови!

Аппаратчица сбегала за флаконом БФ-6.

— Смотри, Светик, не проболтайся, — попросил Усманов, морщась от жгучего прикосновения медицинского клея к ранке.

— А вы не нарушайте технику безопасности!

— При чем здесь техника безопасности? Уши у меня слишком далеко торчат, вот и все...

Светлана осуждающе покачала головой.

— Там вас к телефону кличут, — вдруг вспомнила она. — Из секретариата. Сказать, что вышли?

— Не надо.

Усманов прошел по огромному залу алмазного участка, оглядывая работающие прессы, аппаратчиков и стажеров. Из-за постоянного вибрирующего гула никто не услышал треска раздавленной пресс-формы. «Ну и слава богу, — подумал Марат. — А Светик смолчит». Он прижал трубку к раненому уху, чертыхнулся и перебриснул ее в левую руку:

— Усманов.

— Марат Магжанович, — зашебетала секретарша. — Вас ожидают.

— Кто?

— Корреспондент районной газеты.

Усманов вздохнул.

Корреспондент, а точнее — корреспондентка с магнитофоном через плечо сидела в кресле у витрины с продукцией института: кристаллами кварца, аметиста, рубина, слюды, разноцветных гранатов. Мелкие усмановские алмазы, упрятанные в небольшие ампулы, терялись среди этого сверкающего великолепия. Марат поздоровался, опустился в кресло напротив и взглянул на представительницу прессы с интересом и одобрением. Некоторые женщины тратят много времени и средств, чтобы хоть издали казаться белыми, а перед ним сидела блондинка милостью божьей, без единого косметического штриха.

— Чем могу быть полезен?

— Мы готовим цикл очерков к двухсотлетию нашего города. Мне поручено написать о лаборатории высоких давлений.

— Кто вас ко мне направил?

— Директор института.

Ну что ж, все как будто по правилам... Марат застегнул белый халат на все пуговицы, развернул широкие плечи и зажег в раскосых татарских глазах два коричневых огонька.

— Спрашивайте — отвечаем!

— Прежде всего мне хотелось бы узнать, как образуются алмазы. Только, пожалуйста, популярнее.

— Популярнее? — Марат прищурился на включенный маг-

нитофон. — Пожалуйста! У древних индусов был бог Бала, владыка преисподней. Он постоянно пакостил добрым богам, замораживал реки и озера, не давая крестьянам нормально трудиться. Возмущенный бог Индра метнул в саботажника молнию. Бала сначала окаменел, а потом рассыпался на мелкие кусочки. Вся эта местность стала алмазодобывающим районом. Кстати, и молнию и алмаз индусы называют одним словом — ваджра... Так вот, из того или иного участка тела поверженного Балы добывают алмазы разных сортов. Самые ценные камни называют брахманами, они имеют цвет жемчужной раковины и происходят из головы божества. Руки Балы стали источником кшатриев — камней с красновато-коричневым оттенком. Чрево бога превратилось в палево-желтые алмазы — вайшьи. И наконец, шудры, самые дешевые камни цвета отполированного клинка, находят там, где были ноги божества. Между прочим, четыре основные касты индусов носят те же названия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры... Я освещаю вопрос достаточно ясно?

Корреспондентка с серьезным видом кивнула.

— А откуда алмазы берете вы?

— Мы еще маленькие. — Марат осторожно потрогал мочку поврежденного уха. — Мы копошимся в ногах алмазного божества... Простите, я не запомнил вашего имени.

— Песцова... Валерия Валентиновна.

— Давайте, Валя, все посмотрим на месте.

Гибкая Песцова, затянутая в джинсовый костюм, и массивный Усманов спустились со второго этажа и вышли на солнечный институтский двор. Газоны уже нежно зеленели молодой травкой, почки на яблонях и рябине вздулись, готовые вот-вот лопнуть, а на густом кустарнике вдоль аллей проклевывались липкие листочки. Солнце превратило волосы Песцовой в золотые невесомые нити, высветило каждую веснушку. Марат щурил глаза, поглаживал коротко стриженную голову и неторопливо рассказывал:

— Впервые крупный октаэдр искусственного алмаза получил герой рассказа Уэллса. Взрыв динамита в стальном цилиндре, читали? Как известно, герой плохо кончил. Это не помешало директору нашего института стать приверженцем его метода... Американцы же давление до ста тысяч атмосфер и температуру до двух тысяч градусов решили получать на мощных прессах. В конце 1954 года исследовательская группа компании «Дженерал электрик» синтезировала первые караты алмаза... Вы, конечно, знаете, что алмаз и графит состоят из одного и того же элемента — углерода?

— Это проходят в школе.

— Правильно. В алмазе расстояния между атомами одинаковые, а в графите атомы расположены слоями. Отсюда раз-

ница в удельных весах и в твердости. Алмаз. — самое твердое вещество в природе.

— И его ничем нельзя поцарапать?

— Ничем! — категорически заявил Усманов.

— Но ведь существует алмаз, на гранях которого не просто царапины, а три арабские надписи!

— Вы говорите об алмазе «Шах»? — Марат улыбнулся. — Но это случай особый... Потом расскажу. Кстати, мы пришли.

Прикрывая плечом автоматический замок, Усманов набрал шифр, распахнул дверь и пропустил впереди себя Песцову. Валерия оказалась в огромном светлом зале с высокими окнами, под которыми стояли массивные металлические конструкции. В самом центре зала высилось огромное сооружение, похожее на церковные врата.

— Господи, что это за триумфальная арка? — спросила она.

— Наш новый пресс, рассчитанный на усилие в шестнадцать тысяч тонн, — горделиво ответил Усманов. — Собираемся вырабатывать на нем ювелирные алмазы.

Он подвел Песцову к конструкции у окна, которая тоже оказалась прессом, но менее мощным. Обслуживала его миловидная полная женщина в белом халате.

— Наш лучший аппаратчик, — представил Марат. — Специально приспособлена для работы в аварийных ситуациях.

— У вас и аварии бывают?

— Нет, что вы! Мы соблюдаем технику безопасности... Как дела, Светик? — поспешно обратился к аппаратчице Марат. — Когда кончаешь цикл?

Камера уже остыла, — громко ответила та, перекрикивая низкий вибрирующий гул, который наполнял зал. — Через десять минут снимаю давление.

— Вам повезло. — Усманов обернулся к Валерии. — Сейчас увидите наши алмазы.

— Прямо здесь они растут?

— Прямо здесь. Мы набиваем вот такое широкое кольцо, — показал Усманов, — шихтой, слоями графита и металла. Устанавливаем его в стальную полусферу, а сверху герметично прикрываем другой полусферой. Затем создаем нужное давление и поднимаем температуру до необходимого уровня. Металл плавится и растворяет в себе графит. В созданных условиях растворимость алмаза меньше, чем растворимость графита. Поэтому он и начинает кристаллизоваться, как сахар из чая.

— И до каких размеров?

— Сейчас увидите...

Миловидная Светлана наклонилась над пультом и принялась нажимать на разноцветные кнопки. В средней части установки дрогнула массивная округлая плита, медленно пошла вверх и остановилась. Светлана, задвинула ее вглубь, открывая вторую плиту. В центре лежал черный камешек, похожий на уголь. Ус-

манов взял его, ушел куда-то и через минуту вернулся, неся в руках угловатые обломки. Рассмотрел их, щуря и без того узкие глаза. Протянул Песцовой.

— Вот они, наши алмазы.

Валерия наклонилась, предвкушая ослепительный блеск и сияние, как в Алмазном фонде, но увидела только темную плотную массу, в которой чернели маленькие зернышки.

— Не вижу...

— Да вот же они, — показал ногтем Марат. — Черные кубики.

— Такие мелкие? — разочарованно протянула Песцова.

— А вы хотели бы величиной с алмаз «Шах»? — Усманов нахмурился. — Размеры самых крупных искусственных алмазов не превышают пяти миллиметров.

— Простите, я думала, что алмазы должны играть всеми цветами радуги.

— Играют только ювелирные камни. А мы выращиваем технические алмазы — для абразивных кругов, буровых коронок, пил, сверл и так далее. Вот запустим эту махину, — Марат кивнул на триумфальную арку, — тогда и ослепим вас радугой.

— Марат Магжанович, а вопрос о происхождении алмазов в природе уже разрешен?

— Давайте выйдем на воздух, здесь несколько шумно.

Они поблагодарили Светлану и снова окунулись в солнце и зелень.

— Дело в том, — Марат говорил и поглаживал коротко стриженную голову, — что алмаз стабилен только при огромных давлениях и температурах. Стоит понизить эти параметры, как он становится неустойчивым и может превратиться в графит. Однако такое Неустойчивое равновесие длится тысячелетия, чем мы и пользуемся, — Марат помолчал, соображая, подходят ли его научные рассуждения до Песцовой. — До сих пор происхождение алмазов для ученых загадочно. Некоторые считают, что они образуются при внедрении магмы в углеродсодержащие пласты. Другие — что они кристаллизуются на огромной глубине из кимберлитового расплава. Находят алмазы и в метеоритах, на что особенно упирает наш директор... Если бы точно знать, как растут алмазы в естественных условиях, мы бы давно завалили рынок бриллиантами.

— Я читала, что самый крупный из найденных алмазов весит полкилограмма.

— Да, знаменитый «Куллинан» весил шестьсот граммов. К сожалению, при огранке его разрезали на несколько кусков.

— Вы так много знаете об алмазах...

— Работа такая. — Усманов не заметил лести. Кстати, средневековых арабов глупости о происхождении алмазов не волновали. Они считали, что все ныне существующие драго-

ценные камни добыты Александром Македонским — по-восточному Искандаром Зуль-Карнайном — в Долине Алмазов. Долину охраняли пестрые змеи, взгляд которых обращал людей в камень. Но Искандар перехитрил змей. Он приказал воинам нести перед собой отполированные щиты. Змеи смотрели на себя, как в зеркало, и падали замертво. Войска вошли в долину и попали в зону вечного мрака. Они медленно продвигались вперед, то и дело спотыкаясь о лежащие повсюду камни. Зуль-Карнайн сказал: «Это камни сожаления. Те, кто подберет их, и те, кто пренебрежет ими, будут равно удручены». Ну, дальнейшее вы уже поняли. Камни оказались алмазами, и одни воины жалели, что не взяли их, а другие — что взяли мало.

— Как интересно! — Валерия тряхнула распущенными волосами. — Вы обещали рассказать о надписях на алмазе «Шах».

Усманов взглянул на часы.

— К сожалению, у меня через пять минут семинар.

— Тогда я приду завтра, можно?

— Завтра суббота.

— В понедельник?

— Договорились. В понедельник утром я вас жду.

Песцова кокетливо улыбнулась, поправила лямку магнитофона на плече и пошла в сторону главного корпуса. Марат посмотрел ей вслед, отметил гибкость стана и упругость походки. «Вах, какую девушку послал мне аллах! — подумал он саркастически. — Небось кто-нибудь уже доложил Ирине о нашем рандеву». И заспешил к себе на семинар.

3. АЛМАЗЫ ИЗ КАРТОШКИ

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

Александр Блок

Обещая рассказать историю «Шаха», Марат надеялся на Ферсмана. Года три назад, готовясь к сдаче кандидатского минимума, он довольно внимательно пролистал объемистую, монографию. В конце книги, помнится, приводилось научное описание исторических алмазов «Шах» и «Орлов». Вот пусть основоположник геохимии и поможет блеснуть эрудицией перед представителем прессы.

После окончания семинара Марат набрал внутренний номер телефона жены.

— Мать, сходи, пожалуйста, в библиотеку и возьми книгу Ферсмана «Кристаллография алмаза».

— Хорошо... — Голос Ирины удивительно похож на голос сына. — С кем это ты прогуливался по двору?

— Мною, как всегда, интересуется пресса! Домой идем вовремя?

— Да, Не забудь зайти, я в буфете набрала молока и огурцов.

— Обязанности свои знаю, — недовольно пробурчал Марат.

Было не по-весеннему жарко. Пока они добрались до своего микрорайона, Марат основательно взмок. Дома он немедленно полез под душ, а потом, остывший и умиротворенный, залег на диване. С привычной гордостью окинул взглядом две стенки стеллажей с книгами и уткнулся в ферсмановские алмазы, по обыкновению мысленно комментируя прочитанное.

Итак, форма «Шаха» настолько загадочна, что его даже откалывались считать алмазом... При чем здесь форма? Ничем не царапается — значит, алмаз! Вес 88,7 карата... Ого! Это почти восемнадцать граммов! Цвет — белая вода* с желтоватым оттенком от примесей железа... Ну, это вряд ли. Скорее всего цвет связан со структурной примесью азота. Камень поразительной чистоты и безукоризненной прозрачности. Имеет форму удлинённой призмы, притупленной на концах пирамидальными плоскостями... Впрочем, Ферсман прав, форма алмаза необычна. В природе и в лаборатории алмазы растут в виде кубиков или правильных восьмигранников-октаэдров... Грани октаэдра (ага, все-таки и в «Шахе» нашлись эти грани!) мягко округлые. Самая широкая грань разделена на длинные узкие facets**, одна из которых недоработана и исштрихована. Камень охвачен бороздой, прорезанной на глубину полмиллиметра.... Зачем?.. Блеск алмаза поражает. Скульптура поверхности целиком сохранилась в виде нежноточечного строения... Ох, и эпитеты позволяют себе классики!.. Весь кристалл пронизан мельчайшими пластинками двойников, которые едва вырываются на поверхности граней в виде тончайших дуг... Угледел-таки!

Далее шли рисунки шести главных граней; сумма углов между ними 360 градусов. Дальше — надписи на гранях... Погодите, погодите! Почему такая странная сумма углов? Только в четырехугольнике сумма внутренних углов может составлять 360 градусов, а шесть граней «Шаха» в сечении дают гексагон. Из школьной геометрии известно, что сумма внутренних углов любого шестиугольника всегда равна 720 градусам! В чем же дело? Ага, вот Ферсман приводит промеренные углы. Ну-ка проверим: 73, 37 и 70 — это будет 180; 75, 85 и 20 — тоже 180. Действительно, всего получается 360, а не 720... А-а-а! Ферсман же измерял истинные углы между гранями. А их сумма может выражаться любым числом...

Удивительно вырос этот «Шах» — три подряд идущих уг-

* Вода — степень прозрачности драгоценных камней, зависящая от механических включений, трещин, пузырьков и пр.

** Фасета — отполированная грань драгоценного камня.

ла в сумме составляют 180 градусов, следующих три угла — тоже 180. В целом, если учесть все три суммы, даже геометрическая прогрессия получается: 720, 360, 180. Каждая последующая сумма углов ровно вдвое меньше предыдущей. Матушка-природа что хочет, то и вытворяет! Попробуй в лаборатории воспроизвести такое... А может, это не матушка-природа? Впрочем, чушь, не следует отвлекаться.

— Что у тебя с ухом? — спросила подошедшая Ирина.

— Поцарапался, — отмахнулся Марат.

— Ужинать пора, зови Камилку.

Жена отобрала книгу и положила на столик в головах дивана.

Марат укоризненно посмотрел на маленькую Ирину в нарядном вышитом переднике, закричал недовольно и вышел на балкон. На широком пространстве между параллельно поставленными многоэтажными домами резвилось молодое поколение. Девочки в ярких коротких платьицах скакали по очерченным мелом квадратам, играли в мяч; голенастые мальчишки висли на перекладине, с криком гонялись друг за другом, скатывались с железных горок.

Вот в чем прелесть подмосковных городков — в широких дворах. Да еще лес с грибами и ягодами, река с рыбой и раками. И никаких машинных грохотов, вони и асфальтового клекта.

Марат, сощурив глаза, высмотрел с восьмого этажа черную голову сына и щелкнул языком. Услышав знакомый хлесткий звук, который во всем городе мог произвести только папа, Камилка замер на месте и задрал голову. Марат призывно махнул рукой — ужинать, мол. Через пять минут запыхавшийся и, естественно, мокрый от пота сын ворвался в квартиру.

За ужином Камилка, как обычно, размахивал вилкой, крошил хлеб и после каждого съеденного куса выстреливал вопрос:

— Пап!

— Ась?

— А чем кардинал Ришелье лучше Мазарини?

— Ну, видишь ли... — рассеянно Объяснял Марат.

— Пап?

— Сыночек, ешь живее, все стынет, — вмешивалась Ирина.

— Пап!

— О?

— Почему это я не вижу спутников Юпитера, хотя мой телескоп мощнее, чем у Галилея?

— Потому что он сам шлифовал линзы, а ты их купил в аптеке.

— Пап!..

После ужина Ирина принялась мыть посуду, Камилл убежал с самодельным телескопом во двор, а Марат опять уткнулся в ферсмановские алмазы.

Итак, все грани октаэдра в «Шахе» имеются, причем шесть из них заостряют концы удлиненного кристалла. Марат рассмотрел рисунок — один конец в плаке выглядел шестиугольником, другой — пятиугольником. Любопытно... Пятиугольная симметрия присуща только живым организмам. Например, морским звездам. Академик Чернов любил говорить, что этот вид симметрии является способом борьбы белковых существ против кристаллического оцепенения. Значит, алмаз «Шах» тоже наполовину живой. Черт, опять его заносит в сторону... Марат перевернул было страницу, но вернулся к рисунку — было в нем что-то странноватое. Присмотрелся внимательнее: вроде бы пятиугольник и шестиугольник самые обыкновенные, разве что несколько неправильные... Ах, вон оно что! Если продолжить вот эти три стороны шестиугольника, то должен получиться равносторонний треугольник. Ну-ка, ну-ка...

— Пап, я только что видел кратер Тихо!

— Ты почему до сих пор не в постели?

— Так полнолуние же!

— Ну и что?.. Принеси транспортир и немедленно ложись спать! Куда только мать смотрит...

Камилл принес требуемое и немного постоял, просительно сопя. Но папа уже его не видел. Сначала он убедился, что построенный треугольник действительно равносторонний. Потом перемерил все углы шестиугольника. Что за черт?.. Три угла подряд в сумме составляли 360 градусов, и три оставшихся — опять 360! Если принять во внимание общую сумму углов шестиугольника и сумму углов равностороннего треугольника, то снова возникла геометрическая прогрессия: 720, 360, 180. Не слишком ли много каких-то непонятных закономерностей для одного единственного кристалла, пусть он даже будет самым «Шахом»?

Ну, аллах с ними, с гранями. Более притягательны сейчас надписи на них. Еще с детства религиозная бабушка обучала Марата по Корану разбираться в арабских буквах: «Ба-би-бу, ха-хи-ху». Интересно проверить — насколько крепка мальчишеская память. И Марат медленно потащил палец справа налево по гибким письменам. Первое слово читалось как «брхан», за ним следовало «нзмшах». А так как краткие гласные в арабском письме не изображаются, то все вместе следует читать «Бурхан-Низам-Шах». Дальше следовало непонятное слово «сани», потом палочка и три точки, что, конечно, означало тысячный год мусульманского календаря, и снова непонятное слово «снх»... Все правильно! Вот ниже Ферсман приводит перевод надписи, сделанный академиком С. Ф. Ольденбургом: «Бурхан-Низам-Шах второй. 1000 год».

«Ай да я! — мысленно похвалил себя Марат. — Хоть и не академик, а почти все прочитал сам. Странно только — зачем неведомый мастер вырезал слово «снх» — «год». Оно здесь явно лишнее, все понятно и без него».

Откуда-то издалека донесся голос Ирины.

— Что? — переспросил Марат,

— Я спрашиваю — спать собираешься или нет? Первый час уже.

— Отдыхайте, Ираида Петровна, не обращайтесь на меня внимания*

Ну, раз дело дошло до Ираиды, то мужа сейчас трогать нельзя. Ирина вздохнула, заплела на ночь платинового цвета косу, заглянула к Камилке, поправила на нем одеяло. И пошла спать.

На другой день она поднялась рано, приготовила завтрак, разбудила сына и проследила за его утренней гимнастикой. Накормила и отправила в школу, а сама принялась за уборку. Перетерла стеллажи влажной тряпкой, вымыла полы во всех трех комнатах, собрала белье для завтрашней стирки. А Марат все изучал Ферсмана (спал ли он ночью-то?), время от времени звучно щелкал языком и только приподнял ноги, когда она мыла возле него. К часу дня пришел развеселый Камилка с полным портфелем пятерок, и они втроем пообедали. Потом Ирина с сыном пошли в лес, оставив Марата обложенным томами энциклопедии и книгами по кристаллографии и минералогии. Домой вернулись усталые и пропитанные весенними запахами.

Их ожидала загадочная картина: дорогой папочка сидел на кухне и вырезал из моркови нечто продолговатое и граненое как карандаш. На столе грудилась искрошенная морковь и картошка.

Что с тобой? — удивилась Ирина. — Не хочешь ли ты к ужину нажарить моркови?

— Не мешай! — Марат погрозил ножом. — Я делаю алмаз «Шах».

Мама и сынок недоуменно воззрились на отца.

— Ступайте, — Покосился Марат. — Я стою на пороге грандиозного открытия.

— Из картошки делать алмазы — действительно грандиозно! — Ирина засмеялась. — И как, получается?

— Не совсем. Хочу вырезать объемную модель, чтобы повертеть в руках. Да вот у Ферсмана маловато данных... Эх, хорошо бы посмотреть на настоящий «Шах»!

— Может, я помогу? — спросила Ирина. — Мое пространственное воображение сам Чернов хвалил.

Ее взгляд сразу наткнулся на арабские каракули, сплетенные в удивительно тонкий орнамент.

— Что это?

— Надписи, вырезанные на гранях тремя владельцами «Шаха». Но не в них суть. У кристалла очень странное соотношение между реберными углами.

А что они означают? — не слушала Ирина, показывая пальчиком на центральный орнамент.

— «Сын Джихангир-Шаха Джихан-Шах. 1051».

— Ого! Так давно?

— Это по лунному календарю. А от рождества Христова — год тысяча шестьсот сорок первый.

4. ВТОРАЯ НАДПИСЬ

Мир — лестница, по ступеням

которой

Шел человек.

Мы осязаем то,

Что он оставил на своей дороге.

Максимилиан Волошин

На тридцатом году правления странная болезнь поразила владыку Индии. Временами в животе начиналась такая боль, будто по нему 'полосовали кинжалами. Джихан-Шах перегибался пополам, катался на широкой постели и все-таки не мог удержаться от жалобных стонов. Преданный лекарь-брахман прикладывал к животу нагретые камни, поил разведенным в вине мумиё, окуривал дымом, от которого першило в гортани. Но все было тщетно. Боль набрасывалась внезапно, как тигр, и независимо от лекарств отступала, оставляя Джихан-Шаха обесилевшим и иссушенным. Истерзанное тело отказывалось служить, но голова оставалась трезвой и ясной.

Шах понимал, что от непереносимой боли может умереть, и тревожился за судьбу страны. Кто сменит его на троне? Аламгир жесток с иноверцами и сребролюбив. Он истощит государство, созданное кровью и потом тимуридов. Кроме того, соглядатаи донесли, что он готовит покушение на жизнь шаха. Пришлось удалить его из столиц и назначить наместником в Декане. Мало отличаются от Аламгира Суджа и Мурад. Умней и дальновидней всех четвертый сын — Дара-Шах. Только он может стать достойным преемником, только он умножит добрые дела отца.

Добрые дела и злые дела... Что хорошего и что плохого сделал поседевший шах за свою жизнь? Возвеличил государство Великих Моголов? Но для этого пришлось убить старшего брата Хосрова, воевать с отцом Джихангир-Шахом и вырезать претендентов на престол. Строил оросительные каналы в Пенджабе? Но ведь и налоги увеличил вдвое! Изгнал португальцев из Бенгалии? Но и разрешил английским купцам хозяйничать в стране. Семь тяжелейших голодовок перенес народ, пока воздвигали несравненное творение устада Исы — беломраморный мавзолей Тадж-Махал под пятью куполами. В нем покоится любимая жена Мумтах-Махал, рядом с ней найдет успокоение и шах... Что еще? Счастливые часы работы в гранильной мастерской... Борьба с непокорными князьями... Покорение Биджапура и Голконды... Сдача Кандагара персам... Все перемешалось — плохое и хорошее. Что останется после смерти?

Усобицы и могущественные соседи растащат страну по кусочкам.. Пересохнут каналы в Пенджабе. Время и люди разрушат мрамор мавзолея Тадж-Махал...

Алмаз!

Вот что сохранится, вот перед чем бессильно время — алмаз! На его сверкающей грани шах собственноручно вырезал свое имя...

Этот камень из покоренного Ахмаднагара привез великий Акбар, дед Джихан-Шаха. Более сорока лет алмаз пролежал в сокровищнице, пока не попался на глаза внуку. Из всех камней, которые прошли через мастерскую Джихан-Шаха, он стал самым дорогим и любимым. Загадочная продолговатость, родниковая прозрачность, цвет — будто он вобрал в себя золотое сияние солнца. И только одна грань покрыта матовым налетом. Шах собственноручно разделит ее на шесть фаяеток и пять из них уже отполировал. Осталось завершить последнюю, и тогда алмаз будет безупречным и останется таким навсегда.

Джихан-Шах осторожно поднялся и прислушался к себе. Боли не было. Он накинуд халат, вдел ноги в мягкие туфли с загнутыми носами, обмотал голову легкой чалмой и направился в мастерскую.

Осторожное покашливание остановило шаха у порога. Он оглянулся и увидел брахмана-лекаря, поспешающего к нему со сложенными у груди ладонями.

— Что случилось?

— Я не осмеливаюсь, повелитель...

— Приказываю: говори!

— В поисках источника болезни величайшего я решил проверить подаваемое к столу питье. Вот это найдено на шелке, сквозь который процежено любимое вино владыки. — Лекарь достал из-за пазухи и протянул шаровидную склянку с сероватым порошком.

Шах выпряхнул несколько крупинок на ладонь, рассмотрел и, бледнея, потер между пальцами:

— Алмазная пыль!

— Так, повелитель! — наклонил бритую голову брахман.

— Откуда вино?

— Его прислал наместник Декана.

— Иди.

Джихан-Шах резко повернулся и пошел через множество дверей, не глядя на застывших стражников. Ноздри тонкого крючковатого носа раздувались, редкие седые усы тряслись. Аламгир, его сын, прислал отравленное вино! И как тонко продумал — яд не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Он накапливается в теле, и жертва умирает от прободения кишок и печени. Слава аллаху, причина болезни определена, и теперь следует усилить бдительность. Распознанный же яд не страшен, не так много выпито...

А неверного сына вызвать в Агру и зарезать!

Джихан-Шах вошел в мастерскую и из владыки превратился в мастера-устада. Кивком головы приветствовал подмастерьев, приблизился и уважительно — обеими руками — пожал сильные руки старого гранильщика. Потом прошел к своему месту и принялся за дело.

Он внимательно проверил плавность вращения абразивного круга, подергал струну дрели — все было надежно. Из золотой шкатулки извлек удлиненный алмаз, и прикинул, насколько удобно тот зажимается пальцами и хорошо ли ляжет полируемая фацетка на поверхность круга. Потом глянул на мальчика-ученика, и тот ловко задвигал дрелью — будто перепиливал ось, на которую насажен абразивный круг. Устад обрызгал поверхность круга водой — веером разлетелись сверкающие капли, еще раз примерился и мягко прижал камень к вращающейся плоскости.

Круг вращался туда и обратно, шах часто взглядывал на камень, окунув его в кувшин с водой, и опять полировал фацетку. Губы его шевелились, будто приговаривали: «Гранись, гранись, гордый алмаз, наполняйся светом. Все изменчиво в подлунном мире — пересыхают реки, разрушаются горы, умирает человек, но дело его, воплощенное в сияющих гранях, будет жить и жить, изумляя потомков, и вызывая преклонение!»

На остром уголке фацетки уже пылал солнечный луч. Устад развернул руку, ну, еще немного... И вдруг из глубины двorca донесся гулкий грохот, лягз мечей и гортанные выкрики. Руки ученика дрогнули от неожиданности, алмаз недовольно вскрикнул. Джихан-Шах поспешно поднес его к глазам: на правый округлый край фацетки легли тонкие штрихи царапин. Устад сердито покосился на замершего мальчика. Тут дверь мастерской распахнулась, и в комнату упал стражник с обнаженным мечом. Лицо его было разрублено, кровь струйкой стекала с бороды.

— Спасайтесь! — прохрипел он.

Но через него, оскалив зубы, уже перешагивали убийцы, заполняя комнату. Увидев, и узнав повелителя, они замерли,

Джихан-Шах посмотрел на окровавленные сабли, на закатанные правые рукава халатов, спокойно снял с углей тигель расплавленного воска и бросил в него алмаз. И оглянулся на гранильщика — старик понимающе кивнул головой.

Толпа воинов расступилась, пропуская потного человечка лет сорока. Он был облачен в парадный халат, отделанный жемчугом. На остоверхой шапке переливались самоцветы.

— Ты?! — гневно вскрикнул Джихан-Шах. — Ты посмел?

Аламгир pokrивил в усмешке толстые губы и почтительно поклонился:

— Владыка болен и немощен, он не способен управлять го-

сударством. Я приглашаю тебя жить в агринской крепости, отец, да светятся твои глаза и да успокоится старость...

Джихан-Шах погладил по голове испуганного ученика, специально оглядел мастерскую и медленно пошел к двери навстречу десятилетнему — до самой смерти — заключению. Пошел расплачиваться за кровь брата Хосрова...

Той же ночью старик гранильщик проник в разграбленную мастерскую, вытопил из воска алмаз и закатал в чалму. Путь его лежал далеко — на север, к Дара-Шаху, законному наследнику.

Вскоре началась междоусобная война, которая продлилась год. Аламгир не был великим военачальником, но, интригуя, провоцируя и подкупая, он пленил и зарезал своих братьев, Суджу и Мурада. Последней покатила голова Дара-Шаха, который предлагал в обмен на жизнь продолговатый алмаз, но потерял и то и другое. Когда все претенденты были уничтожены, Аламгир воссел на престоле и повелел называть себя Ауренг-Зебом — Украшением Трона.

Прошло семь лет. Во дворец шаха в Джихан-Абаде, приседая и размахивая перед собой широкополой шляпой, вошел купец Тавернье. Заслуги француза перед Ауренг-Зебом неясны. Однако он единственный из европейцев, кто был допущен к осмотру драгоценностей короны. Четыре евнуха на больших деревянных блюдах, обитых золотыми листочками, принесли и показали самые прекрасные в мире камни, самоцветы первейшей воды, чистые и красивые формой. Купец держал в руках и алчно разглядывал голубоватые алмазы, ограненные розой и таблицами*, жемчужные бутоны, изумрудные броши. Весело скрипя пером (один из алмазов Ауренг-Зем пожаловал ему), Тавернье описывал трон Великих Моголов: сто восемь громадных кабошонов** благородной шпинели, около шестидесяти крупных изумрудов, бесчисленное количество мелких бриллиантов.

Балдахин над тронем тоже сверкал и переливался драгоценными камнями, а перед ним, на уровне глаз Ауренг-Зеба, на шелковой нити свисал желтоватый алмаз удлиненной формы в окружении изумрудов и рубинов. Арабские письма ка его границах с двух шагов не различались, но отполированные фацетки слепили глаза.

Камень был испорчен глубокой бороздой, охватившей один из его концов, и висел безжизненно, как удушенный.

* Роза — форма огранки драгоценных камней, состоящая из треугольных фацеток на плоском основании. Таблица — плоский камень с большой отполированной верхней поверхностью.

** Кабошон — обработанный камень округлой формы.

К воде, обильной растениями,
собирается много птиц; в юрту,
где живет мудрец, собирается
много гостей.

Монгольская пословица

Весь субботний вечер Марат читал Ферсмана, Костова, Кокшарова, Нарай-Сабо, знаменитую «Голубую книгу» Чернова. Рылся в энциклопедиях, справочниках и словарях. Сын Камилка несколько раз пытался выгнать его на балкон, где, как он уверял, одновременно видны Венера и Юпитер, Марс и Сатурн. Но ни острый серп Венеры, ни предполагаемое соединение Марса и Сатурна не соблазнили папу. Он читал до поздней ночи, а утром, когда Ирина пошла на кухню, уже что-то вычислял, резко двигая бегунок логарифмической линейки. Так продолжалось весь день, и к вечеру Марат созрел для того, чтобы задавать глупые вопросы.

— Мать! А зачем, собственно, нужны алмазы?

— Привет! — Ирина удивленно подняла густые брови. — Из них гранят бриллианты, ими направляют буровые коронки...

— Я не о том, — Марат поморщился. — Я тебя как физика спрашиваю: можно из алмазов делать лазеры или еще какую-нибудь сверхнужную и сверхмощную аппаратуру?

— Нет, — Ирина покачала головой. — Нельзя. Размеры маловаты, да и безумно дорого.

— А если я тебе дам килограммовый дешевый монокристалл?

— Это что — мысленный эксперимент?

— Пусть будет мысленный.

— Ну, я бы исследовала его физические и химические свойства. Многое уже известно: алмаз диамагнитен, флюоресцирует, фосфоресцирует, устойчив при высоких температурах, не растворяется в кислотах и щелочах. Что еще? Да, он наименее сжимаем из всех известных минералов.

— Какие свойства кристалла могла бы исследовать ты?

— Я могу посмотреть, как он пропускает видимую и невидимую области спектра, как через него проходят ультразвуковые волны.

— А лазеры?

— Если из алмаза выточить достаточно длинный цилиндр нужного диаметра, то можно проверить — способен ли он работать в качестве лазерного тела.

— И можно получить мощное излучение?

— Не знаю... Алмаз настолько уникален, что большие количества крупных и дешевых кристаллов произвели бы переворот в технике. Но у тебя нет таких кристаллов.

— Я их выращу!

— Когда?

— Завтра поеду к Чернову, а потом выращу.

— Завтра заседание ученого совета.

— Какой смысл держать тебя ученым секретарем, если ты не можешь отпустить родного мужа?

В понедельник Усманов прибежал на работу пораньше, быстро просмотрел операционные журналы на установках, отдал необходимые распоряжения и заспешил на девятичасовую электричку. В вестибюле ему встретилась блистательная Валерия Песцова.

— А я к вам, — улыбнулась она.

— К сожалению, срочно уезжаю в Москву, — сказал Марат. — Я предупредил в лаборатории: вас ждут и ответят на все вопросы.

— А как же алмаз «Шах»? — разочарованно протянула Песцова.

— Как-нибудь потом...

Усманов едва успел вскочить в последний вагон, как двери с шипением сошлись, и поезд тронулся. Шатаясь из стороны в сторону и хватаясь за скобы на сиденьях, Марат прошел во второй вагон и сел у окна. Дорога до черновского института (электричка, метро, троллейбус) занимала почти три часа, и Усманов подробно обдумал «план разговора с Николаем Ивановичем».

Марату повезло: у подъезда он увидел черновокую «Волгу», а взбегая по институтской лестнице, заметил характерную квадратную фигуру академика. Чернов, несмотря на свои восемьдесят лет, поднимался довольно бодро, размахивая стареньким обшарпанным портфелем. Голову он нес несколько набок и поглаживал ее маленькой ладошкой. Совершенно седые волосы были коротко острижены, такую прическу студенты называют «канадкой».

— Здравствуйте, Николай Иванович! — выпалил Усманов, догоняя академика.

Тот, не замедляя шага, повернул голову и улыбнулся — на круглом лице собрались многочисленные складки и морщинки.

— А-а, хитрый татарин! Здравствуй, здравствуй.

— Я к вам...

— Вижу. Что случилось — вырастил сантиметровый кристалл?

— Почти.

Они поднялись на третий этаж и пошли по длинному узкому коридору, слабо освещенному шарообразными светильниками. Чернов шагал вразвалку, здороваясь направо и налево и не обращая внимания на растущий сзади людской хвост. У кабинета тоже толпились сотрудники, но Николай Иванович сделал жест рукой — ждать! — позвонил ключами, отпирая дверь, пропустил вперед Марата. Прошел к столу и сел, поставив портфель у ножек кресла.

— Жарковато нынче, — сказал он, откидываясь. — Садись.

Марат сел и быстро оглядел тесный кабинет. Со времени последнего визита здесь ничего не изменилось: за стеклами трех шкафов теснились книги, на широком столе ничего лишнего.

— Читал последнюю статью своего многоуважаемого директора? — ехидно спросил Чернов. — Ох, какую ерунду он написал!

— Ваш аспирант! — тихим голосом напомнил Усманов.

— Самый первый, — уточнил Николай Иванович. — А первый блин всегда комом... Весьма негибкое мышление. Уперся в ударный способ синтеза алмазов, и ничем его не сдвинуть. Он и «Голубую книгу» до сих пор не понял. Ну да бог с ним... Что у тебя?

Марат выпрямился, погладил голову и хорошо поставленным баритоном продекламировал:

— «Кристалл неизбежно несет на себе следы предыдущих моментов своего существования, и по его форме, по скульптуре его граней, мелочам и деталям его поверхности мы можем читать его прошлое»!

— Ферсман, — кивнул седой головой Николай Иванович. — «Кристаллография алмаза», страницу не помню. Дальше!

— К сожалению, в своей практике мы редко пользуемся этим золотым правилом. Физики и химики не успевают исследовать полученные кристаллы, и мы ставим новые опыты почти вслепую. Да и как исследовать нашу мелкоту?.. А плановики подстегивают: давай технический алмаз, и как можно больше! Тылы отстали, а мы все гоним и гоним. Я уже не ученый, я — производительник!

— Излагаешь верно, хотя излишне страстно, — прервал Марата Чернов. — Однако кто тебе мешает...

— Простите, я не кончил. Плохо не только у нас, плохо везде. Взять такое простое и все-таки до конца не объясненное свойство алмаза — анизотропность. Казалось бы, поскольку алмаз кубический, постольку он изотропный и в поляризованном свете должен быть абсолютно черным. Однако все давно знают, что под микроскопом в поляризованном свете во многих кристаллах наблюдаются интерференционные фигуры — черные кресты, гиперболы и всякие извилистые линии на сером фоне. Этот факт связывают с наличием напряжений в кристаллах, которые получились в результате резкого изменения термодинамической обстановки в процессе роста. Но какого именно изменения? Точного ответа нет, потому что исследовано недостаточное количество природных алмазов.

— Марат, ты слишком тенденциозен! — опять перебил Чернов. — Вспомни хорошую монографию о якутских алмазах. Да и в ферсмановской монографии описан сто тридцать один кристалл.

— Ну и что? Для статистического анализа этого мало.

А между тем в хранилищах лежат сотни неизученных алмазов. Алмазный фонд забит кристаллами, которые сверкают без всякой пользы!

Николай Иванович поднял маленькую ладошку:

— Стоп! Говори прямо: чего добиваешься?

Марат отвел глаза в сторону и быстро произнес:

— Мне нужно исследовать алмаз «Шах».

— Та-а-ак... — протянул Чернов. — Почему именно «Шах», а не «Орлов»?

— Как же, — заволновался Усманов, — во-первых, противостественная для алмазов форма, во-вторых, размеры, в-третьих, я выявил в нем столько странных закономерностей...

— Камень детально исследован Ферсманом.

— Ну да, на уровне двадцатых годов: лупа и прикладной гониометр. Ни показателя преломления, ни удельного веса, не говоря уже об интерференционных фигурах.

— Двадцать второй год, — раздумчиво произнес Чернов. — Да, это не сахар... Александр Евгеньич рассказывал мне о перевозке драгоценностей русской короны из Петрограда в Москву... Да... Так ты считаешь, что на «Шахе» написано, как следует растить крупные алмазы неправильной формы?

— Это утверждает Ферсман!

— Да... — Чернов принялся поглаживать голову. — Да... Симметрия среды обязательно влияет на форму... Да... А если алмаз продолговат, то, следовательно, питающее вещество поступало неравномерно...

— Чернов, — кивнул головой Марат. — «Голубая книга», страницу не помню.

— Не язви... Да... А как мы получим к нему доступ? — вдруг спросил Николай Иванович.

Марат пожал широкими плечами.

— Ладно, это моя забота. У тебя все? — Не дожидаясь ответа, встал и подал руку: — Привет Ирине.

6. ХОРОШО БЫТЬ АКАДЕМИКОМ

Все, что видим мы, — видимость только одна.

Далеко от поверхности мира до дна.

Полагай несущественным явное в мире,

Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Омар Хайям*

Прошел месяц. От Николая Ивановича не было никаких известий. Усманов злился, но напоминать о себе не решался. Тут районная газета опубликовала очерк Песцовой. Заголовок, разумеется, гласил: «Рукотворный алмаз». В очерке Марата называли алхимиком, который из сажи делает бриллианты. Кроме

* Перевод Г. Плисецкого.

того, там было написано, что за спиной кандидата наук Усмано-ва — что бы вы думали? — кандидатская диссертация.

Камилка закончил четвертый класс с одной лишь четверкой по пению и ежедневно требовал от папы выполнения обязательств. Еще зимой было обещано купить телескоп в случае хорошей успеваемости сына. Денег на большую покупку, конечно, не оказалось, а слово следовало держать. Пришлось пойти на заем.

Дни тянулись в бытовых неурядицах, в выращивании мелких и темных алмазов, в скучных семинарах и субботних налетах на книжные магазины Москвы. И в ожидании черновского сигнала.

Звонок Николая Ивановича все-таки застал врасплох.

— Марат, — кричал в трубку Чернов, — завтра вечером ты должен быть у меня!

— Зачем? — растерялся Усманов.

— За тем самым, — веселился академик. — Захвати с собой пикнометр, все остальное я приготовил.

Марат положил трубку мимо аппарата, пошел на кухню и долго пил ледяную воду, которую водохлеб Камилка держал в холодильнике.

Назавтра Усманов примчался в Москву, долго слонялся по черновскому институту, невнимательно читая стенные газеты, и еле дождался приезда Николая Ивановича. Потом перетащил, в черновскую «Волгу» поляризационный микроскоп в ящике, микрофотонасадку, гониометр, радиометр. Колбочку со спиртом и пикнометр поставил в заднем окне машины, а усевшись на сиденье, взял их в руки, чтобы стекло по дороге не разбилось.

— Весы, — спохватился он. — Весы забыли.

П— Весы там есть, — успокоил Чернов.

Тронулись наконец.

По дороге Николай Иванович рассказывал что-то о Ферсмানে. О том, как Александр Евгеньевич в голодном и холодном двадцать втором году пришел в Оружейную палату Кремля. Как раскрыл тяжелый ящик с драгоценностями, небрежно завернутыми в простую бумагу. Как восхищался техникой гравировки на алмазе «Шах», исключительной и малопонятной по совершенству, резкости и изяществу исполнения. Все это Николай Иванович слышал от самого Ферсмана, когда в конце двадцатых годов сотрудничал в его журнале «Природа». Марат слушал невнимательно. Он прижимал к груди пикнометр и колбочку со спиртом, мысленно подгоняя машину.

Вот наконец кончился шумный и полетному зеленый Ленинский проспект, вот промелькнул мост через Москву-реку, и вот он — Кремль. В Боровицких воротах они остановились. Чернов протянул дежурному какие-то бумажки. Милиционер козырнул, сходил в свою будку, поговорил по телефону и, возвратившись, снова козырнул. «Хорошо быть академиком, — поду-

мал Марат. — Хорошо быть лауреатом всех мыслимых премий, Героем Труда и почетным членом европейских и заокеанских минералогических обществ. Все двери открыты. Надо будет самому попробовать».

«Волга» медленно прошла мимо Дворца съездов, развернулась и прижалась к малоприметной двери Алмазного фонда СССР.

Их встречала серьезная женщина в строгом костюме, похожая на английскую королеву, и два молодых человека в таких же, как и на Марате, легкомысленных распашонках. «Королева» чуть заметно кивнула, здороваясь, поговорила вполголоса с Черновым, строго поглядела на Марата и пошла к двери. За ней двинулся квадратный Николай Иванович и Усманов со своими склянками. Замыкали шествие молодые люди, которые в четыре руки несли аппаратуру. Они спустились по узким ступенькам, прошли темный коридор, опять пересчитали несколько ступенек, но уже вверх, и остановились у закрытых дверей. Ведущая позвонила, и ей открыли. На пороге стояли еще два молодых человека, которые внимательно осмотрели всю компанию и расступились, пропуская.

Николай Иванович и Марат вошли в средних размеров комнату. В центре ее размещался стол, покрытый толстой, как одеяло, скатертью. На столе стояли весы. В комнате Марат заметил еще одну дверь, но не нашел окон. Молодые люди поставили приборы на стол, Марат тоже освободился от колбочек.

Марат раскрыл ящик, извлек и собрал микроскоп, установил по уровню гониометр, расчехлил радиометр. Николай Иванович помогал ему как мог, остальные наблюдали издали.

Торжественно неся темную шкатулку, вернулась «английская королева». Поставила шкатулку на стол, критически оглядела легкий костюм Николая Ивановича и распашонку Марата.

— Вам придется надеть нарукавники, — велела она Чернову.

— Как прикажете, — с шутливой покорностью согласился тот.

— Алмаз руками трогать не разрешается, — не смягчилась «королева».

— А как же мы будем... — удивился Марат.

— Все манипуляции с алмазом совершаю я. Вы только показываете — куда и как его поставить. В течение работы из комнаты выходить нельзя.

Она открыла шкатулку, выстланную красным бархатом, извлекла и выложила на стол камень. И комната сразу преобразилась, будто наполнилась тихой музыкой. Марат умом понимал, что перед ним лежит обыкновенный кристалл. Но что-то — может быть, волшебная золотистость, а может быть, блик с арабскими письменами, который от грани камня лег на темную скатерть, — наполнили Марата предчувствием чего-то необычайно-

го. Ему стало холодно, и он поежился. Потряс головой, отгоняя наваждение, включил радиометр и поднес его к алмазу. Так... Только фон и никаких эффектов, что означает отсутствие радиоактивных примесей. Потом Усманов налил в пикнометр спирт, взвесил и попросил «королеву» опустить камень в жидкость.

— Спирт? — спросила хозяйка Алмазного фонда.

Марат утвердительно кивнул. «Королева» наклонила пикнометр и осторожно опустила сквозь горлышко алмаз. Камень беззвучно скользнул в жидкость, уровень который тут же поднялся.

— На весы, пожалуйста, — попросил Марат и наклонился, беря отсчеты. — Вес 17,74 грамма, объем — 4,73 миллилитра.

Чернов в заранее приготовленном блокноте принялся вычислять. В плотных нарукавниках он был похож на бухгалтера. «Чего копаются? — нетерпеливо подумал Марат. — Делить разучился?»

— Повторите измерение, — неожиданно попросил Чернов.

Марат пожал плечами и вместе с «королевой» заново проделал все манипуляции с пикнометром и кристаллом. Цифры, конечно, получились те же.

— Удельный вес камня три и семьдесят пять сотых.

«Слава богу, разделил!» — подумал Марат и вдруг громко щелкнул языком от удивления. Удельный вес алмаза, приведенный во всех справочниках, не превышал 3,56.

— Это не алмаз? — нерешительно спросил Марат.

— Это «Шах»! — строго заявила «королева», — Продолжайте, пожалуйста, не теряйте времени.

Марат унял дрожь в руках и принялся мерить углы между гранями. Результаты получались те же, что и у Ферсмана. А вот эти углы корифей не мерил... И Усманов внимательно брал отсчеты, называя грани и числа, а Николай Иванович аккуратно заносил их в блокнот. Дикая мысль о том, что им вместо алмаза подсунили имитацию, постепенно рассеивалась. А когда камень лег на предметный столик микроскопа, Марат окончательно успокоился. Нет, скульптуру поверхности, вот эти тончайшие дуги двойников, описанные Ферсманом, подделать нельзя. Усманов менял объективы, сбивчиво и многословно описывал, виденное, и Чернов еле успевал записывать. Истратив почти всю катушку на микрофотографирование поверхности, надписей и тончайших трещинок, уходящих в глубь камня, Марат включил анализатор, чтобы взглянуть на интерференционные фигуры.

Он смотрел на совершенно черный фон, расчерченный яркими желтыми линиями-паутинками на правильные квадраты, и ничего не понимал. Повернул столик микроскопа вокруг оси — паутинки погасли и тут же вспыхнули опять.

— Положите кристалл на другую грань, — попросил Усманов, не отрываясь от окуляра.

Паутинный узор дрогнул и переменился. На этот раз все поле зрения заполнила мозаика из шестиугольников, похожая на пчелиные соты. При следующем повороте кристалла появились равносторонние треугольники, сложенные опять же гексагональной мозаикой.

— Николай Иванович, — жалобно попросил Марат, — посмотрите, пожалуйста. Я ничего не понимаю.

Чернов спрятал блокнот в карман и сел за микроскоп. Он смотрел долго, движением руки показывая, чтобы алмаз перевернули на другую грань.

— Очень, оччень любопытно, — пропел академик и оглянулся на Усманова, который сопел у него за плечом. — Уже сообразил?

Марат растерянно покачал головой.

— Это же объемное изображение кристаллической структуры алмаза! Трехмерная кольчуга из тетраэдров!

Усманов все еще не понимал.

— Да посмотри же, это вовсе несложно. Квадраты видны, когда с оптической осью микроскопа совпадает ось четвертого порядка кристалла, а равносторонние треугольники — при совпадении оси третьего порядка. Понимаешь? Представь, что ты смотришь с разных сторон на объемную модель алмазной решетки.

— А! — До Марата наконец дошло. Он даже языком щелкнул от восторга. — Но как может получиться такое?

— Черт его знает! Да... Непонятным образом тонкая структура алмаза проявилась в интерференционных фигурах. Да.. Впрочем, эти фигуры всегда связаны с элементами симметрии кристаллов. — Чернов опять прильнул к окулятору. — Но такого феномена еще никто не наблюдал... Поистине кристалл находится в состоянии решетки! А ты обратил внимание на то, что в вершинах некоторых треугольников и квадратов, то есть на том месте, где расположены атомы углерода, светятся округлые пятнышки? В их расположении нет никакой закономерности...

— Товарищи, заканчивайте, — вмешалась вдруг «королева». — Ваше время истекает.

— Фотографировать! — приказал Чернов.

Марат принялся поспешно щелкать затвором, меняя увеличение и выдержку. Пленка кончилась, он быстро перемотал ее, сменил кассету и снова фотографировал. Хозяйка Алмазного фонда осторожно переворачивала кристалл. Тот показывал то отполированные facets, то чистые сверкающие грани, то грани с изящно вырезанными именами Бурхан-Низам-Шаха, Джихан-Шаха и Фатх-Али-Шаха...

7. ТРЕТЬЯ НАДПИСЬ

Полночных солнц к себе нас манят светлы...
В колодках труб пытливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты.

Максимилиан Волошин

Во имя аллаха, справедливого, милосердного!

Отрешись от земных забот, Фатх-Али-Шах, владыка Ирана, и посмотри вверх. Черный бархат небосклона усеян тысячами мерцающих звезд, словно праздничный плащ блестками. Голубым пламенем полыхает Риджл, рубиновым светом сияет Ибтал-Джауз, оранжевой яростью тигриного глаза наливается ал-Дабаран*. Много звезд на небе, не назвать их, не перечесать. — и все-таки нет среди них лишней. Если даже самая слабая звездочка погаснет — опустеет и почернеет в этом месте небосклон...

Спокойно мерцают звезды, спят мусульмане. Но не спится старому Фатх-Али-Шаху. Нет ни особых забот, ни тревог, ни огорчений — а не спится. Шах покряхтел, поднялся с постели и запахнул на груди тонкий халат. Пойти разве провести строптивую жену? Юная армянка пыталась убежать из гарема, но была поймана у городских ворот.

Мягко ступая по коврам, шах прошел в соседнюю комнату мимо застывшего у двери евнуха. Жена лежала на широкой доске, тонкое лицо ее ярко освещала масляная лампа. Маленькую голову охватывало грубое деревянное кольцо, загруженное свинцовыми шарами. Свинцовые шары сдавливали лоб, виски, темя и затылок жены.

Фатх-Али-Шах сочувственно поцокал языком:

— Больно?

Жена молчала. Выпуклые черные глаза были полуприкрыты воспаленными веками, искусанные губы плотно сжаты.

— Не надо убегать, — наставительно молвил шах. — Убегать нехорошо. Разве я тебя обижал?

Он не дождался ответа, покачал головой и вернулся в свою комнату. Кряхтя, взобрался на постель, устался на звезды.

Щедро рассыпал аллах по ночному небу небесные светильники, и кажется, что нечем затмить их блеск. Но вот взошла луна — и померкли звезды. Почтительно расступаются они, давая дорогу золотисто-желтому диску. Если звезды можно уподобить и блистательным красавицам, и стремительным полководцам, и непоседливым купцам, и тусклым простолюдинам, то луна, конечно же, звездный шах. Луна властвует на небе, как Фатх-Али-Шах — на земле.

Владыка Ирана повернулся на другой бок и поправил боро-

* Риджл, Ибтал-Джауз, ал-Дабаран — звезды Ригель, Бетельгейзе и Альдебаран в созвездиях Ориона и Тельца.

ду. Роскошная борода начиналась почти от самых глаз, сбегала на грудь и двумя белейшими клубами дыма уходила к ногам. Опершись локтем о мягкую подушку, шах прикрыл покрасневшие от бессонницы глаза и снова задумался. Мысли его устремились высоко.

Приближается тридцатилетие славного правления, это событие требует увековечения. Правда, имя владыки запечатлено в сердце каждого подданного, но хотелось бы материала подолговечнее. И тут шах вспомнил об огромном алмазе из сокровищницы. Вот поистине царственный камень! Два века он несет на гранях имена двух индийских владык, и за это время ни одна черточка не стерлась. Счастливая мысль, внушенная аллахом, так поразила повелителя, что он даже сел в постели, подобрав под себя ноги.

Сто лет назад грозный Надир-Шах вторгся в Индию и разгромил государство Великих Моголов. Число сокровищ, захваченных в Джихан-Абаде, превосходит вероятие. Списки свидетельствуют, что одними лишь алмазами, яхонтами, изумрудами и лалами* набили шестьдесят ящиков. Украшенные драгоценными камнями сабли, кинжалы, щиты, перстни, перья к чалме, кресла едва уместились в двадцати одном выюке. Только для того, чтобы увезти трон Великих Моголов, потребовалось восемь верблюдов. Число же золотых динаров не поддавалось никакому учету. Среди привезенных в Хорасан сокровищ оказался и желтоватый алмаз. «Такие неслыханные сокровища вида, — восклицает летописец, — все обезумели!»

Шах вздохнул и снова прилег на подушки. Увы, где все эти сокровища? За сто лет беспутные предшественники растратжирили большую половину, а оставшееся поглотили неудачные войны с кяфирами** и гарем...

Гарем — украшение престола. Самое сладостное олицетворение власти — гарем. Светлые северянки, пламенные дочери франков, капризные и нежные арабки, черные телом эфиопки и черные в страсти испанки обнимали его ноги, исполняли любое желание, выражаемое одним лишь шевелением пальцев. Среди юных жен Фахт-Али-Шах чувствовал себя не только владыкой, но и поэтом. И нередко посреди ласк он отодвигался от пылкой жены, торопливо хватал приготовленные калам и бумагу и, брызжа чернилами, словно кровью, торопливо записывал витиеватые строки газели:

Локоны твои струятся, словно райский водопад.
Стрелами звенят ресницы, душу уязвляет взгляд.
Предвещает взор бессмертье юношам и старикам,
Яхонт губ твоих вливает сладостно-смертельный яд.

* Я а л — благородная шпинель, камень розового цвета.

** К я ф и р ы — все немусульмане, в данном случае — русские.

Гурия! Меняю душу на один лишь поцелуй,
А потом я вместе с жизнью поцелуй верну назад! *

А игривое рубаи, которое он придумал только вчера наедине с юной эфиопкой, даже не надо записывать, ибо такие стихи забвению не подвластны:

Ты черна — и слава богу!
Чернота угодна богу!
Ночи черные в Иране,
Буквы черные в коране **.

Бездетных царей и султанов мучит мысль о престолонаследии. Им некому передать управление государственным кораблем. Такие тревоги чужды Фатх-Али-Шаху. Свыше сотни детей родили его жены, а количество старших внуков приближается к тремстам! Не оскудеет и не пресечется род Каджаров!

Шах-заде Аббас-Мирза — достойный преемник. Он неугоден кяфирам, но тем хуже для них! Хитрый и непоседливый, он с помощью друзей-инглизов реорганизовал армию, ввел регулярные полки сарбазов. Увы, военное счастье редко улыбается Аббас-Мирзе. Русские громили его при Канагире, в Карабахе и на Араксе. Из-под Мегри он тоже убежал разбитый. И Эривань едва не потерял. Пришлось вмешаться самому шаху, под зеленым знаменем которого сарбазы стремительно и неотвратимо вторглись в район Гумры — Артик.

Глаза старого шаха зажглись — уж не сам ли аллах вложил в его голову светлую мысль? Может быть, на царственном камне вырезать ту же надпись, которая украшала победоносное знамя? «Каджар-Фатх-Али-Шах Султан, сын Султана»!

Нет, не надо обманывать потомков. Все-таки он не сын султана, он вырос в бедности и голоде. Наследником его сделал евнух Ага-Мухаммед-Хан, первый из Каджаров. Он научил племянника непреклонности и владению саблей. Эти качества пригодились, когда в борьбе за престол пришлось с помощью аллаха зарезать брата соперника.

Итак, решено — надпись на камне будет гласить: «Владыка Каджар-Фатх-Али-Шах Султан». Ну и, конечно, год. И надпись эту вырежет искусный мастер, выписанный из Индии, имени которого в ночной бессоннице шах не смог припомнить.

Владыка удовлетворенно откинулся на подушках и расправил на груди роскошную бороду. Он вежливо думал о том, что Надир-Шах, бесспорно, был велик, но его правлению недоставало блеска. Он был лишен мудрых советников и умелых мастеров. Он не смог оставить своего имени на крепчайших гранях бесценного алмаза. Потом эту мысль сменили смутные образы, но они были так неясны и расплывчаты, что не могли быть выражены словами.

* Подлинные стихи Фатх-Али-Шаха. Перевод С. Ахметова.

** Перевод Г. Плисецкого.

Фатх-Али-Шах спал...

Он не знал, что через пять лет сарбазы неугомонного Аббас-Мирзы будут опять разгромлены кяфирами. Стране навяжут обременительный Туркманчайский договор, который вызовет недовольство подданных. В Тегеране толпа фанатиков растерзает посла Грибоедова, и во искупление его крови продолговатый алмаз с тремя искусно выправленными надписями придется поднести российскому самодержцу.

В 1898 году в описи драгоценностей русской короны под номером 38/37 появится надпись: «Солитер* Хозрев-Мирза неправоулыной фаусты — 86 7/16 карат. Поднесен в 1829 г. персидским принцем Хозрев-Мирзой и доставлен на хранение от г. министра Имп. Двора при письме за № 3802».

8. УСМАНОВ И ПРИШЕЛЬЦЫ

— Свистнуто, не спору, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!

Михаил Булгаков

На другой день после приезда из Москвы Усманов проявил я отпечатал пленку, снятую в Алмазном фонде. Почти все кадры оказались четкими, и он мысленно погордился своими способностями фотографа. Снимки Марат принес домой и показал Ирине. Увидев картинки с интерференционными фигурами, жена спросила:

— А модель алмазной решетки зачем снимал?

— Сразу виден физик-структурщик. — Марат завистливо вздохнул: — Это не модель, это алмаз «Шах».

— Микрофотография? — удивилась Ирина.

— Именно!

— И как ты объясняешь феномен?

— Даже Чернов в нокдауне, что уж говорить обо мне!

Но это еще не все. Удельный вес «Шаха» больше положенного.

— Может, примеси тяжелых элементов?

— Ты скажешь! Какие атомы можно втиснуть в решетку, чтобы увеличить удельный вес на две десятых?

— Да. — Ирина задумалась. — Здесь структурный запрет... — Она покусала полные губы. — Надо подумать...

Из соседней комнаты прибежал сын и, как всегда бесцеремонно, влез в разговор:

— Пап, а пришельцы на самом деле бывают или нет?

— Какие еще пришельцы? — Марат досадливо поморщился:

— Камилл! — возмутилась Ирина. — Видишь, мы с папой разговариваем? Почему ты мешаешь нам? Это невежливо.

Сын пожал тонкими плечами, обиженно засопел, но остался

* Солитер — крупный бриллиант.

на месте. Ирина как могла строже посмотрела на него карими глазами и продолжила, обращаясь к мужу:

— Давай рассуждать логически: повысить удельный вес «Шаха» можно либо колоссальным давлением, либо...

— Это отпадает. Сама говорила, что алмаз несжимаем.

— Тогда все-таки примеси.

— Примеси чего?

— Того, что может войти в решетку в больших количествах.

— Не разводи мистику, таких элементов нет.

— Нет? — Ирина наморщила лоб. — А углерод-13?

Марат, прищурившись, смотрел на круглое лицо жены и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Елки-палки, как же я сам не догадался! Химически он неотличим от обычного углерода...

— ...А атомная масса на целую единицу больше!..

— ...А из литературы известно, что алмазы стремятся войти в свой состав больше тяжелого изотопа, в то время как графит почти нацело состоит из углерода-12!

— Папа! — опять влез Камилка.

— Сынок, помолчи!.. Послушай, мы можем вычислить атомную массу элемента, составляющего «Шах». Все исходные данные есть... — Ирина вытащила из-под бумаг логарифмическую линейку и принялась считать. Марат посмотрел на взерошенные волосы сына, на рубашку, выбившуюся из шорт.

— Стричься тебе пора, вот что!

Камилл не обратил внимания на отцовские слова.

— Папа, можно мне наконец спросить?

— Валяй, спрашивай.

— Все писатели пишут, что на других планетах есть жизнь: и Алексей Толстой, и Казанцев, и Уэллс, и Ефремов, и Брунов...

— Не Брунов, а Бруно, — поправил Марат.

— Они пишут, что на Землю прилетали пришельцы.

— И что?

— Так прилетали они или нет?

— Науке это неизвестно.

— А Баальбекская плита и рисунки в пещерах?

— Они ничего не доказывают, потому что могли быть сделаны человеческими руками и по другому поводу. Нужно найти такую штуку, про которую точно можно сказать: она сделана пришельцами и только пришельцами. Понят?

— Жалко, — тяжело вздохнул сын и ушел, шаркая подошвами.

— Тапки надень! — крикнул вслед Марат. — Бруно он читает, а к тапкам никак не приучится... Ну, чего насчитала?

— Интересно получается, — ответила Ирина. — Вот смотри: рассчитанная атомная масса равна 12,76. То есть «Шах» примерно на четверть состоит из углерода-12, остальное — тяжелый изотоп. Если только в составе алмаза нет углерода-14...

— Исключено, — возразил Марат. — Радиоактивных примесей в, «Шахе» нет. — Он помолчал, поглаживая ладонью голову. — Ну, спасибо тебе. Надо обмозговать эту идею.

Марат думал долго, до конца месяца. При его скоропалительности это было очень много. Но решение так и не пришло. Полученные факты никак не хотели увязываться, они были слишком разнородны. Как увязать продолговатую форму алмаза с изотопным составом? Какой смысл заложен в скачкообразном уменьшении суммы углов между гранями — 720, 360 и 180 градусов? Где «Шах» набрал столько тяжелого изотопа? А интерференционные фигуры, складывающиеся в объемное изображение кристаллической решетки алмаза, вообще ни в какие ворота не лезли. Да еще эти загадочные светлые пятнышки в вершинах квадратов и треугольников...

Откуда-то издалека, из самых глубин сознания, просачивалась дикая мысль. Но Усманов загонял ее обратно — ученый он или беспочвенный фантазер?

Да, все вышло не так, как предполагалось. Он думал, что стоит исследовать алмаз «Шах», как все станет ясным. А тут еще большая темнота и бессмыслица. Если только не та безумная идея... Надо звонить Чернову, а то до понедельника не дожить.

Николай Иванович позвонил сам. Это случилось в субботу вечером. Голос академика был серьезным и даже озабоченным.

— Марат, ты разобрался в изотопном составе «Шаха»?

— Да, Николай Иванович. Мы с Ириной выяснили, что он на семьдесят шесть процентов состоит из углерода-13.

— И что ты предпринял?

— Написал в Киев заявку на десять граммов.

— Знаешь, сколько это стоит?

— Из магазина «Изотопы» сообщили: восемьсот двадцать рублей за грамм. Но это не страшно, у меня есть деньги на тему.

— Уж не собираешься ли ты выращивать технические алмазы по триста рублей за карат при нынешней цене — трешка?

— Николай Иванович, если мы вырастим трех-четыре-кратные ювелирные алмазы, то получим экономический эффект. Ведь цена бриллиантов достигает шестисот рублей за карат.

— Правильно. — Чернов помолчал. — Как ты объясняешь патологические свойства «Шаха»?

— Пока все темным-темно...

— И никаких идей? — Голос Чернова поскукнел.

В голове Марата пронеслось: «Сказать или промолчать? Засмеет ведь... А с кем же еще делиться?»

— Есть одна дикая идея. Сын на нее натолкнул.

— Излагай! — оживился академик.

— Да чушь собачья... Будете смеяться.

— Давай-давай, — подстегнул Николай Иванович. — Иногда безумные идеи — самые верные.

— Только, пожалуйста, не перебивайте. — Марат глубоко вздохнул и словно с кручи бросился: — В общем алмаз «Шах» — это письмо пришельцев, отправленное несколько тысяч лет назад.

— Письмо, значит...

— Николай Иванович, я вас просил!.. Гипотеза о пришельцах объясняет все странности «Шаха». Только вне земных условий мог вырасти продолговатый алмаз, состоящий в основном из углерода-13. Помните индусский миф о превращении Балы в груды алмазов? Я думаю, статую отрицательного бога пришельцы разрушили специально, чтобы это событие осталось в памяти людей. На месте обломков они оставили множество алмазов, а среди них кристалл-письмо. Необычная форма «Шаха» поражала воображение индусов, арабов, персов. Поэтому они не решились резать или гранить его, как это случилось с «Куллинаном». Пришельцы достигли своей цели — алмаз передавали из поколения в поколение нетронутым. Фacetки и надписи не в счет, они не нарушили формы кристалла и не исказили содержание письма. Что же хотели сообщить нам пришельцы? По-видимому, они закодировали в «Шахе» технологию синтеза крупных алмазов, поскольку этот минерал имеет большое значение для развития цивилизации... Информация записана на трех уровнях, на что указывает ступенчатое уменьшение суммы углов между гранями: 720, 360 и 180 градусов. Первый уровень — странная форма алмаза, закономерность в углах и удельный вес; второй уровень — наличие углерода-13 и фигуры интерференции; третий уровень, до которого мы еще не добрались, — тонкая структура «Шаха».

Продолжая говорить, Марат взял аппарат, прошел из коридора в комнату и сел на диван. Он почти успокоился и не обращал внимания на знаки, которые делала ему Ирина.

— Информация с предыдущего уровня подсказывает пути расшифровки информации последующего уровня. Действительно, удельный вес «Шаха» указывает на наличие углерода-13, а интерференционные фигуры — на способ кодирования основного письма...

— Ну-ну? — не выдержал Николай Иванович.

— Помните светлые пятнышки в узлах решетки? Я думаю, что ими обозначены атомы углерода-12. Во всех остальных узлах находятся атомы углерода-13, поскольку его в «Шахе» больше. Алмаз — это одна громадная молекула, состоящая из бесчисленного количества тетраэдров, соединенных друг с другом вершинами. В одних тетраэдрах есть углерод-12, в других — нет. Получается запись из нулей и единиц — двоичный код, известный любому пятикласснику. Все ЭВМ работают на двоичной системе счисления... Следовательно, чтобы прочитывать послание, необходимо расшифровать тонкую структуру «Шаха». Необхо-

димо точно указать, в каких тетраэдрах есть углерод-12, а в каких нет... Все!

— Вздор! — немедленно отреагировал Чернов.

Марат промолчал и покосился на Ирину.

— Форма «Шаха», — несколько понизил голос академик, — объясняется экранировкой кристалла и неравномерным поступлением питающего вещества. А что касается углерода-13 — мало ли какие флюктуации могут быть в магме!

— Товарищи! — слышался резкий голос телефонистки. — Вы занимаете линию уже десять минут. Заканчивайте!

— Еще минуточку, — попросил Чернов. — Так вот, Марат, приезжай в понедельник, потолкуем. У меня есть более правдоподобные объяснения причины патологии алмаза «Шах». Заодно составим план экспериментов с углеродом-13.

— Хорошо, — осевшим голосом согласился Марат.

— До свидания. Привет Ирине!

Марат посидел немного, слушая короткие гудки. Медленно положил трубку на рычаги аппарата.

— Съел? — спросила Ирина. — Пришелец!..

Марат не ответил. Он заперся в ванной и долго умывался ледяной водой. «Подумаешь, академик! — думал он. — Может быть, я тоже стану академиком... Сам не умеет определять координаты атомов, а я виноват!.. А может, я зарапортовался? Пришельцы!.. Нет, нутром чую, что с двоичным кодом ошибки быть не может. Но как его расшифровать? Сто или двести лет пройдет, пока прочтут письмо пришельцев. Мне до этого не дожить... Ан нет! — оборвал он себя. — Я еще не спекся. Я еще поэкспериментирую с углеродом-13!»

— Камилка! — весело закричал Марат, выходя из ванной. — Где твой телескоп? Айда смотреть пришельцев!

9. НЕБО В АЛМАЗАХ

Черепу шкатулку вскройте —
сверкнет
драгоценнейший ум.
Есть ли
чего б не мог я!

Владимир Маяковский

Посылка с заказанными десятью граммами углерода-13 пришла из Киева весной следующего года. Странное чувство испытал Усманов, когда вскрыл ящик, распеленал обернутую многими слоями ваты коробочку, выбросил из нее кучу упаковочной бумаги и наконец извлек запаянную ампулу с сажей. Сажа была как сажа, внешне она ничем не отличалась от бедной родственницы из печной трубы, но в то же время в ней чудилась избыточная тяжесть. Ощущение это, конечно, было ложным, потому что вряд ли в таком небольшом количестве порошка можно

было почувствовать увеличение удельного веса на десять процентов. И все-таки атомы киевской сажи содержали нейтронов больше, чем отпущено природой обыкновенному углероду. И это придавало ей некую аристократичность.

План проведения опытов с новым видом шихты был составлен давно и многократно обсужден с Черновым. Предусматривалось варьирование и размерами добавок тяжелого изотопа, и металлом-растворителем, и общим весом шихты, и параметрами режима. Кроме того, был буквально вылизан, отлажен и несколько раз опробован лучший пресс. Кроме того, Усманов договорился со всеми руководителями исследовательских подразделений института об экспрессном проведении необходимых анализов. Когда не хватало его напористости, он беззастенчиво пользовался авторитетом жены, к словам которой прислушивался сам директор. Таким образом, сложный институтский механизм был подготовлен, и посылка из Киева запустила его в работу.

В первом опыте выросли желтоватые кристаллики толщиной с иглу и длиной миллиметра три. В лаборатории их рассматривали, отталкивая друг друга от микроскопа. Единодушно решили:

— Это не алмазы!

Усманов сохранял непроницаемый вид. Молча собрал иголки в пакет, ушел к рентгенистам и вернулся через три часа. Сотрудники слонялись по лаборатории, отказавшись от обеда. Усманов, опустив глаза, сел за свой стол.

— Ну?! — не выдержал кто-то.

— Алмазы, — небрежно молвил Марат, бросая пакетик на стол.

Все дружно завопили.

Эксперименты ставили каждый день. Количество иголочек в спеках раз от разу увеличивалось, а на прессе с усилием в шестнадцать тысяч тонн их диаметр достиг миллиметра. Уже можно было налаживать бриллиантовое производство, но тут десять граммов бесценной сажи подошли к концу. Усманов с письмами от директора института и Чернова улетел в Киев и вернулся через неделю с килограммом углерода-13. Дома его нетерпеливо дождалась Ирина.

— Я нашла для наших алмазов крупное техническое применение! — заявила она радостно.

— Ну? — ироническим тоном воскликнул Марат. Успешная поездка в Киев вселила в него самоуверенность. — Молодец!

— Ты будешь слушать или нет?

— Извини, пожалуйста. — Марат посерьезнел. — Я слушаю.

— Я проверила иголки алмаза ка прохождения в них ультразвуковых волн. Обнаружилась интересная закономерность: чем больше в кристаллах углерода-13, тем меньше затухание волн.

— Иголочки, целиком состоящие из тяжелого изотопа, про-
верили?

— Да. В них затухание ультразвука очень велико. А в кри-
сталлах с добавкой углерода-12 — уменьшается.

— Погоди, я не уразумел. У тебя то легкий изотоп умень-
шает затухание волн, то тяжелый...

— Чего тут непонятного? Затухание ультразвуковых волн
уменьшается в двух случаях: если в обычный алмаз добавлять
углерод-13 и если в «тяжелый» алмаз добавлять углерод-12.

— Значит, задача состоит в том, чтобы вырастить кристаллы
с оптимальным соотношением изотопов?

— Правильно. Только это соотношение еще неизвестно.

— Ничего, вырастим — узнаем, — успокоил Марат жену. —
А где ты хочешь применять такие алмазы?

— В ультразвуковых линиях задержки.

— Что это такое?

— Эх ты, односторонний специалист! Да, без линий задерж-
ки немислимы телевидение, радиолокация, кодирующие и запо-
минающие устройства, электронно-вычислительные машины,
космическая техника.

— Ладно, ладно! Посмотрим еще, что скажет Чернов.

Николай Иванович, когда Марат сообщил ему результаты
исследований жены, неожиданно побледнел. Долго разглядывал
график Ирины. На чертеже были изображены две кривые линии,
приближающиеся друг к другу и к оси абсцисс.

— Это тебе не прищельцы, — хрипло произнес Николай
Иванович. — Если кривые встретятся на оси абсцисс, ваша ра-
бота получит Нобелевскую премию. Нулевое затухание ультра-
звука в кристаллах равносильно открытию сверхпроводимости
и сверхтекучести. Не говоря уже о колоссальном экономическом
эффекте. Это тебе не бриллиантовое производство!

— Ну?! — удивился Марат. — В таком случае мы сведем
кривые не только на оси абсцисс, но и гораздо ниже!

Но кривые так и не соединились. Усманов пускался на вся-
ческие ухищрения: менял давление и температуру, перепробо-
вал все металлы-растворители, вообще отказывался от них, уве-
личивал навеску шихты, менял катализаторы. Все было тщетно.
Правда, длина алмазных иглоков увеличилась, но это уже никого
не волновало. Каждый новый опыт Марата будил надежды, но
промеры Ирины давали неутешительные результаты. Работы
зашли в тупик.

Шло время. Камилл учился в шестом классе и переписывал-
ся с журналом «Земля и вселенная»; Марат отпраздновал три-
дцатипятилетие покупкой романа Булгакова «Мастер и Маргар-
ита». Директор института прекратил работы по ударному спо-
собу синтеза алмазов и высвободившихся сотрудников передал
Усманову. Но у Марата оставалось всего сто граммов тяжелого
изотопа. Он забросил эксперименты и принялся за анализ полу-

ченных кристаллов. Так как содержание углерода-13 в алмазе можно определить только по удельному весу, он усадил сотрудников лаборатории за пикнометры.

Результаты измерения удельного веса всех полученных иголок заставили Марата плаксиво сморщиться. Оказалось, что изотопы углерода, растворенные под давлением в расплавленном металле, вели себя по-разному. Легкий углерод-12 всплывал и концентрировался в верхней части пресс-формы, а более тяжелый углерод-13 собирался на дне. Гравитационная дифференциация... Только она, проклятая, мешала вырастить алмазы с оптимальным соотношением изотопов, необходимым для нулевого затухания ультразвука.

Печальный Марат поехал к Чернову. Долго они сидели друг против друга. Голос Николая Ивановича был минорен.

— Да... Надо как-то изворачиваться. Надо... Но как?..

— На земле от гравитационной дифференциации расплава нам не избавиться, — упрямо заявил Марат. — Никогда и никак. — Вздыхнул и поднялся. — Вот что, Николай Иванович. Мне нужна невесомость.

Чернов взглянул на него исподлобья.

— А еще что нужно? Не стесняйся, выкладывай. Предлагаю большой ассортимент: Луна, астероиды, планеты. И кольцо Сатурна в придачу... Сядь.

— Луна не нужна. Мне нужен равномерно перемешанный расплав. И вам он тоже нужен. И технике нашей, науке, черт возьми!

— Сядь, я сказал. — Чернов поморщился, как от зубной боли. — Впрочем, ладно, ступай.

У двери Марат обернулся и глухо спросил:

— Так что же нам делать, Николай Иванович?

— Думать. Да, думать. Искать.

Усманов слепо шарил рукой в поисках дверной ручки.

Через месяц Чернов снова вызвал Марата в Москву. Ирина ждала мужа к вечеру — они договорились пойти с Камиллом в лес, чтобы встретить там Новый год и полнолуние. Луна взошла точно по расписанию, лыжи были натерты соответствующей мазью, но Марат не приехал. Не появился он и на следующий день. Встревоженная Ирина звонила в Москву, но Николая Ивановича не было ни дома, ни в институте. И никто не знал, где он. Наконец Марат приехал, переполненный загадочности и многозначительности.

— Ты где пропадал? — спросил Ирина.

— Загулял. — Марат подмигнул.

— Мог бы позвонить!

— Не догадался... Знаешь, Чернов — гений! — добавил он ни с того ни с сего.

Ближе к весне в лаборатории высоких давлений появились стажеры, два плотных паренька. Один был чернявый, другой

белобрысый, звали их Сергей и Георгий. Они как привязанные ходили за Усмановым, лазили с ним во все щели прессов, рылись в технологической документации. Институтские девицы сразу отметили у добродушных и жизнерадостных новичков отсутствие обручальных колец. Однако Жора и Сергей их красноречивых взглядов не замечали. Целыми днями они работали, а вечера проводили в доме Усмановых. Копались в уникальной библиотеке Марата, играли в шахматы с Камиллом и совершенно покорили его знанием астрономии. Вооружившись телескопом, вторым спускались во двор, долго смотрели на звездное небо. Возвратившись, рассуждали о планетах, туманностях и межзвездной пыли. Ночевать уходили в гостиницу, отдав должное кулинарному мастерству Ирины.

— Очень современные ребята, — одобрительно отзывалась Ирина. — И головой умеют работать, и руками. Меня лаборантски замутили вопросами — кто же они?

— Обыкновенные стажеры, — темнил Марат. — Мало ли их у нас перебивалось!

Стажеры уехали через две недели, подарив растроганной Ирине коробку с редкостными конфетами, а Камиллу — спектрографическую приставку к телескопу.

— Вот каким должен быть настоящий мужчина! — попеняла Ирина.

— Авось и я неплох, — засмеялся Марат.

Потом Усманов зачастил в командировки. Он летал то в Ленинград, то в Киев, то в Новосибирск, то куда-то в Казахстан.

— Камилл кончил седьмой класс с похвальной грамотой, — информировала Ирина.

— Молодец! — хвалил Марат. — Весь в меня. А где он?

— В походе... Мы в этом году в отпуск идем?

— Давай зимой, а? На лыжах покатаемся!

— Ну давай, — вздохнула Ирина.

Лето выдалось пыльное, жаркое. Все были в отпусках, и она откровенно скучала. Потом Марат перестал ездить и впал в задумчивость. Казалось, он чего-то ждал. В шахматы играл невнимательно, постоянно проигрывал и даже не сердился на подначки сына.

Как-то раз, вернувшись из института, Ирина и Марат застали Камилла в большом возбуждении.

— Почему не сказал, — набросился он на отца, — что дядя Сережа космонавт?

— С чего ты взял? — Марат нахмурился.

— Так ракету же запустили! А в экипаже дядя Сережа!

Марат обмер и прислонился к косяку. Потом засуетился и, не раздеваясь, бросился к телевизору. Передавали сообщение о выводе на орбиту очередного корабля «Союз» с тремя космонавтами на борту. Позывные — «Алмазы», самочувствие экипажа хорошее. В программе полета стыковка с орбитальной стан-

цией «Салют», проведение технологических и медико-биологических экспериментов, спектральные исследования звезд, фотографирование земной поверхности. Потом на экране появились улыбающиеся космонавты и среди них — Сергей Скворцов.

— А почему дядя Жора не полетел? — спросил Камилл.

— Он дублер... Помолчи, не мешай слушать.

Утренние газеты сообщили биографии космонавтов. Было также опубликовано заявление экипажа перед стартом. Информация о программе полета повторила вчерашнюю.

Миновало еще пять суток. Марат мучился неизвестностью, глядя на него, нервничала Ирина. Камилл аккуратно собирал газеты с портретами дяди Сережи, а радио и телевизионные сообщения записывал на магнитофон. Вечером записи прокручивал отцу.

На седьмой день система Интервидения начала прямой репортаж из космоса. На экране — рубка орбитальной станции, уставленная приборами. Все три «Алмаза» в палевого цвета костюмах плавали в невесомости и улыбались. Репортаж вел Сергей Скворцов.

— Дорогие друзья! — Голос его был несколько искажен и, как показалось Марату, взволнован. — Вы знаете об успешной работе советских ученых по получению необычных сплавов, исследованию роста кристаллов в космических условиях. Космическая технология основана на использовании свойства невесомости для лучшего перемешивания материалов разного удельного веса. Вы помните, что только во внеземной лаборатории удалось получить, например, сплав кадмия, ртути и теллура — лучший материал для детекторов инфракрасных приборов. В программу нашего полета включен эксперимент по синтезу кристаллов, которые в условиях земной гравитации расти не хотят. Инженеры и ученые подготовили уникальную аппаратуру и шихту, запаянную в специальных капсулах, и мы провели эксперименты. Докладываю: мы получили эти кристаллы!

Он протянул к камере руку и разжал кулак. На ладони, посверкивая гранями, лежали продолговатые кристаллы величиной с палец. Цветной экран отчетливо передавал их золотистую желтизну и прозрачность.

— Алмаз «Шах»! — ахнула Ирина и повисла на шее у мужа.

Марат обнял ее и Камилла. Сергей Скворцов продолжал:

— Конечно, работы еще не закончены. Мы успешно завершили первый этап. Дальнейшие исследования кристаллов будут проводиться в земных лабораториях. Ждите нас на Земле!

Он убрал руку, и кристаллы медленно поплыли в невесомости, как стайка рыбок в воде. На острых ребрах вспыхивали красные и желтые искорки, грани поблескивали отраженным светом... Один из кристаллов так близко подплыл к передающей камере, что заполнил собой весь экран. Но и сквозь него были видны ликующие лица «Алмазов»...

Покоряющий пространство

«Упрямая вещь — инерция надежды. Еще вчера я сказал себе: «Оставь, наконец, эту телепатию. Побереги свои нервные клетки». А сегодня, повертевшись около получаса у экрана обзора, где в вечной пыли звезд так соблазнительно горит недосягаемая вишенка Солнца, я снова устроился в кресле и с тупым упрямством стал мысленно повторять коротенький текст то ли телеграммы, то ли мольбы, то ли какой-то современной молитвы: «Попал в катастрофу. Координаты такие-то... Заклинаю — помогите!»

В радиограмму это «заклинаю» я, конечно же, не вставил бы. А для телепатического вещания — подойдет. Я где-то читал, что в экспериментах по выявлению биологической связи пользовались именно такими понятиями: эмоционально-экспрессивными...»

Алексей выключил диктофон, поднялся, чтобы размяться. Он и сам толком не знал, зачем надиктовывает все это. Дневника он никогда не вел, а для тех, кто когда-нибудь наткнется случайно на обломок его ракеты, технология надежды и по-прежнему не нужна.

Он гнал от себя воспоминания о катастрофе, потому что мозг подсознательно снова начинал выискивать варианты спасения, но это было тщетно: на протяжении этих десяти дней обо всем было думано-передумано, все шансы, даже намеки на них пересмотрены. Да и пересматривать нечего. Об этом позаботился господин Случай.

Катастрофа произошла неожиданно, когда автоматика производила очередную коррекцию траектории корабля. Раньше, чем Алексей успел увидеть тревожный блеск индикаторов кибернетического штурмана, неожиданное ускорение швырнуло его в кресло, заняло в каждой клеточке тела.

«Опасности! Корабль маневрирует», — мелькнула мысль.

В следующий момент мощный удар едва не расколол кабину. Алексей проехал лицом по всем клавишам управления, и наступила тишина. Это была страшная тишина. Уже через ми-

нута он знал все: случайный метеор-привидение настиг его корабль, автоматы не успели сманеврировать, и пришелец вывел из строя двигатели и направленные антенны связи. Он знал, что это конец, что за орбитой Плутона с этого момента путешествует в безвестности мертвый обломок прекрасной машины для покорения пространства... Алексей знал все это в первую же минуту после катастрофы, и все же последующие дни спал и ел впопыхах: упрямо и последовательно отыскивал выход из ловушки судьбы.

«Кажется, больше уж ничего не придумаешь, — пришла тихая и грустная мысль. — Я боролся до конца, даже телепацию выгасил на свет божий... Остается ждать. Системы жизнеобеспечения будут работать еще долго, продуктов хватает... Ждать! Рация на прием работает... Если я перехвачу поблизости чьи-нибудь позывные, то...»

Что он сможет сделать в таком случае, Алексей еще не знал. Он сердито сдвинул брови, заходил по каюте. Потом, переборов вспышку раздражения, снова сел в кресло, взял диктофон:

«Я люблю говорить со звездами. Они хорошие собеседники — лучисто помалкивают, а величие мироздания подтверждает самые дерзновенные мечты. И кроме того, они всегда побуждают меня к откровенности... Так вот. Может быть, это кому-нибудь покажется странным, но я, космонавт, не особенно верю, что пилотируемым полетам принадлежит будущее. Мы едва достигли границ солнечной системы, а что уж говорить о межзвездных путях, где даже свет путешествует десятки, а то и сотни лет... Я верю во всемогущество разума над природой, а конкретнее — в наши органы чувств. Если человек сотворен эволюцией как существо космическое (сомневаться в этом за орбитой Плутона у меня нет оснований), то мы усовершенствуемся не только духовно, но и конструктивно, то есть резко возрастет свобода действий организма, спектр его возможностей. Это вовсе не означает, что мы должны сложить руки и ожидать подарков от эволюции. Свое дело она сделала: дала нам разум. И тем самым возможность для самоусовершенствования. Зачем, скажем, строить радиотелескопы и микроскопы, если можно вторгнуться в механизм генов и сделать так, пусть не сразу, пусть преодолев сотни трудностей, чтобы зрение человеческое само достигало при необходимости и далеких галактик, и смятения молекул. Чтобы голос человеческий пробуждал не только дремоту воздуха на какую-то сотню шагов вокруг, но, подхваченный солнечным вихрем, мчался в глубины вселенной. Эх, мечты, мечты...»

И вдруг. Какое-то странное движение на экране обозрения привлекло внимание Алексея, заставило его отбросить диктофон. В черной бездне, затмевая звезды, плыло облачко светящегося тумана. Вот оно приблизилось, грациозно скользнуло

в сторону, охватывая поврежденный корабль. Из бессловесной еще со времени аварии радии послышался спокойный голос:

— Здравствуй, неумелый пловец.

У Алексея бешено заколотилось сердце. «Галлюцинации, — промелькнула мысль. — Дожил до галлюцинаций...»

— Ошибаешься, — как будто ощущая его страхи, возразил голос. — Я — Покоряющий пространство. Ты просил о помощи, спасении. Я принес их тебе...

— Старший брат по разуму? — изумленно прошептал Алексей.

— Нет. — Покоряющий пространство уже успел овладеть интонациями человеческой речи, и в голосе его зазвенела легкая грусть. — Это ты — старший, я же только другой. Есть что-то похожее и на Земле. Поищи аналогию.

— Животные? — спросил у самого себя Алексей.

— И да и нет. У вас, скажем, дельфины. Проведи параллель между земным и космическим...

На экране обозрения появились серебристые струи, начали закручиваться в спираль.

— Я спешу, человек, — снова откликнулась рация. — Ведь в звездном море купается много существ. И тонешь в нем не только ты... Приготовься, будет немного необычно.

— Не понимаю, — растерянно проговорил Алексей.

— Ты не можешь передвигаться в пространстве. Поэтому я отнесу твой корабль к «берегу». Прощай. Я тороплюсь...

Очнулся Алексей от дерзких посвистываний ветра, долетавших из наружных звукоуловителей. Глянул на приборы, включил наружный браслет связи на сигнал всеобщего оповещения.

...Он лежал в разливах степного разнотравья у черного огрызка корабля и наблюдал, как неугомонный ветер погоняет в вышине табуны туч.

Услышав далекий шум санитарных гравипланов, Алексей устало сомкнул веки и подумал, что для него начинается необыкновенно интересная жизнь. Доказать существование Живущих пространством будет, наверное, нетрудно. Невероятность его возвращения — раз... И потом — неужели так трудно поверить, что у звездного моря также есть свои дельфины? А вот убедить даже ученых-биоников в том, что нужно не только строить звездные корабли, но и учиться самим покорять пространство, будет нелегко...

Когда кто-то большой и сильный подхватил космонавта на руки и понес к гравиплану, Алексей еще смог улыбнуться и подумать: «Они такие живые — степные цветы... Они ласкали мое лицо росистыми ладонями...»

Перевод с украинского Л. В. КУЦЕНКО

Инкана

Он медленно закрыл за собой дверь и опустил на пол большой черный портфель. В номере гостиницы стояла такая глубокая тишина, что казалось, и его самого не существовало. Мертвая тишина. Лакричнику стало страшно. Он медленно подошел к готельному киберону и нажал на красную клавишу «музыкальный транслятор». Из поднебесья заструились мягкие звуки, словно скрипки. Потом он включил все три окна, где спроектировалось море и солнце на закате, а на окне слева и горный хребет. Лег на топчан и закрыл глаза.

— Чем вы так обеспокоены? — спросил отельный киберон.

Виоловая лампа освещала причудливый орнамент на желтоватых стенах отельного номера, дверь стенного шкафа и экран телеинформатора, мереховый стол с вазоном искусственных цветов и полидикроловый триген киберона. Лакричник открыл глаза, ничего не ответил.

— Вы не нуждаетесь в моей компании? — опять спросил киберон.

— Просто не представляю, чем ты можешь мне помочь.

— Напрасно. Расскажите мне о себе. Вы уже вторую неделю живете в этом номере и еще ни разу не обратились за моей помощью.

Лакричник приподнялся и сел на топчане:

— Уже вторую неделю? Я потерял ощущение времени... Сделай музыку потише...

— О чем вы сейчас думаете?

— Галлюцинации... Я не могу отличить их от реальности. Перед глазами стоят контуры того желтого тела, что словно желтый листок...

— Может, действительно то был желтый листок?

— Я думал об этом, но был еще длинный белый свадебный шлейф, он развевался в воздухе, а сквозь его сумеречную прозрачность угадывались контуры человеческого тела в причудливой, неестественной позе. Было похоже на желтый кленовый листок, а у него на виске — кровь тоненьким ручейком...

И кто-то тихо смеялся водянистым смехом, который словно вытекал изо рта...

— Водянистым смехом? — громко рассмеялся киберон.

— Рад, что тебя немного потешил. — Лакричник грустно улыбнулся. — Но я в отчаянии. Может быть, у меня повышена чувствительность к энергии Прея? Не могу понять, как здесь, на Инкане, живут люди?

— А почему бы им и не жить? — опять засмеялся киберон. — Люди везде могут жить. Я так считаю.

— Правда твоя. — Лакричник коснулся рукой мерехового стола и, ощутив прикосновение, немного успокоился. — На Земле не было возможности даже толком изучить это излучение...

— Да, я знаю, — перебил его киберон. — Я знаю, что двадцать седьмой астероидный поток, как выяснилось уже после создания сто сорок второго звездного, имел очень высокий уровень излучения энергии Прея, энергии, которая освобождается вследствие природной или искусственной аннигиляции. Я все это знаю. Но давно известно, что влияние этой энергии на человеческую психику в свое время было очень преувеличено. Конечно, есть субъекты более уязвимые... Вы, собственно, откуда прилетели?

— Я землянин.

— Физик?

— Нет, исследователь-психолог. Моя тема — изменение психики в условиях инканского биопланотиноза.

— Интересная тема, — рассудительно сказал киберон. — Однако вам не следует акцентировать на энергии Прея. Ведь на Инкане на людей действует много различных факторов: изменение привычного стереотипа, отдаленность от естественного светила со всем комплексом его излучения, спектр нового искусственного солнца, новые почвы и новые, непривычные для землян химические соединения. А энергия Прея? Вот увидите, интерес к ней скоро пропадет. Я бы не советовал вам уделять ей слишком много внимания. Напрасный труд. Эта тема скоро потеряет свою актуальность.

— Почему ты так считаешь?

— Потому, что это вообще не самостоятельный вид энергии. Это комплекс различных излучений — корпускулярных и эманиционных непостоянного спектра, — освобождающийся при аннигиляции.

И вдруг словно кто-то застонал. Потом крик:

— О, как интересно! Я сейчас отрежу себе руку! Это очень интересно!

Значит, снова галлюцинации. На этот раз слуховые. Лакричник зашагал по комнате, нервно кусая губы, глубоко дыша. Посмотрел на экраны окон и грустно улыбнулся морю, горам и солнцу на закате. Он пожалел, что это были ненастоящие окна. Даже если бы через них и были видны только окна со-

седнего дома, или трубы некомпенсаторов, или магистрали с однообразным мельканием геликоптеров, все равно было бы лучше, чем придуманное море и небо безоблачное, лучше, чем галлюцинации на экране. В тех трубах и быстрых машинах есть своя красота, красота человеческой силы. Но за окнами одна за другой белопенно накатывались на берег морские волны.

— Лучше бы поговорил со мной, — настырно продолжал киберон.

— Не люблю говорить, не видя собеседника.

— Вам трудно угодить, — рассмеялся киберон. — Одним не нравится, если мы похожи на вас, людей, а другим, нужно видеть собеседника. Мне, может быть, тоже было бы приятнее разговаривать с полидикрововым тригеном, но я же не намекаю вам лишний раз, что вы только человек и к тому же не приспособленный к напряженному функционированию.

— Прекрати! — отчаянно закричал Лакричник, а стены отеля с жадностью поглотили его крик. — Ты ведешь себя дерзко! Я отключу тебя от энергосети!

— С разрешения центрального диспетчера, — молвил киберон уже почти ласковым тоном. — Ведь я здесь не только для того, чтобы развлекать вас, но и для контроля, чтобы вы не сделали никаких глупостей. Вы у нас человек новый, очутились в непривычной обстановке и к тому же, сами видите, вы очень чувствительны к энергии Прея... А если вам не нравится мой тон, то извините. Я просто хотел угодить вам, создавая разногласие. Люди преимущественно не любят, если киберы им во всем угождают. Но у вас, вижу, иные взгляды, и я вас понимаю. Достаточно в мире разногласий и без киберов... — киберон тихо засмеялся. — Так останемся друзьями. А если хотите видеть собеседника — пожалуйста.

На экране одного из окон Лакричник вдруг увидел фигуру человека, идущего от моря. Человек быстро приближался. Его белая рубашка ловила отблески заходящего солнца, волосы были мокрые, словно он только что купался в море. Но что это? Лакричник узнал в той фигуре самого себя.

— Привет! — весело сказал Лакричник с экрана, подходя так близко, что его лицо заняло почти весь прямоугольник воображаемого окна. — Что это ты захандрил? Рассказывай!

Лакричник молчал, с отчаянием глядя на экран.

— Тебя беспокоит потеря ощущения границы между реальным и вымышленным? Ведь правда? — улыбался с экрана двойник. — Я знаю, меня это тоже беспокоило первые дни. Но сегодня все иначе. Сегодня я впервые пошел к морю. Вода такая теплая и такая прозрачная. Я бы советовал и тебе не мучиться попусту в номере, а поехать к морю, развеяться. Я даже могу обожать тебя здесь, на побережье. От «Дзябрана» это десять минут. Слышишь, старик?

— Кто ты? — хрипло спросил Лакричник.

— Ну вот тебе, и не стыдно такое спрашивать? — рассмеялся Лакричник, который на экране. — Да ты переутомился! Разве можно так много работать?! Или думаешь, если прилетел сюда для научных исследований, то нужно хвататься за все сразу? Никогда не нужно спешить. Слышишь? Послушайся доброго совета: не выискивай лишних проблем, но постоянно имитируй деятельность. Припоминаешь, как в нашей старой сказочке кто-то там связывал быков хвостами, чтобы понести всех вместе, потому что не мог понести даже одного? Понимаешь? Я вчера это понял...

— Оставь меня! — крикнул Лакричник. — Оставь меня в покое!

— Нет, я не смогу оставить тебя в покое.

— Почему?

— Покой очень трудно имитировать. — Двойник отошел чуть дальше, и на экране окна снова появилось море, на белой рубашке опять заиграли отблески заходящего солнца. — Очень трудно имитировать. Но не грусти. Лучше послушай, что со мной приключилось вчера.

— С тобой?

— Да, со мной. И с тобою. Это все равно.

— Я помню все, что было вчера.

— А хочешь, расскажу такое, чего ты не помнишь?

— Будешь выдумывать?

— Вспоминать или выдумывать. Разве не все равно. Ты очень странный, — улыбнулся с экрана. — Вчерашнее существует только придуманным. Потому что оно было и его уже нет. Понимаешь? Я тебе открою маленькую тайну. Как ты думаешь, почему люди умирают? Не знаешь?

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Они уходят во вчера, чтобы ты мог придумать их такими, как тебе хочется.

Лакричник долго неподвижно сидел на топчане, потом резко поднялся.

— Достаточно! — сказал, решительно подошел и выключил все три окна.

— А говорили, что хотите видеть собеседника, — затаенная ирония слышалась в голосе киберона. — Как посмотрю, у вас и с самим собой нет ничего общего.

Лакричник выключил свет и какое-то мгновение смотрел, как в сумерках комнаты желтовато светятся, словно два глаза, телекариусы киберона.

— Далеко собрались?

Не ответив, закрыл за собой дверь. Он спустился скоростным лифтом со 127-го этажа. Вышел из отеля. Нашел среди множества машин на стоянке свой оранжевый трансгуляр.

Совершенно бесцельно, но очень решительно он открыл люк

и, словно спеша, сел в мягкое кресло кабины. Включил двигатель. Его движения были быстрыми и уверенными. От последовательной смены движений словно приходило ощущение собственной реальности. Взглянул на шкалу спектросублиматора, сверил показания прибора со стандартной шкалой. Потом проверил заполненность баков топливом Бакса, включил синхронизатор гелиогенератора и нажал на красную кнопку «пуск». Машина завибрировала, ожидая следующей команды. Щелкнул тумблером «горизонталь», положил руки на руль, нажал ногой на акселератор.

Вот уже который день подряд он имитировал деятельность. Изображал озабоченность и от этой игры чувствовал себя действительно озабоченным.

Какое-то время медленно объезжал отель «Дзябран». Смотрел на прохожих — озабоченных или театрально спокойных. Неожиданно для самого себя нажал на кнопку «вертикаль», и машина начала послушно подниматься, слегка завалившись на правый бок, продолжая описывать круг. Потом с максимальной скоростью он набрал высоту, вышел в открытый космос. Долгое время даже не оглядывался на Инкану. Смотрел на звездные узоры и думал о черной бесконечности, словно о живом существе, словно о громадном городе. Но ни разу не спросил себя, куда он летит, зачем напряженно сжимает руль своего трансгауляра.

Потом, тоже неосознанно, внезапно завалил машину на левый бок и сделал крутой разворот.

Услышал — стучит по обшивке коннектор гелиогенератора. Его давно нужно было приварить или заменить новым. Прошлый раз, когда коннектор повредило метеоритом, Лакричник просто зафиксировал его монодиртом. И вот опять он стучал по обшивке. Пришлось надеть защитный комбинезон, который всегда лежал у Лакричника на заднем сиденье, и выйти из кабины.

Автопилот держал обратный курс на Инкану.

Пытался делать все очень быстро, ибо понимал, что автопилот скоро переведет машину на режим торможения. Кое-как прикрепил коннектор и уже собрался возвращаться в кабину, как вдруг сперва спиной, которая даже через защитный костюм ощутила огненное дыхание, а потом и разумом понял, что случилось.

Его траектория совпала с траекторией искусственного солнца, громадной ракеты с топливом Бакса, дарующей тепло и свет для сто сорок второго звездного метакаскада. Лакричник резко обернулся и увидел ее, еще такую далекую и уже такую близкую. Понял, что не успеет возвратиться в кабину, что приходит его конец, но почему-то не было волнения и страха. Наоборот, с каким-то интересом, до боли прищурив глаза, рассматривал громадную скипетровидную головку ракеты. Поймал

себя на мысли, что жалеет о том, что такое интересное зрелище ему больше никогда не придется увидеть еще раз. Смотрел как интересный кинофильм и понимал, что смотрит в последний раз. Однако хватило трезвости мышления спрятаться за корпус своего трансгауляра.

Ему казалось, что он закипает в собственных испарениях. Но сгореть было не суждено. Тело машины взяло на себя основной тепловой удар. Солнце прошло на расстоянии всего нескольких километров. Обезумев от боли, инстинктивно пытался спастись: судорожно перебирая ребристую дакроновую тролей, которой был связан с машиной, добрался до кабины, смог ее открыть, даже выключил мотор деклиматора и уже после этого упал на дно кабины. Это длилось считанные секунды, но потом в его сознании растянется на часы. Нестерпимо болело обожженное тело. Напряженным, судорожным движением Лакричник сорвал с себя шлем. Какое-то мгновение отдыхал. Потом удалось снять и комбинезон. Из аптечки достал тубик ФИР-7 и быстро растер мазью тело. Спешил, пока на коже не появились волдыри, тогда ФИР-7 уже не поможет. На ладонях остались кровавые отпечатки от ребристой тролей.

Тем временем Инкана приближалась. Лакричник быстро пришел в себя. Опять уверенно положил руки на руль. Чувствовал себя счастливым, но не оттого, что остался жив, а от остроты пережитого. Словно посмотрел интересный фильм. Тело уже не болело, а только приятно покалывало после мази, как после холодного душа.

И вдруг Лакричник громко рассмеялся и резко повернул руль налево. Машина завалилась на левый бок, крутой вираж, глаза налились кровью от перегрузки.

Лакричник догнал ракету-солнце. Подлетел к ней совсем близко. Словно бабочка к свече, снова и снова возвращался к скипетровидной, пышущей огнем головке ракеты. Безумно смеялся, когда огненные языки лизали брюхо машины. Подлетал к искусственному солнцу все ближе, но не сгорал, как мотылек, и ему захотелось пролететь через самый ад. Машина выдержит семь тысяч градусов. Нужно только удачно пролететь между арками колосников ядерной топки и вырваться наружу с противоположной стороны.

Лакричник уже направил машину навстречу смерти, описав очередной круг, но какая-то сила заставила его опомниться и взять курс на Инкану. Высокомерно, победно улыбаясь, он смотрел, как яркие протуберанцы в последний раз лизнули брюхо корабля.

Через несколько минут включил режим торможения.

Посадил машину на небольшой поляне па берегу реки. Рядом был лес. Лакричник долго не выходил из кабины. Смотрел на реку, на вечножелтый лес — выдумку биологов, на зеленую траву. Потом открыл люк и долго сидел, свесив ноги. Слушал

тишину. Потом соскочил на землю, лег в густую траву и утонул в ней, словно растворился.

Где-то далеко словно ударил колокол. Потом еще раз, еще раз... Лакричник приподнялся и посмотрел вокруг. Колокола ударили снова, и Лакричник понял, что этот звон рождается в его мозгу.

Обессиленно, в отчаянии упал в траву. Опять галлюцинации. Нужно как можно быстрее возвращаться на Землю, пока не привык к постоянным имитациям. Здесь, на Инкане, имитации деятельности спасали его от болезненных срывов. Но ведь он еще не потерял способности понимать, как это ужасно — превратить свою жизнь в постоянные имитации работы, любви, счастья. Нужно как можно быстрее возвращаться.

— Добрый день, — услышал звонкий голос над собой, а потом словно эхо повторило несколько раз. — Добрый день... обрый день... брый день... рый день...

Захотелось плакать.

— Добрый вечер, — опять тот же голос, и опять эхо повторило уж тише: — Добрый вечер... обрый вечер... брый вечер... рый вечер...

— Вы заснули? — ласковый женский голос.

Лакричник лежал неподвижно.

— Может быть, это биокйбер? Поврежденный кйбер? — мужской голос.

— Его нужно убрать отсюда, — женский голос. — Отправить на комбинат.

Лакричник перевернулся на спину и тупо смотрел в одну точку, не надеясь никого увидеть. Однако перед ним стояли юноша и девушка. Он был уверен, что они существуют только в его воображении.

— Нет, это не кйбер, — сказала девушка и села на траву рядом с ним. — Добрый вечер, — сказала тихо.

Лучи заходящего солнца оранжево освещали ее золотистые волосы.

— Кто вы? — наконец спросил Лакричник.

— Ярутка. — Улыбнулась.

Лакричник протянул руку и прикоснулся к девушке.

— Через несколько минут на этом месте... — сказала Ярутка и удивленно посмотрела на него, — ...начнется строительство Инканского исследовательского центра проблем долголетия. Мы вынуждены вас побеспокоить...

— Я только что был там! — воскликнул Лакричник, смотря на оранжевую тарелку искусственного светила на горизонте.

— Где — там?

— Там, — показал рукой на солнце. — И я там не думал о вас. Мне было хорошо там.

— Вы бредите? — испуганно молвил юноша.

Лакричник молчал, только смотрел воспаленными, мутными глазами.

— Однако же вы дерзкие галлюцинации... Вы не дали мне и минуты, отдыха... Вы заставляете меня снова лететь туда... — устало смотрел на заходящее солнце. — Только постоянная деятельность спасает душу. — Лакричник медленно пошел к своей машине, вдруг неожиданно остановился и закричал: — А вы кто такие?! Почему я должен вам подчиняться, словно вы действительно существуете?!

— Вам здесь опасно находиться, — сердито сказал юноша. — Это строительная площадка. Через несколько минут...

И в это время долетел шум множества мощных моторов. С неба в густую высокую траву начали спускаться большие грузовые тригуляторы, из них выбегали люди, выезжали машины. Вмиг все смешалось в один круговорот — грохот машин, хриплые, усиленные мегафонами голоса людей. Лакричник еще пытался понять — существует ли виденное на самом деле или только представляется ему. Со всех сил закричал:

— Остановитесь! Эй, вы! Вы все! Остановитесь! Хотя кто-нибудь остановитесь!

Но на него никто не обращал внимания, его голоса вообще никто не услышал за грохотом. И Лакричник победно улыбнулся:

— Вы не существуете! Вы только мираж! Я разговариваю с миражем. Я говорю сам с собой.

Обходя большие машины и людей, дошел до своего трансангулятора, сел в кабину и дрожащей рукой нажал на клавишу экстренной связи с Землей.

— Земля?

— Седьмая на канале девятого, — ответил безразличный голос кибера из динамика.

— Земля, я девятый. Я не могу продолжать программу исследований. Галлюцинации. Прошу о помощи.

— Информация принята.

Он еще смог запрограммировать траекторию к отелю «Дзюбран», нажал на кнопку «вертикаль». Закрыл глаза и закнул мгновенно, словно умер.

Проснулся он так же неожиданно. Солнце светило прямо в глаза. Посмотрел на часы — он спал два дня в машине на стоянке возле отеля.

В душе царило непонятное равновесие. Покой. Лакричник не узнал сам себя. Словно родился во второй раз.

— Вот и миновал кризис, — сказал вслух.

Уже не проверял материальность окружающего. Степенно пошел к центральному входу отеля. Вдруг вспомнил ту девушку, ярутку. Ту, которую видел возле реки, и уже не волновало

его, реальна ли она или порождена его большим воображением. Ощущал прикосновение ее волос, ее дыхание и даже упругость молодого тела. Чуть не возвратился назад к машине. Хотел лететь снова к реке, на строительную площадку. Он не сомневался, что встретит там ярутку. Ему захотелось опять быть среди суматохи, в толпе, объединенной общей для сотен имитацией деятельности. Но увидел на пороге больших прозрачных дверей своего старого друга, Тереста. Удивленно остановился, встрече не обрадовался.

Терест подбежал к нему.

— Ну как ты? Я прилетел два часа тому назад, тебя нет... Как ты?

— Великолепно, — улыбнулся Лакричник. — Все нормально.

— Ты говорил с Центром. Напугал нас. Если уж ты просишь о помощи, значит, дела плохи. Ты говорил о галлюцинациях.

— Пустяки, — улыбнулся Лакричник. — На Инкане прекрасно, только нужно немного освоиться и не выискивать проблемы, старик, — самодовольно потрепал Тереста по плечу, — Понимаешь? Не нужно докапываться — галлюцинации или нет, умно или не умно. Хочешь, поедem сейчас к одной крале? Или пошли в мой номер, выпьем по стаканчику инканского.

Терест достал из кармана очки, протянул их Лакричнику.

— Пожалуйста, надень их, тогда мы и поговорим, и пойдem в отель, и выпьем по стаканчику. Я захватил с собой. Надень очки.

— Зачем? — безразлично спросил Лакричник.

— Не выискивай лишних проблем, — улыбнулся Терест. — Надень...

— Ты зануда, Терест. — Но очки все же небрежно нацепил на переносье.

Некоторое время оба напряженно молчали, смотрели друг на друга. Потом Терест достал еще одни очки, спрятал и свои глаза за синими стеклами.

— Ну как? С тобой уже можно говорить по-земному?

— Ты давно прилетел?

— Я же сказал: два часа тому назад.

— Что это за очки?

— Новинка. Экспериментальная модель. Со временем это может быть и не в форме очков. Защита от энергии Прея благодаря генерации квазирезистивного поля. Полностью снимается влияние на центральную нервную. Скоро начнется массовое производство. Слышишь? Тема твоего исследования превратилась в чисто теоретическую. Скоро у каждого будет такой генератор, как есть теплая одежда у каждого на холодных планетах. Раскусили мы этот орешек!

Лакричник склонил голову Тересту на плечо и заплакал.

— Спасибо, что ты не задержался, — вымолвил сквозь слезы.

Джентельмен с "Антареса"

Куда Балаева судьба ни забрасывала, нигде Балаев в последних не ходил. Бывали, конечно, смешные истории, но, если по совести разобраться, смешного со мной происходило ничуть не больше, чем с другими. Только я об этих случаях рассказываю, а другие, видимо, стесняются.

Рассказать я мог бы и о серьезных вещах, все это специальный материал. Мигом упрямся в какой-нибудь вектор Бюргера — и рассказу конец. Вот я и толкую о космических злоключениях, но вы не думайте, что я какой-нибудь Епиходов — двадцать два несчастья. Просто я жизнерадостный человек, и чувством юмора меня, по слухам, бог не обидел.

Вот не рассказывать же вам, как мы с Валерой Слесаревым и Светочкой Пищухиной кварцевые колечки для «Антареса» отливали. Работа была незабвенная! Атом к атому подбирали. Печь в тридцать мегаватт целый год круглосуточно крутилась. Первое колечко угробили, второе вышло так-сяк, третье — на загляденье, а четвертое — чуть-чуть похуже. Все как надо: пять метров в диаметре, высота — четыре, идеальный цилиндр, абсолютная прозрачность по всем заданным окнам спектра.

Конечно, шло это все под маркой Ледовского. Вокруг нас начальство, рубли, киловатты, километры, приказы с такой полосой, приказы с сякой полосой, шуму, грому — всего этого выше головы. Но не будь Валерки и Светочки Пищухиной, ни черта бы из этого не вышло, и все эти миллионилли, все это прахом пошло бы. О себе не говорю, другие скажут. Но свои сто двадцать ночей я при этой печуре отстоял, и все на нервах, и все — «давай-давай!». Один раз, когда в Светкино дежурство табло входа погорело и пошло завирать, так это ж — надо ей памятник поставить! — сообразила она, что к чему, повела процесс вручную и ни малейшего себя не допустила. А ведь ей заодно пришлось еще по телефону ежеминутно кому-то мозги вправлять, потому что всякие долдоны вокруг забе-

гали, начали руками махать: «Брак в шликере! Подсудное дело!» И т. д., и т. п.

Простите, увлекся. Я же совсем не об этом собирался рассказывать.

Вот, значит, госкомиссия приняла наше третье колечко на все двести баллов, четвертое — на сто семьдесят пять, решили в запас еще два отлить, накал уже не тот. Валеру со Светой у печи оставили, а меня при кольцах отправляют на монтаж. Груз негабаритный, спецтрейлера нам дают, автоинспекция дороге перед нами на пятьдесят километров вперед вычищает, скорость нам — сорок в час, Движение только в светлое время суток. Кто-то там в комиссии перестарался. В колечках напояжения в нулях, об наш кварц в лепешку расшибись — ему ничего не будет. Но на вид стекло, конечно. Ничего не скажешь.

Все три тысячи верст прошли мы, как по коврику. Две недели ехали. Я, как положено, от колечек наших ни на шаг, а по приезде первым делом проверяю порядок монтажа.

Посмотрел я на чертежи, и волосы у меня дыбом на голове встали! Забил я во все колокола и вломился к самому Нимцевичу. «Как же можно, — кричу, — такие вещи делать?!» Он: «А что?» Я ему: «У вас герметизирующий контакт чем обеспечивается?» Он, понятно, в этом деле ни в зуб, — правильный мужик, честно признается, — вызывает кучу народу, и те холодно мне заявляют: «Диффузной технологией». — «Это я и без вас знаю, — говорю. — Только это не технология, а техномания. И не герметизация у вас будет, а «черная дыра!»» И пошел скандал. Де, я не в свое дело путаюсь! Де, в Дартфорде «Вестингауз» применял диффузную! Де, нечего ломать порядок, и вообще что вы можете предложить? Я с ходу предлагаю инвертирование и требую, чтобы вызвали наших: Игоря и Веру. Нимцевич послушал-послушал, покачал своей круглой головой и говорит: «Два дня задержки — это для нас не катастрофа. Это я беру на себя. Вызывайте специалистов. Даже если он (то есть я) прав на двадцать процентов, надо в этом поглубже разобраться». И кончает весь этот базар слабым мановением руки, а мне дает на два часа телетайпный канал.

Игорь мне, конечно, в два счета доказывает, что я олух. «У тебя, — говорит, — Саня, получается так: чтобы гвоздь в стену забить, стучи по нему стеной, а молотком придерживай. Но в общем гвоздь ты вбил, и вбил к месту. Инвертирование здесь лучше диффузной технологии на порядок. Только оно не стандартизовано, а диффузная технология полностью обеспечена документацией, хоть и грош ей цена, этой документации. И в этом весь фокус». Я отвечаю, что пусть я буду последний дурак и тупица, но колечек наших в обиду не дам.

Приехали они, и в три-то голоса мы так спели, что Нимцевич нам поверил и пробил в Москве замену технологии. Нас

перевели к нему на пять месяцев, и Вера с Игорем колечки наши в «Антарес» заделали великолепно. Я помогал, конечно, как мог, но в основном был на ролях кухонного мужика: посчитать темп перерождения, сфокусировать каскады, подтвердить плавность перехода. Попутно там еще пара таких же дел подвернулась, и, короче, Нимцевич нас возлюбил.

Именно из-за этого и случилась та история, о которой я хочу рассказать. Кончились все монтажные работы, пошли узловые приемные комиссии, по частям идет запуск, а тут прибывает к нам из-за океана депутация, всего человек десять, половина из них — нобелевские лауреаты, и при них три переводчицы из «Интуриста». Соответственно, собирает Нимцевич бригаду для встречи гостей и меня в нее включает, поскольку, говорит, товарищ Балаев отчетливо представляет себе установку в целом и обладает даром просто говорить о сложных вещах. А товарищ Балаев приманку эту глотает, и леска натягивается.

Я, конечно, объясняю гостям, что «Антарес» — установка грандиозная. Сам, слава богу, каждый день бегаю пять километров туда, пять обратно. Убеждаю, что она на полкилометра упрятана в землю, общую блок-схему растолковываю. Но гостей наших все это мало трогает. Им подавай конкретный материал по самым мельчайшим вопросам: «А как вы то? А как вы се? Каков режим? Чем обеспечивается? За какое время? Периодичность контроля? Система отчета? Сколько стоит?» Короче, узкие специалисты.

Два дня мы осматривали внешний овал, а на третий, когда пошли на внутренний, у меня вся охота говорить по-английски прошла. Накрепко прошла, на всю жизнь. Устал я все эти неуклюжие фразы клеить без привычки. И стараюсь это я немножко поотстать, хотя здесь, на внутреннем овале, самое интересное и начинается. Нимцевич впереди всех, он в восторге оттого, что рассказывает понимающим людям о таком диве, катится, как колобок, вверх, налево, вниз, направо! «Давайте сюда зайдем, там посмотрим! Вот разделители, ловушки, подготовка инжекции, выводные лабиринты».

А ко мне пристраивается мадам Элизабет Ван-Роуэн, статная такая, интересная женщина лет сорока, виднейший специалист по нейтронной баллистике. Она уже все свои мишени, антимишени и коллиматоры отсмотрела, все остальное ее не особенно привлекает, и мы, слава аллаху, ведем с ней общий разговор на отвлеченные темы.

И проходим мы как раз мимо нашего экспериментального зала. И вижу я сквозь стекло Игоря, как он командует разборкой стендов. Я его приветствую, он нас тоже, мадам Ван-Роуэн спрашивает из вежливости, кто это, что это, я ей из вежливости объясняю и, вы сами понимаете, увлекаюсь и начинаю лекцию про наши колечки.

Идем это мы час — делегация метрах в десяти впереди, а я все рассказываю, чем мы добивались принципиального исключения дефектных доменов. Вдруг мадам заинтересовывается, просит объяснить поподробнее, я начинаю чертить на стенке, краем глаза вижу, что делегация сворачивает налево, мы с мадам добиваемся полной ясности, торопимся вдогонку, поворачиваем налево, я вижу приоткрытую толщенную дверь, открываю ее пошире, пропускаю мадам в какой-то темный коридор, вхожу следом за ней, дверь машинально дергаю, чтобы она закрылась, дверь меня толкает, я толкаю мадам, извиняюсь, пробую сообразить, куда ж это нам двинуться, ищу глазами какую-нибудь лестницу, но тут дверь хлопывается, и мы с мадам Ван-Роуэн оказываемся в полной темноте!

Я говорю, конечно: «Это недоразумение, сейчас разберемся». А мадам мне отвечает: «О да, мистер Балайеф, разберемся, и, хотя я уверена, что мистер Балайеф — джентльмен, но на всякий случай я предупреждаю мистера Балайеф, что у меня имеется при себе устройство, которое может лишить человека агрессивных намерений на 48 часов». До меня медленно, но доходит.

И как-то так с толку меня сбила ее тирада, что я отступаю на пару шагов и чувствую, что пол у меня под ногами гнется, словно мы в трубе. А из-за спины мадам я слышу какой-то неясный говор. Естественно, я решаю, что надо идти туда, прошу ее повернуть и несколько поторопиться, уверяя, что все будет в порядке. Делаем мы десяток шагов, и вдруг из-за своей спины я тоже слышу разноголосый говор, какие-то искаженные фразы. И узнаю свои собственные уверения насчет порядка, поворота и так далее. Я механически продолжаю идти, и на ходу меня вдруг осеняет: «Батюшки-светы! Мы же попали в главный канал! И это наши собственные слова, обещав всю его четырехкилометровую восьмерку, возвращаются к нам из-за наших спин, искаженные до неузнаваемости тысячекратным отражением!» Видно, Нимцевич похвастал перед гостями полировкой стенок восьмерки и пошел дальше по наружным коридорам, пост у двери на это время деликатно сняли, а я с мадам Ван-Роуэн преспокойно проследовал в самую святая святых! И мы кощунственно топчемся в канале, где через неделю в вакууме забушует основной процесс! Слава богу, у нас на ногах спецобувь, хотя и не первой свежести!

Я все это, несколько разбавляя краски, рассказываю мадам Ван-Роуэн, а она ничего, молодец, никаких истерик, спрашивает: «Что же нам следует предпринять, мистер Балайеф?»

Что предпринять! Кабы я знал! Искать дверь в темноте бессмысленно, ее шов автоматически заплывается галлием. В канал ходят с передатчиком, который запрещает закрытие двери. Раз дверь закрылась, значит, в канале никого нет. Остается ждать, пока нас начнут искать. Но кому придет в голову ис-

кать нас здесь? Может, через сутки сообразят, а тем временем как включают восьмерку на предварительную откачку! Я же хронограммы запуска точно не знаю.

Стою я, соображаю, и вдруг мадам Ван-Роуэн говорит: «Мистер Балайеф, здесь есть свет!» И впрямь, гляжу, глаза привыкли к темноте, и я так слабо-слабо, но различаю ее силуэт! Конечно же! Наши-то колечки как раз в эту восьмерку заделаны! Я прошу минутку, представляю себе общий план восьмерки и вспоминаю, где мы находимся. Выходит, что до нашего колечка надо идти полкилометра, если я правильно ориентируюсь. А если неправильно, то полтора.

«Хорошо, — говорит мадам Ван-Роуэн. — До прозрачных секций мы доберемся, но каков шанс, что нас там заметят? Выходят ли кольца туда, где есть люди?»

«Нет, — говорю, — не выходят. Они выходят в камеру датчиков. Вот если бы у нас был с собой какой-нибудь источник излучения, то датчики его засекли бы, поскольку они уже работают. Но у нас нет с собой источников излучения».

«Почему же нет? — возражает мадам Ван-Роуэн. — Пока мы живы, мы испускаем инфракрасные лучи...»

Меня даже в краску в темноте кинуло. Как я мог об этом забыть! А она продолжает: «Хотя, впрочем, датчики, видимо, рассчитаны на большие энергии излучения».

Я лепечу, что да, видимо, на большие. Сбивает меня с толку эта мадам чем дальше, тем пуще.

«Я убедилась, что мистер Балайеф — джентльмен, — заявляет мадам Ван-Роуэн, — и как джентльмену я открою вам маленький секрет. Дело в том, что у меня имеется стимулятор мозговой деятельности с питанием от радиоактивного источника в свинцовой капсуле, которую я ношу в кармане. Капсулу эту можно снять, сориентировать на датчик излучения, а затем открыть и закрыть несколько раз, имитируя сигнал. При соблюдении элементарной осторожности ваше здоровье, мистер Балайеф, никакой опасности не подвергнется. Но мое состояние подвергнется серьезному испытанию, и поэтому у меня есть три просьбы к мистеру Балайеф. Первая: так как для манипуляций с капсулой мне придется отсоединить источник, то я, вероятнее всего, приду в беспомощное или даже критическое состояние, а источник окажется в руках мистера Балайеф; поэтому я прошу мистера Балайеф дольше одной минуты источник у себя не задерживать и подключить его снова ко мне во избежание печального исхода. Пусть обморок, в который я впаду, на протяжении одной минуты мистера Балайеф не смущает. Вторая просьба: так как, находясь в беспомощном или даже критическом состоянии, я не смогла бы должным образом защитить свою честь, то предвительно мистер Балайеф как джентльмен для спокойствия дамы обязан испытать на себе действие устройства, которое лишит его агрессивности, свой-

ственной мужчинам, на 48 часов, не причинив ему в дальнейшем никакого вреда. И третья просьба: мистер Балайеф, пока я ему не разрешу, обязуется никому не открывать подлинной принадлежности и назначения источника».

Я переспрашиваю, так ли уж мадам Ван-Роуэн убеждена в необходимости применения своего оружия и так ли уж она гарантирует его безвредность.

«Так указано в проспекте, — отвечает мадам. — Я не убеждена, что это полностью соответствует действительности, но согласитесь, что распределение общего риска между нами в какой-то мере справедливо».

И говорит она это все спокойно-спокойно, как будто не она будет на грани смерти, не я буду на грани кретинизма, и обсуждаем мы вопрос о том, кому пить нарзан, а кому просто воду из-под крана.

Азбуку Морзе я знаю, три точки — три тире передам, и кто-нибудь это поймет по диаграммам датчиков. Во всяком случае, ЭВМ поднимет тревогу, потому что сейчас на датчиках должны быть сплошные нули.

Что мне делать? Я в принципе соглашаюсь, и мы бредем к нашему колечку, поскольку там светло и мадам сможет приставить мне к левой скуле свое оружие. Ничего себе перспектива!

Добрели мы до кольца, и вижу я сквозь кварц камеру датчиков. Большущий зал, в зале ни души, но — о счастье! — видно, что сигнальные лампы горят. Значит, аппаратура включена. Под ногами у нас раструбы приемников излучения, и осуществление нашего плана входит в завершающую стадию. Мадам Ван-Роуэн достает из сумочки что-то вроде авторучки и предлагает мне подставить левую скулу. «Послушайте, — говорю, — мадам! Уверяю вас, в этом нет необходимости».

Мадам сразу подбирается и сухо объявляет мне, что необходимость есть. Дьявол бы ее, психопатку, побрал со всей этой неврастенией! «Но, с другой стороны, — убеждаю я себя, — она-то подвергнется, лишившись капсулы, гораздо более неприятным ощущениям, чем я». Укорил я себя за малодушие и подставил скулу.

Прижала она к моей скуле кончик этой авторучки — вроде ничего. И вдруг ноги у меня ослабевают, я сажусь на кварц, упираюсь в него руками, а руки меня не держат — подгибаются. Смотрю я на эту мадам и испытываю к ней крайнее отвращение. Хочу высказать его и не могу: забыл английский язык. Она что-то говорит, наклоняется ко мне, а мне даже слушать неохота. Лежу, смотрю сквозь кварц на цветные лампочки приборов, и больше мне от жизни ничегошеньки не требуется. Смотрю, как будто это не я смотрю: смотрит кто-то другой, а я при сем присутствую, причем безо всякого интереса.

И вижу я, как открывается дверь камеры датчиков и вка-

тывается в зал Нимцевич, а за ним вся наша кавалькада. Вижу я, что он с изумлением смотрит на меня сквозь кварц, всплескивает руками, губами шевелит. И все взоры обращаются к нам, начинается общая суматоха, кто-то бросается к телефону... И стало мне так радостно, так весело. Сделал я Нимцевичу ручкой — он утверждает, что не было этого, — улыбнулся — он утверждает, что улыбка была удивительно глупая; что ж, ему видней! — и... И заснул.

Проснулся я через сутки как ни в чем не бывало, а через неделю меня на «Ангаресе» уже не было. Удрал. Каюсь, удрал. Еще бы! На меня все пальцами показывали! Балаев от нервного напряжения брякнулся в обморок! Да-да, именно так определили наши медики. Никто не докопался, а мадам, конечно, ни гугу. И я тоже. Слово джентльмена давал? Давал. Ну и держи. Она цветочки мне в санчасть прислала с переводчицей и благополучно отбыла домой.

Нимцевич очень уговаривал меня остаться, предлагал перейти к нему насовсем. Будь я самим собой, Саня Балаев, я бы обязательно перешел, но, видно, крепко окосел я от той дряни, которой мадам Ван-Роуэн угостила меня в заботе о своем целомудрии..

Потом прошло. Ничего. Последствий не было.

А пять лет назад, получаю я письмо от поверенного, мадам Элизабет Ван-Роуэн. Она, оказывается, ушла на пенсию, упоминание о стимуляторе ее карьере больше не грозит, готовятся к выпуску ее мемуары, и мне предлагается ознакомиться с соответствующим местом в корректуре и либо согласиться, либо возразить против опубликования. Я прочитал корректуру — все правильно мадам описала, только добавила, что — увы! — у меня не было никаких агрессивных намерений, чем и объясняется столь сильное действие ее оборонительных средств. И фамилию мою изменила, назвала меня «мистер Булуйеф». Я ответил, что против публикации не возражаю.

Так что, рассказывая вам эту историю, я своего заслуженного с риском для жизни джентльменского звания никоим образом не порочу.

Завтра, когда мы встретимся

НЕДЕЛЯ ПЕРВАЯ

Это было прекрасно, как полет стрелы. С веселым свистом в ушах, с тихими беседами в салоне корабля.

Потом появился черный снаряд, и полет по программе был прерван...

Какой невероятно глупый случай, — сказал он себе, закуривая. Надо же, при возвращении, после стольких лет шатания в космических пустынях... Спаслись от монстров планеты № 2467, остались целыми и невредимыми при столкновении, с этими ужасными призраками планеты с тремя солнцами... Ему хотелось ругаться, но подходящего ругательства не находилось, и он махнул рукой — что еще было делать?

Он не верил в чудеса, отлично понимая, что на помощь рассчитывать нечего. Вокруг одна звездная пустыня, бесплодная, как миллионы Сахар, если не больше. Несколько дней он наблюдал за роением солнц, методично описывающих круги и движимых дьявольской небесной механикой. Теперь они тоже попали в колесницу этой машиницы, сами стали колесиком гигантского механизма или же пылинкой, которую будет мотать туда-сюда, пока она не превратится в ничто.

«SOS!» — он подал сигнал, абсолютно не веря, что кто-то услышит его в межзвездной целине. Да если бы и услышал, вряд ли он успеет помочь. «SOS!», «SOS!» — было пустым звуком...

НЕДЕЛЯ ВТОРАЯ

Всходившие один за другим солнца были бледны, лили мутноватый свет, а он все пытался подыскать им сравнение. Должны же они быть хоть на что-нибудь похожи. Пожалуй, на тугодумных и холодных черноморских медуз. Он вспоминал море, ослепительное солнце, затем желатиновые тела, мокрые щупальца, и его колотил неприятный озноб. Самое плохое, заключил

он, в том, что эти набитые плазмой чучела и их водянистый свет будут сопровождать нас вечно... И он захохотал — подумай, велика важность! И поморщился — подумай, велика важность! И нахмурился, и даже было хотел поднять руку... Но, как бы посмотрев на себя со стороны, он увидел всю курьезность, неуместность жеста.

«Мне всю жизнь фартило, — заставил он себя переключиться на другие мысли. — Должно здорово повезти, чтобы отсрочить смерть. Нам повезло. Значит, один из нас родился под счастливой звездой. Как мы только остались в живых? Что ни говори, а этот валун летел на сумасшедшей скорости... Но валун ли это?»

И на него вдруг нахлынуло бывшее, то самое время, когда он, мальчишка из Попешт, частенько отправлялся в долину Булбочь. Это был большой луг, длинным коридором соединявший Попешты и Булбочь. В высокой, по самые колени траве его ровесники пасли коров. Порой они задирались, бросались камнями. Однажды кто-то угодил ему камнем прямо под коленную чашечку, и он упал как срезанный. Наконец боль приутихла, но ходить было нельзя — нога не слушалась, вдруг став чужой. Подчинялась она не ему, а синяку, расплывшемуся под коленом. Помнится, это ужасно его обескуражило. Было все при себе — руки, ноги, голова, небо, деревья, воздух, и все же что-то неуловимо переменялось, и он беспомощно озирался, стараясь постичь — что же именно переменялось?..

Вот и сейчас он был беспомощен. Устремив глаза в пустоту, казнился мыслью — откуда тут быть радости? Правда, радость скорее походила на страдание, но все же была радостью. Стало ясно как при свече — положение безвыходное, отчаянное. Но ведь вот же теснится в груди это неуместное чувство радости! Может, потому что удалось остаться в живых? — снова подумалось ему. Но что за штука — жизнь? И что это за жизнь, если ты закупорен в консервной банке? Ты можешь двигаться, пить, курить, отвечать на вопросы — но это еще далеко не жизнь. С чего бы вдруг возрадоваться? А может, жизнь — возможность мыслить, и мой разум радуется, что у него достаточно времени хорошенько поразмыслить над тем, над чем стоит поразмышлять. Собственно, подумал он, довольно любопытная вещь, да, весьма любопытная, как это мне раньше не пришло в голову: в юности человек либо вовсе не думает о смерти, или же думает о ней с ужасом. Ближе к старости он начинает привыкать к этой мысли, а к концу жизни (если только умирает естественной смертью) совершенно спокойно относится к уходу в небытие. Разум уже не возмущается, он подводит итоги — все, что надо было сделать, сделано, продумано, завершено и больше ничего не остается. Есть поверье, если человек не доделал что-то до конца или же кого-нибудь ждет, он не спешит умереть. Любопытно, не правда ли? Но что же нам еще делать,

кого нам ждать? Нет слов, один вопрос пока не утрясен. Что ни говори, в этой идее есть рациональное зерно. Давно, когда меня и в помине не было, люди жили что-то около пятидесяти-шестидесяти лет. В мои мальчишеские годы они доживали до восьмидесяти и девяноста. А теперь живут сто пятьдесят лет и даже больше.

— Жан! — крикнул он в другой конец салона. — Отчего люди так долго живут?

Ответа не последовало, и он снова погрузился в мысли.

Конечно, тут дело в обеспеченности, в условиях жизни, медицине и прочем. Словом, нам впору все блага современности. Но только в этом ли дело? — не давал покоя вопрос. Только ли? Если для прадеда весь мир представлял собой одно село, значит, и дум у него было поменьше. Вот он думал, думал, все передумал, собрался да и помер. Что ему еще оставалось делать? Дед помер в семьдесят, но дед обошел пол-Европы, участвовал в самой страшной войне, войне с фашистами, и ему надо было прожить долго, чтобы успеть поразмыслить надо всем, что было увидено и услышано. Отец прожил еще больше, но отец еще не знал о существовании иных цивилизаций, не знал, что эти цивилизации имеют такую же большую культуру, как и мы, культуру, которую предстоит познать...

«Довольно, — приказал он себе. — Довольно, пока не выдумал новую грань экзистенциализма. И потом, даже завалящей аудитории не найдется, чтобы оценила мою риторику».

Он выбрался из кресла и беспокойно зашагал по кабинету. Подошел к иллюминатору, всмотрелся в звездную пустыню. Солнца были на своих местах и лили такой же мертвенный свет на этот мир, прежде ничей, а теперь принадлежащий только им.

И все же радостно сознать, что валун не разнес корабль в порошок. Как-никак передышка. Остаться в живых — это ведь тоже шанс. Единственный. В этом, правда, ничего утомительного, но и трагичного тоже не усмотреть. Есть еще шанс вернуться. «Вернуться», — горько усмехнулся он...

И вдруг осознал, что его вовсе не занимает мысль о смерти. Ему как-то все равно — останется ли в живых, умрет — но вернуться хотелось. Любой ценой.

Из звездной пустыни выкатилось новое солнце. Он безотчетно погрозил ему кулаком, погрозил и почувствовал приступ ярости.

«SOS! SOS!» — волны, радиосигнала терялись в мертвой пустыне космоса.

НЕДЕЛЯ ТРЕТЬЯ

Он передал Жану капсуль, расправил плечи и улыбнулся широко, как уже давненько не улыбался.

— Послушай, Жан, — ни с того ни с сего сказал он, — прочел я когда-то стих...

— Стих?..

— Славное стихотворение, — подтвердил Октавиан.

— Ну и что?

— Нет, правда, славное стихотворение, — не отступился он.

Он хотел рассказать, где и когда прочел эти прекрасные строки. Был жаркий день. Он ненароком забрел на Армянское кладбище, старое кладбище, на стенах которого можно было писать элегии. Он брел по тенистым аллеям, пока не увидел надгробный камень, изображающий дочитанную или же написанную до половины книгу с загнутым листом. Под ним покоился поэт двадцатого века. Имя как-то не запомнилось, но остались строки, высеченные на камне и в памяти строки. Правда, сейчас не время и не место рассказывать Жану, где именно прочел он эти строки.

— ...это были славные стихи, — сказал он, — и написал их мой земляк, еще в прошлом веке. Если хочешь, я прочту строфу...

Жан не отозвался, и Октавиан размеренно прочитал:

За грань нелюдимого завтра
Далекий забросит нас миг,
Но, вставши над суетным прахом,
Как песня останется мир.

Еще не договорив стиха, он понял, что свалил дурака. Ему просто хотелось говорить. В последнее время это становилось острой необходимостью. Слова так и просились на язык, но как-то не находилось случая, и стихи уже несколько дней звенели в ушах, рвались наружу. И он их сказал, сказал в самую неподходящую минуту.

— Чего молчишь? — спросил он.

— Чтобы дать тебе поговорить.

— Сердишься?

— Чего там, — ответил Жан, но было видно, что он просто кипит от злости.

— Но пойми, я думаю, что нам именно так и следует поступить. — Жан не отвечал, и Октавиан продолжал:

— Они мне очень дороги, — и он похлопал ладонью по большому капсюлю. — Вот здесь двадцать философских трактатов, столько же математических, сорок романов, тысяча стихов и почти все песни с планеты № 1208. А здесь, — кивнул он на другую, — копии гениальных картин с планеты № 913. Здесь, — и перед его глазами вдруг встали обрывистые горы на Молде, Планете с двумя солнцами, которую населял гордый и мудрый народ. — Здесь, — повторил он, но заметил, что Жан его не слушает...

И Октавиан смолк, не выказывая ни обиды, ни удивления. Он протянул руку, осторожно взял следующий капсюль, бережно положил на пюпитр и принялся составлять тщательную

опись. Вот уже четыре дня они были заняты этой работой. Упаковав капсулы, они погружали их в специальные сейфы и отвозили на борт космической лодки, чудом уцелевшей при столкновении с метеоритом. Наткнулся на нее Жан, когда в начале недели вылетел узнать размеры катастрофы. Завтра крохотный корабль должен был вылететь к Земле.

Октавиан почувствовал на себе взгляд француза, поднял голову. Лицо Жана было неузнаваемо. Оно выражало не то лютую ненависть, не то боль. Октавиан так и не понял, инстинктивно отступил на шаг. Таким он никогда не видел Жана, но знал, уже четвертый день знал, что эта минута наступит, и надо будет выдержать натиск. Он знал еще, что космическая лодка полетит к Земле, и на ее борту две тысячи капсуль. Она полетит, а они останутся здесь.

«SOS!» — волны разбегались в космосе... и вдруг он услышал какие-то шорохи в наушниках. Неужели кто-то за миллионы километров уловил сигнал бедствия? Неужели? Он стал настраивать приемник.

НЕДЕЛЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Они стояли лицом к лицу. Вышли из кабины Ганса и стали друг против друга. Октавиан никак не мог совладать с тиком левой щеки, и Жан Фошери глядел на него с ясной издевкой. Октавиан вскинул глаза, решившись довести разговор до конца:

— Опять за свое?

— Может быть, — прищурил глаза Жан. — Почему бы и нет?

— Как бы то ни было, помогаешь...

— Надо же чем-нибудь заняться. Неровен час, как бы с тоски не завыл, глядя на звезды.

— Только и всего? Но ведь это значит... Ты знаешь, что это значит?..

Из каюты донесся глухой стон, и Октавиан Маниу вздрогнул. Лицо француза снова приняло ехидное выражение.

— Ты, наверное, невероятно глуп, — сказал Жан. — Хотя почему же глуп? Ты просто дико наивен. — И он захохотал.

Смех полоснул ножом по сердцу. Октавиану оставалось только молчать. А француз все хихикал:

— Знаешь, что я себе представил? Как два мертвеца пытаются оживить третьего... Да, да! Красиво, не так ли?

Маниу смотрел на него с жалостью, даже с состраданием. Жан вдруг схватил его за грудь, затрясся в ярости:

— На что рассчитываешь? Что ты ждешь, что ты ждешь? Ведь знаешь — никто не придет. Никогда! Знаешь? Нас слышат, но я не могу передать наши координаты, и наш гроб будет летать...

Он смолк на полуслове. Они оба знали, сколько будет ле-

теть «гроб». Он мог лететь хоть тысячу лет и стать настоящим гробом, потому что припасов, воды и воздуха было еще на два месяца. Но все могло кончиться и в следующий миг. Все зависело от воли случая и судьбы.

Октавиан положил руку на плечо француза.

— Ладно, — сказал тот, несколько успокоившись. — Ганс счастливее нас...

— Кто знает...

— Ты ему ничего не говорил?

— Нет. Зачем? Он по-прежнему уверен, что случайно свалился с борта машинного блока, когда я, дескать, был вынужден сделать резкий поворот. О столкновении он ничего не знает. И не должен знать.

— Уж лучше бы сразу умер. По меньшей мере, не знал бы правды. Иной раз лучше не знать правды.

— Нет, не лучше, — убежденно возразил Октавиан. — Он рядом с нами, как всегда...

— Он с нами только благодаря реаниматору. Думаешь, его можно вечно поддерживать в таком состоянии?

— Так оно лучше, — повторил Октавиан. — Успокойся и займись делом, передай координаты нашего местонахождения...

— Думаешь, Ганс спасибо скажет? За то, что ты его терроризировал три месяца? Чтобы в конце концов он все-таки умер? Задыхаясь, умер от голода, холода, жажды?..

— Нет, — сказал Октавиан, — у нас появилась надежда на спасение...

— Ты ведь доктор, — крикнул ему в лицо Фошери. — Ты ведь доктор, понимаешь? Ты мужчина и должен смотреть правде в глаза!

— Правде? Но у нас возникла надежда!

Разговор стал его раздражать. Он знал, что за этим последует. Француз снова скажет о кубических сантиметрах воздуха, воды и еще что-то об идеализме, который рука об руку с идиотизмом и беспросветной тупостью, о считанных днях, которые остались на их долю. Уже четыре дня обсуждалось одно и то же, это просто надоело, и Октавиан раздельно сказал:

— Он не умрет. Пока он верит, что мы летим, он не умрет. Он семь лет ждет возвращения, и он не может умереть.

НЕДЕЛЯ ПЯТАЯ

В полночь ему слышались шаги в коридоре. Он прислушался, застыл в лихорадочном ожидании, точно действительно могло что-то стрястись или кто-то мог навестить их в этой звездной пустынности водянистого цвета.

В наушниках какие-то шорохи и обрывки фраз. Сигнал бедствия поймал какой-то корабль, но он не знает местонахождения корабля, потерпевшего аварию.

Он снова опустил голову на подушку. Уже засыпая, явственно услышал скрип двери. Вскинулся, мурашки побежали по телу. Скрип повторился, словно только что открытую дверь за-творили. И снова тишина, гробовая тишина.

«Бред, — подумалось ему. — Что же еще? Нервишки пошаливают. Надо бы взять себя в руки, пока не поздно. Если человек не знает, когда взять себя в руки, он не стоит и ломаного гроша». Октавиан изо всех сил старался успокоиться, и все же чувствовал, как медленно, но неотвратно охватывает его беспокойство. Так обставляют зверя... «А вдруг, вдруг... — молнией сверкнула догадка. — Неужто он способен? Нет, невозможно. Надо быть последней дрянью, чтобы пойти на такое. Он не из тех, руку на отсечение даю, не из тех. И все же...»

Тут его обожгла новая мысль. «А вдруг?.. Вдруг Жан прав? Ведь и я было так подумал. Только я не хочу себе признаться, просто боюсь признаться. Слишком уж большая скорость была у метеорита. Не увернуться, как ни старайся. Столкновение с метеоритами было исключено в самом начале, когда корабль был еще в стадии проекта...»

Он вскочил с постели, лихорадочными, скрюченными пальцами схватил пистолет. И тут же опустил его. «Да, нервы явно не в порядке, — сказал он себе. — Какие только глупости не приходят в голову! Еще немного, и, глядишь, в панику ударишься. Но нет...» — Он подошел к двери и осторожно, без малейшего шума, потянул ее на себя. Дверь плавно отворилась, Октавиан скользнул в проем, прокрался вдоль стены к каюте Ганса. С той же осторожностью надавил на дверь, заглянул в каюту. Ганс спокойно спал.

Октавиан пошел по коридору, прислушиваясь к каждому шороху. Уже было уверился, что дело в слуховых галлюцинациях, как вдруг где-то далеко, в глубинных отсеках корабля раздался резкий металлический скрежет. Откуда? Из какого отсека?

Он знал корабль как свои десять пальцев. Пойдя на ощупь, ускорил шаги. Теперь стало ясно, куда идти. Скорее, скорее, так, осторожней, без шума, еще скорее, еще скорее. Как же ему раньше в голову не пришла такая мысль? Жан так настойчиво утверждал присутствие кого-то третьего, особенно в последнее время. Кто-то третий, несомненно, кто-то третий...

Он вышел из-за угла и увидел спину Жана. Тот наклонился над дверью герметической камеры, за которой стелился космический холод, и силился ее открыть.

«Давненько он тут возится, — подумал Октавиан. — Наверное, хотел войти в герметическую камеру и выкачать в нее весь воздух корабля, чтобы не потерять и молекулы кислорода...» Это было похоже на дурной сон или же на кошмар с привидениями. Он совершенно один в этой бездне, и рядом с ним

человек, который через мгновение-другое должен шагнуть в бездну.

— Какая встреча! — громко воскликнул он. — Какая неожиданная встреча! Я было тоже подумал, что один из нас — лишний. — И его губы дернулись в кривой усмешке. — А тут вон какие дела. Надеюсь, я тебе не очень помешал? — Голос Октавиана стал жестким.

Жан медленно обернулся, выпрямился. Скроен он был на диво, к тому же в руке у него был железный брус. И откуда он его только достал?

Октавиан сделал еще шаг.

Фошери совершенно спокойно поднял над головой брус.

Октавиан сделал еще шаг.

Брус поднялся выше. Фошери изобразил довольную улыбку.

— Не подходи! — сказал француз. — Иначе... Я совсем не шучу.

— Ты прав. Один из нас лишний. Втроем мы не доживем до спасательной экспедиции. Ты и сам это знаешь.

Он сделал еще шаг, и улыбка окаменела на его лице как маска.

Фошери наклонился, как бы готовясь к прыжку. Дурной сон продолжался.

— Ну, подходи, — прохрипел он.

И Октавиан стал подходить, и все происходило как во сне. Шаг, другой, третий... Еще один...

Рука Жана беспомощно повисла.

— Никак мне от тебя не избавиться, — в изнеможении произнес он. — Все осточертело, понимаешь? Я не могу больше, нет сил...

— Неправда.

— Все, — повторил он. — Здесь уже нет ничего такого, что могло бы меня задержать.

— Нет, есть, — сказал Октавиан со всей твердостью, на которую только был способен. — Нас кто-то слышал.

— Я подсчитал. До последней мелочи. Резервы самые ограниченные. Если корабль даже пойдет спасать нас, он все равно опоздает.

Я тоже все подсчитал самым скрупулезным образом. Месяц туда, месяц сюда, и в запасе еще десять дней. Так ведь?

— Ну! Чего же ты еще хочешь? Разве не лучше, чтобы кто-то из нас пожертвовал собой и дал один, два или десять шансов на спасение? И почему именно ты взял на себя задачу отвечать за других? Почему ты решил, что Ганс должен жить? Ты решаешь за меня...

— Это ведь тоже предательство, — задумчиво проговорил Октавиан. — Семь лет мы были вместе. Не семь дней — семь лет.

— Семь лет, — горестно повторил Фошери. — Семь лет! Как трудно возвращаться домой после семи лет.

— Очень трудно, — подтвердил Октавиан. — Очень трудно, но нужно, Жан.

Он стер со лба холодный пот, ощутил, как бешено бьется кровь в висках, как ноги стали ватными, и тяжелыми шагами тронулся по коридору. Через каждые два шага иллюминаторы, эти водянистые солнца, смахивающие на медуз и еще невесту на что, мерцали сквозь хрустальное стекло, словно издаваясь над ним. Они, эти небесные тела, стали ему ненавистны. «Впрочем, — размышлял он, проходя длинными коридорами, чем они виноваты, что они именно такие, что с ними случилось именно то, что случилось...»

В конце коридора, прислонившись к тяжелой герметической двери, Жан Фошери слушал удаляющиеся шаги. Закрыв лицо руками, он скользнул вниз по стенке.

Октавиан возвратился в отсек управления кораблем. Он включил радиосвязиста. В отсеке зазвучала записанная электронным радиостом на пленке незнакомая речь. Какой-то корабль засек их, идет к ним на помощь. Из-за помех трудно было установить, как далеко находится от них этот корабль и стоит ли тешить себя надеждой на его помощь.

НЕДЕЛЯ ШЕСТАЯ

«Помнишь? — спросил он себя. — Помнишь?» — «Да, — отвечал он, — помню...» Все же ему не до воспоминаний. Но Октавиан сделал усилие и снова сказал себе: «Да, конечно же, я все помню, не забыть и былинки, не забыть, как трава заостряется к небу; и не забыть все эти звуки, которые можно услышать только в одном-единственном, только в моем родном селе; и запахи, со всеми их оттенками, начиная от благоухания цветущей акации, от запаха полыни, созревающей пшеницы, от тяжелого духа болотного; стоит только захотеть, и тут же вспомню вкус леса и неповторимый аромат ночей, проведенных на берегу озера у Поноаре, орехов у Больших виноградников и яблонь. Да, — сказал он, — я бы мог вспомнить все это, и еще многое другое: разбитое в детстве окно; усталую мать, приходящую с работы; наши кроткие и многоводные реки, летом прозрачные, а по весне выплывшие из берегов, разлившиеся, как море; льдины, на которых ребята путешествовали, как на плотах; высокую черешню, с которой упал; коня, резвящегося на самом юру, и еще... Видишь, — сказал он себе, — как все это просто? Стоит только воскресить в памяти то, что некогда было любо, и спокойствие тут же вернется к тебе». Он знал, что это не совсем так, но ничего другого, кроме воспоминаний, у него сейчас под рукой не было, поэтому он снова сказал себе: «Помнишь? В силах ли припомнить сейчас, после стольких лет? Да, — уверил он се-

бя,— я помню, я помню все, могу даже собрать крупица за крупицей, и не останется ни одного незаполненного часа... Мы были детьми, но это была не игра, я помню расцветшую сирень, и ивы, и прихотливые улочки на другом краю села, и записки, летавшие по классу, и школьные вечера, и мучительное беспокойство, и грандиозные планы на будущее, тайные взгляды, соприкасающиеся, минующие множество лиц, и... да, особенно ту самую ночь, когда родители ушли из дому, и мы лежали рядышком с открытыми глазами и притворялись, что сладко спим... Нет, я не забыл, да и как бы я мог забыть самого себя? Я ничего не забыл, потому что не могу забыть, да и не хочу, понимаешь? Да, — отвечал он себе. — Это так. И ту большую любовь, которая ждет меня сейчас, и сына, который ждет меня... Это совсем не воспоминания, и я для них тоже совсем не воспоминание... Нет, — сказал он, сжимая кулаки, — нет! Как может стать воспоминанием то, что еще не стало прошлым?»

...Он уже много дней сидел перед экраном, сидел в одиночестве, как призрак на покинутом погосте. Экран делила надвое тонкая ниточка, и у него временами создавалось впечатление, что эта же ниточка проходит через его мозг. В известном смысле это так и было. С правой стороны экрана на него неотрывно смотрели глаза Жана, с другой виделся задумчивый профиль Ганса. Он опасался, что в таком отчаянном положении они могли бы сотворить глупость, и не отрывал глаз от экрана. Октавиан далеко не был уверен, что им ничего не известно про это непрерывное бдение, но уже было все равно, одобряют они это или нет. Он думал, что исполняет свой долг, и этого было достаточно. Когда один из них, скажем Жан, отправлялся бродить по коридорам, видеокамеры пробуждались одна за другой и шаг за шагом шли за ним.

Ганс почти оправился. Он знал всю правду, но вел себя достойно.

Он сидел перед экраном, все следил за двумя другими призраками. Призраки читали, писали, ели, ложились спать и зарывали лица в подушку, делали гимнастику, словом, все возможное, чтобы не встретаться.

Поначалу их объединяла забота о здоровье Ганса. Когда же он поднялся, продолжали встречаться в силу тягостной привычки, но им нечего было сказать друг другу, и это страшно угнетало их, как преступление, и тогда они, не сговариваясь, решили оставаться в своих каютах, иначе дошли бы до того, что испытывали бы ужас один перед другим, стали бы ненавидеть друг друга лютой ненавистью. Итак, каждый из них спрятался в свою раковину, в своей каюте, а он, Октавиан, определил себя здесь, перед экраном с ниточкой посередине, проходящей сверху вниз, как ручеек. Ему казалось, что здесь он находится вечно,

но на самом деле прошла лишь неделя и завтра должна была начаться другая, седьмая. Завтра...

«Помнишь? — спрашивал он. — Помнишь? Да, — отвечал он, — помню... Помнишь все наяву или только кажется? Наяву, — отвечал он твердо. — Во мне живет каждая секунда всех тридцати лет, прожитых на Земле, и всех семи лет странствий по бездонностям Большого Космоса».

Спасательный корабль летел к ним, а им ничего не оставалось, как ждать своей участи.

НЕДЕЛЯ СЕДЬМАЯ

Их корабль агонизировал. Внутренности разлагались медленно, как в теле, пораженном гангреной. Нервные центры остались нетронутыми, и катастрофа неспешно стекалась от периферии к центру, к зрению, к слуху и мозгу корабля. Это было как рак, как проказа или еще что-то пострашнее. Ночь за ночью были слышны стоны агонизирующей гигантской птицы. Она умирала, и умирала куда мучительнее, чем люди. Когда уже было не в силах слушать томительный стон металла, Октавиан затыкал уши, но стон продолжал сверлить его мозг, и он понял, что находится на пороге помрачения рассудка.

Оставалось недолго. Но он решился ждать конца. Он уже не верил, что спасательный корабль застанет их живыми. Великой милостью казался каждый глоток воздуха, каждый стук сердца, божьим даром казалось каждое воспоминание. Он смертельно ненавидел время, такое мучительное и быстротечное. Он не знал, будет ли после этого еще какая-то жизнь. Он хотел прожить эту. До конца. До последнего вдоха. До последнего глотка воздуха. До последней крошки хлеба. Вместе с Гансом и Жаном Фошеро. Назло драконам и космическим бабам-ягам, назло метеориту, который мог оказаться вовсе не метеоритом. И особенно — назло этим солнцам со своим дурацким светом.

Вдруг он понял, что ему уже не вынести одиночества.

НЕДЕЛЯ ВОСЬМАЯ

Агония продолжалась.

Ночью было особенно невыносимо слушать бесконечный стон металла. Десятки автоматов делали отчаянные попытки приостановить или же отдалить катастрофу, но все их усилия ни к чему не приводили.

Он не покидал своего поста. Отключил экран, но продолжал оставаться перед ним. Как каменная баба. За кем он наблюдал? За Гансом? За Фошеро? Октавиан криво усмехнулся. Скорее всего смотреть надо было за ним самим... Удивительно, но иногда на экране всплывала тень как бы какого-то приближающегося к кораблю тела. Но это могло быть и галлюцинацией.

Он не знал, будет ли потом еще какая-то жизнь, и хотел продолжить эту. Вечность, а то и две, и три вечности назад, когда Жан Фошеро не нашел спецлодки, когда уже все было потеряно, он уже решился. И когда огненный столб метнулся к Земле, неся с собой две. с лишним тысячи капсуль, и еще одну, самую маленькую, в которой находился лишь листок из записной книжки с нацарапанным номером сектора, в котором они застряли, да с двумя-тремя короткими объяснениями, Октавиан по-прежнему оставался верен своему решению. И теперь он боялся идти к ним, боялся, что не выдержит.

Но жизнь надо было прожить до конца, и ему неоткуда было знать, будет ли еще другая жизнь, и не мог объяснить, почему жизнь надо прожить до конца, и что такое сама жизнь, и почему они должны вернуться. Он боялся синевы в глазах Ганса, боялся едкости Жана. Они смотрели на вещи с другой точки зрения, они были не в состоянии понять его. Когда-то Жан даже сказал ему, что у него ужасное чувство самосохранения. Но это было не совсем так. Он хотел вернуться. Он хотел вернуться. Только и всего.

«Я — клетка того большого сообщества, называемого человечеством. Я — это не только те, что существуют сегодня, а и те, которые жили сто и тысячу лет назад. А это значит, что две тысячи предков живут во мне, и смотрят на мир моими глазами, и слышат моими ушами, а я думаю, исходя из их опыта, и если меня не станет, не будут и они. Но во мне живет еще тысяча или десять тысяч наследников, и я живу в них, и если не будет их, не будет вообще никого, — лихорадочно рассуждал Октавиан Маниу, ясно ощущая, что к нему прибывают силы. — Да, — сказал он себе, — мне надо вернуться на Землю и поклониться могилам предков, чтобы они знали, что существуют; пойти к могиле того самого поэта XX века и сказать ему, что вспомнил стих, вспомнил его стих на краю мироздания, которое никогда не знавало, что такое стихи, и которое отныне будет это знать: да, надо вернуться, да, ради тех, кто живет сегодня, и кто будет еще жить...»

Он был готов вернуться и в огненном вихре, был готов обрушиться на Землю в объёме пламени корабля, только бы знать, что вернулся, что уже там, превращенный в щепотку глины, и через тысячу или через две тысячи лет, когда ветер в миллионный раз развеет этот комок, и ровно столько же раз омоет его дождь, проведя сквозь артерии цветов и деревьев, он снова станет человеком. И тот человек, который будет Октавиан и не будет им, никогда не узнает, что в нем живет и движется атом, а то и два, и три атома того, кем был он когда-то. Да, не будет знать. Но это уже не имеет никакого значения. Важно было то, что он будет там. Навсегда. Во веки веков. Он принадлежал Земле, и не мог не вернуться на Землю.

Этих вещей он не мог себе объяснить. Октавиан перемалывал

вал их каждый день в своем мозгу, перемалывал давно, даже не сознавая это. И все же никак не мог отдать себе отчет в происходящем.

А агония корабля подходила к концу. Кровь исполинской птицы все медленнее пульсировала в артериях, и ее тело все чаще содрогалось в конвульсиях.

...В понедельник погасли огни в заднем отсеке, во вторник воздух стал нагреваться.

Аппаратура из всех сил старалась сохранить уголок тепла в этом пространстве с мутным светом и солнцами, напоминающими медузы. Но агония подходила к концу; фатальная, ужасная, неотвратимая, как судьба; бесконечность и небытие подстерегали их мутными и жадными глазами. Они заманили их в этот уголок мироздания, сильных и непобедимых, и теперь позволяли себе поиграть с ними.

— За грань нелюдимого завтра, — прошептал он.

Достал из нагрудного кармашка три пастилы, взвесил на ладони и снова положил в карман. Улыбнулся, провел ладонью по лбу, поднялся, прошелся по каюте, снова улыбнулся, на этот раз иронически, вызывающе. «Ну и что, — сказал он себе, — ну и что?» Пошупал пастилы в кармане. Они были на своем месте. Это все, что у него есть, абсолютно все, и их надо приберечь для последнего часа.

«Я — «Сокол», я — «Сокол», — услышал он в наушниках. — Держитесь!»

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ НЕДЕЛИ

В четверг они разделили последний кусок хлеба, в пятницу выпили только по стакану воды, в субботу — по полстакана.

И тогда он решился. Он сделал все, что от него зависело, и теперь понимал, что пора положить конец этому долгому кошмару. Верить в то, что какой-то корабль отыщет их в бездне, ему уже не хотелось.

Он включил экран.

— Жан, Ганс! Поднимитесь к пульту управления!

Не дожидаясь ответа, он выключил аппаратуру.

Через две секунды они вошли. Он долго смотрел на них, точно хотел удостовериться, что на них можно положиться, затем стал говорить, долго говорить.

— ...это как сон, — сказал Жан. — Я не знал... я не верю...

— Какая разница...

Он расстегнул нагрудный карман и достал три розовенькие пастилы.

Ганс попросил их понюхать, и все трое захохотали...

— в этом случае наш организм не будет нуждаться ни в чем, ни в чем. Потребуется разве что немного кислорода. Для этого надо будет надеть скафандры. Понятно?

— Конечно, — ответил Ганс. — Даже чудесно, я бы сказал, — но не договорил. В заднем отсеке что-то случилось: нечто врезалось в корабль, шатнуло его обесиленное тело. Впрочем, и сам корабль мог не выдержать собственной тяжести. Во всяком случае, металл стонал и ревел. Они дождались, когда снова стало тихо.

— ...в скафандрах мы сможем удерживать постоянную температуру в течение трех месяцев, — продолжил Октавиан.

— Почему именно три месяца? — спросил Жан Фошери. — Они должны прилететь скорее.

— Мы этого не знаем, — ответил Октавиан.

И посмотрел им в глаза. То, что он прочитал в них, заставило его забыть все кошмарные недели, забыть обо всем. Они снова были вместе, и это было главное. Им предстояло бросить последний вызов этой необъятности... Теперь Октавиан Маниу знал, был уверен, что исполнил свой долг до конца, и исполнил так, как этого требовала совесть.

Электронный радиосвязист отключился, в наушниках было глухо.

ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Утомленные, но воспрянувшие духом, три космонавта легли и спали не просыпаясь до утра. Им снились сны, прекрасные, должно быть, были сны. Правда, к утру они как-то забылись, хотя по глазам космонавтов было видно, что они все еще ощущают вкус и аромат этих снов о Земле и о звездах, об исполненных надеждах — мало ли еще о чем. О выполненном до конца задании, о близких и любимых, о возвращении, о роднике с ключевой водой, о лесном перегуде...

Поутру они несколько часов подряд прогуливались по коридорам корабля, вошли в каюты, чтобы еще раз взглядом и ладонью дотронуться до множества аппаратов и вещей, сопровождавших их до самого края света. Они не прощались, они надеялись вернуться вместе с ними домой. Исполинская птица все еще дышала, галлюцинировала, и это наполняло их души печалью. Они вернулись в верхний отсек корабля, где их дождались три скафандра.

— Ну? — спросил Жан Фошери, но никто не отозвался.

Тогда он нажал на кнопку, и скафандр плотно облег его плечи.

Жан Фошери подмигнул и снова нажал на кнопку.

Глаза Ганса были синие-синие и спокойные. «Как всегда спокоен этот немец, — констатировал Жан Фошери. — Точно находится в своей квартире».

Октавиан метался по коридорам корабля. Он бросался от одного иллюминатора к другому, прижимался к ним лицом, настойчиво что-то высматривал, словно дожидался чего-то, и то

самое чего-то почему-то запаздывало. Он ждал огненного столба, грома и молнии, но все вокруг было водянисто, мутно и лишено тепла.

И его душа стала наполняться безмятежностью — медленно, но неостановимо, как живой водой.

Оставались считанные часы. Корабль душераздирающе стонал, испуская душу, лихорадочно мигали лампочки. Дышать становилось все труднее.

Октавиан нажал на кнопку и оказался в скафандре. То же самое проделали Жан и Ганс.

— Десять минут, — спокойно сказал он.

И опустил забрало.

До большого сна оставалось девять минут.

— Восемь минут.

— Октавиан, — донеслось до него из наушников. — Я вижу в иллюминаторе сверкающую птицу...

Октавиан затаил дыхание.

— Вижу, вижу! — продолжил Жан.

— Мне вспомнились стихи Ливиу Делеану, — сказал Октавиан, стараясь отвлечь внимание немца: у того галлюцинации. Впрочем, что могло сказать Жану это имя — Ливиу Делеану, если он и сам вспомнил его случайно?

— Посмотри! Он приближается! — закричал Жан. — Мы спасены!

— Шесть минут...

— Отдыхай, — громко произнес Октавиан. — Тебе приснится дом.

— Четыре минуты...

— Долгожданный, — не отставал Жан. — Долгожданный миг! Это не через день и не через месяц. Он рядом!

Боль спала. Октавиан чувствовал, как слипаются веки.

— Он делает разворот, — горячо проговорил Жан. — Это прекрасно... Когда мы встретимся...

— О чем вы там? — спросил Ганс.

Корабль вздрогнул, точно его коснулась чья-то гигантская рука.

Перевел с молдавского В. БАЛТАГ

Находка

Геофизик Северо-восточносибирской геологической экспедиции Геннадий Блинов выехал на объект рано утром. Вернее, вышел, так как старая слепая лошадь, которую ему давали вместо автомашины, могла осилить только телегу с приборами, а самому Геннадию приходилось идти рядом, изредка подергивая вожжами. Вообще-то лошадка так свыкла с ежедневным маршрутом, что, приближаясь к перекрестку, сама замедляла ход и ждала команды. Когда Блинов говорил: «Девон!», она послушно поворачивала налево, а услышав: «Триас!», двигалась направо. «Геологиня, — смеялись практиканты из геологоразведочного, — ей бы за нас экзамены сдавать».

Аномалия, проявила себя резко и сильно. Сначала ее почувствовала лошаденка, когда Геннадий свернул с дороги, решив для пробы сократить путь к объекту. Пройдя с полкилометра по болотистой почве, Геологиня вдруг остановилась, затопталась на месте, потом неожиданно стала сдавать назад и вбок, так что колеса забуксовали по мокрой траве. Геннадий взялся за уздечку и хотел повернуть закапризничавшую лошадь обратно, но вдруг сам вздрогнул, всем телом ощутив необъяснимый наплыв волны какого-то мощного поля.

Геннадий вообще хорошо владел биофизическим методом, который ему часто помогал в работе. Когда-то еще студентом он прославился тем, что с помощью так называемой «волшебной палочки» (оструганного ивового прутика) обнаружил под полом Останкинского дворца в Москве древние средневековые дренажные трубы, которые многие годы не могли отыскать архитекторы-реставраторы и археологи. Дома отцу он мерил давление обручальным кольцом, подвязанным к шерстяной нитке.

Геннадий забил в землю шупы-электроды, разложил на траве провода и включил приборы. Счетчики щелкнули, их зашкалило — мощность аномалии была слишком высокой. Но странное дело: стоило только отнести хотя бы один прибор в сторону, стрелки сразу же возвращались к 0. Это могло озна-

чать лишь одно — источник возмущения был локальным, почти точечным.

Блинов был геофизиком до мозга костей, он всю жизнь работал дистанционными инструментальными методами. Это было его дело — обнаруживать. Для того же, чтобы доставать, приходили другие. И все же он знал, что никакие его самые современные радиологические, гравиметрические и другие пеленгующие методы исследования не могут заменить простого и совершенного способа — «пощупать» землю руками. Так уж устроен человек...

Значит, нужен шурф, нужно бурение, иначе из-под земли загадочное тело не достать. Но легко сказать — бурение. Более сложной задачи и придумать нельзя. Северо-восточносибирская экспедиция имела в том году целый ряд срочных «сдаточных» объектов. А на этот, самый заурядный, даже простого «газика» для него не выделили...

Вдруг что-то прервало ход мыслей Блинова. Какое-то неясное беспокойство охватило его. Он подбежал к приборам. Так и есть: стрелки стояли на нуле. Что за черт? Геннадий покрутил регуляторы настройки, переключил тумблеры гравиметрии, но ничего не изменилось. Аномалия исчезла.

Можно было усомниться в собственных ощущениях, в замешательстве лошади, но приборы... Геннадий присел на край телеги, закурил. Что делать? Наверно, пора сматывать удочки. Он встал, подошел к щупам, выдернул один и хотел было уже разобрать проводку, но, случайно бросив взгляд на магнитометр, чуть не вскрикнул от удивления — стрелка снова подпрыгнула.

До самой ночи просидел Геннадий у загадочной аномалии, ведя замеры необычного магнитного поля. Его изменение оказалось строго периодичным: каждые 7,38 минуты исчезало и каждые 1,42 минуты появлялось вновь. Ничего подобного никто в природе не наблюдал, никакие известные магнитные аномалии не вели себя таким вот образом. Докурив последнюю сигарету, Геннадий собрал приборы, погрузил их в телегу и отправился обратно на базу.

* * *

Утро.

В экспедиции царила обычная деловая суета. В длинных коридорах — табачный дым, многоголосый гул. Поисковики и разведчики, командированные и полевики, буровые мастера, крановщики и шоферы громко обсуждали свои дела, спорили, выбивали у снабженцев транспорт, горячее, буровые инструменты, трубы.

Начальника Блинов встретил в приемной. Он, как всегда, куда-то спешил и сообщение о необычной находке выслушал здесь же на ходу и без всякого интереса.

— Точечная аномалия? — произнес он, думая о чем-то своем. И, глядя куда-то в сторону, добавил: — Никакого промышленного значения не имеет.

Он столкнулся с настойчивым взглядом Геннадия и, видимо, поняв, что в данном случае так просто от него не отделаться, сказал решительно:

— Ладно, бери КШК и больше ко мне не приставай. Только смотри, на один день. Лабораторию сделаешь на полигоне, я Маргарите Васильевне позвоню. Пока!

Копатель шахтных колодцев (КШК), конечно, не очень подходил для серьезных дел: сил у него маловато и глубины большой он не дает, но настоящего бурового станка все равно не выхлопочешь. Поэтому привыкший удовлетворяться тем, что дают, Геннадий спорить не стал, махнул рукой и пошел оформлять заявку.

На следующий день вместе с бурувиками Николаем Сергеевичем и Эдиком он приехал к таинственному месту. Северное солнце низко ходило над горизонтом, белесое небо было подернуто облачной пеленой. КШК подъехал к точке бурения, развернулся, и его шнек мягко врезался в землю. Сначала лопасти выбрасывали на поверхность влажную торфянистую почву, потом пошел плотный черный суглинок, а за ним темный илистый песчаный грунт. Это и был тот аллювиальный песок, который принесла сюда миллионы лет тому назад Прарека, текущая теперь восточнее почти на 50 километров. Где-то в нем и лежало загадочное тело с пульсирующей аномалией.

Первый шурф не дошел до расчетной глубины. Рабочие нарастили шнек и снова погрузили его в грунт. Однако второй шурф тоже не попал куда было нужно — шнек переуглубился и прошел мимо уровня аномалии.

— То недолет, то перелет, — огорчился Геннадий, перекладывая сеть проводов и щупов. — Сейчас подсечку сделаем.

— Это тебе не окуня ловить, — заворчал Николай Сергеевич. — Мы тут с твоими артиллерийскими пристрелками ничего не заработаем. Давай последнюю точку, и кончаем эту волюнку.

Геннадий опять переставил приборы, установил резистивметрический зонд и наметил ось новой разрубки.

Но и третий шурф оказался неудачным, хотя прошел где-то совсем рядом.

— Ладно, бери лопату, полезли вниз, — сказал Блинов Эдику, — старый способ вернее.

Они спустились в шурф, закрепили обсадную трубу, и работа закипела. Лопата за лопатой, метр за метром прощупывали они стенки шурфа. Николай Сергеевич подстраховывал их с поверхности и отгаскивал ведра с землей.

— Кладоискатели! — ворчал он. — Зря время только теряем.

Проработали около часа и ничего не нашли. Потом хотели уж вылезать, как вдруг Эдик закричал:

— Есть клад!

Геннадий ткнул лопатой в стенку шурфа, и она звонко стукнулась о что-то твердое. Осторожно стали они расчищать участок расположения таинственного тела черенком лопаты, чтобы не поцарапать, прощупывали его края и окапывали со всех сторон.

— Николай! — крикнул Геннадий. — Спусти-ка пару досок.

Он воткнул доски в песок и скомандовал Эдику:

— Давай, подкапывай снизу. Потихоньку только.

Прошло еще с полчаса, и загадочный предмет в стенке шурфа зашевелился. Потом он потерял равновесие, качнулся, выскользнул на доски и почти бесшумно рухнул на утоптанное дно шурфа.

— Эй, что там? — закричал сверху Николай Сергеевич.

Геннадий снял рукавицы и медленно одними пальцами стал очищать упавшее тело от влажного глинистого песка.

Это был обыкновенный камень, ничем особенным не отличающийся от простого булыжника. Поднял его наверх, рассмотрели внимательнее. Твердая темно-коричневая многогранная поверхность неправильной формы, вес — килограммов восемьдесят.

— Чухня какая-то, — ругнулся Эдик. — Целый день потеряли из-за такой ерундовины.

— Не скажите, — возразил Геннадий. — Разве не тайна: одиночный камень в сплошном песке. Сколько мы с вами тут ни буим, всегда нам встречались только глина или песок. А камень первый раз встретился. Откуда ему тут быть? Разве что древняя река принесла...

— Хватит, кончайте треп, поехали, — заторопился Николай Сергеевич, — надеюсь, никто не собирается пачкать нашу КШК этой бульгой?

— Не только собираюсь, но сейчас это и сделаю, — ответил Геннадий, — и вы довезете меня с ним до полигона, где я его сдам на исследование. Еще посмотрим, что это за простая булыга....

До полигона добрались поздно вечером. Сбросили камень во дворе лабораторного корпуса и поехали в поселок по домам.

В девять Блинов был уже на полигоне. Заведующая лабораторией Маргарита Васильевна сама взялась провести все необходимые опыты.

— Просветим ваш камень рентгеном, — сказала она, — и загадки не будет, узнаем точно, что это у него там внутри.

Геннадий затащил камень в операторскую, а сам вернулся в кабинет заведующей. Он сел за стол у окна и, чтобы отвлечь-

ся, стал было заниматься обработкой полевых материалов, которые скопились за неделю. Но делать ничего не мог. Походил по комнате, выкурил сигарету, опять сел. Поймал себя на мысли, что волнуется точно так же, как тогда в больнице, возле рентгеновского кабинета, где решалась судьба его отца...

Мучительно долго тянулось время.

Наконец дверь операторской открылась, и вышла Маргарита Васильевна.

— Ну что, нашли что-нибудь? — бросился к ней Блинов.

Она взяла у него сигарету, прикурила от зажженной им спички и присела на край стола. Потом посмотрела на него долгим, внимательным взглядом и сказала:

— Вы что-то, Гена, путаете. Или, может быть, разыгрываете? Вроде бы серьезный человек, всеми уважаемый, а шутки какие-то странные.

— Что такое? В чем дело?

— В вашем камне ничего нет. Ровным счетом ни-че-го!

— Как так ничего? — воскликнул Геннадий. — Откуда же тогда магнитно-гравитационное излучение, да еще такое сильное?

— Вот этого я не знаю, — Маргарита Васильевна сбросила пепел с сигареты и пересела за свой стол. — Это ваши дела, геофизиков. Со своей же стороны повторяю: ни рентгенологическое, ни изотопное, ни ультразвуковое обследование ничего не обнаруживает. Камень однороден во всем его объеме. Никаких включений там нет, тем более каких-то там приборов-излучателей.

Блинов насутился, поник головой, огорченно поджал губы. Долго молчал. Поднял голову.

— Вот невезуха! — сказал он, потом опять помолчал и с надеждой спросил: — Но, может быть, плотность особая, а? Состав химический, физический необычный?

— Камень, конечно, для своих размеров несколько тяжеловат, — ответила задумчиво Маргарита Васильевна. — Вы что же, предполагаете, что камень может иметь метеоритное происхождение? И у вас, наверное, есть какая-нибудь захватывающая дух гипотеза?

Геннадий усмехнулся, на мгновение задумался, потом взял из угла комнаты стул, подсел к столу и неожиданно спросил:

— Вы когда-нибудь видели, как на побережье работает морской маяк?

— Ну конечно, горит-горит, затем гаснет на время, потом опять зажигается. Кажется, это для того, чтобы мореплаватели не спутали свет маяка с другими источниками. — Она улыбнулась и внимательно пригляделась к Блинову. — А-а, теперь я понимаю причину вашего волнения. Вы предполагаете, что это космический маяк, да?

— Вот именно! — Геннадий достал из бокового кармана куртки сложенную гармошкой длинную узкую перфоленту, раз-

вернул ее и вытянул на столе. — Это сейсмограмма, которую я снял в поле. Смотрите, с какой строгой периодичностью повторяются пики и паузы излучения. Прямо настоящий «пульсар». Но и этого мало: в каждом периоде интенсивность поля изменяется по какому-то необычному закону. Видите, вверх-вниз, сначала плавно растет, потом падает. То ли синусоида, то ли что-то другое. А вот рядом прослеживается еще один сигнал, уже другой частоты и силы. И тоже пульсирующий.

— Что же это значит? — спросила Маргарита Васильевна, внимательно разглядывая зубчатые графики.

— А то, что перед нами не просто маяк или дорожный знак, указывающий звездолетам направление движения. Это еще и информационный пункт, сообщающий путникам необходимые сведения. Может быть, именно так космонавты на ходу «заправляются» знаниями об окружающих звездах, планетах и так далее.

— В общем, информационно-заправочная станция обслуживания в космосе, — усмехнулась Маргарита Васильевна, — и это в простом-то кремнистом камне. Ничего более солидного ОНИ найти не могли. Согласитесь, Гена, это немного наивно.

— Не верите, — огорчился Геннадий. — Но почему внеземные цивилизации должны обязательно быть похожими на нас и строить всякие сложные и громоздкие молибденово-титановые межпланетные сооружения? Почему не наоборот, чем выше уровень развития цивилизации, тем она проще?

— Согласна, — задумалась она, — Тогда что означают все эти ваши сигналы?

— Эх, если бы можно это узнать, — вздохнул Геннадий, — ведь мы с вами находимся сейчас в положении неандертальцев, которым попала каким-то образом в руки напечатанная в типографии книга. Они догадываются: систематическое расположение знаков что-то означает, но прочесть книгу не могут. Не пришло их время быть грамотными.

Маргарита Васильевна встала из-за стола и, глубоко погружив руки в карманы халата, стала медленно расхаживать по комнате. После долгого молчания она остановилась перед Блиновым и сказала решительно:

— Когда мало знаешь, то много предполагаешь. Нам даже минералогический состав камня неизвестен. Надо хотя бы геохимическое и физическое обследование провести, а потом уж фантазировать. Так давайте начнем со статистической нагрузки. Помогите поставить объект на установку.

Прошли в операторскую. Геннадий поднял камень, подтащил его к стоявшей в середине зала станине, уложил под пресс и закрепил струбцинами.

— Давление давайте постепенно, — сказал он Маргарите Васильевне.

— На всякий случай поставим опыт на программное управ-

ление, — ответила она, — пусть нагрузка растёт автоматически. А сами уйдём отсюда.

Вышли из лаборатории и направились к лесу. Прошли по хорошо утоптанной дорожке к сделанной из двух бревен скамейке, сели. Солнце просвечивало сквозь листву осин, и солнечные блики, прыгали по земле, как мячики. Будто продолжая свои раздумья, Маргарита Васильевна сказала:

— А почему не предположить, что информация в камне инопланетяне оставили для нас? И она ждёт прочтения?

— Предположений может быть много, — ответил Геннадий, — например, не обязательно им было посещать Землю самим. Они могли каким-то узконаправленным лучом вроде лазера «зарядить» камень прямо со своей планеты. Или... ещё смелее: это и есть форма существования самой этой инопланетной материи. Почему не предположить, что какая-либо высокоразвитая цивилизация (или даже то, что осталось от нее после ее гибели) существует лишь в виде такого вот мощного магнитно-гравитационного поля, посылающего информационные сигналы во вселенную? Возможно? Конечно! Мы ещё ничего не знаем.

Он замолчал.

В этот момент воздух разорвал оглушительный взрыв. Деревья на опушке леса склонились почти до земли, сверху градом посыпались шишки, сухие ветки, листья. Маргарита Васильевна и Блинов бросились к полигону. Со всех сторон к зданию лаборатории, где вылетели все стекла в окнах, бежали люди.

— Никого не пускайте, — громко крикнул Геннадий, вырвавшись вперед. Он всех обогнал, первый вошел в здание и закрыл дверь на засов. Взглянул на контрольные приборы у входа в операторскую, убедился, что никакого опасного излучения в помещении нет. С волнением распахнул дверь и замер: под прессом установки статических испытаний, куда он только полчаса тому назад своими собственными руками положил камень, было совершенно пусто. Не веря своим глазам, Блинов подошел к станине, потрогал ее руками. Камень исчез.

Опустошенный и разбитый, как после тяжелой болезни, Геннадий вышел на улицу. Небольшая толпа работников полигона потянулась к нему, ожидая объяснения. Он повернулся к Маргарите Васильевне, развел недоуменно руками и пошел в сторону леса.

Что он мог им объяснить?

Связной

Иногда я жалею, что их уронил. Не было б тогда ничего — часы по-прежнему исправно показывали бы время, а я был бы совершенно спокоен и ничего не знал. А потом перестаю жалеть: ведь только из-за этой неосторожности мне — именно мне — выпало на долю то, с чем сталкивались пока лишь очень немногие, считанные единицы... из всех людей на Земле. Вот сейчас я ни о чем не жалею и, замирая, смотрю на циферблат. Но он пуст, электронные часы безжизненны.

Так что же случилось? Все больше мне кажется, что этого теперь никогда не узнать. Остался всего один день...

Зимняя ночь за окном густеет. Часы лежат передо мной на столе. Я вглядываюсь в темно-синий циферблат и вспоминаю, как все произошло.

Началось все просто. Дядя-ученый полгода назад подарил мне электронные часы. И, конечно, часы тут же вызвали зависть всех приятелей. Ведь ни у кого из них таких не было.

Слегка шероховатая поверхность корпуса рассыпала вокруг себя мириады искр. Овальный циферблат, семигранный корпус, на нем — маленькая кнопочка. Браслет, казалось, сам застегивался, стоило только надеть часы.

Я даже не успел поблагодарить, сразу же нажал на кнопку. На циферблате зажглось — «27.5.1982. 21.31.47». Для небольшого циферблата информации было, пожалуй, слишком много: вверху — число, месяц и год, под ними — время. Но больше всего меня удивили сами цифры. Округлые, красивые, а ведь обычно на электронных часах они кажутся ломаными, угловатыми. И второе отличие цвет. Не красный или зеленый, а темно-синий, слегка мерцающий. Долго еще, не отрываясь, я с восторгом смотрел на слабое мерцание быстро меняющихся цифр, показывающих секунды и минуты. И только потом догадался все-таки поблагодарить дядю, который смотрел на меня с улыбкой.

А вскоре я настолько привык к своим новым часам, словно других у меня и не могло быть. Не снимал их даже, когда иг-

рал в волейбол. Привык-то привык, но иной раз меня так и подмывало разобрать подарок, посмотреть, что там внутри. Обычные часы мне случалось разбирать и даже ремонтировать. Но электронные часы легко испортить, дядя не простил бы легкомысленного отношения к своему подарку.

И все-таки настал день, когда пришлось их разобрать. Я разобрал часы по нелепой случайности, уронив на пол в ванной. Звук удара был таким, что сердце у меня упало. Внешне, правда, часы несколько не изменились, даже стекло не разбилось. Но, конечно, больше они не работали.

Дней десять я то и дело грустно доставал часы из стола, надеясь на чудо. Нет, часы не работали, и наконец я решил пойти в мастерскую.

Вы пробовали когда-нибудь найти мастерскую по ремонту электронных часов? Мне это удалось не сразу, а когда я ее наконец разыскал, первое, что бросилось в глаза, это большой плакат. «Часы с браслетом не принимаются» — гласил первый пункт. «За качество устанавливаемых батареек мастерская ответственности не несет» — не менее лаконично сообщил плакат дальше. Из третьего пункта можно было узнать, что «Правильность хода часов после обмена батареек мастерская не гарантирует». Но последний, четвертый пункт, поразил меня окончательно. Черным, а вернее, синим по белому там обозначалось: «Мастерская не несет ответственности, если в процессе смены батареек будет повреждена электронная схема часов». Да, электронные часы, судя по всему, чинить еще не научились, кроме того, и мастер, которому я все-таки показал часы, сокрушенно объявил, что впервые видит часы такой конструкции и что вряд ли вообще кто-нибудь починит. Я понял, что в мастерской мне больше делать нечего. И я ушел. Наверное, надо было все же где-то искать другого мастера, который взялся бы их починить, не сомневаясь в успехе. Но я уже перестал верить, что такой существует.

А дома — даже не знаю, что именно меня подстегнуло, — я решительно вдруг стал снимать с часов крышку, чтобы своими глазами посмотреть, как они устроены и что случилось. Терять мне теперь было нечего.

Крышка сначала не поддавалась, потом с легким щелчком снялась. За ней оказалась еще одна блестящая металлическая крышка с небольшим, размером с маленькую таблетку, пазом для батарейки.

С трудом вынув батарейку — может быть, в ней все было дело? — я на всякий случай протер ее и снова поставил на место. Часы по-прежнему не работали. Тогда я снял и вторую крышку.

То, что было под ней, мне, конечно, ни о чем не говорило. Какие-то маленькие незнакомые детали, кажется, их и называ-

ют интегральными схемами. Я долго всматривался в переплетение тончайших деталей, с отчаянием сознавая, что ничего не понимаю... Теперь трудно сказать, показалось мне тогда, или так и было на самом деле, один из крохотных проводков вроде бы немного отошел в сторону. Взяв тонкую иглу, осторожно, чтобы не задеть другие детали, я попытался вернуть его на место, и тут же рука вдруг дрогнула, и игла сорвалась, острое угодило прямо в хитросплетение деталей..

А дальше... дальше мне оставалось только убрать часы в стол.

Я понял, что теперь, должно быть, я испортил их совсем безнадежно. Быстро захлопнув крышки, я начал нажимать на кнопку и, конечно же, бесполезно. Вздыхнув, я открыл ящик и засунул часы в самый дальний угол. И конечно, я даже не подозревал в тот момент, что уже стою на пороге невероятных событий.

Несколько дней я старался даже не вспоминать о часах. Но как-то вечером все-таки не выдержал и снова, надеясь на чудо, стал нажимать на кнопку. И вдруг чудо случилось — циферблат зажегся, и стало твориться что-то невероятное.

Сначала в бешеном темпе замелькали цифры — не только секунды, но даже цифры, показывающие годы. Потом ни с того ни с сего они сменились буквами. Затем опять пошли одни цифры. Чуть позже — какая-то совершенно непонятная смесь из букв и цифр. Потом появились почему-то одни семерки. Оторопев от неожиданности, в этот момент я отпустил кнопку, но семерки продолжали светиться и становились все ярче.

Так же неожиданно, как и появились, они исчезли. Потом циферблат вновь засветился. Сначала на циферблате по порядку промелькнули цифры от 0 до 9. Потом прошли буквы — весь алфавит, который завершился знаками препинания. Наконец циферблат снова погас, но я смотрел на него как завороченный: происходило то, чего быть не может.

Минут через пять циферблат опять засветился. Прежде всего появились те же семерки, вслед за ними стали зажигаться ряды букв. Буквы складывались в слоги, слоги образовывали слова. И, не веря глазам, я прочитал:

«Здравствуй, мы поздравляем тебя, вступившего с нами в контакт. Нам еще не совсем ясно, как ты вышел с нами на связь...»

Невероятно, но в этот момент я, помню, оторопело, растерянно подумал: «Наверное, я что-то испортил в часах, сдвинул или замкнул какие-то схемы. Вот и получился из них... радиопередатчик...»

«...теперь ты стал связным между землянами и нами, — прочитал я дальше. — Мы давно наблюдаем за вашей планетой, изучаем ее. Но в контакт с Землей пока не вступаем; это может

изменить ход вашей истории. Пока рано вступать в широкий контакт. Так гласит наш Устав...»

Я смотрел на циферблат испуганно и заворуженно. Наверное, я все еще не осознал до конца, что же происходит. Не знаю, как вели бы себя в такой момент на моем месте другие люди. На циферблате продолжали возникать слова:

«...Правда, иногда, волей случайностей или крайней необходимости, мы вступали в кратковременные контакты с некоторыми из землян. Но это не противоречило Уставу, так как, насколько нам стало ясно, локальность и кратковременность таких контактов не позволяли потом их участникам — землянам привести хотя бы какие-то вещественные доказательства того, что это было на самом деле. Нас такое положение вещей вполне устраивало, так как не являлось нарушением Устава.

Когда ты вышел на нашу волну, по сигналам было ясно, что произошло это случайно. Мы решили использовать эту возможность, потому что сейчас нужна дополнительная информация о Земле. Жди связи завтра в это время».

Циферблат погас так же неожиданно, как и начал светиться. Какое-то время я не мог даже пошевелиться, продолжая всматриваться в него. О чем я тогда думал? Это я плохо помню. То, что произошло, словно бы лишило меня всяких мыслей, я просто сидел и тупо смотрел на темный циферблат.

Помню, как весь следующий день я не находил себе места. Что же произошло накануне? Было ли все это на самом деле? А быть может, все это только приснилось, потому что моим любимым чтением была научная фантастика? Если же было на самом деле, почему все это случилось именно со мной? Неужели все дело в цепочке случайностей: сначала уронил часы, потом стал чинить и невероятным образом превратил их в космический радиопередатчик?

Но вечером я достал часы из стола и с замирающим сердцем стал ждать.

Все повторилось, как и в первый раз. Сначала замелькали цифры и буквы, потом — семерки и только после этого началась новая передача.

В тот вечер они рассказали мне, как изучали Землю, что им известно о ее происхождении, природе. Я вчитывался в короткие, лаконичные тексты, удивляясь, как можно в столь корявых фразах дать так много информации. И вновь мне казалось, что это происходит не со мной, а с кем-то, кого я наблюдаю со стороны... На этот раз передача оборвалась неожиданно. Казалось, будто кто-то помешал Им. Они наскоро попрощались, даже не закончив предыдущей фразы, и попросили меня ждать новой передачи на следующий день, в то же самое время.

А третья передача на несколько часов задержалась. Она бы-

ла самой короткой и последней. Они сообщали, что 25 февраля вступят со мной в непосредственный контакт.

Вот о чем я думаю, не отрывая взгляда от темно-синего циферблата. Может быть, и не было никакой связи? Может быть, все это почудилось — ведь каждый раз я видел слова на циферблате поздно вечером, когда уже глаза слипались от сна... Но в это мне не хочется верить. Наверное, став на короткое время космическим передатчиком, испорченные часы теперь перестали работать и в этой новой роли.



Голоса молодых

Лопата

В полном разгаре полевая страда, всем дело до земли, а не до неба. А оно, на грех и на счастье, было ярко-синим, чистым и пустым, так что при появлении в нем значительного предмета все подняли головы вверх.

Предмет имел форму плоского диска, а посередине казался прозрачным, чем-то он напоминал медузу, если кто смотрел когда-нибудь на медузу из-под воды, если же нет, то его лучше сравнить с одуванчиком, правда приплюснутым, и, скажем, сорвешь его и дунешь, чтобы он облетел, а он не облетит, а полетит весь в высоту, станет в той высоте огромным, а потом снова будет снижаться, — так вот, это то самое зрелище.

Предмет все увеличивался в размерах и увеличивал таким образом тревогу глядящих на него снизу: а не покроет ли он собою все поле, а то и всю округу, а то и целое полушарие? Тревога была столь неопределенной, что бежать не решались.

Бригадир Филипп Семенович, подбоченясь, глядел ввысь вместе со всеми, потом, не опуская головы, подождал хозяйственным жестом помощника и распорядился:

— Володя, живо в деревню: хлебец, соль, полотенчишко... Мигом!

И Володя исчез, появившись снова через такой промежуток времени, когда предмет известил о себе уже не только видом, но и звуком высокой тональности — местный гармонист утверждал позже, что это была мелодия знакомой песни.

Предмет между тем снизился настолько, что стал заметен орнамент на его днище. Потом стало ясно, что это не украшение, а сеть трубопроводов. Но вот музыка стихла, и аппарат, оказавшись величиной с племенного быка, присел на пахоту.

Бригадир Филипп Семенович принял у Володи полотенце, хлеб с солью, скомандовал:

— За мной! Только по порядку, без толчеи! — и двинулся к необычному одуванчику, к этой самой медузе.

Меду ту тем из чрева медузы вышли двое. Как положено, в скафандрах. Они были среднего роста, но пропорции смахи-



вали на младенческие: громадная голова под стеклянным куполом, туловище, зашнурованное в сплетенный как бы из удавов корсет, и короткие, но, видимо, сочлененные ножки, — они позволяли существам быстро семенить по рыхлой пахоте поля. Существа размахивали верхними конечностями, не то руками, не то щупальцами, пальцы которых отрастали как бы от локтя и достигали длины до полуметра каждый. Вот этими-то конечностями и размахивали внезапные прелетенцы.

— Эки руки-то загребушие, — проворчал про себя Филипп Семенович, в то время как в его руках хлебец потихоньку трясся и соль из солонки чуть просыпалась, но к счастью, Филипп Семенович не заметил этого.

Существа между тем развернули какую-то карту и жестикулировали с явной досадой, если их эмоции хоть в чем-то подобны нашим.

Наконец они утомились и устали на приближающуюся толпу с бригадиром во главе. В их разочарованных позах появилось что-то вроде надежды. И когда Филипп Семенович, бледный, но исполненный достоинства, неплохо подготовленный к такой вот встрече прессой, разинул рот, чтобы срывающимся голосом гаркнуть: «Добро пожаловать, гости дорогие!» — его остановили понятным жестом, помахав перед его носом растопыренной космической ладонью.

Помахавший нажал затем кнопку на своем обмундировании, включил портативный микрофончик, из которого на чистом местном диалекте послышалось:

— Лопату здесь, часом, не находили?

И репортерский микрофончик подвинули Филиппу Семеновичу. Возник понятный разговор.

— Какую лопату? — озадаченно пробурчал бригадир.

— Понимаете, два года назад — это по-нашему времени, а по-земному сорок лет назад наши люди посетили эту планету для пополнения нашего Андромедийского зверинца диплодами. После выполнения задания перед взлетом — именно из этой точки — было замечено, что одна из опор аппарата завязла. Ее расчистили лопатой, а когда вернулись домой, установили, что эту лопату какой-то ротозей оставил на вашей планете. Кто был нарушитель, выяснить не удалось, так как за перелет сменилось около восьмидесяти поколений. Так или иначе пришлось срочно возвращаться сюда за нашей вещницей. Эта честь и выпала нам благодаря предкам нашим в восьмидесятом колене. Так не находили?

— Лопату? — невозмутимо переспросил сызнова Филипп Семенович. — Так у нас сколько хочешь лопат... Володя, — обратился он к помощнику, — мигом на склад, захвати парочку поновее...

— Что вы! — раздался торопливый голос из микрофона. — Что вы! Нам нужна именно та лопата. Ведь на ней номер.

Вещь космическая, по-вашему, подотчетная... Именно здесь все было, расчеты точнейшие, а нет лопатки. Вот беда...

Филипп Семенович с отеческой жалостью смотрел на пришельцев:

— Да принесет Володя лопаты, все одно копать можно, вон до склада ему полчаса ходу. Вы уж потерпите...

— О нет, так не годится, — грустно ответил прибор. — Либо та самая лопата, либо никакой. Программа у нас однозначная.

— А что теперь будет-то за лопату? — с сочувствием спросил Филипп Семенович, догадываясь, что искомая лопата — вещь вовсе не такая уж простая.

Но ответа не последовало. Контакт прервался.

И прозвучала-таки сакраментальная фраза (народ-то бывалый, бойкий):

— Фантастика? Нет, юмор.

А существо отключило все кнопки и со спутником (спутницей?) махнуло обратно в чрево медузы.

Оба они подняли свои рукощупальца на прощанье и плавно вознеслись.

Вновь послышалась музыка, не столь мажорная, как при снижении. Местный гармонист утверждал потом, что это была известная мелодия «Средь высоких хлебов затерялося...» — единственное обстоятельство, вызвавшее потом жаркие споры.



"О свежий дух березы !"

По таежной избушке плыл теплый живой дух от печурки, в которую Власта то и дело машинально совала дрова, и еще от ароматных лечебных трав, оставленных охотниками-промысловиками, которые теперь почему-то не торопились прийти сюда на зимовье, хотя ох как нужны были сейчас!

Власта не спала уже три ночи — голова была тяжелой, лоб горел, глаза воспаленно моргали, словно в них насыпали песок.

Любимый умирал. Холодело его тело, синели ногти. Он давно уже не открывал глаз, а зубы его так сильно сжались, что Власта насилу их разжимала, чтобы влить хоть каплю целебных снадобий. Она уже не раз мысленно благодарила свою старую бабу, которая научила ее врачеванию травами и передала немало секретов исцеления от разных хворей.

Чем заболел Митя, она не знала: вдруг, неожиданно свалился, сказав, что устал, поспит малость. И вот три дня — в странном оцепенении. Смесь зверобоя с девясилом, настойка женьшеня на спирту — ничего не помогло. Что еще? Голова туманилась, ей что-то грезилось, как говаривала старая бабушка — «мстилось». То они будто бы едут с Митей на конях к месту раскопа по узкой тропке и Митя, сломав ветку цветущей черемухи, смеясь, передает ей душистое чудо. То в их доме, в большом городе, он, меряя комнату большими шагами — высокий, статный, черноволосый, — возмущенно передает ей разговор с директором института, не верящим в успех задуманной Митей экспедиции в эти таежные дебри верховьев Енисея. А ведь именно тут, по его мнению, должны быть стоянки «дин-линов» — так китайцы в своих хрониках называли рослых белокожих людей, пришедших на Енисей откуда-то из Причерноморья и позже ушедших через Гималаи в Индию. Очень давно, в день их знакомства, Митя сидит рядом с ней на узком диванчике в вестибюле института и о чем-то говорит, заглядывая ей в глаза, и она чувствует, что нравится этому незнакомому человеку и что это из-за нее одной он столь долго сидит и не уходит.

А потом пошли странные и страшные видения: какие-то люди с ужасными серыми лицами, гримасничая, плясали и тащили ее в свой бесовский хоровод. Какие-то визгливые женщины кричали что-то обвиняющее, тыча в нее грязными жирными пальцами.

Власта в ужасе мотала головой и бежала к порогу, где стояло ведро с ключевой водой, макала лицо в обжигающую студеность, пила, и на миг видения пропадали. Глаза ее видели голубой сумрак комнаты и багровое, в легкой разноцветной ряби от заходящего солнца, окно. Отблески пылающего заката ложились на бледное лицо Мити, казалось, это вспыхнул румянец и вот-вот встрепенутся ресницы... Она с надеждой подбегала к любимому, касалась дорогого лица и отдергивала вмиг похолодевшие руки...

Власта напряженно вспоминала все, что говорила ей старая бабушка, чему учила ее. Она говорила о листьях березы: если обложить человека ими, он скоро согреется. Но где сейчас, в октябре, в занесенной первым снегом тайге, листья березы? Если только в баньке близ зимовья? Взяв фонарь «летучая мышь», она сбегала в баньку, размотала хитрый узел из проволоки на двери и, конечно, обнаружила березовые веники. И тут только ее осенило — горячая парная баня — вот что нужно сейчас Мите!

Она принялась разжигать крохотную печурку, та чадно задымила. Власта догадалась подняться на крышу и выгresti из дымохода снег. Огонь в печи весело затрещал, и от мысли, что это средство — старое, испытанное, может помочь Мите, у Власты прибавилось сил. Она нашла волокушу, приготовленную охотниками для перевозки зверья, положила на нее закутанного в одеяла Митю и, не чувствуя тяжести — скорей, скорей! — потащила дорогую ношу в баню.

Полки были чистые, вымытые кем-то весной. Вода в чане скоро нагрелась. Власта распарила листья трех веников и обложила ими Митю. «О свежий дух березы!» — кто это сказал? Не вспомнилось. Но дух в маленькой баньке действительно пошел свежий, теплый, веселый. В блеклом свете «летучей мыши» стены ее, прокопченные до черноты, обнажили свои крепкие ребристые бревна, и впервые за эти три дня страх отошел. Ее разморило от тепла, глаза слипались. Но спать нельзя. Власта погрузила лицо в ведро с холодной водой. Сон отодвинулся. Подошла к Мите. Он не двигался, но, коснувшись его рук и ног, она почувствовала (или ей показалось?), что они чуть потеплели. Теперь — побольше пару и — веник в работу! Она горячим, распаренным веником хлестала его вначале слабо, жалеючи, потом крепче и крепче. Пот стекал с нее ручьями. В бане клубился молочный влажный пар, дышать становилось труднее, но Власта все плескала на же-

лезо печки холодную воду, отскакивающую от накалившего металла клубом пара.

В амбразуру окошка заглядывало уходящее багряное солнце, и Власта вдруг ощутила, что кто-то чужой враждебно наблюдает за ней.

Кому здесь быть? Солнце скрылось, теперь в тесной баньке слабым белесым пламенем горела одна «летучая мышь». Тело Мити слегка порозовело. Снова она обливала его горячей водой и хлестала до усталости в руках распаренным веником. Снова подбрасывала в печь березовые и словые поленья.

Ей показалось — руки его шевельнулись, будто хотел он отогнать кого-то. Она всмотрелась. В облаке густого матового пара мелькали мириады жирных черных точек с тонкими извилистыми хвостиками. Бешено крутились, пританцовывали, злобствовали. (Они были крохотные, в другой раз бы она их никогда не заметила, но сейчас — измученная, в отчаянии, живущая на одних нервах, — она видела с помощью внезапно обострившихся чувств, видела и злобно ощерившиеся их пасти, когти, клыки, видела одновременно каждого из этих мириад врагов.)

— Наш! Все равно он наш! — пищали точки, похожие на откормленных пивовок.

— Он шевельнул руками! — пронзительно вскричала вдруг самая жирная, медленно двигающаяся чернушка.

— Ха-ха! Это конвульсии, конвульсии! — завопили другие.

«Кто они? Что говорят? — с ужасом подумала Власта. —

Так это они отбирают у меня Митю?»

— Кто вы! Что вам здесь надо? — ей показалось, что проговорила она эти слова грозно и громко, но услышала лишь свой слабый шепот.

— Это ты — кто? Это тебе — что здесь надо? — завизжала медлительная толстуха. — Ты что нам мешаешь? Ты почему нас видишь?

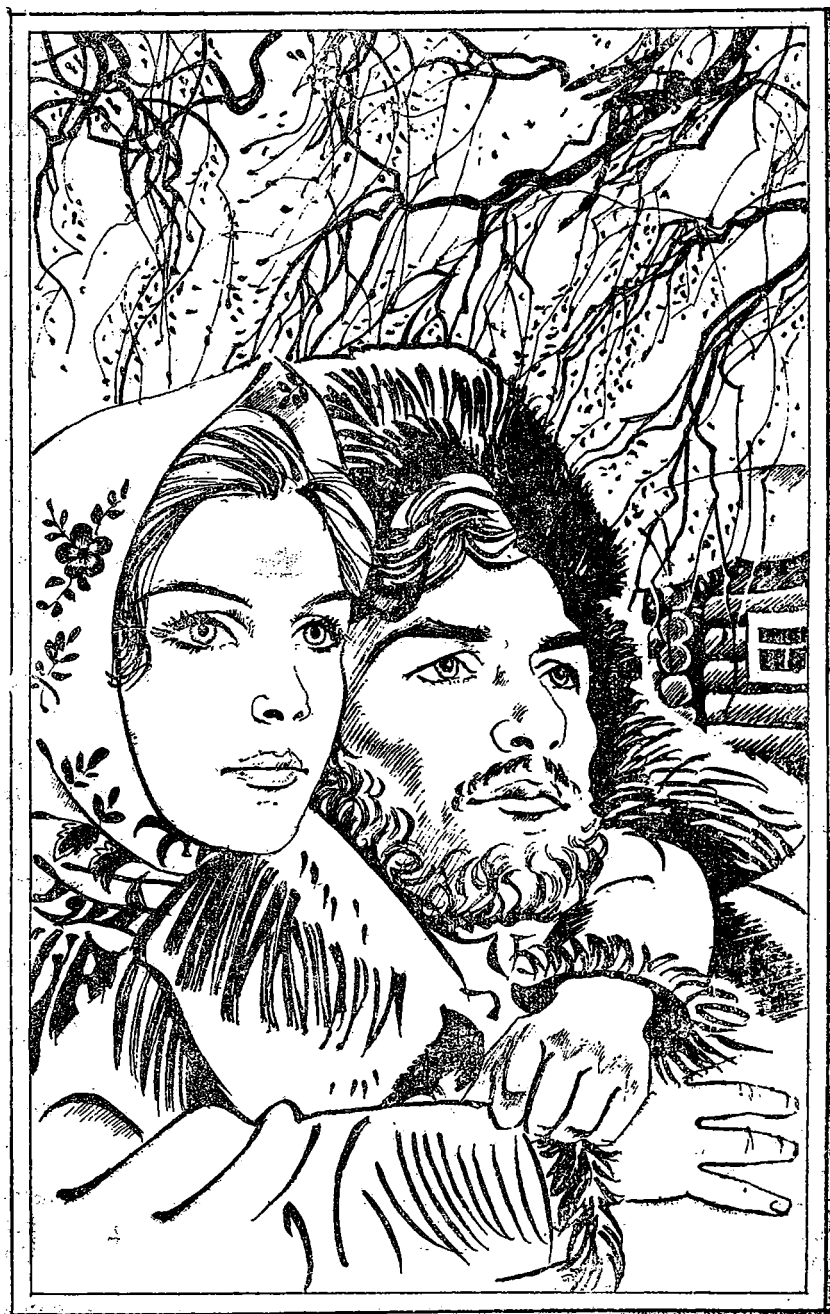
— Он муж мой, — уже громко ответствовала Власта. — Где же мне быть, как не рядом с ним? Когда любишь, видишь все!

— Нету у тебя больше мужа! Этот труп уже не муж, — захохотали, сгущаясь в облако, черные страшили.

— Есть, есть! И будет! Слышите? Я не отдам его вам! — уже в голос закричала Власта, надвигаясь на крапленое облако с отчаянной решимостью. — Кто вы такие, чтобы решать за нас, жить или не жить?

— Глупая! Мы — хозяева Земли! Мы те, кого вы, несчастные создания, величающие себя «венцом творенья», называете микробами, вирусами, бактериями. Мы — великие микро! Мы — хозяева всего живого!

— Но среди вас есть и другие — наши друзья, а ваши



враги, — возразила Власта. Но визгливая толстуха ушла от ответа, мерзко хихикнув:

— Когда-нибудь и ты станешь нашей, слышишь, и ты — тоже!

— Лучше я! Лучше я, чем он! — вырвалось, как стон, у Власты. — Возьмите меня вместо него!

Среди «хозяев всего живого» произошло явное замешательство, они шушукались.

— Сумасшедшая! — подытожила дискуссии толстуха и обратилась к Власте: — Да зачем нам ты? С тобой еще возиться да возиться, а он уже готов.

— Не отдам! — с отчаянием вскрикнула Власта, кидаясь к распростертому телу Мити. — И не хозяева вы никакие. Вот я вас сейчас кипятком, твари!

Она вскочила и действительно хлестнула кипятком в зернистое от черных точек облако.

— Сумасшедшая женщина, что нам кипяток! — запищали «хозяева», но благоразумно передвинулись ближе к двери.

— Позвать царя! Позвать царя! — зашелестели все хором. — Нас она не боится.

В окошко вдруг пахнуло порывом ветра, в бане потемнело, и рядом с первым заплесало другое крапчатое облако, задело Власту липким краем, отчего потянуло мертвящим тошнотворным запахом. Перед глазами Власты зависла еле заметная уродливая чернушка с массивной золотой короной на голове.

— Что здесь творится? — недовольно прогнусавила корона. — Почему до сих пор не управились? Где неофит?

— Неофит здесь, но вот она мешает! Греет, парит. От безрезового духа мы все обалдели и покинули место работы. Теперь крутимся вблизи! — пожаловалась толстуха, подобострастно виляя тонким хвостиком.

— Кто это — «она»? — высокомерно изрек царь-малявка. — С каких это пор живая женщина стала мешать нам? Ну-ка, атьдва и вперед-р-ред на него!

И сам, как вожак вороньей стаи, первым ринулся к Мите.

Власта успела опередить врагов. Она заслонила любимого и тотчас ощутила, как холодные, как лед, колючие стрелы вонзились в ее спину. Сердце остановилось на полуударе, похолодели руки, ноги, зябкие мурашки побежали вниз от затылка. В этот миг, решив умереть первой, до Мити, она губами почувствовала его дыхание. Он дышал заметно неровно, но то было дыхание живого человека, пробуждающегося ото сна. Неудержимая радость охватила ее, и она поцеловала крепко и долго его потеплевшие губы.

— Он жив! Слышите, жалкие твари! Он жив! Вам здесь нечего делать! — торжествующе воскликнула она, заметив, что оба крапленых сгустка жмутся у дверей, советуясь.

Ей стало так горячо, жарко, что, казалось, внутри ее бу-

шует могучее пламя, и, коснись она сейчас сухих поленьев, они запылают. И такая вот — жаркая, сильная, — она поднялась и пошла к двери. Она могла поклясться, что видит вокруг себя это бушующее огненное пламя — как протуберанцы вокруг проводов высокого напряжения. Словно вся энергия, уходящая из человека в окружающее пространство впустую, энергия, которой хватит, чтоб привести в движение автомобиль, — сейчас, в этот миг, исходит из нее не зря.

Эти черные твари боятся жара, боятся света! И она, торжествующая, двинулась на них, вся — от головы до пят — в горящем пульсирующем ореоле.

Крапленые облака задымили, запахло смрадом.

— Горим! Мне жарко, жарко! — запричитала толстуха.

— Да ну ее, эту сумасшедшую, с ее полутрупом. Других, что ли, нет? — подхватил кто-то.

— А как же «Книга судеб»? — злоеще пискнула малявка в короне. — По ней, он должен был стать нашим еще на заре!

— Подчистим! В первый раз, что ли?

Власта, разведя объятые дрожащим заревом руки, ступала и ступала, пока не ткнулась в скользкие от пара черные доски двери. Она как зачарованная смотрела на медленно сжимающийся огненный ореол вокруг рук, заметно бледнеющих на глазах, и ощущала, как уходит куда-то внутрь вызванная ею неизведанная еще человеком солнечная сила. Кажется, это явление называется «эффектом Кириана». Все живое — человек, насекомое, лист таят в себе эту невидимую глазу энергию. Люди научились видеть ее в темноте с помощью приборов, но не научились пока пользоваться ею.

В бане стояла тишина. Пар рассеивался — дрова догорали. Она повернулась к Мите и замерла. Ничего не понимающими карими родными глазами он смотрел на нее и с привычным своим командирским оттенком в голосе — сейчас слабым и прерывистым — спрашивал:

— Ты что это кричишь, а? Ты с кем это разговариваешь?

— С тобой! — вступенулась Власта. — С тобой, милый! С кем же еще?

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Звездолет, уже никем не управляемый, падал вниз. Хрустальные окна, отражающие далекие звезды и объятую пламенем землю. В главной рубке тихо. Приборы, еще не успевшие выйти из строя, светятся зелеными шкалами индикаторов. Два глубоких противоперегрузочных кресла стоят почти горизонтально. Шевелящиеся, точно от дуновения ветра, привязные ремни разорваны неведомой силой. Два странных космических существа. Руки-щупальца, протянутые к рычагам управления. Мертвые руки. Стекланные глаза-блюдца на тонких ниточках-хоботках. Ничего не выражающие глаза. Остановившееся мгновение. Нелепая катастрофа. Потом плотные слои атмосферы. Яркая комета над вздыбленной, огнедышащей землей. Падение в океан...

Объемный экран на мгновение погас. Эффект непосредственного присутствия был полным. Люди сидели молча.

Потом появился диктор — молодой ученый, один из авторов фильма.

— Это только первая часть нашей гипотезы. Вкратце ее суть сводится к следующему.

Мгновенно изменилось силовое поле Земли. Атлантида оказалась в центре катаклизма. Звездолет (он обязательно должен существовать — древние хроники упоминают об огненной колеснице, появившейся в небе) был ориентирован по магнитным линиям. Остров стремительно опускался под воду. Пришельцы были убиты мощным гравитационным всплеском в каких-то пятидесяти тысячах километров от поверхности планеты.

Теперь вторая часть. Катастрофа с точки зрения жителей острова...

О, это было великолепное зрелище! По небу в огненной колеснице мчались боги атлантов. Последние из оставшихся в живых видели тройку коней, машущих золотыми крыльями. Каждый их исполненный взмах сопровождался треском и грохотом, заглушавшими грохот расколовшейся надвое Земли.

Комариным писком ожил зуммер индивидуального вызова. Кирилл нехотя встал и вышел из кают-компаний.

«В который раз смотрю этот фильм. И все время волнуясь. Вот это-то и плохо. Нервы у пилота должны быть стальными» — подумал он.

Тихая гладь океана. Летучие светлые облака. Бескрайние просторы Атлантики.

Ветрено.

Палуба научно-исследовательского лайнера. Паутина антенн. Одинокие тайлеры. Крики чаек, выпрашивающих подачку у стоящих на мостике людей. Потом крики замолкают.

Тысячемильная, опрокинутая чаша неба. Туманная дымка, оставленная ионным двигателем. Всплеск воды, и опять — тишина, Обманчивая тишина.

Стая рыбешек в испуге шарахается в сторону. Любопытные дельфины пытаются проследить — что же это за создание так решительно и смело уходит в глубину. Кожа у дельфинов своими характеристиками уступает лишь коже акулы. Именно поэтому дельфины могут развивать под водой очень большую скорость. Но они не в состоянии угнаться за странным, похожим на хищную рыбу, существом. Амфибия все глубже и глубже погружается в океан.

Вот перед ней промелькнули выпуклые глаза кальмара. Кальмар тоже не понял, что же это такое. Но на всякий случай удра-отплыл в сторону. И правильно сделал.

А вода стремительно меняет окраску. Скорость погружения возрастает. Начинают сказываться перегрузки. Потом становится темно, и Кирилл нажимает кнопку прожектора. Луч света мгновенно растворяется, затем группируется в четко обрисованный конус.

Высвечивается все, что попадает на пути. Вот одинокие утесы и скалы, кое-где покрытые водорослями. Вот трещины и расщелины, давным-давно занесенные на карты океанского дна. Скоро и само дно.

Любопытная рыба-фонарик никак не может примириться с таким мощным конкурентом, как прожектор. Она тычется сплюснутым носом в бок искусственно созданной амфибии. Она увеличивает свое свечение до максимума. Но где там — не тот вольтаж! Искусственная амфибия остановилась у самого дна и не обращает на нее внимания. Рыба-фонарик обиженно уплывает.

— Алло, Кирилл, ты почему молчишь? — раздается в наушниках встревоженный голос Березовского.

— Все по-старому, — отвечает Кирилл. — Сообщу, если появится что-нибудь новенькое. — Он проверяет на голове нейрошлем с множеством проводов, протянувшихся к мини-

компьютеру. Потом вдруг сжимается, предчувствуя, до десятой доли секунды, что сейчас что-то случится. Берет микрофон.

— Думаю, что искать надо здесь.

— Почему? — немедленно отзывается Березовский.

— Седьмое чувство. (А что он мог ответить еще? Два года практики — только на чувство и надейся.)

— Поточнее. — Суховатые нотки в голосе Березовского начинают приобретать металлический оттенок. Капитан «Скифа» не любил ни шестых, ни вообще каких-либо чувств. Даже когда речь шла о поиске пропавшего континента. Так, по крайней мере, казалось Кириллу. Да и не ему одному.

— Не можешь ли сказать поточнее?

«Сухарь, — подумал Кирилл. — Ну что мне ему сказать?»

— Не знаю. Седьмое чувство, и все, — повторил он слегка раздраженно. Потом выключил экран индивидуальной связи...

— Пятнадцать тысячелетий! Ну хоть что-нибудь. Пусть обломок сосуда. Пусть часть бронзовой стены. У нас есть мифы и хроника. Этого было бы вполне достаточно, — говорил сам с собой Мануэль Пита Андраде, директор музея в испанском городе Прадо. Он ходил из конца в конец капитанской каюты и поглядывал на выключенный экран. Но экран молчал.

Зато не молчал его научный противник. Доктор Кабрера не верил в существование Атлантиды.

— Зачем же нам эти несчастные, грязные черепки? Орихалк, легендарный орихалк! Вот что вы получите в свою коллекцию, — язвительно заметил он.

— Санта Мария! — воскликнул сеньор Мануэль Пита Андраде. — Можете ли вы представить себе тройку крылатых коней, ведь это же искусство! — повторил он торжественно и демонстративно отвернувшись.

На губах Владислава Березовского показалась еле заметная улыбка. Но тут же исчезла. Невозмутимый поляк с посеребренными сединой волосами — о чем он мог думать в эти минуты? О том, что и у него, старого морского волка, есть чувства? О том, что и сам когда-то был стажером? И не раз задумывался о существовании Атлантиды?..

Капитан «Скифа» требовательно нажал кнопку вызова. На экране, слегка измененное нейрошлемом, показалось лицо Кирилла.

— Здесь, — упрямо сказал он. — Здесь, я это знаю наверняка

Березовский опять улыбнулся.

— Служба обеспечения, приготовьтесь к спуску киборга, — прозвучал под сводами «Скифа» голос капитана.

— Киборг к спуску готов, — немедленно раздалось в ответ.

— Начинайте, — приказал Березовский.

Зажегся голографический экран. Видимость была идеальной. Разговоры смолкли.

Тысячи сонаров посылали мощнейшие импульсы, а потом принимали их отражение от всевозможных предметов. Пятьсот миль — таков был сейчас радиус обзора. Любой камешек, любую рыбешку можно было увидеть на этом расстоянии. Разумеется, если их не скрывали подводные скалы или расщелины.

До боли в глазах всматривался сеньор Андраде в объемное изображение. Вот промелькнули сцены из жизни обитателей океана. Гигантская медуза засветилась сиреневым светом. Потом глубоководная креветка, увеличенная в сотни раз, уставилась на людей. А вот и амфибия Кирилла. С ним все в порядке. Единственное, чего не хватало на экране, — это Атлантиды. Сеньор Андраде вздохнул.

Потом операторы переместили точку обзора. Показалось днище «Скифа». Дверцы распахнулись. Из них медленно и величаво выплыл киборг. Он не обращал внимания ни на технику, ни на обитателей океанских вод. Киборг был тридцатиметровой акулой-мутантом.

Да, это было великолепное существо! Хищное и кровожадное. Прирожденный убийца. Совершенное, неповторимое тело. Кожа, коэффициентом трения на порядок превосходящая кожу дельфина. Очутись с таким один на один в океане — страшно подумать, что бы произошло. И сеньор Андраде невольно пожегся.

Когда загарпунили эту хищницу, он еще был мальчишкой. И чего только не писали в газетах! Несколько потопленных тайлеров и несколько человеческих жизней. Когда же ей вспороли брюхо, то удивились все. Даже ничему не удивляющиеся старые морские волки.

«Теперь это все в моем музее. Настоящий якорь с одной из колумбовых каравелл. А чего стоит коллекция золотых и серебряных монет! Обрывки парусов, цепи и канаты. Огромный кусок пластика, откусанный от океанского лайнера. Все это не в счет. Да и бояться уже нечего. Давным-давно акулу-мутанта превратили в акулу-киборга».

Это была ее новая, вторая жизнь. Несколько ленивых кругов около «Скифа». Потом стремительный бросок в глубину. Туда, где стояла амфибия. Туда, куда приказывал ей Кирилл.

Таких перегрузок не мог выдержать никто. Только она. Только совершенное, генетически измененное тело. Сложнейшая электронно-биологическая вязь. Ни дельфин, ни кашалот. Ни человек. Никто.

Она мчалась кругами. Круги постепенно суживались. Квадрат со стороны в двести морских миль. Молниеносный приказ человека, находящегося в амфибии. Молниеносный ответ приборов, спрятанных в ее чреве. Она искала. Она знала, что надо искать. Что надо найти...

Кирилл руководил работой киборга. Биотоки мозга посылали приказы. Глаза не отрывались от небольшого объемного экрана. Он видел все. Все, что происходило за сотни миль от его амфибии. Вот киборг прошел над неизвестным подводным хребтом. И хребет был автоматически занесен на карту. Вот еще одна, не известная никому расщелина, и... И Кирилл понял, что пора.

Щелчок тумблера. И его мозг стал мозгом киборга. Его сознание стало сознанием тридцатиметрового гиганта. Вот подводный склон. Вот ватага рыбешек спасается от его хищной тени. А вот и не известная никому расщелина...

Он опускался все ниже и ниже. Туда, где царила вечная ночь.

Изрезанная, изломанная поверхность. Холмы и впадины до самого горизонта. Океанские улицы и проспекты.

«А здесь и правда мог находиться город», — подумал он.

Расщелина была неудобной и тесной. Он уже поранил себе хвост. Точнее, его электронно-биологическую структуру. И вдруг... «Нет, этого не может быть. Наверное, я устал. Слишком долгим был поиск. Квадрат со стороной в двести морских миль — это тебе не пустяк».

То была часть крыши. Или даже мостовой, выложенной драгоценным орихалом.

Нет, это что-то другое.

Последнее мощное усилие. Часть подводной скалы отходит в сторону. Это не благородный металл. Это сплав, предназначенный для космических целей, — таков был ответ его биокомпьютера. Огромный рыбий зрачок заглядывает в хрустальное окно...

Он боялся верить своим глазам. Это безумие. Что-то случилось с его биокомпьютером. Лихорадочная проверка. Хаотическая суeta электронов. Какие-то полузабытые рыбы образы.

Волевое усилие. Приказ. Все пришло в норму.

Полуметровый акулий глаз сфокусировался. Сжался. Потом из него ударил мощный пучок света. Ожили хрустальные окна. Все было так же, как и пятнадцать тысячелетий назад. Остановившееся мгновение. Застывшие руки-щупальца. Стеклянные глаза-блюдца на тонких ниточках-хоботках. Забытая космическая яхта.

Он сделал все, что мог. Слишком велик был район поисков. Акула дрожала от усталости.

Последнее волевое усилие. Мозг киборга становится мозгом Кирилла. Последние слова:

— Принимайте груз. Заодно и меня.

Потом он почему-то потерял сознание. Может быть, от перегрузок. Может быть, от впечатлений.

Вода у борта лайнера забурлила. Показался киборг. Электромагнитные ловушки прочно держали груз. Шар диаметром метров пять.

— Санта Мария! — воскликнул Мануэль Пита Андраде. — Он нашел ее!

— Это космический аппарат, — сказал Березовский.

Акула сделала несколько ленивых кругов. Потом нырнула под днище «Скифа». Механические руки отключили нервную систему. Отделили блестящий металлический шар. Потом лебедки отбуксировали его в научную лабораторию.

— Да, вот тебе и Атлантида, — проговорил кто-то.

— Рубка космического корабля, — уточнил Березовский.

— Забывтая яхта, — прошептал доктор Кабрера.

«Мой музей. Я не могу вернуться с пустыми руками», — подумал сеньор Андраде...

Потом подняли Кирилла. Освободили от электродов нейрошлема. Через десять минут он пришел в себя.

«Надо же. Вот и конец стажерской работе. Теперь переводят в пилоты».

Он улыбнулся.

Почти бесцветная глубоководная креветка юркнула в узкую расщелину. Потом проползла по дну, оставляя цепочку следов. Ее внимание привлекло серебряное пятно. За ним — другое.

Креветка добежала до первого пятна, проворно перебирая тонкими ножками. Поднялось облачко пыли. Вспыхнули золотые искры — металл сверкал даже под многокилометровой толщиной воды. Быть может, потому, что рядом показалось круглое тело рыбы. Она несла на своей спине маленький фонарик.

Свет от фонаря был неяркий, зыбкий. И только креветка, привыкшая к полной темноте, могла его увидеть. Точнее — почувствовать.

Рыба отплыла в сторону, и на креветку упала тень. Тень была похожа на крыло. Креветка опустилась в эту тень.

Потом скрылась, растворившись в темноте.

"Тихая" планета

Морт напряженно всматривался в осунувшееся, почти безжизненное лицо командира. Сегодня оно было спокойным. Именно это спокойствие пугало Морта. Он еще раз тщательно проверил аппаратуру, сравнил последние анализы с предыдущими. Изменений к худшему нет, но и к лучшему тоже. И вдруг у командира дрогнули веки. Морт подался вперед. Две недели он ждал этого мгновения.

— Тэд, дорогой! Это я.

Взгляд командира был ясным. «Узнал. Теперь пройдет этот проклятый бред».

— Очнись, Тэд, мы на корабле и летим домой. Все опасности позади, мы летим. Я поднял корабль.

Командир, видимо, не слышал. Его веки сомкнулись. Морт в отчаянии отпрянул назад, взмахнул рукой, ему хотелось услышать хоть одно слово. Слово командира с ясным сознанием; Бредовых выкриков он наслушался на всю жизнь, а теперь хотел знать, что из этого воспринимать всерьез, а что отнести к болезненному воображению. Еще некоторое время он с надеждой смотрел на командира, ждал, что сознание вернется к нему... У Тэда вновь начался бред.

Дела заставили Морта покинуть раненого. Посещение Дика пришлось отложить на более поздний срок;

На Земле Морт мечтал отправиться в этот полет командиром. И вот он не только командир, но и вся команда корабля. Корабль надо было поднять с Оранжевого серпа. Или погибнуть. Сумасшедшая гонка здорово вымотала Морта — похудел, щеки ввалились. Первые три дня он был просто в отчаянии, от усталости кружилась голова и подкашивались ноги. Кто мог помочь ему? Тэд без сознания, Дик пока не может самостоятельно передвигаться, Только Земля может оказать помощь. Цель — Земля. Думать о чем-либо другом не было сил. Когда через несколько дней четко определился объем работ, Морт расписал свое время до минут. Паника первых дней улеглась., Пришла уверенность в возможности достичь цели. Только бы выдержать.

И Морт держался, невольно сравнивая себя с машиной. Завтракая, он думал о том, что запасается энергией до обеда. Укладываясь в постель, сразу засыпал, так как знал, что, если не уснет сейчас, уснет потом за пультом и совершит аварию. Каждое действие, каждое движение точно и рационально. Морт чувствовал, что раненым уделяет мало времени, но иначе нельзя.

Последние сутки посещения командира Тэда Арда и особенно его бред нарушили душевный покой Морта. Он было успокоился, нашел для себя объяснение всему случившемуся на Оранжевом серпе. Тэд ранен, речь его бессвязна, но достаточно понятна, чтобы определить причину болезненного воображения. Причиной были события на Оранжевом серпе.

Опускаясь на Оранжевый серп, они выжгли мелкий ломкий кустарник на большом расстоянии. Вокруг лежал усыпанный углем грунт. Вдалеке поднимались неясные очертания холмов. Возможно, до пожара место высадки выглядело приятнее. Но сейчас у экипажа корабля настроение было подавленное, и никто не ожидал ничего хорошего.

Они появились как-то неожиданно, словно выросли из-под земля или, вернее, из-под грунта. Два странных живых существа, похожих на обезьян, с сильно вдавленными в плечи головами, медленно шли к кораблю. Аборигены то и дело останавливались, наклонялись, что-то поднимали, рассматривали и опять шли вперед. Экипаж насторожился, все шесть его членов не сводили глаз с этих двоих. Морт, внимательно разглядывая аборигенов на экране телевизора, сразу обратил внимание на их странные руки. Вместо привычной нам кисти было некое подобие птичьего клюва. Когда они хотели что-то поднять, клюв раскрывался, и внутри виднелась небольшая полость. Аборигены шли, меньше всего обращая внимания на корабль, скорее их волновал сожженный кустарник.

Навстречу им вышел сам командир — Тэд Ард. Были приняты все меры предосторожности. Командир отошел от корабля метров на двадцать и остановился в ожидании. Аборигены шли прямо на него. Когда поравнялись с командиром, один из них протянул руку к стальному щупу, висевшему на поясе Тэда, легким движением клюва-кисти откусил от него сантиметров десять и принялся внимательно изучать. Морт, наблюдавший за командиром по телеэкрану, объявил по кораблю тревогу. Но все обошлось. Аборигены прошли мимо Тэда Арда. Приблизившись к телескопической опоре корабля, оба попробовали ее своими кистями-клювами. В местах проб оказались выхваченными куски металла. Члены экипажа многозначительно переглянулись. А аборигены, не проявив большого интереса, проследовали мимо, как будто их цель в том и состояла, чтобы взять пробы. Когда они исчезли, командир распорядился начать исследования в непосредственной близости от корабля. На площадке у вход-

ного люка остались двое: Морт — заместитель командира и Дик — механик экспедиции.

Аборигены появились еще внезапнее, чем в первый раз. Морт готов был покаяться, что вышли они из грунта, хотя самого момента выхода никто не видел. Тревога прозвучала слишком поздно. Стало ясно, что люди не успеют укрыться в корабле. Дальше всех оказался командир. К нему шли сразу три аборигена. Другие члены экипажа были ближе. Морт велел Дикю спуститься на площадку ниже, чтобы не мешать друг другу в круговом обзоре, и поручил ему ближайшую группу. На себя, как более опытный стрелок взял защиту командира:

— Если захотят прикоснуться, стреляй!

Дик согласно кивнул. Следы на металле опоры, оставленные аборигенами, произвели на него ошеломляющее впечатление. «Только бы не прикасались к скафандру».

Один из троих вплотную подошел к командиру и протянул руку. Морт поднял ружье.

— Не стреляй! — раздался в шлеме голос командира.

Морт не обратил внимания на окрик, он наблюдал за «рукой» аборигена.

— Не стреляй! — еще громче закричал Тэд Ард.

Когда «рука», по, расчету Морта, вот-вот должна была коснуться командира, Морт выстрелил. Существо съежилось в комок и затихло на обутлившемся грунте. Вспышка выстрела привлекла внимание всех. На мгновение замерли и люди и аборигены. Но эта длилось именно мгновение. Существа по какой-то единой команде вдруг все разом бросились на людей. Морт увидел, как командир упал от нападения двух странных существ. Морту потребовалась секунда, чтобы расправиться с нападавшими на Тэда. Несколько вспышек, и они успокоились навсегда. У другой группы события развивались более трагично. Когда Морт обернулся к ним, трудно было разобрать, где свои, а где чужие. Мощной вспышкой Морт сразил несколько существ, спешивших к месту схватки, стремительно покинул корабль и бросился на помощь. Но помогать было некому. Морт растерянно оглянулся, увидел, что командир пытается подняться. Но и над ним один из аборигенов взметнул продолговатый предмет. Выстрел совпал с ударом. Морт выкрикнул какой-то дикий воинственный клич, а может, это был крик отчаяния, и поспешил к командиру. Еще трое существ пали под его ударами.

Тело командира показалось тяжелым. Морт запыхался и, едва переводя дух, глянул, далеко ли до корабля. То, что он увидел, заставило забыть об усталости: лестница была наполовину облеплена аборигенами. Дик поднялся на площадку выше и продолжал отступать к входному отсеку.

— Немедленно очисти лестницу, Дик, — приказал Морт. — Встречай меня внизу.

Дик словно не расслышал приказа, продолжал отступать, движения его были лихорадочны, грозное оружие в руках бездействовало. Еще несколько минут, и он впустит аборигенов внутрь корабля. Морт опустил командира и вскинул ружье. Нижняя часть трапа и подходы к нему мгновенно опустели. Следующим ударом Морт очистил первую площадку. Он не успел перевести прицел выше, когда увидел падающего Дика. Морта охватило отчаяние. Единственный член экипажа, кто мог ему помочь, выбыл из строя. Мощными залпами ружья Морт освободил входной трап, подхватил командира и без раздыха втащил его на первую площадку. Затем, преодолевая усталость, поднял сюда же Дика. Теперь можно было оглянуться и оценить обстановку. Еще двое оставались внизу. Им помощь уже не требовалась, но Морт не хотел их оставлять. Дадут ли эти странные существа возможность перенести бывших членов экипажа? Морт удобнее уложил Дика и огляделся. Увиденное его ошеломило. Буквально в нескольких сотнях метров от корабля стояло сплошное кольцо окружения. Их были тысячи. Морт стремглав бросился во входной отсек и включил механизм подъема трапа.

Так их осталось трое.

Сознание к Тэду Арду возвращалось тяжело. Мучили воспоминания страшных минут на Оранжевом серпе. Скорее это были не воспоминания, а переживания, возвращавшиеся вновь и вновь. Десятки раз перед глазами мелькали умирающие странные существа. «Почему, зачем? У них руки!» — растерянно повторял Тэд Ард. Ему отвечали яркие вспышки ружья. Потом Тэда кто-то бил, дергал, тишина. А эти странные существа все падали и замирали без криков и стонов. Тэд Ард вспоминал знаки дружеских приветствий, он хотел говорить с этими существами, а они падали. Кто они, звери или разумные существа?

Наконец к Тэду вернулась ясность сознания. Выслушав своего заместителя, он не хотел верить, что корабль возвращается к Земле. Позорное бегство с места преступления. Как еще можно назвать этот полет?

Тэд Ард с трудом поднял тяжелую голову. Еще усилие, и он сидел на койке.

— Я должен вернуться!

Неожиданно все закачалось перед ним, ожили окружающие предметы, и мягкий гофрированный пол стал неудержимо надвигаться на Тэда...

Он очнулся от легкого прикосновения к лицу шершавой, мохолистой руки. Морт, склонившись над ним, поправлял подушку. Тэд как будто впервые разглядывал его плотную фигуру, лицо с крупными чертами, искаженное гримасой искреннего сочувствия. Тэд Ард вспомнил, что хотел вернуться, и понял, что сей-

час это невозможно. Его вспышка стыда и гнева исчезла, вместе с возникшей было неприязнью к Морту. Появилось просто любопытство — захотелось поближе рассмотреть своего коллегу. Словно любопытствовал не он, а какой-то новый Тэд Ард. Нет, Морт не может быть убийцей. Тут что-то не так. Почему он стрелял? Испугался? Первоклассный пилот не мог испугаться. Инстинкт самосохранения? Но Морт думает, а интенсивное мышление загоняет инстинкт в самые глубины. Только когда человек перестает думать, властвует инстинкт, появляется животный страх.

Несколько дней Тэд Ард молча наблюдал за помощником. Странными казались со стороны их встречи. Морт приходил и рассказывал, что делает, потом некоторое время сидел молча. И уходил, не ожидая и не требуя ответа. Первые такие отчеты Тэд слушал рассеянно. Но с каждым разом заставлял себя вдуматься в них. Удивление его росло: как может один человек сделать столько дел? Он целеустремленная машина. Он превращает себя в машину, изгоняет элементы человечности. Цель — возвращение. Возвращение без достижения основной цели всей экспедиции?

Дик лежал в другом отсеке. Морт еще не разрешал ему вставать. Сказывалось падение и нервное потрясение. Дик так ни разу и не выстрелил на Оранжевом серпе. Почему? На это он не мог дать ответа. Защищать группу было бесполезно. Все произошло стремительно и неожиданно. В общей свалке можно было убить всех сразу. Позже Дик погибал сам, но так и не решился выстрелить. Почему он так себя вел?

После долгих раздумий Дик пришел к выводу, что для таких экспедиций он непригоден. И чтобы все окончилось благополучно, он должен подчиняться и помогать мужественному Морту.

Тэд Ард пошел на поправку. Он еще не выходил из больничного отсека, но вот-вот готовился вступить в свои права. Что толку было командовать, лежа на койке. Морт сумел до сих пор управляться за всех один. Давать ему указания, не осмотрев своими глазами корабль, не имело смысла.

У Тэда закружилась голова при первом взгляде на главный экран обзора. Наверное, он рано поднялся с постели. Но что сделано — сделано. Пересилив слабость, командир углубился в бортовой журнал и расчеты трассы полета. И понял, что при взлете корабль вышел из экспедиционного коридора. Поэтому связь с контрольными станциями и Землей потеряна.

Пока Морт принарамливался к работе в одиночку, корабль отклонился далеко в сторону. И помощник нашел наилучшее решение. Он вспомнил о другом земном коридоре, добраться до

которого было проще, чем вернуться на старый. К новой цели корабль шел точно.

На другой день Тэд Ард принялся за изучение нового маршрута. По пути было несколько необследованных объектов. Натолкнулись на одну необычную планету. Давление, температура, состав атмосферы на ней — все говорило о том, что жизнь на планете возможна.

Командир не сразу решился заговорить об остановке. Морт встретил предложение настороженно. Отклонение от курса, срыв намеченного графика пути, новая настройка систем, когда нет половины экипажа?! Морт испытующе посмотрел на Тэда.

— Надо посоветоваться с Диком, — нехотя выдавил он. — Мы же не одни.

— Оставь в покое Дика, он тут ни при чем. Мне кажется, ты сам слишком торопишься к Земле. — Накопившееся напряжение вылилось в этой фразе. — Командир здесь я, и Оранжевого серпа больше не повторится.

Морт побледнел. Что же, если настало время поговорить...

Морт начал тихо, в дружественном тоне:

— Почтеему, они имели разум? Нет, дорогой Тэд, чтобы убить, разум не требуется, скорее наоборот. Я отвечал в то время за экипаж и за корабль перед людьми. Ты хотел, чтобы я ждал, пока эти существа угрожают тебе и меня с Диком? Нет, спасибо!

— Но ведь мы — люди, первые люди Земли в этом мире.

— Мы — люди среди людей. Только среди людей я человек. А среди них? Кто я среди них? Существо? Не хочу быть существом. Не хочу ждать, погладит или убьет меня этот дикарь. Нас было шестеро, теперь трое.

Тэд Ард понял, что Морту не надо подыскивать слова в этом разговоре. Все обдумано и передумано за долгие дни. Он сам много раз мысленно вел разговор с Мортом, но не такой. Он готовился вести спор о долге исследователя, об иных цивилизациях, Морт открылся с иной стороны. В его словах не было трусости, стремления уйти от опасности. Это были убеждения, о которых Тэд Ард не догадывался, хотя считал, что знает Морта.

— Ты хотел, — продолжал Морт, — чтобы я оставил и тебя?..

— Мы проведем исследование на этой планете. — Голос командира был спокоен и тверд. — Неужели ты не видел, что у этих последних были обычные руки?

Морт медленно прошелся по отсеку, приятно было ощущать нормальную тяжесть тела, но он потерпел бы и до Земли, черт дернул командира совершить эту посадку. Поток мощного

электромагнитного излучения, обрушивающийся откуда-то из космоса, исключал возможность пользования на планете радиосвязью. Любая попытка воспользоваться приемником наполняла шлемы астронавтов невообразимым хаотичным шумом. «Тихая» планета — успел окрестить ее Тэд. Пришлось пользоваться специальной системой жестов, разработанной на подобный случай.

Отдав распоряжения, командир ушел на сутки, чтобы обследовать ближайшие окрестности. Морт облачился в скафандр, спустился по трапу, присел рядом с Диком. Впервые за эти дни обратил внимание на небо — до этого все не было времени осмотреться. Небо было красивым. Изумрудная зелень начиналась почти у самых глаз, но пропускала взгляд далеко и там, в глубине, разливалась густым цветом. Морт откинулся на спину, устроился поудобнее, как будто собирался блаженствовать так целую вечность.

Дик прервал его размышления резким толчком. Морт выглянул из-за опорной лапы звездолета и замер от неожиданности. На краю песчаной площадки, в двухстах метрах от звездолета стояло черное лохматое существо. В темном клубке едва угадывались формы крупной гориллы. Длинные волосы, покрывавшие все тело, свисали до земли. Голова огромным шаром вдавлена в могучие плечи. Лица невозможно было рассмотреть. Существо вялым движением приподняло широкую лапу и неуклюже двинулось вперед. Сделав несколько шагов, оно ткнулось на четвереньки, медленно поднялось.

Дик бросился в звездолет и через полминуты вышел, держа в руках два ружья. Не отрывая взгляда от незваного гостя, Морт взял ружье, медленно поднял к плечу. «Тэд до сих пор не может простить Оранжевый серп, — подумал он. — Будь командир сейчас с нами...» Что удержало его от стрельбы? Он опустил ружье и жестом приказал Диду не двигаться.

«Надо просто прогнать». До существа оставалось не более ста метров, когда яркий луч сплавил перед ним песок. Стрелял Морт. Существо сделало несколько шагов, наклонилось над полоской сплавленного песка. Видимо, не поняв предупреждения, снова двинулось вперед.

Второй раз песок сплавился, едва не задев волосатых ног. Черная горилла остановилась и принялась странно жестикулировать руками. Движения были вялыми, как будто им что-то мешало.

Морт сделал третий предупредительный выстрел, заметив, что волосатый гигант перешагнул границу.

Существо замерло. Сплавленный песок больше не интересовал его. Оно внимательно рассматривало людей.

У Морта было такое чувство, что это существо смотрит именно на него. Он почти физически ощущал тяжелый взгляд, пробирающийся из-под копны спутанных волос. Когда Морт снова

вскинул ружье, горилла вдруг ссутулилась, слабо качнула рукой и, повернувшись к людям спиной, побрела прочь. Теперь она показалась астронавтам не такой высокой и могучей, а неуклюжая походка напоминала убитого горем бездомного бродягу.

В другое время Морт считал бы такую встречу большой удачей, но сейчас она вывела его из равновесия. Отдалялась наметенная цель — Земля, ради которой он работал как машина, не считаясь ни с чем. Почти два месяца каждый его день был рассчитан до минут. Несмотря на это, он уступил Тэду, теперь он досадовал на себя.

Тэд Ард не пришел и на вторые сутки.

Морт тщательно проверил скафандр, ружье и направился к краю поляны. Каменная гряда и высокий кустарник скрывали довольно однообразный холмистый ландшафт. Широкие песчаные прогалины перемежались зарослями странного нитевидного кустарника и небольшими каменными россыпями. Кое-где возвышались крупные обломки скал. Над неглубокими лощинами плыли обрывки ярко-желтого тумана. Возникая в самых низких местах, они медленно доплывали до кустарника и бесследно исчезали в нем. Далеко на горизонте проглядывался зеленый контур высоких гор.

Едва Морт ступил на пологий откос, как все вокруг пришло в движение. Неестественно взмахнув руками, астронавт повалился на бок и медленно поехал вниз. Песок струился к неширокой каменной россыпи. Достигнув первых валунов, его поверхность слегка заволновалась, стала оседать. Морт метнулся в сторону и судорожно ухватился за тонкие, как нити, ветки ближайшего куста. Движение прекратилось. Переждав немного, он осторожно перебрался к следующему кусту и, только когда его ноги встали на твердый грунт, оглянулся. Песок на склоне больше не двигался.

Выйдя на каменную россыпь, Морт пошел к ближайшему холму, чтобы получше осмотреть окрестность. Песчаные прогалины обходил стороной, придерживаясь кустарника. Его заросли не были высокими, кое-где достигали человеческого роста. Тонкие нити-ветки густо липли к скафандру и через каждую сотню метров их приходилось соскребать руками.

Дно лощины показалось подозрительным. Желтый туман разливался там озерком и ритмично выбрасывал бесформенные ключья. Морт обошел это место и через полчаса достиг вершины холма.

Вид был однообразным, никаких особых деталей, которые могли бы привлечь внимание. Разве что горный хребет, смутно очерченный у самого горизонта.

«Слишком далеко. Тэд не мог туда пойти», — мысленно рассуждал Морт.

Внимательно, метр за метром прощупывал взглядом местность, старался найти что-то такое, что могло бы показаться интересным.

Хорошо видна площадка, на которой стоял звездолет, и даже Дик, черной точкой перемещавшийся на фоне светлого песка.

«Как он там? Не струсит при появлении горилл?» Вместе с этой мыслью появилось желание скорее вернуться. Падение в самом начале пути, странный желтый туман, липнувший кустарник как-то оттеснили на задний план главную опасность — встречу с гориллами. Морт тревожно посмотрел на ближайшие кусты. Все вокруг казалось суровым, а только что пройденная лощина — очень широкой и глубокой. Каждый куст таил в себе опасность. Эти тонкие липкие нити очень напоминали волосы гориллы и могли сделать ее незаметной даже с близкого расстояния.

Морт еще раз бегло осмотрел горизонт и повернул обратно.

Снова были каменные россыпи и липкий кустарник. Песок, даже на очень пологих склонах, оживал, едва нога касалась его поверхности.

Спустившись в лощину, Морт неожиданно попал в желтое облачко тумана, на прозрачной пластмассе скафандра появились мелкие капельки росы. Скафандр опять облепили темные нити. Отдирать их стало труднее. Посмотрел на ружье: оно напоминало корягу, обросшую водорослями. Морт остановился, чтобы привести ружье в порядок. Нити стали вязкими, смазывались в сплошную клееобразную массу. Он поднял камень и попытался им отскоблить оружие, но из этого ничего не вышло.

Пройдено было уже больше половины пути. Тонкие нити, как конские хвосты, свисали с Морта до самых камней. Он не бросал ружье только потому, что надеялся привести его в порядок у звездолета. Осталось сто метров, пятьдесят... Скоро он увидит Дика, и тот поможет ему. «Держись, Морт, не в таких переделках приходилось бывать».

Кусты уже кончались, когда он упал. Последние метры пришлось ползти. Морт почти ничего не видел. Но это его не страшило. Опираясь на камни, ограждающие площадку, где стоял звездолет, он выпрямился во весь рост. Сквозь тонкие нити, густо облепившие шлем скафандра, он с трудом разглядел звездолет.

Морт представил себе, как нелепо выглядит в этом одеянии из бесчисленного множества тонких нитей-веток. «Пожалуй, не лучше, чем та горилла, что вышла к звездолету...» От сравнения Морту стало не по себе. «Может, та горилла и был Тэд? Он пришел вовремя».

Морт остановился. Скорее увидеть Дика. Где он?

— Дик, это я!

Он даже забыл, что его не услышат. «Конец! Погибну я —

погибнут все. Дик не сумеет взлететь один. Соображай, Дик, соображай, чтобы убить, ума не надо».

Морт постарался поднять голову и стал всматриваться в редкие просветы шлема, отыскивая Дика. Наконец удалось увидеть его. Тот стоял на первой площадке с ружьем наизготовку.

— Ты же погибнешь, — закричал он.

Яркая вспышка ударила в глаза! В шлеме стало светло, как будто его удалось освободить от налипших нитей. «Все правильно. Стреляй без предупреждения, ты остаешься один. Кто же это сказал? Ах, да, это я сам сказал Дикю». Морт вдруг почувствовал огромную тяжесть и, теряя сознание, улыбнулся. Эта тяжесть показалась ему стартовой перегрузкой.

Тэд Ард очнулся от тяжелого забытья. Открыл глаза. Темная масса на смотровом стекле посерела, потрескалась, и сквозь пластмассу шлема скупно пробивался зеленый свет. Сколько пролежал он здесь, час или сутки? Эпизод у звездолета всплыл в памяти как кошмарный сон. «Будем считать, что его не было. Я просто чертовски устал в этой «шкуре», — Тэд улыбнулся, представив, как он выглядит со стороны. Действительно испугаешься, когда на тебя поперет такая образаина. — Главное — спокойствие, и они все поймут. А если нет? Придется уйти совсем... Не заставлять же их убивать еще раз...»

Тэд попытался встать, но это ему не удалось. Шарниры скафандра не поддавались. Собрав все силы, попытался согнуть руку — безрезультатно. Успокаивая себя, он попеременно попростовал пошевелить каждым подвижным участком. Но повсюду мышцы ощущали холодную крепость камня. Темная масса, облепившая скафандр, затвердела и сделала его неподвижным.

Тэд Ард был потрясен. Некоторое время он лежал неподвижно, собираясь с мыслями. Ему просто не верилось, что вдобавок ко всем бедам придет еще одна, страшнее которой он уже не мог придумать. Тэд рванулся с такой силой, что каменная россыпь, на которой он лежал, сползла вместе с ним на несколько метров вниз по склону. На смотровом стекле откололся небольшой кусочек затвердевшей массы. Тэд увидел изумрудное небо и причудливые облака, плывущие в вышине.

— Значит, она трескается?

Не чувствуя ушибов и ссадин, Тэд встряхивал и раскачивал скафандр на острых камнях россыпи. Медленно, сантиметр за сантиметром очищалось смотровое стекло. Теперь он видел, как крошилась от ударов серая корка, покрывавшая скафандр. Наконец Тэду удалось поднять правую руку. Это была почти победа. Сильными ударами он сколот с нее корку, размял пальцы перчатки. Острый камень в свободной руке окончательно решил исход борьбы.

Поднявшись на ноги, Тэд почувствовал смертельную уста-

лость. Но он улыбался. «Теперь, дорогой Морт, нам будет легче разобраться в событиях на Оранжевом серпе».

Дик выбежал ему навстречу. Помог добраться до звездолета. По дороге возбужденно жестикулировал, но до Тэда не доходил смысл. «Я убил», — наконец разобрал он. Дик показывал на небольшой темный предмет, лежавший метрах в пятидесяти от звездолета.

Смутная тревога охватила Тэда. Усталость и боль отступили. Он отстранил Дика и пошел к небольшому холмику, густо обросшему загадочным кустарником.

У холмика Тэд Ард опустился на колени, осторожно потрогал темные нити. Они уже подсохли и, легко ломаясь, падали на песок.



Школа мастеров



Синяя звезда

Давным-давно, с незапамятных времен, жил на одном высоком плоскогорье мирный пастушеский народ, отделенный от всего света крутыми скалами, глубокими пропастями и густыми лесами. История не помнит и не знает, сколько веков назад взобрались на горы и проникли в эту страну закованные в железо, чужие, сильные и высокие люди, пришедшие с юга.

Суровым воинам очень понравилась открывая ими страна с ее кротким народом, умеренно теплым климатом, вкусной водой и плодородною землею, и они решили навсегда в ней поселиться. Для этого совсем не надо было ее покорять, ибо обитатели не ведали ни зла, ни орудий войны. Все завоевание заключалось в том, что железные рыцари сняли свои тяжелые доспехи и поженились на местных красивейших девушках, а во главе нового государства поставили своего предводителя, великодушного, храброго Эрна, которого облекли королевской властью, наследственной и неограниченной. В те далекие наивные времена это еще было возможно.

Около тысячи лет прошло с той поры. Потомки воинов до такой степени перемешались через перекрестные браки с потомками основных жителей, что уже не стало между ними никакой видимой разницы ни в языке, ни в наружности: внешний образ древних рыцарей совершенно поглотился народным эрнотерским обличем и растворился в нем. Старинный язык, почти забытый даже королями, употребляли только при дворе и то лишь в самых торжественных случаях и церемониях или изредка для изъяснения высоких чувств и понятий. Память об Эрне Первом, Эрне Великом, Эрне Святом осталась навеки бессмертной в виде прекрасной, неувядающей легенды, сотворенной целым народом, подобной тем удивительным сказаниям, которые создали индейцы о Гайавате, финны о Вейнемейнене, русские о Владимире Красном Солнышке, евреи о Моисее, французы о Шарлемане.

Это он, мудрый Эрн, научил жителей Эрнотерры хлебопашеству, огородничеству и обработке железной руды. Он открыл

им письменность и искусства. Он же дал им начатки религии и закона: религия заключалась в чтении господней молитвы на непонятном языке, а основной закон был всего один: *в Эрнотерре никто не смеет лгать*. Мужчины и женщины были им признаны одинаково равными в своих правах и обязанностях, а высокие титулы и привилегии были им стерты с первого дня вступления на престол. Сам король носил лишь титул «Первого слуги народа».

Эрн Великий также установил и закон о престолонаследии, по которому наследовали престол перворожденные: все равно, будь это сын или дочь, которые вступали в брак единственно по своему личному влечению. Наконец он же, Эрн Первый, знавший многое о соблазнах, разврате и злобе, царящих там, внизу, в покинутых им образованных странах, повелел разрушить и переделать навсегда недостижимой ту страшную горную тропу, по которой впервые вскарабкались с невероятным трудом наверх он сам и его славная дружина.

И вот под отеческой, мудрой и доброй властью королей Эрнов расцвела роскошно Эриотерра и зажила невинной, полной, чудесной жизнью, не зная ни войн, ни преступлений, ни нужды в течение целой тысячи лет.

В старом тысячелетнем королевском замке еще сохранились, как память, некоторые предметы, принадлежавшие при жизни Эрну Первому: его латы, его шлем, его меч, его копье и несколько непонятных слов, которые он вырезал острием кинжала на стене своей охотничьей комнаты. Теперь уже никто из эрнотерранов не смог бы поднять этой брони хотя бы на дюйм от земли или взмахнуть этим мечом, хотя бы даже взяв его обеими руками, или прочитать королевскую надпись. Сохранились также три изображения самого короля: одно — профильное, в мельчайшей мозаике, другое — лицевое, красками, третье — изваянное в мраморе.

И надо сказать, что все эти три портрета, сделанные с большою любовью и великим искусством, были предметом постоянного огорчения жителей, обожавших своего первого монарха. Судя по ним, не оставалось никакого сомнения в том, что великий, мудрый, справедливый, святой. Эрн отличался исключительной, выходящей из ряда вон некрасивостью, почти уродством лица, в котором, впрочем, не было ничего злобного или отталкивающего. А между тем эрнотерраны всегда гордились своей национальной красотой и безобразную наружность первого короля прощали только за легендарную красоту его души.

Закон наследственного сходства у людей знает свои странные капризы. Иногда ребенок рождается непохожим ни на отца с матерью, даже ни на дедов и прадедов, а внезапно на одного из отдаленнейших предков, отстоящих от него на множество поколений. Так и в династии Эрнов летописцы отмечали иногда

рождение очень некрасивых сыновей, хотя эти явления с течением истории становились все более редкими. Правда, надо сказать, что эти уродливые принцы отличались, как нарочно, замечательно высокими душевными качествами: добротой, умом, веселостью. Таковая справедливая милость судьбы к несчастным августейшим уродам примиряла с ними эрнотерров, весьма требовательных в вопросах красоты линий, форм и движений.

Добрый король Эрн XXIII отличался выдающейся красотой и женат был по страстной любви на самой прекрасной девушке государства. Но детей у них не было очень долго: целых десять лет, считая от свадьбы. Можно представить себе ликование народа, когда на одиннадцатом году он услышал долгожданную весть о том, что его любимая ласковая королева готовится стать матерью. Народ радовался вдвойне: и за королевскую чету и потому, что вновь восстанавливался по прямой линии славный род сказочного Эрна. Через шесть месяцев он с восторгом услышал о благополучном рождении принцессы Эрны XIII. В этот день не было ни одного человека в Эрнотерре, не испившего полную чашу вина за здоровье инфанты.

Не веселились только во дворце. Придворная повитуха, едва принявши младенца, сразу покачала головой и горестно почмокала языком. Королева же, когда ей принесли и показали девочку, всплеснула ладонями и воскликнула:

— Ах, боже мой, какая дурнушка! — И залилась слезами. Но, впрочем, только на минутку. А потом, протянувши руки, сказала:

— Нет, нет, дайте мне поскорее мою крошку, я буду ее любить вдвое за то, что она, бедная, так некрасива.

Чрезвычайно был огорчен и августейший родитель.

— Надо же было судьбе оказать такую жестокость! — говорил он. — О принцах-уродах в нашей династии мы слыхали, но принцесса-дурнушка впервые появилась в древнем роде Эрнов! Будем молиться о том, чтобы ее телесная, некрасивость уравнилась прекрасными дарами души, сердца и ума.

То же самое повторил и верный народ, когда услышал о некрасивой наружности новорожденной инфанты.

Девочка между тем росла по дням и дурнела по часам. А так как она своей дурноты еще не понимала, то в полной беззаботности крепко спала, с аппетитом кушала и была превеселым и прездоровым ребенком. К трем годкам для всего двора стало очевидным ее поразительное сходство с портретами Эрна Великого. Но уже в этом нежном возрасте она обнаруживала свои прелестные внутренние качества: доброту, терпение, кротость,

внимание к окружающим, любовь к людям и животным, ясный, живой, точный ум и всегдашнюю приветливость.

Около этого времени королева однажды пришла к королю и сказала ему:

— Государь мой и дорогой супруг. Я хочу просить у вас большой милости для нашей дочери.

— Просите, возлюбленная моя супруга, хотя вы знаете сами, что я ни в чем не могу отказать вам.

— Дочь наша подрастает, и, по-видимому, бог послал ей совсем необычный ум, который перегоняет ее телесный рост. Скоро наступит тот роковой день, когда добрая, ненаглядная Эрна убедится путем сравнения в том, как исключительно некрасиво ее лицо. И я боюсь, что это сознание принесет ей очень много горя и боли не только теперь, но и во всей ее будущей жизни.

— Вы правы, дорогая супруга. Но какую же моею милостью думаете вы отклонить или смягчить этот неизбежный удар, готовящийся для нашей столь любимой дочери?

— Не гневайтесь, государь, если моя мысль покажется вам глупой. Необходимо, чтобы Эрна никогда не видела своего отражения в зеркале. Тогда, если чей-нибудь злой или неосторожный язык и скажет ей, что она некрасива, — она все-таки никогда не узнает всей крайности своего безобразия.

— И для этого вы хотели бы?..

— Да... Чтобы в Эрнотерре не осталось ни одного зеркала!

Король задумался. Потом сказал:

— Это будет большим лишением для нашего доброго народа. Благодаря закону моего великого пращура о равноправии полов женщины и мужчины Эрнотерры одинаково кокетливы. Но мы знаем глубокую любовь к нам и испытанную преданность нашего народа королевскому дому и уверены, что он охотно принесет нам эту маленькую жертву. Сегодня же я издам и оповещу через герольдов указ наш о повсеместном изъятии и уничтожении зеркал, как стеклянных, так и металлических, в нашем королевстве.

Король не ошибся в своем народе, который в те счастливые времена составлял одну тесную семью с королевской фамилией. Эрнотерраны с большим сочувствием поняли, какие деликатные мотивы руководили королевским повелением, и с готовностью отдали государственной страже все зеркала и даже зеркальные осколки. Правда, шутники не воздержались от веселой демонстрации, пройдя мимо дворца с взлохмаченными волосами и с лицами, вымазанными грязью. Но когда народ смеется, даже с оттенком сатиры, монарх может спать спокойно.

Жертва, принесенная королю подданными, была тем значительнее, что все горные ручьи и ручейки Эрнотерры были очень быстры и потому не отражали предметов.

Принцессе Эрне шел пятнадцатый год. Она была крепкой, сильной девушкой и такой высокой, что превышала на целую голову самого рослого мужчину. Была одинаково искусна как в вышивании легких тканей, так и в игре на арфе... В бросании мяча не имела соперников и ходила по горным обрывам, как дикая коза. Доброта, участие, справедливость, сострадание изливались из нее, подобно лучам, дающим вокруг свет, тепло и радость. Никогда не уставала она в помощи больным, старым и бедным. Умела перевязывать раны и знала действие и природу лечебных трав. Истинный дар небесного царя земным королям заключался в ее чудесных руках: возлагая их на золотушных и страдающих падучей, она излечивала эти недуги. Народ боготворил ее и повсюду провожал благословениями. Но часто, очень часто ловила на себе чуткая и нежная Эрна бегущие взгляды, в которых ей чувствовалась молчаливая жалость, тайное соболезнование.

«Может быть, я не такая, как все?» — думала принцесса и спрашивала своих фрейлин:

— Скажите мне, дорогие подруги, красива я или нет?

И так как в Эрнотерре никто не лгал, то придворные девицы отвечали ей чистосердечно:

— Вас нельзя назвать, принцесса, красавицей, но, бесспорно, вы милее, умнее и добрее всех девушек и дам на свете. Поверьте, то же самое скажет вам и тот человек, которому суждено будет стать вашим мужем. А ведь мы, женщины, плохие судьи в женских прелестях.

И верно: им было трудно судить о наружности Эрны. Ни ростом, ни телом, ни сложением, ни чертами лица — ничем она не была хоть отдаленно похожа на женщин Эрнотерры.

Тот день, когда Эрне исполнилось пятнадцать лет — срок девической зрелости по законам страны, — был отпразднован во дворце роскошным обедом и великолепным балом. А на следующее утро добросердечная Эрна собрала в ручную корзину кое-какие лакомства, оставшиеся от вчерашнего пира, и, надев корзину на локоть, пошла в горы, мили за четыре, навестить свою кормилицу, к которой она была очень горячо привязана. Против обыкновения, ранняя прогулка и чистый горный воздух не веселили ее. Мысли все вращались около странных наблюдений, сделанных ею на вчерашнем балу. Душа Эрны была ясна и невинна, как вечный горный снег, но женский инстинкт, зоркий глаз и цветущий возраст подсказали ей многое. От нее не укрылись те взгляды томности, которые устремляли друг на друга танцевавшие юноши и девушки. Но ни один такой говорящий взор не останавливался на ней: лишь покорность, преданность, утонченную вежливость читала она в почтительных улыбках и низких поклонах. И всегда этот неизбежный, этот ужасный оттенок

сожаления! Неужели я в самом деле так безобразна? Неужели я урод, страшилище, внушающее отвращение, и никто мне не смеет сказать об этом?

В таких печальных размышлениях дошла Эрна до дома кормилицы и постучалась, но, не получив ответа, открыла дверь (в стране еще не знали замков) и вошла внутрь, чтобы обождать кормилицу; это она иногда делала и раньше, когда ее не заставала.

Сидя у окна, отдыхая и предаваясь своим грустным мыслям, бродила принцесса рассеянными глазами по давно знакомой мебели и по утвари, как вдруг внимание ее привлекла заповедная кормилицына шкатулка, в которой та хранила всяческие пустяки, связанные с ее детством, с девичеством, с первыми шагами любви, с замужеством и с пребыванием во дворце: разноцветные камушки, брошки, вышивки, ленточки, печатки, колечки и другую наивную и дешевую мелочь; принцесса еще с раннего детства любила рыться в этих сувенирах, и хотя знала наизусть их интимные истории, но всегда слушала их вновь с живейшим удовольствием. Только показалось ей немного странным, почему ларец стоит так на виду: всегда берегла его кормилица в потаенном месте, а когда, бывало, ее молочная дочь вдоволь насмотрится, завертывала его в кусок нарядной материи и бережно прятала.

«Должно быть, теперь очень заторопилась, выскочила на минутку из дома и забыла спрятать», — подумала принцесса, присела к столу, небрежно положила укладочку на колени и стала перебирать одну за другой знакомые вещички, бросая их поочередно себе на платье. Так добралась Эрна до самого дна и вдруг заметила какой-то косогольный, большой, плоский осколок. Она вынула его и посмотрела. С одной стороны он был красный, а с другой — серебряный, блестящий и как будто бы глубокий. Присмотрелась и увидела в нем угол комнаты с прислоненной метлой... Повернула немного — отразился старый узкий деревянный комод, еще немножко... и выплыло такое некрасивое лицо, какого принцесса и вообразить никогда бы не сумела.

Подняла она брови кверху — некрасивое лицо делает то же самое. Наклонила голову — лицо повторило. Провела руками по губам — и в осколке отразилось это движение. Тогда поняла вдруг Эрна, что смотрит на нее из странного предмета ее же собственное лицо. Уронила зеркальце, закрыла глаза руками и в горести пала головою на стол.

В эту же минуту вошла вернувшаяся кормилица. Увидела принцессу, забывшую шкатулку, осколок зеркала и сразу обо всем догадалась. Бросилась перед Эрной на колени, стала говорить нежные, жалкие слова. Принцесса же быстро поднялась, выпрямилась с сухими глазами, но с гневным взором и приказала коротко:

— Расскажи мне все.

И показала пальцем на зеркало. И такая неожиданная, но непреклонная воля зазвучала в ее голосе, что простодушная женщина не посмела послушаться, все передала принцессе: об уродливых добрых принцах, о горе королевы, родившей некрасивую дочь, о ее трогательной заботе, с которой она старалась отвести от дочери тяжелый удар судьбы, и о королевском указе об уничтожении зеркал. Плакала кормилица при своем рассказе, рвала волосы и проклинала тот час, когда, на беду своей ненаглядной Эрне, утаила она по глупой женской слабости осколок запретного зеркала в заветном ларце.

Выслушав ее до конца, принцесса сказала со скорбной улыбой:

— В Эрнотерре никто не смеет лгать!

И вышла из дома. Встревоженная кормилица хотела было за нею последовать. Но Эрна приказала сурово:

— Останься.

Кормилица повиновалась. Да и как ей было послушаться? В этом одном слове она услышала не всегдашний кроткий голос маленькой Эрны, сладко сосавшей когда-то ее грудь, а приказ гордой принцессы, предки которой господствовали тысячу лет над ее народом.

Шла несчастная Эрна по крутым горным дорогам, и ветер трепал на ней ее легкое длинное голубое платье. Шла она по самому краю отвесного обрыва. Внизу, под ее ногами, темнела синяя мгла пропасти и слышался глухой рев водопадов, как бы повисших сверху белыми лентами. Облака бродили под ее ногами в виде густых хмурых туманов. Но ничего не видела и не хотела видеть Эрна, скользившая над бездной привычными легкими ногами. А ее бурные чувства, ее тоскливые мысли на этом одиноком пути? Кто их смог бы понять и рассказать о них достоверно? Разве только другая принцесса, другая дочь могучего монарха, которую слепой рок постиг бы столь же внезапно, жестоко и незаслуженно.

Так дошла она до крутого поворота, под которым давно обвалившиеся скалы нагромодились в грозном беспорядке, и вдруг остановилась. Какой-то необычный звук донесся до нее снизу, сквозь гул водопада. Она склонилась над обрывом и прислушалась. Где-то глубоко под ее ногами раздавался стонущий и зовущий человеческий голос. Тогда, забыв о своем огорчении, движимая лишь велением сердечной доброты, стала спускаться Эрна в пропасть, перепрыгивая с уступа на уступ, с камня на камень, с утеса на утес с легкостью молодого оленя, пока не утвердилась на небольшой площадке, размером немного пошире мельничного жернова. Дальше уже не было спуска. Правда, и

подняться обратно вверх теперь стало невозможным, но самозабвенная Эрна об этом даже не подумала.

Стонущий человек находился где-то совсем близко, под площадкой. Легши на камень и свесивши голову вниз, Эрна увидела его. Он полулежал-полувисел на заостренной вершине утеса, уцепившись одной рукой за его выступ, а другой за тонкий ствол кривой горной сосенки; левая нога его упиралась в трещину, правая же не имела опоры. По одежде он не был жителем Эрнотерры, потому что принцесса ни шелка, ни кружев, ни замшевых краг, ни кожаных сапог со шпорами, ни поясов, тисненых золотом, никогда еще не видела.

Она звонко крикнула ему:

— Огэй! Чужестранец! Держитесь крепко, я помогу вам.

Незнакомец со стоном поднял кверху бледное лицо, черты которого ускользали в полутьме, и кивнул головой. Но как же могла помочь ему великодушная принцесса? Спуститься ниже для нее было и немыслимо и бесполезно. Если бы была веревка!.. Высота всего лишь в два крупных человеческих роста отделяла принцессу от путника. Как быть?

И вот, точно молния, озарила Эрну одна из тех вдохновенных мыслей, которые сверкают в опасную минуту в головах смелых и сильных людей. Быстро скинула она с себя свое прекрасное голубое платье, сотканное из самого тонкого и крепкого льна; руками и зубами разорвала его на широкие длинные полосы, ссучила эти полосы в тонкие веревки и связала их одну с другой, перевязав еще несколько раз для крепости посередине. И вот, лежа на грубых камнях, царапая о них руки и ноги, она спустила вниз самодельную веревку и радостно засмеялась, когда убедилась, что ее не только хватило, но даже оказался большой запас. И, увидев, что путник, с трудом удерживая равновесие между расщелиной скалы и сосновым стволом, ухитрился привязать конец веревки к своему поясу из буйволовой кожи, Эрна начала осторожно вытягивать веревку вверх. Чужеземец помогал ей в этом, цепляясь руками за каждые неровности утеса и подтягивая кверху свое тело. Но когда голова и грудь чужеземца показались над краем площадки, то силы оставили его, и Эрне лишь с великим трудом удалось выгашить его на ровное место.

Так как обоим было слишком тесно на площадке, то Эрне пришлось, сидя, положить голову незнакомца к себе на грудь, а руками обвить его ослабевшее тело.

— Кто ты, о волшебное существо? — прошептал юноша побелевшими устами. — Ангел ли, посланный мне с неба? Или добрая фея этих гор? Или ты одна из прекрасных языческих богинь?

Принцесса не понимала его слов. Зато говорил ясным языком нежный, благодарный и восхищенный взор его черных глаз.

Но тотчас его длинные ресницы сомкнулись, смертельная бледность разлилась по лицу, и юноша потерял сознание на груди принцессы Эрны.

Она же сидела, поневоле не шевелясь, не выпуская его из объятий и не сводя с его лица синих звезд своих глаз. И тайно размышляла Эрна:

«Он так же некрасив, этот несчастный путник, как я, как и мой славный предок Эрн Великий. По-видимому, все мы трое люди одной и той же особой породы, физическое уродство которой так резко и невыгодно отличается от классической красоты жителей Эрнотерры. Но почему взгляд его, обращенный ко мне, был так упоительно сладок? Как жалки перед ним те умильные взгляды, которые вчера бросали наши юноши на девушек, танцующих с ними! Они были как мерцание свечки сравнительно с сиянием горячего полуденного солнца. И отчего же так быстро бежит кровь в моих жилах, отчего пылают мои щеки и бьется сердце, отчего дыхание мое так глубоко и радостно? Господи! это твоя воля, что создал ты меня некрасивой, и я не ропщу на тебя. Но для него одного я хотела бы быть красивее всех девиц на свете!»

В это время наверху послышались голоса. Кормилица, правда, не скоро оправилась от оцепенения, в которое ее поверг властный приказ принцессы. Но, едва оправившись, она тотчас же устремилась вслед своей дорогой дочке. Увидев, как Эрна спускалась прыжками со скал, и услышав стоны, доносившиеся из пропасти, умная женщина сразу догадалась, в чем дело и как надо ей поступить. Она вернулась в деревню, всполошила соседей и вскоре заставила их всех бежать бегом с шестами, веревками и лестницами к обрыву. Путешественник был бесчувственным невредимо извлечен из бездны, но, прежде чем выгаскивать принцессу, кормилица спустила ей вниз на бечевке свои лучшие одежды. Потом чужой юноша был по приказанию Эрны отнесен во дворец и помещен в самой лучшей комнате. При осмотре у него оказалось несколько тяжелых ушибов и вывих руки; кроме того, у него была горячка. Сама принцесса взяла на себя уход за ним и лечение. Этому никто не удивился: при дворе знали ее сострадание к больным и весьма цтили ее медицинские познания. Кроме того, больной юноша, хотя и был очень некрасив, но производил впечатление знатного господина.

Надо ли длинно и подробно рассказывать о том, что произошло дальше? О том, как благодаря неусыпному уходу Эрны иностранец очнулся наконец от беспамятства и с восторгом узнал свою спасительницу. Как быстро стал он поправляться здоровьем. Как нетерпеливо ждал он каждого прихода принцессы и как трудно было Эрне с ним расставаться. Как они



учились друг у друга словам чужого языка. Как однажды нежный голос чужестранца произнес сладостное слово «амо!» и как Эрна его повторила робким шепотом, краснея от радости и стыда. И существует ли хоть одна девушка в мире, которая не поймет, что «амо» значит «люблю», особенно когда это слово сопровождается первым поцелуем?

Любовь — лучшая учительница языка. К тому времени, когда юноша, покинув постель, мог прогуливаться с принцессой по аллеям дворцового сада, они уже знали друг о друге все, что им было нужно. Спасенный Эрною путник оказался единственным сыном могущественного короля, правившего богатым и прекрасным государством — Францией. Имя его было Шарль. Страстное влечение к путешествиям и приключениям привело его в недоступные грозные горы Эрнотерры, где его однажды покинули робкие проводники, а он сам, сорвавшись с утеса, едва не лишился жизни. Не забыл он также рассказать Эрне о гороскопе, который составил для него при рождении великий французский предсказатель Нострадамус и в котором стояла, между прочим, такая фраза:

«...и в диких горах на северо-востоке увидишь сначала смерть, потом же синюю звезду; она тебе будет светить всю жизнь».

Эрна тоже, как умела, передала Шарлю историю Эрнотерры и королевского дома. Не без гордости показала она ему однажды доспехи великого Эрна. Шарль оглядел их с подобающим почтением, легко переделал несколько фехтовальных приемов тяжелым королевским мечом и нашел, что портреты пращура Эрны изображают человека, которому одинаково свойственны были красота, мудрость и величие. Прочитавши же надпись на стене, вырезанную Эрном Первым, он весело и лукаво улынулся.

— Чему вы смеетесь, принц? — опросила обеспокоенная принцесса.

— Дорогая Эрна, — ответил Шарль, целуя ее руку, — причину моего смеха я вам непременно скажу, но только немного позже.

Вскоре принц Шарль попросил у короля и королевы руку их дочери: сердце ее ему уже давно принадлежало. Предложение его было принято. Совершеннолетние девушки Эрнотерры пользовались полной свободой выбора мужа, и, кроме того, молодой принц во всем своем поведении являл несомненные знаки учтивости, благородства и достоинства.

По случаю помолвки было дано много праздников для двора и для народа, на которых веселились вдоволь и старики и молодежь. Только королева-мать грустила потихоньку, оставаясь одна в своих покоях. «Несчастные! — думала она. — Какие безобразные у них родятся дети!..»

В эти дни, глядя вместе с женихом на танцующие пары, Эр-на как-то сказала ему:

— Мой любимый! Ради тебя я хотела бы быть похожей хоть на самую некрасивую из женщин Эрнотерры.

— Да избавит тебя бог от этого несчастья, о моя синяя звезда! — испуганно возразил Шарль. — Ты прекрасна!

— Нет, — печально возразила Эр-на, — не утешай меня, дорогой мой. Я знаю все свои недостатки. У меня слишком длинные ноги, слишком маленькие ступни и руки, слишком высокая талия, чересчур большие глаза противного синего, а не чудесного желтого цвета, а губы, вместо того чтобы быть плоскими или узкими, изогнуты наподобие лука.

Но Шарль целовал без конца ее белые руки с голубыми жилками и длинными пальцами и говорил ей тысячи изысканных комплиментов, а глядя на танцующих эрнотерранов, хохотал как безумный.

Наконец праздники окончились. Король с королевой благословили счастливую пару, одарили ее богатыми подарками и отправили в путь. (Перед этим добрые жители Эрнотерры целый месяц проводили горные дороги и наводили временные мосты через ручьи и провалы.) А спустя еще месяц принц Шарль уже въезжал с невестой в столицу своих предков.

Известно давно, что добрая молва опережает самых быстрых лошадей. Все население великого города Парижа вышло на встречу наследному принцу, которого все любили за доброту, простоту и щедрость. И не было в тот день не только ни одного мужчины, но даже ни одной женщины, которые не признали бы Эрну первой красавицей в государстве, а следовательно, и на всей земле. Сам король, встречая свою будущую невестку в воротах дворца, обнял ее, запечатлел поцелуй на ее чистом челе и сказал:

— Дитя мое, я не решаюсь сказать, что в тебе лучше: красота или добродетель, ибо обе мне кажутся совершенными...

А скромная Эр-на, принимая эти почести и ласки, думала про себя:

«Это очень хорошо, что судьба привела меня в царство уродов: по крайней мере никогда мне не представится предлог для ревности».

И этого убеждения она держалась очень долго, несмотря на то, что менестрели и трубадуры славили по всем концам света прелести ее лица и характера, а все рыцари государства носили синие цвета в честь ее глаз.

Но вот прошел год, и к безмятежному счастью, в котором протекал брак Шарля и Эрны, прибавилась новая чудесная радость: у Эрны родился очень крепкий и очень крикливый мальчик. Показывая его впервые своему обожаемому супругу, Эр-на сказала застенчиво:

— Любовь моя! Мне стыдно признаться, но я... я нахожу его

красавцем, несмотря на то, что он похож на тебя, похож на меня и ничуть не похож на моих добрых соотечественников. Или это материнское ослепление?

На это Шарль ответил, улыбаясь весело и лукаво:

— Помнишь ли ты, божество мое, тот день, когда я обещал перевести тебе надпись, вырезанную Эрном Мудрым на стене охотничьей комнаты?

— Да, любимый!

— Слушай же. Она была сделана на старом латинском языке и вот что гласила: «Мужчины моей страны умны, верны и трудолюбивы; женщины — честны, добры и понятливы. Но — прости им бог — и те и другие безобразны».



Мечта прокладывает путь

Гость 1920-го

Имя известного английского писателя-фантаста Герберта Уэллса, автора научно-фантастических романов, для нас, советских людей, связано с именем Владимира Ильича Ленина, со встречей великого фантаста и первого руководителя совершенно нового по своей политической и экономической структуре государства.

Что же привело Уэллса в 1920 году в Советскую Россию? Желание увидеть свершившееся здесь собственными глазами. В 1917 году в России произошла революция, уничтожившая старую социальную систему и положившая начало новому обществу. Герберта Уэллса как писателя и прогрессивного человека влекла и настораживала эта революция. Что она несет с собой?.. И он внимательно следил за событиями в России. «Меня всегда интересовало все новое, необычное... Мой ум загорается, встречаясь с какой-либо загадкой или с явлением из ряда вон выходящим». И вот что-то новое возникло в России.

Он приезжает из страны, где все, казалось бы, внешне обстоит благополучно, во всяком случае, с точки зрения среднего миролюбивого буржуа, но где уже ясно видна та пропасть, которая разделяет интересы угнетателей и угнетенных, та пропасть, которую успел увидеть и Г. Уэллс.

Уэллс происходил из простой семьи. В отличие от своих богоязыченных родителей он стал атеистом, проповедником нового мира, «всемирного государства с плановой системой» и рано увлекся идеями социализма. И хотя его социализм был наивным и далеким от научного, он помог ему, однако, осмыслить окружающий мир, увидеть, что течение жизни не остановилось и предстоят перемены. Противоречия и трудности напирали со всех сторон на английскую промышленность, неся с собой экономический кризис и безработицу. Поэтому чувство неудовлетворенности миром, в котором Г. Уэллс жил, никогда не покидало его. Восьмидесятые годы оставили в нем чувство разочарования и побудили его искать самому выход из этой начинающей покрываться плесенью жизни. Языком художественных

обобщений он стремился рассказать о своих мыслях, надеждах, «вкладывавая» в свои произведения мучившие его вопросы.

Выход Г. Уэллс нашел, обратившись к области научной фантастики, которая открывала перед ним широкие перспективы будущего. Уэллс опередил многих современников своей прозорливостью. Он смог предугадать многие моменты, развития истории. Так в романе «Освобожденный мир», названный в подзаголовке «Повесть о Человечестве», он предсказывает гибель капитализма, подводит людей к мысли, что социализм — единственный путь к спасению от мировой анархии. Его идеал — мир благополучия, без частной собственности, без насилия над личностью, труд ради собственной потребности. В романе «Война миров» Уэллс с поразительной убедительностью описал разрушение городов, массовое бегство населения из Лондона во время войны, хотя сам никогда не видел ее. Он как бы предугадал будущие войны с отравляющими газами, с техникой, предназначенной для уничтожения людей.

Как писатель-фантаст Г. Уэллс далеко опережал развитие техники. В научно-фантастическом романе «Война в воздухе» он описывает военное использование дирижаблей и самолетов, предугадывая будущее воздухоплавания и авиации. У Уэллса впервые мы встречаем термин «сухопутный броненосец на гусеничном ходу» (1903 г.), когда еще не представляли себе танков.

И вот этот человек, «великий англичанин», как его впоследствии назвали, оказался в Советской России. Какой же увидел он страну? Он потрясен картиной, как ему казалось, непоправимого краха, разрухой, закрытыми магазинами, голодом, длинными очередями за хлебом, враждебным отношением империалистических государств, стремящихся уничтожить молодую Советскую Республику.

Результатом поездки явилась книга «Россия во мгле». Но мы видим в английском писателе друга Советской страны, наблюдателя, пытающегося объективно понять происходящее в России. «После большевистской революции мне стало казаться, что именно в России возникает кусочек того всемирного планового общества, о котором я мечтал», — вспоминал Уэллс.

«Россия не есть организм, разрушенный действием какой-то вредной посторонней силы. Это был уже, по существу, нездоровый организм, который израсходовал свои силы и погиб... Не коммунизм, а европейский империализм толкнул эту громадную, трещащую по всем швам империю в изнурительную шестилетнюю войну. И не коммунизм подверг страдающую и, может быть, умирающую Россию серии последовательных рейдов, нашествий, восстаний и ужасной блокаде. Мстительный французский кредитор, глупый британский журналист гораздо более ответственны за эти смертельные страдания, чем всякий коммунист».

Такой была обстановка, когда Уэллс приехал в Москву для встречи с Лениным. «У Ленина приятное, очень подвижное лицо, живая улыбка... говорит быстро, вникая в самую суть дела, безо всякой позы, рисовки или недомолвок, как умеют говорить лишь подлинные ученые». Ленин раскрыл перед Г. Уэллсом грандиозный план электрификации всей страны, предстоящей перестройки всей России, коренных преобразований в промышленности. Грандиозность ленинского плана электрификации России показала Уэллсу нереальной: «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром». Уэллс был фантастом и утопистом, но и для него масштабы ленинских планов показались фантастичными.

«Он... открыто изложил мне свои взгляды и намерения... Его планы реорганизации России казались мне правильно задуманными, справедливыми и крайне простыми. У него был план «электрификации России», который показался мне (хотя я, в общем, обладаю достаточным воображением) сугубо нереальным».

Перспективный план, разработанный в 1920 году Государственной комиссией по электрификации России по указанию В. И. Ленина, был составлен, исходя из того, что единственной материальной основой социализма является крупная машинная промышленность, способная реорганизовать все народное хозяйство.

План ГОЭЛРО был рассчитан на 10–15 лет. Он предусматривал восстановление и развитие народного хозяйства на основе электрификации. Если в 1913 году вырабатывалось 2 млрд. киловатт-часов электроэнергии в год, то по плану должно было вырабатываться 8,8 млрд. киловатт-часов. Предполагалось увеличение промышленной продукции на 80–100 процентов по сравнению с дореволюционным периодом.

За столь короткие сроки предстояло осуществить полную перестройку всех отраслей промышленности. И хотя Уэллс обладал достаточным воображением[он все же считал, что «Ленин, который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих утопистов, в конечном счете сам увлекся утопией — утопией электрификации. Такой план превосходит самые пылкие технические фантазии».

Страна в такой разрухе, что великий фантаст не может представить себе электрифицированных магистралей, государства с могучей промышленностью...

А советские люди между тем начали строительство нового общества, общества мечты, дорогу которой открыла социалистическая революция. И ничто не могло уже повлиять на путь исторического развития страны.

Уэллс не был коммунистом, но он был одним из первых, кто понял, что «европейская система подвергается натиску из-

нутри со стороны своих собственных биржевиков и барышников, своих тарифов и синдикатов, ограничивающих свободу торговли. Эта система воспитала у своих детей дух своекорыстной конкуренции, а теперь распадается и рушится из-за отсутствия созидательных усилий». Она неуклонно и безнадежно продолжает идти к упадку, и, возможно, ей нужно что-то новое, оздоравливающее, что есть в России. Позже Уэллс напишет: «Коммунизм — сила определяющая, направляющая, движущая».

«Возможно, — писал Уэллс, — вся европейская система, подобно России, все-таки нуждается в прививке к этому новому, неизвестному доселе корню коммунизма, прежде чем она вступит в другую созидательную фазу. Этого я не знаю. Но мне ясно, что годы идут, а выздоровление Европы все еще не началось».

Он принял предложение В. И. Ленина приехать к нам, в Советскую Россию, через десять лет, чтобы убедиться в реальности «фантастических утопических взглядов». И убедился, приехав еще раз в Советский Союз в 1934 году. «Я отнесся к этому скептически потому, что я ничего не знал о колоссальной водной энергии России», — скажет он позже.

В ходе осуществления первой пятилетки далеко были пре-
взойдены задания ГОЭЛРО. К 1926. году электроэнергии было
выработано вдвое больше, чем в 1913 году; к 1932 году план
ГОЭЛРО был фактически выполнен.

Время доказало и показало всему миру мощь и силу государства, созданного большевиками под руководством Ленина. Советский Союз стал великой державой. Достижения нашей науки и техники, покорение советскими людьми космоса вызывают восхищение всего мира.

Наша страна прошла сложный путь от разоренной и обнищавшей России до высокоразвитой мощной индустриальной державы, осуществившей то, что казалось нереальным даже для фантаста Уэллса, не сразу оценившего всемирно-историческое значение ленинских идей. Россия будущего стала Россией настоящей. Время подтвердило правильность пути, избранного нашей партией и народом под руководством В. И. Ленина.

БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЛНЦЕ

Улицы и дома погружены во мрак. Лишь вершины небоскребов засвечены тусклой луной. Остановились поезда, трамваи, троллейбусы. Кругом автомобильные пробки. Тысячи людей застряли в лифтах. В неподвижных вагонах подземки темно и душно — отключена вентиляция. Хирурги заканчивают операции при свечах. Аэродромы в темноте. Самолеты кружат в воздухе — не видно взлетно-посадочных полос. Остановились все фабрики и заводы, застыл металл в электропечах. Паника. Начались грабежи.

Это не отрывок из научно-фантастического, рассказа. Такое уже не раз случилось: ноябрь 1965 года — Нью-Йорк, Бостон, Монреаль, северо-восточные штаты США и юг Канады; июль 1977 года — опять Нью-Йорк и его пригороды; декабрь 1978 года — Франция от Ла-Манша до Пиренеев, от Атлантического побережья до заснеженных Альп. Гигантские города, целые штаты и департаменты тонули во мраке. Причина — авария в крупной энергосистеме. Трагическое, но наглядное доказательство главенствующей роли энергетики в современной цивилизации.

Вот уже 200 лет история демонстрирует непрерывный экспоненциальный рост нашей цивилизации. Закон экспоненты очень распространен в природе. Описываемые им явления похожи на лавинообразный рост, что-то наподобие взрыва. Да, мы живем в эпоху взрывов: индустриального, демографического, информационного, энергетического... Каждые 20 лет потребление энергии удваивается.

Сейчас можно строить только гипотезы, сколь долго продлится эра «неограниченной экспансии». Возможно, что такая стратегия для некоторых цивилизаций — норма поведения. Именно длительность взрывной фазы определяет достижимый для цивилизации барьер развития. На практике экспоненциальный рост — это прежде всего выход в космос и освоение сначала ближней, а затем и более отдаленных его частей. Космическое расширение общества предвидел К. Э. Циолковский еще в на-

чале века. Если стремительный темп роста сохранится на протяжении нескольких миллионов лет, то цивилизация, подобная земной, освоит свою галактику, овладеет ее энергией. Процесс освоения будет связан с астроинженерной деятельностью — преобразованием на разумной основе звезд и межзвездной среды. По классификации советского астрофизика Н. С. Кардашева, галактическая цивилизация — это уже «сверхцивилизация» или цивилизация III типа. Земная цивилизация отнесена им к первому типу. Второй тип — это цивилизация, овладевшая энергией своего Солнца. При существующем темпе роста нашей цивилизации потребовалось бы для этого два-три тысячелетия.

В принципе стратегия «неограниченной экспансии» возможна. Она не противоречит известным законам природы и логически вытекает из них. Однако возможность еще не означает необходимость. Пока еще достоверность прогноза в астрономическом масштабе о варианте развития земной цивилизации весьма мала. Мы знаем свое прошлое и настоящее. Установив контакт с внеземными цивилизациями, мы, возможно, узнаем и свое будущее. Только ждать этого события по нашим земным меркам еще достаточно долго. По прогнозам известного ученого и писателя-фантаста Артура Кларка, первые радиоконтакты с внеземным разумом состоятся между 2030 и 2040 годами.

Что же касается перспектив на ближайшие столетия, то существующий технологический взрыв, по-видимому, будет продолжаться, и уже через 200 лет потребление энергии увеличится в 1000 раз.

Хватит ли природных ресурсов, чтобы следовать такому темпу? Ведь еще в 1973 году во времена разразившегося на Западе энергетического кризиса человечество впервые реально почувствовало, что запасы природного топлива не беспредельны. Лавинообразный рост потребления энергии происходит одновременно с катастрофическим падением энергетических ресурсов. По оценкам ученых, если не рассчитывать на другие виды энергии, то запасы горючих ископаемых будут исчерпаны через 100—150 лет.

Единственный шанс избежать энергетической катастрофы — это успеть вовремя перевести стрелку: перевести промышленность на рельсы другой энергетики. «Я думаю, — писал академик Л. А. Арцимович, — что атомная энергетика будет к концу столетия основным источником энергии». Переход к атомной энергетике породит и немало проблем. Главная из них — захоронение отходов атомных электростанций. Период полураспада отходов около 300 лет, а современные контейнеры для их хранения обеспечивают герметичность только в течение 75—100 лет. При массовом использовании атомной энергии создастся угроза радиоактивного заражения нашей планеты. Ситуация настолько серьезная, что разработаны проекты транспортиров-

ки ядерных отходов на космических кораблях в район Солнца. До 2000 года курс на Солнце возьмут более 300 таких кораблей.

Энергетический взрыв породил и угрозу «теплового загрязнения» окружающей среды. Топливная, атомная и термоядерные энергетики — это в конечном счете источники тепла, которое повышает температуру Земли, нарушает ее тепловой баланс. Климатологи предсказывают, что через 100–200 лет при сохранении существующего темпа потребления энергии производимое человеком тепло вызовет глобальные изменения климата на всей планете. К 2050 году растают льды в Арктике. Начнется разрушение Гренландского и Антарктического ледников. Повысится уровень Мирового океана. Произойдет перераспределение осадков. Житницы планеты окажутся под угрозой засух. Не исключено, что интенсивное таяние полярных льдов ускорит процесс потепления и человечество не успеет подготовиться к новым климатическим условиям. Последствия потепления предсказать сейчас невозможно. Нельзя позволить тепловому джину вырваться из бутылки: загнать его обратно вряд ли удастся.

И снова проблема — в ближайшем будущем необходимо научиться управлять климатом. Работы в этом направлении уже ведутся. Один из методов предложен группой сотрудников Гидрометслужбы. Недавно ученые обнаружили в нижней части атмосферы слой из аэрозолей: очень мелких частиц в основном из соединений серы. Небольшие колебания количества аэрозолей заметно изменяют температуру воздуха у земной поверхности. Чем больше аэрозолей, тем ниже температура. Чтобы предотвратить резкое потепление, предлагается сжигать в атмосфере ежегодно 60 тысяч тонн серы на специальных самолетах. Это количество совершенно ничтожно по сравнению с массой вещества, поступающего в атмосферу в результате хозяйственной деятельности человека. Есть и другое предложение — использовать для самолетов топливо с повышенным содержанием серы.

С точки зрения экологии переход к ядерной энергетике — решение далеко не оптимальное. Это вынужденная мера. Известный польский писатель-фантаст Станислав Лем так комментирует эту стратегию: «...цивилизация должна располагать значительными энергетическими резервами, чтоб иметь время для получения информации, которая откроет ей врата новой энергии». Человечеству нужен неисчерпаемый чистый источник энергии, не загрязняющий и не перегревающий планету. Ответ знали еще древние. Это — Солнце. Легенда об Икаре — символ безотчетного стремления человечества к Солнцу. Меньше, чем за час, оно посылает на Землю такое количество энергии, которое превышает годовые потребности планеты. Из глубины веков до нас дошло предание о том, как Архимед сфокусировал

зеркалами солнечный свет и ослепил римских воинов, а также поджег их корабли с помощью больших линз. Вот уже миллионы лет природа работает по принципу фокусировки солнечного света. Например, цветы лютика подставляют навстречу солнечному свету свои нежные лепестки и собирают его на завязях в центре цветка. Эта идея положена в основу современных солнечных электростанций. Множество зеркал ориентируется по Солнцу и концентрируют его лучи на вершине водяной башни. Образующийся пар вращает лопасти турбин. Солнечная энергетика набирает темпы. Такие электростанции строят сейчас во многих странах.

Базируясь только на Земле, солнечной энергетике не выбиться в лидеры. Мешает атмосферный зонтик над нашей планетой. А совсем рядом в межпланетном пространстве бесполезно для человечества пропадает энергия Солнца. Там нет восходов и закатов, нет облаков, нет атмосферы. «Что странного в идее воспользоваться этой энергией?» — писал К. Э. Циолковский.

Раскинув в космосе многокилометровые «плантации» солнечных батарей, можно снимать «урожай» в миллионы киловатт. С площади 50 квадратных километров «космический урожай» составит 5 миллионов киловатт. Больше, чем мощность Братской ГЭС! Солнечные батареи не единственный преобразователь энергии Солнца. Возможны на орбите и солнечные электростанции, работающие по принципу Архимеда. Одна такая космическая электростанция даст 10 миллионов киловатт. Братская и Красноярская ГЭС, вместе взятые!

Но как передавать электроэнергию на Землю? Не по проводам же! Ученые считают, что лучше всего это сделать при помощи радиоволн: как в линиях радиосвязи. Только передавать радиоволны будут не информацию, а энергию. Идея передачи энергии в электромагнитном поле была впервые высказана и развита нашим соотечественником Н. А. Умовым в 1874 году в своей докторской диссертации. Югослав Николай Тесла проверил это экспериментально. В 1899 году в Колорадо он построил радиостанцию мощностью 200 киловатт. На расстоянии 25 километров была обеспечена работа нескольких электролампочек и электромоторов.

Электрический радиомост протяженностью в десятки тысяч километров соединит солнечную электростанцию с Землей. Электрическая энергия будет преобразовываться в радиоволны и через антенну излучаться в сторону Земли. Земная антенна примет радиоволны и преобразует их в переменный или постоянный ток. Несколько сотен солнечных орбитальных энергофабрик достаточно, чтобы обеспечить энергетические потребности нашей планеты в 2000 году. От солнечных электростанций смогут заправляться энергией и космические корабли. Для этого доста-

точно раскрыть антенну вблизи прохождения энергетического радиолуча.

Разумеется, предстоит решить еще множество технических проблем прежде, чем можно будет приступить к созданию космических электростанций. Не помешает ли мощное радиоизлучение земной радиосвязи? Каково экологическое воздействие излучения? Вот мнение участника 28-го Международного астрономического конгресса, который состоялся в 1977 году в Праге, американского профессора О'Нейла: «Проект создания таких космических комплексов, конечно, еще нуждается в детальной проработке, решении ряда научно-технических задач. Но принципиальных препятствий к его осуществлению нет. И я думаю, что лет через тридцать-пятьдесят он станет реальностью».

ТУНГУССКОЕ ДИВО - ФАКТЫ И ФАНТАСТИКА

Нет нужды описывать, хотя бы и кратко, историю вопроса — таинственному Тунгусскому взрыву 1908 года посвящена огромная литература*. Гораздо важнее сегодня, на восьмом десятилетии после события, подвести некоторые итоги.

Итак, факты и прежде всего факты. Только на них и могут строиться правдоподобные гипотезы. Спекулятивные же домыслы, не имеющие отношения к действительным событиям и даже противоречащие им, мы оставим без внимания. Впрочем, и сама история уже произвела вполне естественный отбор — из десятков разнообразных предположений о причинах Тунгусского взрыва ныне остались и конкурируют лишь две по-настоящему научные гипотезы — «кометная» и «ядерная». Остальные оказались пустоцветами на ниве науки.

Почему же тунгусская проблема до сих пор не решена? Какие причины превратили ее в очень трудный «орешек» для исследователей? Ответ только один — Тунгусский взрыв 1908 года не удастся объяснить обычными, тривиальными причинами, хотя усердные попытки именно так решить проблему делались раньше и безуспешно продолжают теперь. Небывалое, быть может уникальное, стараются втиснуть в прокрустово ложе традиционных научных моделей: метеорит, шаровая молния, комета... Но каждый раз Тунгусское диво оказывается куда загадочнее, чем наши представления о нем.

Загадки начинаются уже с самого, казалось бы, простого вопроса — как двигалось Тунгусское тело в земной атмосфере? До 1965 года было общепризнано, что Тунгусское тело в облике яркого болида появилось к югу от транссибирской железнодорожной магистрали, где-то в районе города Канска (западнее Иркутска), и полетело на север по весьма пологой траектории. Об этом свидетельствовал еще в 30-х годах профессор

* См.: Кринов Е. Л. Тунгусский метеорит. Изд-во АН СССР, 1949; Зигель Ф. Ю. Жизнь в Космосе. Минск, 1966; Золотов А. В. Проблема Тунгусской катастрофы 1908 года. Минск, 1966; сб. Космическое вещество на Земле. Новосибирск, 1976, и др.

А. В. Вознесенский, директор Иркутской магнитной и метеорологической обсерватории. О том же говорили и писали другие очевидцы.

В 1965 году профессор И. С. Астапович опубликовал* результаты обработки многочисленных данных о полете Тунгусского тела и пришел к выводу, что оно летело почти точно с юга на север по прямой, соединяющей Иркутск и Вановару. В этом убеждали не только очевидцы. При полете тела в атмосферу возникает мощная баллистическая волна. Она рождает звуки и (при пологой траектории) вызывает даже легкие сотрясения почвы (так называемые гиперсеймы). Кроме того, трение летящего тела о воздух приводит к образованию электростатических зарядов, а их постепенное «рассасывание» в атмосфере наблюдатель воспринимает как потрескивание или шорох (так называемые электрофонные явления).

По всем данным (визуальным наблюдениям, звукам, гиперсеймам и электрофонным явлениям), как доказал И. С. Астапович, получается вывод — Тунгусское тело двигалось в атмосфере с юга на север.

Но в том же 1965 году окончательно выяснилось, что к месту катастрофы загадочное тело подлетело не с юга, а почти точно с востока! Об этом говорили многочисленные очевидцы, опрошенные в 60-е годы в районах, лежащих к востоку от селения Вановары — ближайшего к эпицентру взрыва населенного пункта. К такому же выводу привел и математический анализ вывала леса вокруг эпицентра. В этом вывале четко проявилась ось симметрии — проекция траектории Тунгусского тела на земную поверхность. Направления траекторий, полученные двумя способами (показания очевидцев и выводы специалистов, учававших вывал леса), отличались друг от друга не более чем на несколько градусов.

Таким образом, нас встречает неожиданная загадка: как могло Тунгусское тело иметь две разные траектории — «южную» и «восточную»?

Приверженцы традиционного мышления сразу же и без всяких доказательств объявили «южную» траекторию мифической. Они отказались от нее с такой же легкостью, с какой раньше принимали ее. Логика ясна: и метеорит, и ядро кометы, эти естественные космические тела, вторгаясь в земную атмосферу, летят в ней по баллистической траектории, в одном направлении, как артиллерийский снаряд. Признать, что Тунгусское тело совершило «маневр», резко, и по крайней мере дважды изменило направление полета, это значит допустить его искусственность, управляемость — вывод, большинству ученых до сих пор кажущийся абсурдным.

* Астапович А. С. К вопросу о траектории и орбите Тунгусской кометы. Сб.: Физика комет и метеоров. Киев, 1965, с. 105–112.

Не обошлось и без курьезов: чтобы спасти положение некоторых из скептиков, предположили, что в атмосферу Земли одновременно, но с разных сторон, влетели два метеорита, случайно столкнувшиеся в воздухе в районе Вановары! Ничтожнейшая вероятность такого события и выяснившиеся позже необычные характеристики Тунгусского взрыва начисто, разумеется, исключили эту «гипотезу».

В 1966 году, проанализировав весь материал по показаниям очевидцев, автор этих строк пришел к выводу, что Тунгусское тело над Вановарой не пролетало. Последний пункт «южной» траектории, где его видели, — село Кежма. Тут Тунгусское тело наблюдало высоко в небе и видели, как оно полетело на восток. Трудно сказать, где и как оно затем повернуло на запад, но над Преображенной Тунгусское тело двигалось уже не на восток (как в Кежме), а на запад. Во всяком случае, петля, описанная им в атмосфере (а может быть, за ее пределами?), достигала в длину многие сотни километров.

В 1979 году сибирские исследователи (группа профессора Н. В. Васильева) завершила составление Генерального каталога сообщений очевидцев Тунгусского дива. Его анализ не оставляет ни малейших сомнений в том, что объяснить эти сообщения одной траекторией нельзя. Получается ситуация «короткого одеяла»: то, что видели «восточные» наблюдатели, не могли (из-за расстояния и кривизны Земли) заметить «ожные», и наоборот. Да и описания того, что именно они видели, непохожи на одновременные наблюдения одного явления. Значит, был «маневр», детали которого, однако, пока еще не ясны. Детали, вероятно, выяснятся при обработке Генерального каталога.

Для познания причин Тунгусского взрыва важно знать, каков был наклон атмосферной траектории Тунгусского тела к плоскости горизонта. Неспециалисту это обстоятельство может показаться несущественным. На самом же деле оно решает многое. Чтобы убедиться в этом, постарайтесь внимательно разобратся в последующих рассуждениях.

О наклоне атмосферной траектории Тунгусского космического тела (ТКТ) можно судить по разным данным. Известно, например, что метеорит или кометное ядро, вторгшись в атмосферу, начинают светиться с высоты не больше 100 километров. Выше воздух слишком разрежен и впереди летящего космического тела еще не возникает «воздушная подушка» — сильно сжатый и светящийся сгусток воздуха.

Уточним — на высоте 100 километров и ниже возгораются только ночные болиды. Дневные болиды наблюдаются с гораздо меньших высот — свечение «воздушной подушки» днем видно хуже, чем ночью. Поэтому Тунгусское тело, вторгшееся в земную атмосферу ранним солнечным утром 30 июня 1908 года, могло быть впервые замечено лишь с высоты не больше 50–70 километров.

А теперь произведем несложные расчеты. Тунгусское тело наблюдалось в полете во многих селениях, расположенных на реке Лене (Олонцово, Требени, Кондрашино, Подволошино). Они отстоят от эпицентра катастрофы на 490 километров. По свидетельству очевидцев, полет «был высоким» (иначе они бы не заметили подробности в наблюдавшемся явлении). Будем считать, что угловая высота над горизонтом Тунгусского болида составляла для этих мест 45 градусов. Принимая высоту полета ТКТ равной 70 километрам (а она могла быть и ниже) и решая соответствующий прямоугольный треугольник, получаем, что наклон траектории к горизонту не превышал 8 градусов.

Такую же обработку наблюдений можно провести и для других районов к востоку от эпицентра. Результат аналогичен — наклон траектории не выходил за десять градусов.

Можно прийти к тем же выводам и другим путем. Многие наблюдатели к востоку от эпицентра видели пылевой след Тунгусского тела, слышали звуки, порожденные его полетом в атмосфере. Но и пылевые следы и звуки возникают лишь тогда, когда космическое тело снизится до 50 километров — выше такие эффекты не наблюдаются. Значит, и по этим данным, зная расстояние наблюдателя от эпицентра, легко вычислить наклон траектории. И снова 10 градусов оказываются тем верхним пределом, за который заведомо не выходил этот наклон. Кстати сказать, применяя ту же методику и для обработки «южных» наблюдений, мы получаем такой же вывод — Тунгусское тело всюду двигалось по очень пологой траектории с наклоном. 5—10 градусов.

Отсюда следуют важные выводы. Тунгусское тело обладало высокой механической прочностью, а стало быть, и значительной плотностью.

В самом деле — оно пролетело в нижних слоях атмосферы многие сотни километров со скоростью, во много раз превышающей скорость пули (начальная его скорость при влете в атмосферу не могла быть меньше 11 км/с). Сопротивление атмосферы при этом составляло на большем участке полета десятки и даже (ниже 15 километров) сотни килограммов на квадратный сантиметр.

Для сравнения укажем: пемза выдерживает предельную статическую нагрузку в 20 кг/см², кирпич — 60 кг/см². Подчеркнем, что речь идет о статических «спокойных» нагрузках. При динамических же нагрузках сопротивляемость разрушению падает в два-три раза. Значит, Тунгусское тело было гораздо прочнее (и плотнее!) кирпича.

Легко оценить минимальную плотность ТКТ, считая, что в конце полета непосредственно перед взрывом оно имело скорость около 2 км/с — при меньшей скорости «воздушная подушка» попросту не светится. В тот момент давление на тело со-

ставляло 78 кг/см^2 , а значит, плотность тела была не меньше 2 г/см^3 .

Уже по этой причине (не говоря о других) Тунгусское космическое тело не могло быть ядром кометы — эти ядра представляют собой весьма рыхлые конгломераты «льдов» (воды, метана и аммиака) с примесью мелких твердых частиц и средней плотностью, заведомо меньшей 1 г/см^3 (по многим данным она близка к $0,1 \text{ г/см}^3$).

Тем более не годится для Тунгусского тела теоретическая модель огромной «снежинки» радиусом около 300 метров и плотностью менее $0,01 \text{ г/см}^3$. Такая «снежинка», по мнению некоторых ученых, влетела в атмосферу со скоростью сорок (!) километров в секунду, и, мгновенно распавшись, произвела Тунгусский взрыв.

Тут все нескладно. Во-первых, Тунгусское тело не сразу, «мгновенно» взорвалось, а пролетело в плотных слоях атмосферы многие сотни километров. Во-вторых, астрономам неизвестны тела с плотностью $0,01 \text{ г/см}^3$. И наконец, в-третьих, мифическая «снежинка» с такой плотностью не смогла бы пролететь в воздухе сотни километров. Убедиться в этом совсем нетрудно. Свежевыпавший пушистый снег имеет плотность $0,13 \text{ г/см}^3$. Возьмите комок такого снега и дуньте на него — комок мгновенно рассеется. А ведь гипотетическая «снежинка» должна быть в десять раз менее плотной, да и ураганный встречный поток воздуха ни в какое сравнение не идет с вашим дуновением. Это предположение никак не согласуется и с находкой киевских ученых — кристалликами алмазов.

Гипотеза о «снежинке» — еще один пример скороспелых умозрительных «гипотез», которые не желают считаться с фактами и потому остаются бесплодными.

Итак, Тунгусское тело приблизилось к месту своего взрыва по очень пологой траектории с наклоном не более 10 градусов. Взорвавшись в воздухе на высоте 5–7 километров, оно взрывной волной разметало радиально вековую тайгу на площади, равной площади Московской области. В радиальном вывале леса почти нет следов баллистической воздушной волны — той самой, которая образуется в воздухе при полете тела. А из этого факта следуют далеко идущие выводы.

Если бы при подлете к месту взрыва Тунгусское тело имело большую скорость (порядка 30–40 км/с), то при пологой траектории оно неизбежно произвело бы полосовой вывал леса, и такая полоса из поваленных деревьев виднелась бы на месте катастрофы. Но ее нет, а есть радиальный вывал, на который лишь слегка, чуть-чуть накладываются еле заметные, слабые следы баллистической волны. По этим трудноуловимым следам калининский исследователь А. В. Золотов подчитал, что конечная скорость Тунгусского тела непосредственно перед взрывом не превышала 1–2 км/с. Но тогда при такой скорости ки-

нетической энергии тела просто не хватит для взрыва мощностью 10^{24} эрг (порядка 40 МГТ), а именно таким и был Тунгусский взрыв.

Могут возразить: кинетическая энергия тела, как известно, зависит не только от его скорости, но и от его массы. Это верно. Но при плотности, характерной для известных небесных тел (примерно от 1 г/см^3 до 8 г/см^3) и «нужной» для взрыва массы, размеры Тунгусского тела получились бы столь огромными, что это противоречило бы наблюдавшимся фактам. Следовательно, остается сделать вывод, что Тунгусское тело взорвалось за счет своей внутренней энергии.

Что же взорвалось? Взрывы бывают разные. Например, механические. Под этим термином в астрономии понимают взрыв метеорита при его ударе о землю. При мгновенной остановке кинетическая энергия метеорита расходуется на разрушение кристаллической решетки твердого тела, в результате чего метеорит становится похожим на очень сильно сжатый газ. Такой газ мгновенно расширяется — а это и есть взрыв.

Подсчитано, что при скорости соударения в 4 км/с метеорит взрывается так же энергично, как равное ему по массе количество тринитротолуола. При увеличении скорости энергия взрыва быстро нарастает. Неудивительно, что после падения крупных метеоритов, затормозить которые атмосфера не в состоянии, на поверхности земли остаются воронки как от бомб — взрывные метеоритные кратеры.

В 1958 году окончательно выяснилось: Тунгусский метеорит на Землю не падал, механического взрыва не было.

Сходен с механическим и так называемый реологический взрыв. Он получается тогда, когда твердое тело со всех сторон подвергается весьма сильному сжатию. Оно разрушает кристаллическую решетку твердого тела, которое взрывается как и при механическом взрыве.

К сожалению, и это объяснение не годится. При полете в атмосфере тела испытывают давление со стороны воздуха лишь в лобовой своей части, а не со всех сторон. При таких условиях реологический взрыв невозможен.

Одно время была популярной идея «теплового взрыва». Предполагалось, что Тунгусский метеорит при трении о воздух так быстро прогрелся целиком, что его почти мгновенное испарение было равносильно «тепловому взрыву».

Пришлось, однако, оставить и такую гипотезу. Известно, что метеориты в полете прогреваются только снаружи на глубину в доли миллиметра. Внутренность же метеорита остается очень холодной — бывали случаи, когда упавший летом метеорит находили покрытым ледяной коркой. «Тепловых взрывов» не бывает ни у железных, ни у каменных метеоритов. Тем более они исключаются для ледяных ядер комет — их весьма малая теплопроводность общеизвестна.

Кстати заметить, перечисленные трудности и привели к созданию гипотезы о гигантской «снежинке» с плотностью $0,01 \text{ г/см}^3$. Такое тело при влете в атмосферу действительно бы распалось и испарилось почти мгновенно. Но, увы, как уже говорилось, такой «снежинки» не было.

Итак, внешние причины не могли вызвать взрыв Тунгусского тела. Взорвалось «что-то» внутри его.

Кое-кто из исследователей стал поговаривать о химических взрывах. Но эти разговоры быстро прекратились. Ни в метеоритах, ни в ядрах комет нет веществ и условий, при которых, могли бы возникнуть химические реакции с бурным энергосделением. А во-вторых, доля лучистой энергии Тунгусского взрыва от общей его энергии была очень большой (до 30 процентов), что невозможно при химических взрывах (для них эта доля составляет миллионные части процента).

Остается как будто одна возможность — ядерный взрыв. Вернее говоря, его три разновидности — атомный, термоядерный или аннигиляционный.

Первый вариант («как атомная бомба») сразу отпадает. В естественных условиях образование двух кусков чистого урана-235 с докритической массой с объединением их в критическую при влете в атмосферу настолько маловероятное событие, что возможностью его можно сразу пренебречь. К тому же и общая энергия взрыва и его следы скорее говорят в пользу второго, «термоядерного» варианта. Разумеется, и он (как и урановая бомба) предполагает участие «разумного конструктора». Перечислим аргументы в пользу «термояда».

Каждый тип взрыва имеет свой «почерк». Особенно четко проявляется он в микробарограммах, регистрирующих бегущие в атмосфере взрывные воздушные волны. Даже неспециалист, сравнив микробарограммы Тунгусского и ядерных взрывов, заметит их сходство. Кстати сказать, микробарограммы химических взрывов совсем на них не похожи.

Когда произошел Тунгусский взрыв, на Иркутской магнитной обсерватории зафиксировали возмущение (то есть изменение) магнитного поля Земли — так называемый геомагнитный эффект. Много десятилетий спустя оказалось, что сходные геомагнитные эффекты порождают и высотные ядерные взрывы. Вряд ли такое совпадение можно считать случайным.

Геомагнитные эффекты проявляются потому, что при ядерных взрывах возникают «жесткие» ионизирующие излучения, меняющие проводимость ионосферы. При механических, тепловых и химических взрывах ничего подобного не наблюдается. Но самым убедительным аргументом в пользу «термояда» была бы, пожалуй, остаточная радиоактивность и наличие соответствующих радиоизотопов в районе эпицентра.

Первые радиометрические измерения в районе Тунгусского взрыва были проведены еще два десятилетия назад. Постепен-

но выявилась следующая картина. В эпицентре есть в сравнении с фоном повышение суммарной радиоактивности (в 1,5—2 раза), что случайным совпадением объяснить трудно.

Как показали исследования А. В. Золотова и В. Н. Мехедова, в годовых кольцах деревьев из эпицентра, относящихся, к 1908 году, присутствует повышенное количество радиоактивных изотопов, в частности цезия-137, характерного для «термояда».

Известно, что при ядерных взрывах их продукты рассеиваются атмосферой и вместе с дождями выпадают в самых различных районах нашей планеты. Где бы ни произошел воздушный взрыв, спустя примерно год им будет заражена вся земная атмосфера. Неудивительно поэтому, что американские ученые У. Либби, К. Коуэн и другие в слоях 1908 года американских деревьев нашли повышенное содержание радиоактивного изотопа углерода C^{14} — далекие следы Тунгусского взрыва. Позже аналогичные результаты были получены академиком А. П. Виноградовым и другими советскими учеными.

Можно ли из сказанного сделать однозначный вывод, что Тунгусский взрыв был термоядерным? К сожалению, нет.

Некоторые радиоизотопы (скажем, углерод-14) образуются при всех типах ядерных взрывов. Дубненский физик В. Н. Мехедов полагал, что главным источником повышенной радиоактивности является радиоизотоп хлор-36. Если это так, то Тунгусский взрыв, возможно, был аннигиляционным. Подтверждением такого вывода явилось бы обнаружение радиоизотопов натрия-22, алюминия-38, кальция-41, никеля-59 и других. Их, однако, пока не нашли.

С другой стороны, стоит заметить, что и «аннигиляционная» гипотеза предполагает участие «разумного конструктора» — легко доказать, что любой естественный метеорит из антивещества, пролетая сквозь межпланетные облака газа и пыли, давно бы аннигилировал, испарился еще до встречи с Землей. Другое дело — топливо из «антивещества», хранящееся на борту космического корабля или зонда в какой-нибудь «магнитной бутылке».

Перебирая разные варианты механизма Тунгусского взрыва, мы пришли к выводу, что подходящими «кандидатами» могли бы быть только термоядерный или аннигиляционный взрывы. Уточню — «подходящими» из известных. А может быть, есть иные, неведомые современной науке, средства выделения энергии из вещества? Полностью отвергать такую возможность, пожалуй, не стоит хотя бы потому, что ряд черт Тунгусского взрыва остается уникальным или, как говорят, «ни на что не похожим».

Время от времени в печати появляются бодрые заявления о том, но Тунгусская проблема в основном решена (разумеется, в пользу «кометы») и что остается лишь уточнить детали.

На самом же деле, по мере углубления исследований и вовлечения в них новых научных сил, открываются такие неожиданные загадки, существование которых трудно было и подозревать. Так было раньше, так продолжается и теперь.

Например, резко усилившийся после 1908 года прирост растительности в районе эпицентра взрыва пытались объяснить экологическими причинами (озолением почвы после пожара, «просветлением» тайги и т. п.). Ничего из этого не вышло. Сегодня уже общепризнано, что действует какой-то стимулятор роста, природа которого пока неизвестна. Между прочим, в других местах, где проводили высотные ядерные взрывы, ничего похожего не наблюдается.

Свечение неба после катастрофы сторжача сначала считали самым убедительным доказательством «кометной гипотезы» (свечение — это солнечный свет, рассеиваемый частицами кометного хвоста). Однако факты и в этом случае говорят против «кометной» гипотезы. Хвосты комет имеют поверхностную яркость (а она не зависит от расстояния!), сравнимую с яркостью Млечного Пути, а потому вызвать необычные «белые ночи» они не могут. Частицы кометных хвостов (поперечник 0,1 микрона) оседали бы в атмосфере долгие годы — загадочное свечение прекратилось на третий день после Тунгусского взрыва. Это свечение, кстати сказать, наблюдалось и внутри конуса земной тени, а потому никак не могло быть пылью, освещенной солнцем. Кстати сказать, ни в Вановаре, ни в других районах, близких к эпицентру, никаких странных «белых ночей» вообще не было, хотя, казалось, именно здесь должна была «распылиться» самая плотная часть кометы — ее ядро и голова.

Справедливости ради отметим, что и для «ядерной гипотезы» загадочное свечение остается «крепким орешком». При высотных ядерных взрывах возникают искусственные «полярные сияния». Но они видны только в двух местах — в районе взрыва и в так называемой сопряженной геомагнитной точке, удаленной от места взрыва на многие тысячи километров. Для Тунгусского взрыва такой «сопряженной точкой» служит район вулкана Эребус в Антарктиде. Есть сведения, что там действительно видели необычное полярное сияние. Но почему тогда светилось ночное небо в Ташкенте, в Западной Европе (в частности, в Англии)? Снова перед нами нерешенная загадка.

Пример третий — термолюминесценция траппов. Некоторые изверженные породы, взятые из района эпицентра, при нагревании сильно светятся. Вызвано это, по-видимому, облучением жесткой радиацией во время Тунгусского взрыва. Многие важные детали явления остаются пока неясными.

Работами Г. Ф. Плеханова и его сотрудников уверенно выявлены мутационные изменения у сосен, растущих в районе эпицентра (повышенная частота треххвойных пучков). Оказалось также, что и некоторые муравьи из района взрыва выде-

ляются рядом морфологических особенностей от таких же муравьев, обитающих вдалеке от района катастрофы. И те и другие мутации можно объяснить лишь воздействием жесткой ионизирующей радиации, причем для таких мутаций доза облучения должна была быть очень высокой — до 15 000 рентген!

При ядерных взрывах жесткое рентгеновское и другие излучения поглощаются слоем воздуха толщиной примерно 1 метр. Значит, дойти с высоты пяти-семи километров до земли и вызвать мутации, термолюминесценцию траппов они явно не могли. Отсюда можно сделать вывод, что Тунгусский взрыв, возможно, не был ядерным, а так как мы исчерпали все сегодняшние варианты объяснений, остается прийти к скромному выводу, что механизм Тунгусского взрыва нам неизвестен, и не исключено, что в этом случае проявили себя принципиально новые физические явления.

Как тут не вспомнить поговорку известного русского астрофизика А. А. Белопольского: «Если гипотеза подтверждается, это приятно, а если не подтверждается — это интересно».

А теперь — о фантастике. Взрывы первых атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки возвестили о вступлении человечества в атомный век. Но только, по-видимому, у одного из участников войны, советского полковника Александра Петровича Казанцева первые атомные взрывы вызвали странную ассоциацию.

Было в них многое, напоминающее Тунгусский взрыв. Взметнувшееся ввысь ослепительное пламя, исполинское грибовидное облако, воздушная взрывная волна, сохранившая в эпицентре оголенные, но стоящие на корню деревья и вместе с тем разметавшая вокруг Тунгусскую тайгу — все это говорило о том, что взрыв Тунгусского тела произошел в воздухе, без удара о землю. Все получилось так, как если бы в 1908 году над Тунгусской тайгой взорвалась атомная бомба! Но естественным такой взрыв быть не мог — для этого требовалось слишком невероятное сочетание случайностей. Значит, взрыв был искусственным, и взорвался при неудачной попытке приземления чей-то корабль с чужой планеты.

Так родился «рассказ-гипотеза» фантаста Александра Казанцева «Взрыв», опубликованный журналом «Вокруг света» в первом номере за 1946 год.

Смелая, фантастическая идея оказалась на редкость плодотворной. Естественно, что поначалу она нашла немногих сторонников — среди последних был автор этих строк. Вместе с Александром Казанцевым в 1947 году в Московском планетарии мы поставили лекцию-инсценировку «Загадка Тунгусского метеорита». В ней в театрализованной форме пропагандировались идеи о гибели над Тунгусской тайгой космического корабля инопланетян.

Отсюда берут начало бесчисленные дискуссии вокруг Тунгусского дива, второй, послевоенный, период его изучения.

Проблема, казалось, окончательно решенная, неожиданно обернулась волнующей, потрясающей традиционное мышление загадкой. Фантастика оказалась близкой к действительности.

В 1958 году экспедиция Комитета по метеоритам АН СССР под руководством К. П. Флоренского была вынуждена признать, что взрыв Тунгусского тела на самом деле произошел в воздухе. Это усложнило проблему необычайно. Последующие двадцать лет прошли в детальных исследованиях следов Тунгусского взрыва. Здесь основная заслуга принадлежит сибирским исследователям (проф. Н. В. Васильеву, Г. Ф. Плеханову, В. К. Журавлеву, Д. В. Демину, В. Г. Фасту и многим другим), ныне объединенным в Комиссии по метеоритам и космической пыли СО АН СССР, а также небольшой группе калининских геофизиков, возглавляемых кандидатом физико-математических наук А. В. Золотовым. Сторонники «кометной» гипотезы старались любой ценой спасти идею об ординарном, обычном характере Тунгусского взрыва, якобы порожденного столкновением с Землей одного из хорошо известных науке тел — ледяного ядра кометы. «Ядерники», напротив, находили во вновь обнаруженных фактах все большее и большее сходство Тунгусского и ядерных взрывов.

Сегодня уже можно подвести некоторые итоги. Кое-кому они, вероятно, покажутся неожиданными: ошиблись и те и другие! Тунгусское тело не было ядром кометы — об этом подробно говорилось выше. Но взрыв над Тунгусской тайгой, по всей видимости, не был и гибелью космического корабля с термоядерным горючим. Мне, «ядернику», более тридцати лет отстаивающему гипотезу писателя-фантаста Александра Казанцева, ныне это стало очевидным. Нет, это не измена смелой фантастической идее, столь, казалось, блестяще подтверждаемой фактами. Просто Природа (какой раз!) оказалась сложнее, чем мы о ней думаем. Тунгусский взрыв породили не ядро кометы и не взорвавшийся в термоядерной катастрофе космический корабль, а Нечто Третье.

За тридцать три года я много выступал и в печати и устно против «кометной» гипотезы. Теперь приходится обратить оружие критики в сторону «ядерной» гипотезы в ее привычной форме.

Три десятилетия в бурной жизни земной цивилизации — немалый срок. Под натиском открытий, совершенных космическими аппаратами, окончательно рухнула гипотеза о марсианах и их «каналах». Среди планет, даже самых близких и считавшихся земноподобными, не нашлось ни одной, на самом деле хоть мало-мальски похожей на Землю. Трудно побороть в себе нынешнюю уверенность, что в солнечной системе, кроме Земли, нет других обитаемых космических тел. Значит, нет никаких оснований ждать визитов инопланетян с Марса или с Венеры, как мы с А. П. Казанцевым полагали когда-то.

Если кто-нибудь и посетил нас в 1908 году, то «визитер» прилетел издалека — с какой-нибудь другой планетной системы. Нет, я вовсе не противник тех, кто защищает реальность межзвездных перелетов. Но только такие перелеты совершаются не на примитивных космических кораблях с термоядерными двигателями. Ни атомные, ни термоядерные, ни аннигиляционно-фотонные двигатели не могут считаться подходящими для таких путешествий — уж очень и во всех смыслах неприемлемы сроки. Вот почему сегодня я уверен, что если в 1908 году над Тунгусской тайгой взорвался инопланетный зонд (а это мне и сегодня кажется вероятным), то летел он не на «термояде» или «аннигиляционном» двигателе, а использовал что-то иное, куда более эффективное.

Не верю я сегодня и в катастрофу космического корабля, так как у высокоразвитых цивилизаций надежность технических устройств должна быть очень высокой. И уж если случился взрыв зонда, то скорее всего такой взрыв был экспериментальным, сделанным с какой-то непонятной нам целью.

Конечно, тут я дал волю фантазии! Но Тунгусское тело почти наверняка было космическим телом, а значит, «концы» Тунгусского дива надо искать в космосе.

Словечко «почти» — это дань осторожности, которой нас научил многолетний опыт изучения Тунгусского взрыва. О том, что и впредь нас могут поджидать самые неожиданные открытия, говорит хотя бы следующий факт.

В 1978 году А. В. Золотов во время очередной летней экспедиции в Тунгусскую тайгу провел любопытные эксперименты с морским хронометром и кварцевыми часами. В эпицентре Тунгусского взрыва хронометр и кварцевые часы стали отставать на две секунды в сутки. По техническому паспорту суточное отклонение хода морского хронометра колеблется в пределах плюс-минус 26 сотых секунды. О стабильности хода кварцевых часов и говорить не приходится.

Отставание часов в эпицентре наблюдалось в течение десяти дней. При выходе из зоны Тунгусского взрыва нормальная работа измерителей времени полностью восстановилась. Подобные «хрональные эффекты» наблюдались и летом 1979 года.

По мнению А. В. Золотова виновником этих эффектов является особое остаточное биофизическое поле, наведенное взрывом 1908 года. В лабораторных условиях, как показал Золотов, именно это поле влияет на ход хронометра и кварцевых часов. Ни гравитационное, ни электромагнитное поля такими свойствами не обладают.

Но отсюда А. В. Золотов делает вывод, что в 1908 году в районе эпицентра действовал какой-то мощный генератор биополя, которое, насколько нам известно, присуще только живым организмам и может быть лишь усилено приборами.

Новое поле... Разве это открытие может быть втиснуто в тес-

ные рамки «кометной», да и традиционной (назовем так) «ядерной» гипотезы?

На протяжении всей истории изучения Тунгусского дива исследователи старались отыскать вещественные его следы. Сначала искали крупные осколки, потом мелкие шарики, практически неотличимые от постоянно оседающих на Землю частиц космической пыли. Последнее время все чаще обращаются к тонким химическим анализам, надеясь найти в районе эпицентра какую-нибудь геохимическую аномалию.

Судя по работам Д. В. Демина и других ученых, такая аномалия есть. Но повышенную концентрацию в эпицентре дают элементы, не вяжущиеся никак с «кометной» гипотезой (редкоземельные элементы цинк, бром, натрий, калий, железо, свинец, золото и другие). В какой мере эти элементы соответствуют идее об экспериментальном взрыве инопланетного зонда, покажет лишь будущее.

Можно ли считать конструктивной фантастическую гипотезу о внеземном зонде, неизвестно «на чем» прилетевшем и неизвестно почему взорвавшемся? Думаю, что можно. Такая гипотеза открывает двери для любых возможностей. И она объясняет странный «маневр» Тунгусского тела в земной атмосфере — явный, по-видимому, признак его искусственности.

Ныне начался третий период в изучении Тунгусского взрыва. Произошла переоценка ценностей, отброшены устаревшие идеи и гипотезы. Но нужна фантазия, которую В. И. Ленин называл «качеством величайшей ценности». Не всякая, а та, которая не противоречит твердо установленным фактам, пытается их объяснить.

Космические корабли над Древним Римом

Принципиальная возможность связи космических цивилизаций с помощью автоматических зондов наукой признана давно. Ее разделяет, в частности, и сторонник идеи «уникальности» земной разумной жизни во вселенной член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский, о чем он пишет в 21-й главе 4-го издания своей книги «Вселенная, жизнь, разум», опубликованной в 1976 году одновременно со статьей об «уникальности» в «Вопросах философии» № 6, 1976.

По-видимому, вероятность засылки подобных зондов в наш «медвежий угол» Галактики не так уж мала, если поиск зондов ВЦ предусматривается в качестве одной из важных целей таким солидным документом, как «Программа исследований по проблеме связи с внеземными цивилизациями» АН СССР, Москва, 1974 г. В одном из разделов говорится буквально следующее: «Особое внимание следует уделить возможности обнаружения зондов ВЦ, находящихся в солнечной системе или даже на орбите вокруг Земли». Надежду поймать кибернетическую «Синюю птицу» космоса не теряют и энтузиасты. Так, швейцарское «Общество по изучению космических явлений» с помощью специальной стационарной станции, оснащенной радиоэлектронными датчиками и управляемой микро-ЭВМ, намеревается обнаруживать и изучать космические зонды. Очень серьезные цели возникают при ближайшем поиске внеземных цивилизаций средствами радиоэлектроники, который ведут энтузиасты научно-технического общества радиотехники, электроники и связи имени А. С. Попова.

Однако на сегодня в научной литературе еще ни один космический феномен не признан как проявление деятельности ВЦ в нашем мире. Современная эпоха — это лишь миг между прошлым и будущим. Краткость этого мига, пожалуй, слишком мала, чтобы именно на него пала счастливая случайность контакта «братьев по разуму». Поэтому в соответствии с материалистическим принципом историзма социальных явлений (а кон-

такт цивилизаций — это прежде всего явление социальное) естественно обратить свой взор в прошлое и изучить вопрос об инопланетных зондах в историческом аспекте. Иначе говоря, вопрос о возможном «проникновении» посланцев иных миров на Землю выступает как фундаментальная общенаучная проблема, и прежде всего как проблема палеоконтактов представителей ВЦ с земными жителями. Не затрагивая здесь философских и методологических вопросов поиска ВЦ на Земле, которые авторам уже обсуждались на Циолковских и Гагаринских чтениях, необходимо подчеркнуть главное: проблема палеоконтакта, очищенная от всевозможных наслоений, возникших на начальном этапе ее становления, приобретает статус нового научного направления.

По оценкам швейцарского библиографа Ульриха Допатки, автора опубликованного в 1979 году «Лексикона проастронавтики», над проблемой палеоконтакта ныне работают более двухсот исследователей во многих странах, формируя своеобразное течение в зарубежной литературе. Это течение, пожалуй, даже общественное явление, точнее всего можно охарактеризовать как палеокосмический утопизм. Весьма неоднородное по составу авторов — от любителей до профессиональных ученых, — оно питается идеями энтузиастов, откликнувшихся на призыв «Исследуйте вместе с нами», провозглашенный основателем международного «Общества Древних Астронавтов», крупным чикагским юристом Джином Филлипсом.

Среди тех, кто обращается к истории древнего мира с целью поиска научных доказательств палеоконтактов, пожалуй, наиболее интересен писатель и историк Раймонд Дрейк, автор серии книг, название которых начинается словами: «Боги — космонавты...» и заканчивается: «...в Древнем Востоке», «...на Древнем Западе», «...в Греции и Риме» и «...повсюду в истории». Он также автор книги «Посланцы со звезд», ряда статей и докладов. Прекрасно зная историческую литературу и оперируя несколькими сотнями источников, он демонстрирует серьезный научный подход к проблеме и предпринимает ее фактологическое обоснование. Изучая древние тексты, порой неизвестные в научных кругах, Дрейк делает как бы единый срез по «золотому веку» Вавилона, Тибета, Египта, Греции, Японии, других стран и на основании тщательно собранных им данных пытается решить дилемму: непостижимо высокие знания и представления древних о космической технике либо унаследованы от погибших высокоразвитых цивилизаций, либо получены из внешнего источника, то есть от обитателей иных миров. Те, кто слушал доклады Дрейка на конференциях по палеокосмонавтике, проводимых «Обществом Древних Астронавтов», утверждают, что они всегда представляют для аудитории наслаждение. Раймонд Дрейк полагает, что позиции гипотезы об инопланетных зондах могут быть существенно укреплены... трудами античных авторов. Вот

что он пишет в одной из статей, опубликованной в журнале «Флайн Соусер Ревю», перевод которой автору любезно предоставил Владимир Рубцов. Если бы в древней литературе удалось найти точные свидетельства посещения Земли инопланетянами, это обстоятельство решительным образом изменило бы наше понимание прошлого и заставило бы по-иному всмотреться в будущее.

Некогда вся мировая культура базировалась на вере в то, что наша планета является «центром вселенной», а человек — «любимым творением господним». Хотя науке и удалось развеять эти наивные представления, до сих пор не получено прямых доказательств существования внеземной жизни. Вот почему обнаружение следов посещения Земли инопланетянами стало бы одним из величайших открытий нашего времени. Одно из направлений поиска — литература древних. К сожалению, очень многие древние тексты дошли до нас в плохой сохранности, а большинство их вообще погибло. Была сожжена замечательная Александрийская библиотека, ранние христиане уничтожили огромное количество «языческих рукописей», в средние века инквизитор Хименес предал огню тысячи арабских манускриптов. Из ста сорока двух книг «Истории» Тита Ливия сохранились только 35. Римский историк Теренций Варрон собрал в своих трудах все известные в его время исторические сведения. Им написано 490 книг, но до нас дошли только две.

Между тем жрецы, тысячелетиями наблюдавшие за небом, неоднократно могли быть свидетелями интересных и в высшей, степени загадочных явлений.

Сто лет тому назад немецкий коммерсант Генрих Шлиман бросил вызов ученым профессорам, и, руководствуясь текстом «Илиады», открыл Трою. Можем ли мы, спрашивает Дрейк, надеяться подобным образом теперь отыскать в классической литературе упоминания о появлении в небесах древности чужих космических кораблей? И станут ли эти страницы ключом к решению проблемы палеоконтакта?

Выдержки из трудов пятидесяти античных писателей позволили Раймонду Дрейку нарисовать интересную картину. В соответствии с древней традицией боги рассматривались как высшие существа, живущие в областях, недостижимых для людей и иногда спускающиеся на Землю, чтобы с какими-то высшими целями вмешиваться в человеческие дела. Гомер и Вергилий описывали участие богов в осаде Трои. Диоген Лаэртский и Овидий живописали их любовные похождения, Гесиод и Аполлодор — войну между богами и титанами. Дрейк говорит лишь об античных источниках, хотя можно привести аналогичные выдержки из рукописей древних майя, в которых повествуется о борьбе богов на Земле. Историки рассматривают древних богов как олицетворение сил природы, но возможно, современный Шлиман интерпретировал бы эти образы иначе, а именно,

как отголоски сведений о космических пришельцах. Берос писал о божественных династиях, правивших за 432 тысячи лет... до потопа; Манефон — о богах, царствовавших в Египте. Ханхониатон упоминает о... воздушных боях, которые вели боги над Финикией. Овидий и Варрон рассказывают, что в Золотом веке в Италии правил Сатурн. Все это наводит на мысль о космических существах.

Фукидид, Ксенофонт, Тацит и Цезарь были, подобно нашим современным историкам, погружены в вопросы войны и политики, чтобы обращать серьезное внимание на странные небесные объекты. Но уже Ливий и Плутарх упоминают о необычной «комете», появившейся в небе во время победы греческого флота над персидским у Саламина. По «небесным знакам» римляне пытались предсказать будущее. Юлий Обсэквенс описал 63 странных небесных феномена, Ливий — 30, Плиний Старший — 26, Дио Кассий — 14, Цицерон — 9. Вот характерная для подобных случаев выдержка из трактата Цицерона «О предсказаниях» (книга I, глава 53). «Но я возвращаюсь к предсказаниям римлян. Сколь часто наш сенат консультировался с книгами Сивиллы! Например, когда были в небе замечены языки огня; или в том случае, когда ночью появлялось Солнце, когда с неба слышался шум, и когда сами небеса казались разверзшимися и странные шары появлялись в них».

В 1552 году н. э. Ликосфенес собрал сведения о 59 древнеримских «знамениях». Вот некоторые из небесных феноменов в хронологическом порядке.

222 год до н. э. «Когда Гней Домиций и Гай Фанний были консулами, в небе появились сразу три Луны» (Плиний. Естественная история, кн. II, гл. 23).

218 год до н. э. «В области Амитерно много раз появлялись неизвестные люди в белых одеяниях. В Празнесте — пылающие лампы с небес. В Арпи — щит в небе. Луна боролась с Солнцем, и среди ночи появились две Луны. В небе были видны призрачные корабли» (Ливий. История, кн. 21, гл. 61 и кн. 22, гл. 1).

214 год до н. э. «В Адрии в небе появился алтарь и нечто, напоминавшее фигуру человека около него» (Ливий, кн. 21, гл. 62).

213 год до н. э. «В Ариминиуме и в других частях Италии ночью вспыхивал свет, подобный дневному, а также были видны сразу три Луны». (Дио Кассий. Римская история, т. II, кн. 46).

175 год до н. э. «Три Солнца сияли одновременно. Ночью несколько звезд пересекали небо над Ланувием» (Обсэквенс, гл. 42).

91 год до н. э. «Около Сполетиума с неба скатился огненный шар золотого цвета, все время увеличивающийся в разме-

рах. Затем он, набирая высоту, двинулся к востоку. По величине шар был больше Солнца» (Обсэквенс, гл. 145).

66 год до н. э. «В консульство Гнея Октавия и Гая Светония была замечена падающая со звезды искра. При падении она возрастала в размерах и, достигнув величины Луны, рассеялась во что-то вроде светлого облака, а затем, превратившись в факел, вернулась на небо. Это единственная запись о подобном явлении. Оно наблюдалось проконсулом Силеном и его свитой...» (Плиний, кн. II, гл. 35).

Многие из авторов, на которых ссылается Дрейк, совершенно неизвестны, но среди сделанных ими описаний мы, конечно, узнаем ложные Солнце и Луну, миражи, метеоры и шаровые молнии. Но можем ли мы, однако, утверждать, спрашивает Дрейк, что все феномены объясняются так просто? Кроме античных авторов, подобные вещи описывались и средневековыми писателями. Обратившись к французским хроникам, мы найдем в них описания «летающих кораблей» и даже постановления королей Пипина Короткого и Людовика Доброго, грозящие наказанием тем, «кто путешествует на воздушных кораблях». Архиепископ Лионский Агобард писал в 840 году, что он видел в Лионе толпу, расправляющуюся с тремя мужчинами и одной женщиной, обвиненными в том, что они сошли с воздушного корабля, прибывшего из небесной страны Магонии. Анализ британских легенд и «Англо-Саксонской хроники» позволил Дрейку предположить, что сообщения о «пришельцах» характерны для древней Британии и Саксонской Англии. К сожалению, он не указывает источников. Логично поставить вопрос: не осталось ли, кроме письменных источников, каких-нибудь весомых, зримых улик «римского контакта»? Я допускаю, что такой вопрос вызовет если не гнев, то, по крайней мере, ироническую улыбку знатоков истории Древнего Рима. По многочисленным источникам, по результатам раскопок наука хорошо знает, что и как происходило в рабовладельческой Римской республике, а затем и в Римской империи, основанной в 27 году до новой эры Августом и просуществовавшей около пяти столетий. Какие там пришельцы? Это уж слишком!..

И все-таки, как это ни парадоксально, именно ко временам первого римского императора Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.) относится одна удивительная находка, сделанная в 1961 году итальянским профессором Жанфилиппо Кареттони. Во время археологических раскопок на римском Палатин-холме Ж. Кареттони открыл внушительных размеров панно, изображающее какую-то странную... ракетоподобную конструкцию на фоне современного сооружения. «Эта находка до сих пор не получила удовлетворительного объяснения, — писала газета «Лондон Ньюс». — Что именно хотел изобразить римский художник? Что это: игра воображения, отражение действительности или предвосхищение будущего? На этот вопрос, заданный



знакомым, чаще всего следовал ответ: ракета какая-то. Или наоборот: нет, это не ракета, хотя и похоже, это веретено, пирамидальный тополь, треножник или рисунок абстракциониста:

В стилистическом отношении панно Августа можно отнести к так называемому второму стилю римских росписей в технике мозаики или фрески. Для этого стиля было характерным создавать иллюзию исчезновения стены и расширения внутреннего пространства дома, как бы соединяя интерьер жилища с окружающей природой. На рубеже новой эры в римском декоре изображались фигуры людей и храмов в пейзаже, целые улицы, сцены охоты, мифологические сюжеты. Если по стилю это типичная для эпохи роспись, то в сюжетном отношении она совершенно уникальна. В римском декоре нет, по крайней мере, неизвестно ничего подобного. Более того, столь модернистское изображение, пожалуй, даже чуждо римской живописи.

Объясняется ли чистой случайностью тот факт, что странное изображение, вызывающее ракетно-космические ассоциации, обнаружено в доме первого римского императора? Можно ли допустить, что это зарисовка с натуры? Или воспоминание его августейшей особы о видении «богов», спустившихся с неба на космических кораблях? Интересно, какие суждения с подобострастием, с оттенком лести высказывали подданные основателя Римской империи об этой картине? Удастся ли найти в римских текстах ее описание современниками?

С точки зрения человека космической эры, это панно, действительно, словно раздвинув стену, переносит зрителя... на стартовую площадку. Что скажут по поводу этой находки специалисты в области космической техники?

Древнеримским изображением заинтересовался крупный инженер, один из создателей современных ракетно-космических систем. Он долго рассматривал фотографию, что-то измерял, затем сказал: «Интерпретируя эту вещь с современных позиций, можно сделать вывод, что перед нами ракета. Ракета средней дальности и небольшой мощности на пусковом столе. Да, это может быть действительно так, учитывая ограниченные возможности современного топлива. Если допустить другой, более эффективный источник энергии, то этот корабль большой дальности, может быть, межпланетный».

Я предложил сделать более детальный разбор конструкции, доказать, что это ракета,

«То, что это ракета, рисунок «говорит» всем своим видом, в целом напоминает ракетную систему. В ней можно видеть обтекаемый корпус ракеты, рельефно выделенный светотенью, и стартовый стол. Корпус, в свою очередь, состоит из двух частей. В современном варианте верхняя часть представляет собой бак для топлива, нижняя — двигатели. У стартового стола видна опорная тренога и горизонтальная поверхность стола. Если исходить из иной энергетики, как говорят, энергетики будущего,

то конструкцию придется трактовать иначе. Верхняя часть тела ракеты, по-видимому, будет жилым блоком, ее нижняя часть (на фото черное) — энергетический блок и двигателя, а то, что мы называем стартовым столом, приобретет функции стартово-посадочных опорных элементов».

«А могли бы вы, — спросил я, — оценить «коэффициент уверенности» ракетной трактовки в целом, если такая мера применима?»

«Я бы сказал, что этот коэффициент равен единице. Мне представляется, что здесь изображено то, что видели в натуре. А что касается «современного» здания, то это какой-то элемент всего комплекса. Если допустить, что это колоннада, то по закону перспективы, определив точку схождения, можно было бы предпринять попытку рассчитать абсолютные размеры ракеты, ракеты без кавычек».

Мне доводилось бывать в Риме. Маршрут туриста включал неперенный осмотр древних развалин, вел в Форум, в Колизей, на Пьяццо дель Фиоре, где был сожжен Джордано Бруно. Пьяццо дель Фиоре или Площадь Цветов. Ныне здесь — такова ирония, я бы сказал, гримаса судьбы — по воскресеньям устраивают рынок торгуют овощами... В отличие от Галилея, который уже владел возможностью экспериментально доказать научную истину, предложив своим противникам увидеть в телескоп и горы на Луне и фазы Венеры, Джордано Бруно не хватало именно экспериментальных, наблюдательных данных. Утверждая множественность обитаемых миров, Бруно не догадывался, что где-то здесь, в Риме, под пылью веков могут быть свидетельства одного из них. Если бы Бруно знал труды Юлия Обсэквенса, Ливия, Плиния Старшего, трактаты Цицерона, или хотя бы те сведения о древнеримских «знамениях», которые за полвека до его гибели собрал некто Ликосфенес, то как бы трактовал их? Мог ли его интеллект преодолеть традиции и попытаться расшифровать «знамения» физически, связать как-то их происхождение с одним из обитаемых миров? Зная такие факты, смог ли бы Бруно от книжного обоснования своей центральной идеи множественности обитаемых миров сделать, может быть, спасительный шаг к подтверждению интуитивной гуманистической идеи фактами, историческими свидетельствами соприкосновения миров?

Эти мысли пришли позже вместе с сожалением, что там, в Риме, нам не показывали этого удивительного панно, смысл и значение которого вряд ли еще поняли ученые и туристические компании. Если две тысячи лет назад римский художник «весомо, грубо, зримо» изобразил действительно космическую ракету, то... Впрочем, не будем превосходить события, а предоставим историкам, искусствоведам и инженерам возможность изучения феноменов прошлого, описанных в трудах античных авторов и изображенных римскими художниками.

...И летающие тарелки

«Недавно телезрители Генуи лицезрели некоего Фортунато Занфретти, по профессии ночного сторожа. Он предложил «оригинальную» теорию, объясняющую похищения людей в Италии, число которых особенно возросло в последнее время. Как считает Занфретти, во всем виноваты «маленькие зеленые человечки с другой планеты». В состоянии гипноза ночной сторож описывал перед телекамерами, как инопланетяне унесли его с поста и продержали у себя на космическом корабле несколько часов... Присутствовавший в телестудии психиатр заявил, что «его пациент не лжет, но это не значит, что все это с ним действительно произошло».

С этой распространенной в начале 1979 года АПН заметки началась моя беседа с Михаилом Тимофеевичем Дмитриевым, доктором химических наук, заведующим лабораторией физико-химических и радиологических исследований Института общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина АМН СССР.

Михаил Тимофеевич, как мне известно, в сфере ваших научных интересов оказались и Петрозаводский феномен и пресловутые «летающие тарелки». Так что вам, вероятно, есть что сказать о «космическом корабле маленьких зеленых человечков».

— Вернее, о «летающих тарелках». При изучении физико-химических процессов в атмосфере, проблем защиты ее от загрязнения мне пришлось столкнуться и с этими явлениями. Необычными, любопытными, впечатляющими, но не самыми важными из проблем, которые ставит перед человеком газовая оболочка Земли. Поэтому сначала коротко расскажу о них.

Главное — сбросить воздух, который необходим нам и потомкам как воздух — любое сравнение неуместно. Нам хватает несколько сот граммов пищи и килограмма воды в сутки. А воздуха нужно 25 килограммов. Без воды можно жить дни, без пищи — два месяца, без воздуха — минуты. Его чистота — за-

лог здоровья природы и человека. Она влияет на условия жизни, работы, отдыха, на заболеваемость и смертность. Во имя собственного блага человек должен научиться управлять составом атмосферы.

— Возможна ли такая постановка вопроса, когда читаешь, как от распыляемого на полях Северной Америки ДДТ болеют и мрут пингвины в Антарктике? Когда, например, по прогнозам некоторых зарубежных ученых, со временем в атмосфере скопится столько выбрасываемого предприятиями углекислого газа, что приносимое солнечными лучами тепло уже не сможет в прежнем количестве возвращаться в космос? На Земле будет все жарче и жарче. Растают ледники, океан хлынет на сушу...

— Много углекислого газа в атмосфере накопится не скоро. До таяния ледников, я уверен, дело не дойдет. Технология промышленности совершенствуется. Тепловые электростанции выбрасывают углекислый газ, атомные — нет. Я уж не говорю об использовании термоядерной энергии. Технический прогресс теснит природу. Но он же поможет ей быть с человеком в гармонии.

Панические прогнозы достаточно характерны для ученых капиталистических стран. В заголовках тамошней прессы назойливо варьируется мысль: ради своих удобств человек готов уничтожить Землю. Так, пишут, что к двухтысячному году исчезнет озоносфера и жизнь погибнет. Пессимизм навеян безудержной погоней за прибылями. Например, употребление ДДТ теперь запрещено и у нас в стране, и в США. Но там его по-прежнему выпускают и в гигантских количествах продают развивающимся странам — в Латинскую Америку, Африку. Атмосфера едина, беречь ее надо сообща. Необходимо международное сотрудничество, шаги в этом направлении делаются.

— Остановитесь, пожалуйста, на двух актуальных сейчас проблемах защиты атмосферы подробнее. На сохранении озоносферы; ее присутствия мы даже не замечаем, хотя, исчезни она, погибли бы. На борьбе с выхлопными газами автомобилей, которые у всех на глазах и не только не собираются исчезать, но, наоборот, все больше заполняют планету.

— Если атмосферу сжать, доведя давление до нормальных околосредних 760 миллиметров ртутного столба, получится газовый слой высотой около 10 метров. Как видите, и воздуха у Земли не так уж много. А озона совсем мало. Из 10 метров на его долю приходится лишь 3 миллиметра. Но в природе эти 3 миллиметра газа в разреженном состоянии занимают наибольшую часть атмосферы на высоте от 15 до 70 километров. Это и есть озоносфера, уникальный фильтр, задерживающий губительное для всего живого коротковолновое ультрафиолетовое излучение Солнца. Достигни оно Земли, сначала погибла бы наземная растительность. Затем наступила бы очередь фауны.

— Реальна ли опасность?

— Озон очень неустойчив. Окислы азота и некоторые другие выбрасываемые сверхзвуковыми самолетами и ракетами вещества даже в малых количествах могут играть роль ускорителей (катализаторов) разложения озона или замедлителей (ингибиторов) его образования. Причем уничтожается озон быстро — реакция может идти со скоростью взрыва.

Опасность есть. Оснований для паники нет. Просто приходит пора установить определенные трассы, регулировать интенсивность полетов подобно тому, как это делается с автомобильным движением. Мы разработали показатели предельно допустимых концентраций (ПДК) загрязняющих озоносферу веществ. Если не превышать их, часть веществ выпадет обратно на Землю, не успев принести вреда. А незначительный, допустимый ущерб будет восполняться, как это и сейчас происходит, под воздействием солнечных лучей.

— Значит, мнение, что следует отказаться от сверхзвуковой авиации...

— Мягко говоря, не обосновано. Да и не только в авиации дело. Вот вы, например, могли бы сейчас отказаться от домашнего холодильника? Нет! А между тем холодильники работают на фреоне. Рано или поздно они ломаются, фреон улетучивается. В стратосфере же он под действием солнечных лучей выделяет хлор — мощный катализатор разложения озона. Больше того, фреон широко применяется как распылитель для бытовых, аэрозолей. Конечно, со временем замена ему будет найдена. И в то же время в некоторых случаях он так же, как и другие опасные для озоносферы вещества, останется необходим человеку. Не об отказе речь, а о целенаправленном, с соблюдением предосторожностей использовании.

— Теперь, пожалуйста, об автомобилях.

— Это величайшее достижение техники. Отказываться от него, как призывают отдельные горячие головы, безумие. А вот всемерно улучшать, пока не появится электромобиль, необходимо. Нужны своего рода локальные очистные устройства — нейтрализаторы выхлопных газов. Их токсичность снижают и специальные присадки к бензину, газовое топливо.

Обдуманнее пользоваться автомобилем мы можем (и должны!) уже сейчас. Нашим институтом разработаны гигиенические рекомендации по организации автомобильного движения, утвержденные Министерством здравоохранения СССР. Снижают загрязнение воздуха скоростные трассы, транспортные развязки и тоннели, озеленение. Но на некоторых городских улицах надо ограничивать движение. Неплохо вспомнить и о моторных лодках. Пора разобраться, где им можно плавать свободно, где — с ограничениями, а где и вовсе нельзя. Чтобы сберечь не только воду, но и живой природный воздух.

— Живительный, потому что чистый!

— Не только. Свежий природный воздух и впрямь обладает

целебными свойствами. В нем много благоприятно действующих на организм ионов озона, радикалов, свободных атомов... Хороший воздух даже на вид отличается от плохого. Он светится.

— Что-то не видно. А форточка настежь.

— Действительно, мы не замечаем. Однако чувствительные приборы, как я убедился еще лет двадцать назад, регистрируют довольно сильное оптическое излучение свежего воздуха.

За двадцать лет поставлено много опытов. И теперь я, например, знаю, что светится только свежий воздух, а выдыхаемый людьми, взятый из закрытых помещений, шахт и пещер — нет. Особенно велико излучение воздуха лесов, сельской местности. Поменьше — морского, затем идет городской.

Причина свечения — хемилуминесценция — явление, хорошо известное ученым, используемое, например, в приборах для определения состава газов. В воздухе идут химические реакции с выделением света. Электрические разряды, нагрев, ионизирующее и ультрафиолетовое облучение, загрязнение атмосферы могут усилить этот эффект во много раз. И тогда в ней разгорается уже заметное глазу холодное пламя.

— Кажется, мы уже приблизились к разговору о «летающих тарелках». Настало время вернуться к началу беседы.

— Только давайте договоримся о тонкостях употребления названия «летающие тарелки» и более расширительного — «Неопознанные летающие объекты», НЛО. Оба они благодаря сторонникам уфологии (псевдонауки о пришельцах из космоса, от английского — НЛО) стали синонимами межзвездных кораблей инопланетян. И в разговорах и в художественной (преимущественно фантастической) литературе. На сцене одного из московских театров идет пьеса с коротким ироничным названием — «НЛО».

Серьезные ученые и популяризаторы стараются этих названий избегать. Мы же, наоборот, наряду с научными терминами будем прибегать и к ним, вкладывая совершенно иное содержание. Это поможет читателям избежать путаницы. Да, речь пойдет именно о НЛО и «летающих тарелках». Но представляют они собой нечто иное, нежели думают приверженцы уфологии. Больше того, разговор об этих явлениях целесообразно начать с древней как мир и столь же загадочной шаровой молнии.

— Загадочной?

— Наука движется по разным направлениям с разным успехом. О шаровой молнии мы знаем сейчас немного больше, чем сто лет назад. Она будоражит не только умы физиков-теоретиков, но и практиков. Ее расшифровка так обогатила бы технику! Я уж не говорю о том, что прежде, чем мы приручим огненного зверя, надо научиться бороться с ним. С обычной и надежной в других случаях системой молниезащиты он не считается.

Что делать экипажу самолета при встрече с этим сгустком энергии? Как защитить от него танкер или склад нефтепродуктов, взрывоопасное химическое производство?

Исчерпывающего ответа еще нет, хотя многие аспекты необычного явления достаточно изучены. Ведь не такое уж оно и редкое: расчеты показывают, что в год на территории нашей страны бывает до ста тысяч шаровых молний. Но видят их, конечно, не так часто, а сообщают об этом еще реже, даже не подозревая, что, возможно, видели нечто очень ценное для науки. Ведь организовать наблюдение заранее с участием специалистов и применением специальной аппаратуры чрезвычайно трудно — попробуй-ка угадай, где появится огненный шар. К счастью для ученых (и несчастью для тех, кто с ним сталкивается), он оставляет физические следы своего присутствия, разрушения, ожоги. Сравнительно недавно мне пришлось заниматься исследованием подобных следов шаровой молнии, залетевшей в Архангельский собор Московского Кремля. «Правда» сообщала об этом происшествии.

А что теперь, после всего услышанного, вы скажете, если я заявлю, что шаровая молния — выдумка, ее вообще не существует?

— Слов нет!

— Между тем есть ученые (и у нас в стране тоже), которые так думают. Я изучаю шаровую молнию почти 25 лет. И знаю, что на посланную в специальный журнал статью о ней всегда могут прийти два прямо противоположных по смыслу ответа. Один — тема не представляет интереса (читай, избитая, банальная). Другой — бессмысленно печатать о явлении, которое не существует. Видимо, очень трудно смириться с тем, что оно трудноуловимо для наблюдения, не поддается разгадке.

— Еще в прошлом веке французский академик Франсуа Араго сетовал: что бы с нами было, если бы мы отрицали все, что не можем объяснить.

— Пусть эти слова послужат как бы эпитафией к нашему дальнейшему разговору о необычных явлениях в атмосфере. НЛО, «летающие тарелки», так же, как и шаровые молнии, конечно, существуют. Авиаторы не раз встречали их в воздухе (в том числе заслуженный штурман СССР Аккуратов — при полете над Северным Ледовитым океаном.) Я сам читал рапорты с описаниями светящихся шаров, сигар, чаще — дисков. Они испускали яркий, сравнимый по силе с лунным, а то и солнечным свет. Неподвижно висели в воздухе, удалялись или, наоборот, приближались к самолетам. Даже «сталкивались» с ними... Пожалуйста, возьмите глагол в кавычки. Потому что о столкновении самолета с зоной очень сильно ионизированного воздуха можно говорить скорее условно. Светящиеся же шары, сигары, диски и прочие НЛО — как раз такие зоны, а никакие не космические корабли инопланетян.

— Могли такие зоны приземляться на поверхность планеты?

— Безусловно. Так же, как и шаровые молнии, они наверняка падали на землю и воду, испарялись.

— И все же при изучении необычных явлений в атмосфере вы, возможно, сталкивались с какими-то фактами, говорящими в пользу существования инопланетных кораблей?

— Я разделяю точку зрения ученых, в принципе допускающих вероятность существования внеземных цивилизаций. Но, окажись они на самом деле, даже установить с нами связь на расстоянии им было бы очень непросто, не то что организовать перелет. Должен разочаровать сторонников версии посещения Земли «зелеными» и другими «человечками» — никаких оснований для нее нет. Утверждающие обратное авторы «лекций» на эту тему просто игнорируют имеющиеся в распоряжении ученых данные.

А они говорят, что ни одна из «летающих тарелок» не была зарегистрирована локаторами за пределами земной атмосферы. Иногда испускаемые ими беспорядочные радиосигналы излучают и безжизненные Юпитер, Сатурн, Уран. В то же время, несмотря на круглосуточные наблюдения за эфиром многочисленными радиостанциями, упорядоченные сигналы ни разу приняты не были. Английский ученый Я. Ридпас, недавно обобщивший итоги тридцатилетних исследований НЛО как космических кораблей инопланетян, справедливо замечает, что в это предположение можно лишь верить, как в бога; подкрепить его научными данными невозможно.

— Если же обратиться конкретно к светящимся газообразным шарам, сигарам и дискам...

— ...То окажется, что они стоят в ряду таких аномальных явлений, как шаровые молнии, Петрозаводский феномен, ангел-эхо.

— Ангел-эхо?

— Журналисты порою склонны к интригующим заголовкам, ученые — к интригующим названиям. Известный метод статистических испытаний называется «Монте-Карло», хотя, конечно, для игры в рулетку не годится. Представьте, что экран локатора показывает цель в ста метрах от наблюдателя, а глаза ее не видят. Вот вам и ангел-эхо, оно же радиолокационный призрак. Посланный сигнал отразился от небольшой, сантиметров десять в диаметре, ионизированной зоны. На сей раз — прозрачной, невидимой,

— Образно говоря, перед нами, по-видимому, целая вереница воздушных замков. Большие и совсем маленькие, светящиеся и невидимые. Сотворенные в мастерской природы с широким использованием эффекта хемилюминесценции.

— Любопытно, что такая вполне земная постановка вопроса не могла переубедить верящих в космических пришельцев. Све-

чение в атмосфере вызывают выхлопные газы прилетающих инопланетных кораблей, утверждали они. Пресса капиталистических стран буквально пестрела различными псевдонаучными публикациями на этот счет. США осуществили три дорогостоящих правительственных проекта для их проверки с привлечением частных компаний и большого числа ученых. Вывод оказался одинаков: говорить о внеземном происхождении «летающих тарелок» нет оснований.

— А как объяснить, что в последнее время, судя по сообщениям зарубежной прессы, их появление участилось? Не аргумент ли это в пользу версии с посещением инопланетян?

— Наоборот, перед нами свидетельство влияния человеческой цивилизации на атмосферу. По подсчетам уже упоминавшегося выше английского ученого Я. Ридпаса, в 90 процентах случаев за «летающие тарелки» принимают предметы как естественного, так и искусственного происхождения (метеориты, самолеты, спутники и т. п.). Вторых становится все больше. А главное — свечению воздуха способствует загрязнение атмосферы. Так, при появлении Петрозаводского феномена над городом в загрязненном выхлопными газами автомобилей воздушном пространстве яркость светящейся зоны несколько увеличилась. Некоторые из вызывающих хемилюминесценцию составов возникают в результате фотохимического смога: в огромном количестве выброшенные автомобилями в воздух вещества реагируют между собой и образуют новые. Чем чище атмосфера, тем меньше вероятность появления «летающих тарелок».

— Для меня такое земное объяснение звучит достаточно убедительно. Но согласитесь: одно дело, скажем, ежедневно работать с использующими принцип хемилюминесценции приборами где-нибудь на заводе, и другое — увидеть приближающийся светящийся диск с самолета или вспыхнувшую в утреннем небе над Петрозаводском огромную, исторгающую снопы лучей звезду. Большая психологическая разница.

— И сократить ее может заочное знакомство с зонами хемилюминесценции (ХЛ) на страницах прессы. Летчикам она особенно необходима. Страшна не встреча с зоной ХЛ, а неподготовленность к ней, могущая, особенно в свете рассказов о «гуманоидах», привести экипаж к панике и катастрофе. По просьбе читателей я выступил со статьей на эту тему в журнале «Авиация и космонавтика».

— Некоторые приведенные в ней сведения интересны и с чисто познавательной точки зрения. Давайте вкратце познакомим с ними наших читателей, по возможности не повторяя уже сказанного.

— С удовольствием. Зоны ХЛ возникают на высоте до 70 километров. Иногда неожиданно — например, при прорыве

в приземные слои атмосферы стратосферного озона. Кстати, во время свечения Петрозаводского феномена резко пахло озоном. Величина зон — от сантиметров до нескольких километров в диаметре. Обычная длительность существования — полчаса. Ночью они виднее, чем днем, когда из-за яркого солнца подчас и вовсе незаметны. Свет может пульсировать и в зависимости от вступающих в реакцию веществ быть разного цвета — синего, голубого, оранжевого и т. д. Так, в зоне ХЛ Петрозаводского феномена наблюдалась ярко-красная посредине и белая с краев промоина.

Между прочим, по окраске можно судить, насколько опасна для организма вызвавшая явление воздушная среда. Так, синяя и голубая указывают на преобладание озона и атомов кислорода, в значительных количествах более токсичных, чем дающие оранжевый и красный цвета окись и двуокись азота. Концентрация ионов и электронов в зонах ХЛ возрастает по сравнению с обычным воздухом в тысячи, миллионы раз. Резко повышается электрическая проводимость. Может возникнуть собственное весьма значительное электромагнитное излучение в миллиметровом, сантиметровом и дециметровом диапазонах. Инженеры, работавшие в вычислительных центрах в районе наблюдения Петрозаводского феномена, отметили в ту ночь крупные неполадки в работе ЭВМ, которые затем исчезли.

При очень высокой концентрации энергии веществ в зоне ХЛ они могут и взрываться, словно шаровые молнии, но, как показывают расчеты, вероятность и мощность таких взрывов невелики. Само по себе хемилюминесцентное свечение по спектру близко к солнечному. Оно безвредно. Однако зона ХЛ может нарушить связь, работу электронного и радиолокационного оборудования. Если экипаж дышит воздухом, поступающим снаружи, вместе с ним в самолет могут попасть и вредные для организма вещества. Их присутствие можно определить по появлению резкого, раздражающего запаха, а характер, как уже говорилось, по цвету свечения.

Задача летчика — избежать соприкосновения с зоной ХЛ, а если это не удалось, проявить самообладание и быть особенно внимательным, пока она не останется позади. Иначе возможен случай вроде того, какой произошел однажды с шестью американскими самолетами «Эвейнджер» над Атлантическим океаном. Они, по-видимому, оказались в малоинтенсивной зоне ХЛ, собственное свечение которой в тот яркий солнечный день было совсем незаметным. Проникшие в кабины вместе с наружным воздухом вредные вещества ввергли пилотов в наркотическое состояние, и те погибли. Кстати, наркотизация атмосферного воздуха может вызываться рядом причин. Известен, например, случай, когда один исследователь подвергся наркотическому действию воздушной среды, возникшей в результате ее радиоактивного облучения. Это стоило ученому жизни: он

перестал соблюдать технику безопасности и попал под мощное излучение.

— Пожалуйста, еще немного подробнее про случай с американскими летчиками.

— Военные пилоты не смогли вернуться из учебного полета. Они посадили не рассчитанные для этого самолеты на воду и утонули. А перед этим перестали замечать великолепно светившее солнце, им показалось, что облака и пространство под самолетом вдруг странно изменили цвет. Люди тренированные, они понимали, что происходит нечто необычное. Но не знали что и потому не смогли противостоять в общем-то не самой сложной ситуации.

— Как я понимаю, речь идет об одном из эпизодов, связанных с Бермудским треугольником?

— Да. Но я сознательно не упоминал его название — нечто подобное могло произойти в любой точке планеты. Даже скорее не над морем, а над сушей, где самолеты чаще летают. И суда гибнут или оказываются по неизвестным причинам оставленными неведомо куда исчезнувшими экипажами не только там.

Тема разговора — опасность, которую иногда могут представлять для человека необычные явления в атмосфере. Оттого, что в ней в результате человеческой деятельности продолжают накапливаться токсичные вещества, эти явления могут участиться. Виновниками собственного изумления можем оказаться мы сами. Что же до густо пересеченного морскими и авиационными линиями Бермудского треугольника, то тамошний климат отличается большой энергоемкостью метеорологических процессов. Значит, даже шаровые молнии, не говоря уже о других необычных атмосферных явлениях, должны здесь встречаться гораздо чаще. Такая молния вполне может, например, неожиданно и мгновенно погубить самолет или небольшое судно.

— Меня как журналиста не может не удивлять, что до беседы с вами я читал о природном характере необычных атмосферных явлений гораздо меньше, чем слышал разговоров о «летающих тарелках» инопланетян и т. п. Думаю, я не одинок. И что быть ближе к истине необходимо не только летчикам.

— На досуге поговорить об инопланетянах многим кажется более привлекательным, чем разбирать довольно сложные физико-химические процессы. В нашей печати, к счастью, прилетам инопланетян места нет, но и противоположная точка зрения редко высказывается. Некоторые центральные газеты коротко сообщили об уникальном по своим характеристикам Петрозаводском феномене в сентябре 1977 года. А в январе 1979-го люди расхватавали номер «Недели» со статьей «Что это там, на небе», где ему отводилось значительное место. Больше года читатели питались слухами и «лекциями», где эпизод в Петроза-

водске являлся одним из главных «доказательств» визита все тех же инопланетян. За это время мне так и не удалось опубликовать статью, где давалась научная оценка явления. Переделывал ее раз десять, положительными отзывами она обросла, как еж иглами. И все равно редакция популярного журнала не дала «добро» на острую тему.

Думаю, что дело здесь даже не в ней самой, а в некотором изъядне, наметившемся в подходе к публикациям на научные темы вообще. Попробую подтвердить это на примере публикаций о шаровых молниях, которые, как я уже говорил, одним кажутся явлением заурядным, а другим, наоборот, несуществующим. Казалось бы, здесь заложен элемент драматизации, делающий материал особенно привлекательным для читателя. И вот один очень уважаемый естественнонаучный популярный журнал несколько лет назад заказал было мне целую серию статей. Две из них опубликовали, дальше дело застопорилось. В редакции приняли решение ничего не печатать о шаровой молнии, пока на ее счет не будет общепризнанной теории.

А вдруг как эта теория лет пятсот еще не появится? Пятсот лет ждать? И наоборот: если не ждать, может, этот срок сократится?!

Прав доктор физико-математических наук В. Сафронов («Журналист» № 4): печатать гипотезы, а значит, и выносить на обсуждение нерешенные проблемы науки необходимо. Более того, надо стремиться делать это своевременно. Иначе неизбежны казусы вроде того, как получилось когда-то с Тунгусским метеоритом: советским ученым оставалось лишь оценивать гипотезы, опубликованные зарубежными исследователями. Между прочим, первые сообщения о том, что НЛО не космические корабли, а природная плазма и т. п., тоже появились из зарубежных источников.

Иногда в редакциях, как мне кажется, просто перестраховываются — вдруг читатели что-то не так поймут. Чем иначе могут объяснить, что в отечественной прессе мне практически не доводилось читать об ангел-эхо, радиолокационных призраках? Ведь это не просто любопытный природный феномен, сам факт его существования имеет в радиотехнике большое значение. Могу придумать лишь одно — редакционных работников смущало «несерьезное», отдающее мистикой название.

— Считаете ли вы, что для объяснения необычных явлений атмосферы потребуется совершить какие-либо новые фундаментальные открытия в науке?

— Думаю, удастся обойтись теми, что уже имеются. Надо только накопить побольше данных. Хорошо, если бы удалось, например, послать в зону ХЛ метеорологическую ракету и взять оттуда пробу воздуха. Очень важны и просто визуальные наблюдения. Не случайно член-корреспондент АН СССР В. Мигу-

лин и кандидат физико-математических наук Ю. Платов закончили свою статью в «Неделе» просьбой сообщать о подобных явлениях в Отделение общей физики и астрономии.

— Помнится, несколькими месяцами раньше вы обратились с аналогичной просьбой насчет шаровых молний к читателям «Комсомольской правды».

— Сорок строк непарели на четвертой странице помогли многим внести свой вклад в науку. Пришли сотни писем. Я очень благодарен добровольным помощникам науки. В условиях, когда предсказать, где, в какое время возникнет аномалия, почти невозможно, случайные наблюдения чрезвычайно ценны. Быть может, в разгадке еще не опознанных явлений атмосферы они сыграют решающую роль.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

- Олег Алексеев.* Рассвет на Непрядве 6
Владимир Михановский. Стрела и колос 34
Игорь Подколзин. Инспектор полиции 50
Юрий Медведев. Куда спешишь, муравей? 73
Михаил Пухов. Терминатор 117
Андрей Дмитрук. Скользящий по морю космоса 127
Альберт Валентинов. Разорвать цепь... 138
Ольга Ларионова. Солнце входит в знак Девы 145
Владимир Рыбин. Ошибка профессора Громова 157
Андрей Балабуха. Должник 172
Кир Булычев. Чичако в пустыне 186
Спартак Ахметов. Алмаз «Шах» 198
Леонид Панасенко. Покоряющий пространство 237
Александр Тесленко. Инкана 240
Александр Щербаков. Джентльмен с «Антареса» 249
Ион Мынэскуртэ. Завтра, когда мы встретимся 256
Геннадий Разумов. Находка 271
Геннадий Максимович. Связной 278

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

- Вячеслав Куприянов.* Лопата 284
Людмила Жукова. «О свежий дух березы!» 288
Сергей Могилевцев. Седьмое чувство 294
Владлен Юфряков. «Тихая» планета 300

ШКОЛА МАСТЕРОВ

- Александр Куприн.* Синяя звезда 312

МЕЧТА ПРОКЛАДЫВАЕТ ПУТЬ

- Валентина Комарова.* Гость 1920-го 326
Валерий Родиков. Будущее цивилизации и Солнце 330
Феликс Зигель. Тунгусское диво — факты и фантастика 335
Владимир Авинский. Космические корабли над Древним Римом 348
Михаил Шпагин. ...И летающие тарелки 356

Фантастика-80: Сборник /Сост.: А. Кузнецов,
Ф22 В. Шкирятов. — М.: Мол. гвардия, 1981. —
367 с., ил.
В пер.: 1 р. 60 к., 150000 экз.

Традиционный молодоговардейский сборник научно-фантастических
повестей, рассказов, очерков, статей советских авторов,

ББК 84(2)7
С62

70302—011
Ф 078(02)—81-----239—80 470000000

ИБ № 2242

ФАНТАСТИКА-80

Составители: *А. Кузнецов, В. Шкирятов*

Редактор *В. Фалеев*

Художник *Р. Авотин*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Т. Кулагина*

Корректоры *В. Авдеева, И. Тарасова, Г. Трибунская*

Сдано в набор 16.04.80. Подписано в печать 09.12.80. А13897.
Формат 60X90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литератур-
ная». Печать высокая. Условн. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 24,0.
Тираж 150 000 экз. (75 001 — 150 000 экз.) Цена 1 р. 60 к. Заказ 390.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.



1 р. 60 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ